

АКАДЕМИЯ УПРАВЛЕНИЯ
МВД РОССИИ

Сборник статей

ПРЕСТУПНОСТЬ. ОБЩЕСТВО. БЕЗОПАСНОСТЬ

Часть 2

**МОСКВА
2025**

Академия управления МВД России

ПРЕСТУПНОСТЬ. ОБЩЕСТВО. БЕЗОПАСНОСТЬ

Сборник статей

Часть 2

Москва
2025

УДК 351.741
ББК 67.52
П73

*Одобрено редакционно-издательским советом
Академии управления МВД России*

Рецензенты: *Безруков А. В.*, доктор юридических наук (Сибирский юридический институт МВД России); *Панфилов П. О.*, кандидат юридических наук (Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя).

Преступность. Общество. Безопасность: сборник статей / под ред. Л. Н. Боде, К. В. Муравьева, А. Л. Ситковского [и др.]. – Москва : Академия управления МВД России, 2025. – 386 с.

ISBN 978-5-908091-04-6

П73

Сборник сформирован по материалам международной научно-практической конференции «Совершенствование деятельности правоохранительных органов государств – участников СНГ по противодействию преступности» (к 5-летию создания Международной лаборатории социально-правовых исследований) в рамках международного форума «Преступность. Общество. Безопасность» (30–31 октября 2025 г.). В сборнике представлены статьи ученых, практиков, адъюнктов и слушателей.

Сборник представляет интерес для профессорско-преподавательского состава образовательных учреждений, научных и практических работников.

Статьи публикуются в авторской редакции.

УДК 351.741
ББК 67.52

ISBN 978-5-908091-04-6

© Академия управления МВД России, 2025

Содержание

РАЗДЕЛ 1. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Ситковский А. Л. Опыт организации и координации научных исследований на примере Международной научной лаборатории социально-правовых исследований при Ассоциации образовательных организаций МВД (Полиции) государств – участников СНГ. 8

Бааль Н. Б., Гончаров П. А. Современные идеологические основы воспитательной работы в органах внутренних дел Российской Федерации. 16

Бааль Н. Б., Ониани М. Г., Тришин А. М. Роль СМИ в деятельности служб по связям с общественностью по формированию позитивного имиджа органов внутренних дел. 25

Бунова И. И. Вызовы и угрозы для личных прав и свобод человека в период трансформации: уголовно-правовой аспект 34

Васильченко А. А., Лоскутов Д. Н. Демографическая безопасность и роль органов внутренних дел Российской Федерации в ее обеспечении 40

Габараев А. Ш. Проблемы прогнозирования в органах внутренних дел при разработке документов стратегического планирования: организационно-методический аспект. 52

Долина М. Ю. Особенности правового регулирования применения беспилотных воздушных судов сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации при обеспечении общественной безопасности 60

Ерофеева В. А. О некоторых вопросах организации работы по обеспечению профилактики правонарушений и преступлений несовершеннолетних 68

Игнатьев Н. О. Общественная безопасность в России: историко-теоретический аспект 73

Кириченко Ю. Н., Тарасенко А. А. Отдельные методы обеспечения общественной безопасности при угрозе атаки с применением беспилотных воздушных судов. 78

Костин С. Г. Актуальные вопросы взаимодействия полиции и общества в сфере охраны общественного порядка 83

Кофтина Ю. Н. Оценка современного состояния кадрового обеспечения МВД России	90
Мангасаров Р. А. Информационное обеспечение оперативно-розыскной деятельности подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел Российской Федерации	95
Митин В. С. Институт административного выдворения в контексте функционирования реестра контролируемых лиц: роль участковых уполномоченных полиции и перспективы оптимизации системы.	100
Латов Ю. В., Ситковский А. Л. Новейшие тренды социальной напряженности в России (по данным социологических опросов Института социологии ФНИСЦ РАН)	107
Панасенко В. Н. Зачатки уголовного права в библейских текстах: историко-правовой анализ.	117
Пинкевич Т. В. Планирование предупреждения преступлений, совершаемых с использованием цифровых технологий	122
Рашитханов Р. С. Противодействие преступлениям, совершаемым с использованием искусственного интеллекта	129
Смбатян А. М. Соотношение оперативно-розыскной деятельности и криминологии в борьбе с преступностью на основе законодательства Республики Армения.	138
Солдатов А. П. К вопросу об изменении ответственности родителей за неисполнение обязанностей по воспитанию детей .	142
Холостов К. М. Нейронечеткая классификация текущих ситуаций в целях поддержки принятия решений по обеспечению общественной безопасности и общественного порядка.	146

РАЗДЕЛ 2. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ (ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ) В НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЯХ

Антонова Е. Ю. Уголовно-правовые аспекты противодействия экстремистским преступлениям, совершаемым с использованием цифровых технологий в государствах – участниках СНГ. . .	157

Ахмадзода Г. Н. Вовлечение мигрантов в экстремистскую деятельность как система.	164
Галахов С. С. Некоторые основополагающие положения ислама, используемые в противодействии экстремизму и терроризму на территориях государств – участников СНГ (оперативно-розыскные вопросы).	170
Козыренко Р. Н., Беляев Н. Е. Об отдельных направлениях государственной политики Республики Беларусь в сфере противодействия распространению экстремистских материалов.	181
Кохан Р. Ю. К вопросу об ограничении «цифровых прав» как мере принуждения в отношении лиц, совершивших преступления, административные правонарушения экстремистской направленности	190
Поздняков А. Н. Радикальный ислам как угроза национальной безопасности и одно из направлений взаимодействия государств – участников СНГ в противодействии его распространению	198
Примаков А. Н., Свиридов Д. А. К вопросу о преступлениях экстремистской направленности по законодательству Республики Беларусь и Российской Федерации	204
Расулев У. Э. Предупреждение распространения экстремистских идей среди молодежи	214
Рахмаджонзода Р. Р. Совершенствование системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров в системе МВД Республики Таджикистан	220
Реутская Е. А. Юридикто-технические аспекты квалификации преступлений экстремистской направленности с учетом их общественной опасности	235
Сизова В. Н. Роль института уголовной ответственности юридических лиц в противодействии экстремизму	242
Ситковский А. Л. Виктимологические особенности профилактики информационных угроз неонацизма на территории СНГ	246
Шукенов Н. С. Предупреждение семейного насилия	254

РАЗДЕЛ 3. ОПТИМИЗАЦИЯ ДОСУДЕБНОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Алекперов Р. Р. о. О порядке применения заключения под стражу в Азербайджанской Республике, Республике Беларусь, Республике Казахстан и Российской Федерации: сравнительно-правовой анализ	259
Балашова А. А. Оптимизация стадии возбуждения уголовного дела	268
Бачила В. В., Шалухин В. В. Необходимость внедрения единой автоматизированной информационной системы Следственного комитета – ЕАИС СК	272
Бобоев У. Т. Особенности проведения неотложных следственных действий при раскрытии преступлений, связанных с опиоидами	280
Гаврилов Б. Я. Оптимизация досудебного производства: видение ученого и правоприменителя	284
Давыдовская М. В., Климова О. М. О некоторых вопросах правового регулирования порядка привлечения законного представителя к производству следственных действий, проводимых с участием несовершеннолетних	294
Диваев А. Б. Специально-юридическое уголовно- процессуальное воздействие: понятие и формы	297
Залескина А. Н. Использование биометрической идентификации лиц в раскрытии и расследовании преступлений	304
Зверев А. А. О связи предупреждения неправомерного оборота средств платежа и уровня защищенности персональных данных в условиях цифровизации	310
Кононов П. А., Юбко Ю. М. Теоретико-прикладные аспекты криминалистического обеспечения расследования преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств (на территории Республики Беларусь)	316
Кубасов И. А. Информационные технологии как эффективный инструмент противодействия преступности в условиях цифровой трансформации	329
Матанцев Д. А. Некоторые особенности расследования ятрогенных преступлений	335

Мещерякова Т. А. Обстоятельства, подлежащие доказыванию при расследовании преступлений с участием средств индивидуальной мобильности	343
Митин В. С. Совершенствование механизмов административного выдворения иностранных граждан в контексте изменений миграционного законодательства Российской Федерации	348
Сатдинов Л. В. Объективная истина – незыблемая фундаментальная ценность в отечественном уголовном судопроизводстве	356
Утегенов Н. А. Использование цифровых форм при проведении следственных действий	361
Хан В. В. Параметризация цифровых форм оптимизации досудебного уголовного производства	366
Якубук В. В. О вопросах применения оснований отказа в возбуждении уголовного дела при их конкуренции	375

Раздел 1. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Ситковский Андрей Леонидович,
кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника
научно-исследовательского центра,
Академия управления МВД России
E-mail: sitk-andrej@yandex.ru

Опыт организации и координации научных исследований на примере Международной научной лаборатории социально-правовых исследований при Ассоциации образовательных организаций МВД (Полиции) государств – участников СНГ

Аннотация

В статье приводится опыт деятельности Международной научной лаборатории социально-правовых исследований, созданной при Ассоциации образовательных организаций МВД (Полиции) государств – участников СНГ. Раскрываются задачи и тематические научные направления исследований.

Ключевые слова и словосочетания: координация научных исследований, криминологическое обеспечение, деятельность органов внутренних дел, образовательный процесс, научная деятельность, криминолог.

В целях дальнейшего расширения сотрудничества ведомственных образовательных организаций государств – участников Содружества Независимых Государств в области подготовки высококвалифицированных руководящих кадров для органов внутренних дел (полиции), решения общих проблем борьбы с преступностью, повышения ее результативности на основе внедрения в практическую деятельность современных научных разработок создана международная научная лаборатория социально-правовых исследований (далее – Лаборатория) при Ассоциации вузов МВД (Полиции) государств – участников СНГ.

Необходимость создания лаборатории обусловлена и тем, что научные исследования в образовательных учреждениях и подразделениях системы МВД стран Содружества проводились без учета, а

порой и при отсутствии необходимой информации о состоянии и планах научно – исследовательской деятельности в других государствах – участниках СНГ. В итоге основное внимание научных коллективов ведомственных учреждений МВД было сосредоточено только на исследованиях внутригосударственной правоохранительной проблематики.

В целях консолидации усилий по организации и координации научных исследований, проводимых Членами Ассоциации в 2020 году была создана Лаборатория.

В создании приняли участие руководители Образовательного комплекса полиции Республики Армения, Академии МВД Республики Беларусь, Могилевского института МВД Республики Беларусь, Алматинской академии МВД Республики Казахстан, Карагандинской академии МВД Республики Казахстан, Академии МВД Кыргызской Республики имени генерал-майора милиции Э. А. Алиева, Академии управления МВД России, Академии МВД Республики Таджикистан.

Основными задачами Лаборатории являются:
организация и проведение Членами Ассоциации фундаментальных и прикладных научных исследований в области теории и практики правоохранительной деятельности МВД (Полиции) государств – участников СНГ;

организация и проведение научно-представительских мероприятий;

внедрение результатов научных исследований в деятельность образовательных и научных организаций МВД (Полиции) государств – участников СНГ.

Основными тематическими направлениями научных исследований Лаборатории являются:

анализ криминогенных процессов и тенденций на территории государств – участников СНГ;

совершенствование стратегического партнерства МВД (Полиции) государств – участников СНГ в противодействии преступности;

совершенствование законодательства государств – участников СНГ в сфере противодействия преступности;

научное обеспечение взаимодействия МВД (Полиции) государств – участников СНГ в противодействии преступности.

Для реализации указанных задач и направлений Членами Лаборатории проводятся:

мониторинг правоприменительного процесса при реализации законодательства государств – участников СНГ в различных сферах общественной жизни, поиск путей и решений его оптимизации и повышения эффективности нормативного регулирования;

исследования социально-правовых и криминологических проблем;

международные конференции;

опубликование результатов научных исследований.

За период работы Лаборатории завершены фундаментальные научные исследования: «Совершенствование системы научного обеспечения деятельности органов внутренних дел», «Социальная напряженность и деятельность органов внутренних дел по обеспечению безопасности граждан и общественного порядка».

В 2024 году завершены фундаментальные научные исследования, посвященные психологической работе в органах внутренних дел с использованием цифровых технологий в условиях пандемии и транснациональным преступным сетям в государствах – участниках СНГ.

2025 год ознаменовал начало реализации новых научных проектов, проводимых в интересах правоохранительного сотрудничества образовательных организаций МВД (Полиции) государств – участников Содружества Независимых Государств.

Академия управления МВД России выступила с инициативой о проведении двух исследований.

Во-первых, это фундаментальная научно-исследовательской работа на тему «Совершенствование взаимодействия органов внутренних дел и граждан по обеспечению общественной безопасности в условиях современных вызовов (опыт Российской Федерации и Республики Таджикистан)».

Актуальность этого исследования обусловлена тем, что на территории стран СНГ вопросы повышения самостоятельности во внутренней и внешней политике имеют большое значение. Это связано с глобальным переходом от монополярного к многополярному миру. Такой переход предполагает интенсификацию институционального поиска во всех сферах, включая сферу взаимоотношений граждан с органами внутренних дел.

Органы внутренних дел выступают той частью государственного аппарата, которая наиболее близко и регулярно взаимодействует с гражданами, существенно влияя на формирование у них представлений о власти в целом. В то же время сотрудники органов внутренних дел повседневно нуждаются в хотя бы элементарной поддержке граждан, без которой они не могут результативно поддерживать общественный порядок.

Основной целью исследования выступает – совершенствование взаимодействия органов внутренних дел и граждан по обеспечению общественной безопасности в условиях современных вызовов.

В рамках исследовательских задач предстоит: проанализировать состояние правонарушительства в Российской Федерации и Республике Таджикистан; изучить правовые основы и формы взаимодействия органов внутренних дел и граждан в Российской Федерации и Республике Таджикистан; исследовать состояние взаимодействия органов внутренних дел и граждан в Российской Федерации и Республике Таджикистан; разработать алгоритмы взаимодействия сотрудников органов внутренних дел и граждан при обеспечении общественного порядка в Российской Федерации и Республике Таджикистан; подготовить предложения по совершенствованию организации взаимодействия органов внутренних дел и граждан в условиях современных внутренних и внешних вызовов.

В ходе исследования, которое будет проводиться в течение 3-х лет, планируется подготовить научные аналитические материалы, доклад и коллективную монографию.

Во-вторых, это также фундаментальное исследование на тему «Семейно-бытовое насилие: состояние, причины, предупреждение». Подчеркивая актуальность этой научной работы, необходимо отметить, что сегодня во всех странах постсоветского пространства, независимо от уровня их развития и качества жизни, имеет место домашнее насилие. По данным социологических опросов в большинстве стран СНГ больше половины респондентов выразили обеспокоенность проблемой домашнего насилия.

В средствах массовой информации стран Содружества в последние годы неоднократно сообщалось о значительном количестве тяжких преступлений, совершенных в семьях по отношению к близким родственникам – супругам, детям, родителям. При этом мотивация совершения противоправных действий различается, а общей чертой данных преступлений в отношении членов собственной семьи являются представления о допустимости таких деяний.

Особую значимость в таких условиях приобретает проблема эффективной профилактической деятельности этим явлениям. Весомая роль в этой работе, несомненно, отводится правоохранительным органам. Ведомственные нормативные правовые акты обязывают сотрудников полиции уделять особое внимание лицам, склонным к совершению бытовых преступлений и правонарушений, а также проведению с ними профилактических мероприятий.

Таким образом, в современный период особенно значимым становится научное осмысление причин и условий, способствующих совершению домашнего насилия, анализ теоретических, нормативных и правоприменительных аспектов, связанных с деятельностью по профилактике правонарушений в семейно-бытовой сфере, а также поиск решений для снижения уровня социальной напряженности в семейных отношениях и возможности предупреждения семейных конфликтов.

Примечательно и отрадно, что идею о проведении этого исследования поддержали ученые из Академии МВД Республики Беларусь, Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, Академии МВД Кыргызской Республики имени генерал-майора милиции Э. А. Алиева, Академии МВД Республики Таджикистан и Академии МВД Республики Узбекистан.

Целью исследования является повышение эффективности деятельности органов внутренних дел по предупреждению семейно-бытового насилия.

В качестве исследовательских задачи выступают: анализ состояния семейно-бытового насилия в Российской Федерации, Республике Беларусь, Республике Казахстан, Кыргызской Республике, Республике Таджикистан и Республике Узбекистан; оценка причин и условий, способствующих совершению семейно-бытового насилия; выявление виктимологических особенностей семейно-бытового насилия; подготовка предложений по совершенствованию деятельности органов внутренних дел, направленных на снижение уровня социальной напряженности в семейных отношениях и возможности предупреждения семейных конфликтов.

В течение 3-х летнего научного исследования будут подготовлены доклады, материалы и монография.

Кроме Академии управления МВД России с инициативой о проведении фундаментальных научных работ выступили коллеги по лаборатории из Республики Беларусь.

Так, по предложению Могилевского института МВД Республики Беларусь на 2025 год проводится исследование на тему «Сравнительный анализ законодательства Республики Беларусь и Российской Федерации о противодействии созданию экстремистского формирования либо участия в экстремистском формировании, а также распространению экстремистских материалов, а равно изготовлению, изданию, хранению или перевозке таких материалов в целях распространения».

В свою очередь исследование на тему «Оптимизация досудебного производства», предложенное Институтом повышения квалификации и переподготовки Следственного комитета Республики Беларусь и поддержанное Академией управления МВД России и Академией правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан.

В целом же подготовленная Лабораторией научная продукция эффективно внедряется в образовательный процесс, научную деятельность и воспитательный процесс в целях совершенствования подготовки научно-педагогических и научных кадров, профессионального обучения и дополнительного профессионального образования сотрудников органов внутренних дел:

используется в качестве рекомендуемой литературы образовательных программ, реализуемых Членами Ассоциации, при подготовке научных публикаций, научно-исследовательских работ, методических (практических) рекомендаций, в диссертационных исследованиях;

представляется в форме научных докладов на научно-представительских мероприятиях, а также мероприятиях общего характера.

Деятельность Лаборатории позволяет организовать целенаправленное и эффективное использование потенциала ведомственной науки в интересах межгосударственного сотрудничества, а также содействовать нормотворческой деятельности (в частности, гармонизации законодательства стран Содружества) в формате СНГ, согласовывать тематику наиболее актуальных направлений совместных научных исследований, в том числе координацию их проведения.

Бааль Наталья Борисовна,
кандидат политических наук,
профессор кафедры
теории и методологии
государственного управления,
Академия управления МВД России
nata-baal@mail.ru

Гончаров Павел Анатольевич,
начальник ОМВД России
по Лосиноостровскому району г. Москвы

Современные идеологические основы воспитательной работы в органах внутренних дел Российской Федерации

Аннотация

В статье анализируются современные идеологические основы воспитательной работы в системе МВД России, определяемые государственной политикой и вызовами времени. Рассматриваются ключевые концепты, нормативно-правовая база, цели, задачи и основные направления воспитательной деятельности, направленной на формирование высокопрофессионального, нравственно устойчивого и преданного служения Отечеству личного состава органов внутренних дел. Подчеркивается роль патриотизма, верности Конституции Российской Федерации, служебного долга, правовой культуры и традиций МВД России как стержневых элементов идеологии воспитания.

Ключевые слова и словосочетания: воспитательная работа, органы внутренних дел, МВД России, идеология, патриотизм, служебный долг, профессиональная этика, государственная политика, национальная безопасность, традиции.

Воспитательная работа в органах внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД) является неотъемлемой частью кадровой политики и важнейшим инструментом обеспечения эффективности выполнения служебных задач. В условиях сложной геополитической обстановки, трансформации общественных отношений и возрастания угроз национальной безопасности роль идеологически выверенного воспитания личного состава приобретает особую значимость. Современные идеологические основы этой работы формируются под влиянием государственной политики, национальных

интересов, общественных запросов и специфики правоохранительной деятельности.

Как и любой другой вид деятельности, связанный с правоохранительными органами, воспитательная работа имеет нормативную основу, базирующуюся на незаметном на первый взгляд, достаточно массивном комплексе документов, таких как:

1. Конституция Российской Федерации, определяющая такие высшие ценности государства как человек, его права и свободы, а также обязанность по их защите, ввиду чего является основой для формирования у сотрудников ОВД уважения к закону и конституционному строю (Пreamble, ст. 2, 4, 15 Конституции Российской Федерации).

2. Федеральные законы от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (далее – закон «О полиции»), от 30 ноября 2011 г.

№ 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации»,

от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», от 24 мая 1999 г. № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» и другие. Полагаем необходимым отметить, что закон «О полиции» прямо закрепляет принципы деятельности полиции, включая приоритет прав и свобод человека, законность, беспристрастность, открытость и публичность, что является ключевым идеологическим ориентиром. Таким образом, воспитательная работа должна обеспечивать неукоснительное следование обозначенным принципам (статьи 5 – 7 закона «О полиции»).

3. Указы Президента Российской Федерации, такие как Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (от 2 июля 2021 г. № 400), Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (от 14 ноября 2013 г. № Пр-2685), государственная программа «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» (поручение Президента Российской Федерации от 16 января 2020 г. № Пр-71), от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» и другие. Указанные документы являются основополагающими, определяя стратегические цели в сфере безопасности и идеологического воспитания в России.

4. Ведомственные документы МВД России: приказ МВД России от 27 августа 2024 г. № 500 «Об утверждении Положения о порядке организации морально-психологического

обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации», Кодекс этики и служебного поведения сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации¹, иные приказы и директивы МВД России, регламентирующие организацию воспитательной работы.

Можем подчеркнуть, что обозначенные нормативные правовые акты конкретизируют идеологические установки применительно именно к специфике службы в ОВД.

Рассматривая современное идеологическое воспитание в ОВД, следует сказать, что, по нашему мнению, оно концентрируется вокруг стержневых концептов, таких как государственность и патриотизм, верность Конституции Российской Федерации и закону, служение отечеству и служебный долг, приоритет прав и свобод человека и гражданина, профессиональная честь и достоинство, преемственность традиций МВД России, нетерпимость к экстремизму, социальная ответственность и здоровый образ жизни.

Схожие, импонирующие нам позиции по рассматриваемому вопросу, нашли отражение в работах таких членов научного сообщества, как А. В. Баранов [1, с. 24–29], В. Л. Васильев [2, с. 40–44], В. И. Кабанов [3, с. 215] и другие.

Для обоснования своей позиции постараемся кратко раскрыть, что мы понимаем под каждым из указанных концептов.

Так, государственность и патриотизм подразумевают под собой воспитание глубокой преданности Российской Федерации, ее национальным интересам, государственному суверенитету и территориальной целостности, а также формирование осознания личной ответственности за безопасность страны. Кроме того, патриотизм понимается как деятельная любовь к Родине, готовность к ее защите, уважение к ее истории, культуре и традициям [4].

С точки зрения верности Конституции Российской Федерации и закону воспитание заключается в развитии безусловного уважения и соблюдения Конституции Российской Федерации, федеральных законов, приказов руководства. Одним из ключевых факторов выступает формирование основанного на понимании верховенства права и недопустимости его нарушения, даже во имя «благих целей», правосознания, подчеркивая принцип «Закон суров, но это Закон».

Культивирование чувства профессионального и гражданского долга перед государством и обществом, с акцентом на миссию

¹ Утвержден приказом МВД России от 26 июня 2020 г. № 460.

полиции как защитника граждан, гаранта общественного порядка и борца с преступностью, выступает стержнем концепта служения Отчеству и служебного долга. Нельзя также оставить без внимания имеющее огромный вес в профессиональной деятельности сотрудников ОВД воспитание готовности к самопожертвованию во имя исполнения долга.

Несмотря на силовую природу ведомства, говоря о приоритете прав и свобод человека и гражданина, идеология подчеркивает, что защита жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина – высший смысл службы в полиции. Ввиду чего воспитанию уважительного отношения к людям, терпимости, корректности в общении требуется уделять особое внимание, тем более, когда в век информационных технологий и коммуникаций в сторонних средствах массовой коммуникации в основном публикуются информационные материалы, содержащие отрицательную практику правоохранительных органов в данном направлении.

В концепт профессиональной чести и достоинства мы закладываем формирование корпоративной идентичности, гордости за принадлежность к МВД России, чувства чести мундира. Таким образом, им охватывается работа с личным составом, ориентированная на воспитание нетерпимости к коррупции, злоупотреблению служебным положением, нарушениям служебной дисциплины и этики. В обозначенном контексте Кодекс профессиональной этики становится основным идеологическим документом повседневного поведения.

Такие используемые в воспитательной работе с сотрудниками ОВД методы, как активное использование исторического наследия органов внутренних дел, примеров героизма и самоотверженности сотрудников прошлых поколений, воспитание уважения к ветеранам службы характеризует концепт преемственности традиций ОВД (приказ МВД России от 24 декабря 2008 г. № 1145 «Об утверждении Положения об организации деятельности музеев и комнат истории органов внутренних дел Российской Федерации»).

Традиции рассматриваются как источник моральной силы и профессиональных ориентиров.

Отдельным элементом нами была выделена нетерпимость к экстремизму. В рассматриваемом контексте работу с личным составом возможно представить в виде воспитания уважения к многонациональному и многоконфессиональному составу российского общества, укрепления общероссийской гражданской идентичности, а также формирования активной позиции по противодействию

любым проявлениям экстремизма, терроризма, сепаратизма и ксенофобии [5].

Заключительный выделенный нами концепт: социальная ответственность и здоровый образ жизни. Он видится в необходимости поощрения социально-ответственного поведения сотрудников как в служебное, так и во внеслужебное время. Кроме того, в силу складывающегося образа сотрудника ОВД как примера во всем, не менее важное значение имеет и пропаганда здорового образа жизни, физической подготовки, негативного отношения к наркомании и алкоголизму.

Продолжая рассуждения по поставленному в данной статье вопросу, считаем необходимым отметить выделенные нами на основе анализа обозначенных выше научной литературы и нормативных правовых актов Российской Федерации цели и задачи воспитательной работы в контексте идеологии.

Главная цель воспитательной работы на современной идеологической основе нами видится в создании условий для формирования у личного состава ОВД устойчивой системы ценностных ориентаций, профессионально-важных качеств и моделей поведения, обеспечивающих безупречное выполнение служебных обязанностей, преданности Российской Федерации и закону, высокого уровня патриотизма и гражданственности, нравственной чистоты, правовой культуры и неприятия коррупции, психологической устойчивости и готовности к действиям в экстремальных условиях, а также сплоченности и верности традициям МВД России.

С учетом обозначенной цели основными задачами основанной на современной идеологии воспитательной работы в органах внутренних дел Российской Федерации являются:

- идеологическое просвещение и формирование государственного мировоззрения;
- патриотическое и правовое воспитание;
- нравственно-этическое и эстетическое воспитание;
- формирование антикоррупционного сознания;
- профилактика правонарушений и проступков среди личного состава;
- противодействие деструктивным идеологиям и информационным угрозам;
- укрепление служебной дисциплины и законности;
- сохранение и развитие традиций МВД России;
- формирование здорового образа жизни.

С учетом выделенных цели и задач, на основе аналитического обзора данной проблемы, мы выделяем те аспекты и положения,

которые в большей степени влияют на идеологические основы воспитательной работы в ОВД.

Как показывает история общественных отношений, становление многих государств сопровождалось поиском новых подходов к воспитанию нового поколения в духе любви к Родине и тех нравственных основ, на которых строится государственная и общественная жизнь. Идеология государства возникает в ответ на необходимость провозглашения системы ценностных смыслов, освоение которых личностью приводит общество к консолидации.

Таким образом, нами обозначаются следующие существующие и отмеченные нами как наиболее значимые основные направления реализации воспитательной работы, базирующейся на современной идеологии. Они заключаются в комплексе мероприятий по информационно-разъяснительной работе (например: лекции, семинары, беседы на темы государственной политики, истории России и МВД России, правовых основ службы, профессиональной этики и другие), связанных с патриотическими акциями и ритуалами (участие в парадах, возложение цветов к памятникам, встречи с ветеранами, присяга и другие), культурно-досуговой и спортивной деятельности (организация посещений музеев, театров, выставок, спортивных соревнований, творческих кружков, организация соревнований и семейных спортивных праздников).

Кроме того, не стоит оставлять без внимания работу с общественными и религиозными организациями (взаимодействие с традиционными конфессиями, ветеранскими и молодежными объединениями), индивидуальную воспитательную работу, которая в текущих реалиях в силу дефицита кадров и возрастающей нагрузки, несмотря на связанную с этим и растущую фактическую необходимость, становится все более формальной (профилактические беседы, наставничество, психологическая поддержка).

Не стоит также недооценивать использование символики и атрибутики МВД России, которые являются основой воспитания уважения к знакам различия, флагу МВД России, гимну, и систему поощрений и дисциплинарной практики, которая способна повлиять на закрепление позитивных идеологических моделей поведения и осуждение отклоняющегося поведения.

В контексте рассматриваемого вопроса полагаем возможным осветить нормативные правовые новеллы в данном направлении.

27 августа 2024 г. издан приказ МВД № 500 «Об утверждении Положения о порядке организации морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Российской Федерации» (зарегистрирован Минюстом России 20 сентября 2024

г., регистрационный № 79534) (далее – приказ МВД России № 500), основным назначением которого выступило обновление и систематизация нормативной базы в сфере морально-психологического обеспечения (далее – МПО) деятельности ОВД.

Ключевыми особенностями, на которых хотелось бы акцентировать внимание, выступают нормативное закрепление расширения перечня задач и направлений МПО в виде кризисного вмешательства и экстренной психологической помощи (включая работу в чрезвычайных ситуациях, после критических инцидентов, с травмированными сотрудниками и их семьями), профилактика деструктивного (суицидального, экстремистского) поведения, мониторинг социальных сетей и информационного пространства в контексте влияния на личный состав, развитие системы дистанционного психологического консультирования (телефоны доверия, онлайн-платформы), воспитание у личного состава ОВД традиционных российских духовно-нравственных ценностей [6].

В то же время указанным приказом предпринята попытка учесть современные реалии и угрозы. Так, затрагиваются вопросы в части особенностей психологического сопровождения и реабилитации сотрудников, готовящихся к несению службы в особых условиях, в том числе военного положения, или являющихся участниками специальной военной операции (далее – СВО), включая их семьи.

Как уже обозначалось выше, отдельным контекстом выделяется информационная безопасность и «цифровая гигиена», в частности, акцентировано уделяется внимание работе по противодействию негативному информационному воздействию на личный состав, формированию критического мышления и медиаграмотности. Предпринята попытка в направлении сопряженности кибербезопасности и психологии учесть психологические аспекты работы в условиях киберугроз и информационных атак.

В качестве выводов хотелось бы обозначить, что приказ МВД России № 500 довольно «свежий» и мало апробированный в правоприменительной практике нормативный правовой акт, в связи с чем детально и обоснованно выделить достоинства и недостатки данного документа в настоящее время не представляется возможным.

Вместе с тем приказ МВД России № 500 знаменует собой серьезную модернизацию системы морально-психологического обеспечения в МВД России, так как в нем создана стройная и детализированная система МПО, повышение эффективности которой предпринято за счет усиления профилактики, оперативного реагирования и интеграции психологической работы в управленческие

процессы, а также адаптации к современным вызовам в виде работы с участниками специальной военной операции и противодействию информационным угрозам.

Указанное «новое» Положение призвано обеспечить более высокий уровень психологической устойчивости, профессиональной надежности и морального духа личного состава ОВД в сложных современных условиях. Успех его реализации будет зависеть от ресурсного обеспечения (кадры психологов, финансирование, техника) и реального внедрения заложенных принципов на всех уровнях управления. Приказ МВД России № 500 направлен на создание более эффективной, гибкой и современной системы поддержки личного состава МВД России, что в конечном итоге должно способствовать повышению качества выполнения служебных задач и укреплению законности.

Анализ приказа МВД России № 500 позволяет сделать определенные выводы в части вызовов, с которыми сталкивается современная идеология воспитания в ОВД.

Так, можем выделить необходимость противостоять массовой дезинформации и попыткам дискредитации ОВД и государства в целом, а также вытекающие отсюда трудности в формировании единых ценностных ориентиров у сотрудников ОВД в условиях разнообразия мнений в обществе.

Дефицит квалифицированных кадров, приведший к сильному омоложению личного состава, приводит к наличию сотрудников с недостаточным уровнем правосознания, нравственной устойчивости или мотивации.

В заключение хотелось бы резюмировать, что современные идеологические основы воспитательной работы в ОВД представляют собой целостную систему, сформированную под влиянием государственной политики, национальных интересов и специфики правоохранительной деятельности. Их ядро составляют патриотизм, верность Конституции и закону, служение Отечеству, профессиональная честь и верность традициям МВД России.

Эти основы направлены на формирование сотрудника нового типа: высокопрофессионального, нравственно чистого, психологически устойчивого, преданного своей стране и готового защищать ее интересы и граждан в любых условиях. Успешная реализация данной идеологии является ключевым фактором обеспечения эффективной деятельности ОВД, укрепления их авторитета в обществе и, в конечном счете, гарантией стабильности и безопасности Российского государства.

Дальнейшее развитие воспитательной работы потребует постоянного совершенствования ее форм и методов, учета современных вызовов и тесной интеграции с оперативно-служебной деятельностью при неукоснительном соблюдении законности и приоритета прав человека.

Список литературы:

1. *Баранов А. В.* Патриотическое воспитание в системе МВД России: современные реалии и перспективы // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 3. С. 24–29.
2. *Васильев В. Л.* Правовое воспитание в органах внутренних дел // Административное право и процесс. 2020. № 5. С. 39–45.
3. *Кабанов В. И.* Профессиональное воспитание сотрудников органов внутренних дел: теория и практика. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2019. 215 с.
4. *Латчук В. Н.* Патриотическое воспитание сотрудников ОВД в современных условиях // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 5.
5. *Харченко А. А.* Воспитательная работа в органах внутренних дел: теория и практика. М., 2020.
6. *Буданов А. В.* Традиционные ценности как основа формирования профессионального сознания сотрудника полиции // Проблемы в российском законодательстве. 2023. № 2.

Бааль Наталья Борисовна,
кандидат политических наук,
профессор кафедры теории и методологии
государственного управления,
Академия управления МВД России
E-mail: nata-baal@mail.ru

Ониани Маиа Гивиевна,
старший научный сотрудник
отдела по исследованию
стратегических проблем управления
научно-исследовательского центра,
Академия управления МВД России
E-mail: moniani@mvd.ru

Тришин Алексей Михайлович,
начальник центра кинологической службы (ЦКС)
УМВД России по г/о Подольск
E-mail: batn81@yandex.ru

Роль СМИ в деятельности служб по связям с общественностью по формированию позитивного имиджа органов внутренних дел

Аннотация

В статье рассматриваются роль средств массовой информации в деятельности служб по связям с общественностью по формированию позитивного имиджа органов внутренних дел, а также эффективность работы службы по связям с общественностью в формировании имиджа органов внутренних дел, которая зависит от множества факторов, включая уровень профессионализма сотрудников, использование современных технологий и стратегий, способность к открытому и честному диалогу с обществом.

Ключевые слова и словосочетания: *средства массовой информации, служба по связям с общественностью, полиция, имидж, факторы, профессионализм, диалог, общественное мнение, ОВД, социальные институты.*

В настоящее время невозможно представить современное цивилизованное общество без средства массовой информации (далее –

СМИ), они играют основную роль в формировании отношения к гражданской позиции населения, ставя акценты на определенных событиях или игнорируя их, а также способствуют освещению деятельности различных государственных органов и ведомств. Благодаря своим возможностям убеждения и стремительному развитию телекоммуникационных технологий СМИ превратились в основной канал не только для распространения новостей, но и в инструмент для формирования репутации различных организаций, в том числе и государственных органов. Таким образом, пресс-служба органов внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД) играет роль связующего звена между населением, СМИ и силами правопорядка, формируя общественное доверие и поддержку со стороны граждан.

Необходимо отметить, что имидж – это не просто набор характеристик и ранговый статус, а общее представление, складывающееся из множества сообщений и данных, поступающих, в том числе, через медиаканалы. Выделяются три большие группы медийных источников формирования имиджа: печатные СМИ (газеты, журналы, печатная пресса), телевидение и радио (новостные программы, кино, документальные ленты) и интернет (официальные сайты, социальные сети, сообщества и подкасты).

Один из наиболее значимых ресурсов формирования общественного мнения – это социальные сети. В зависимости от специфики площадки целевая аудитория может быть представлена всеми возрастными категориями. Мониторинг содержания социальных сетей показывает наличие негативной информации о поведении сотрудников ОВД, что оказывает негативное воздействие на формирование имиджа правоохранительных структур в сознании граждан.

Существует множество групп в социальных сетях, которые своей целью ставят уничтожение имиджа полицейских. В таких группах публикуются отрицательные факты о деятельности правоохранительных органов о проявлениях ими превышения должностных полномочий, коррупционных деяний, жестокого обращения с гражданами, а также недостоверные материалы, порочащие честь и достоинство сотрудников полиции. Такие контенты формируют отрицательный имидж ОВД.

В погоне за высокими рейтингами различные медиа чаще публикуют негативную информацию, так как она обладает большим общественным резонансом.

Служба по связям с общественностью играет важнейшую роль во взаимодействии между ОВД и обществом в целом. Она занимается созданием и реализацией коммуникационных стратегий, целью которых является освещение работы полицейских структур, направ-

ленной служению общества, и предпринимаемых мер по обеспечению общественной безопасности и общественного порядка. Взаимодействие со СМИ является важнейшим элементом в этой работе, так как именно благодаря использованию имеющихся у них в наличии медиаканалов информацию можно донести до более широкой аудитории. От того, как предоставляется информация, будет зависеть, как она воспримется, положительно или отрицательно. При формировании сведений необходимо использовать актуальную и достоверную информацию, что позволит не только информировать население, но и создаст взаимопонимание и сотрудничество между правоохранительными органами и гражданами.

В процессе создания положительного имиджа органов внутренних дел служба по связям с общественностью активно задействует широкий спектр коммуникационных инструментов, таких как пресс-релизы, проведение интервью, организация пресс-конференций, использование социальных площадок в интернете и другие методы взаимодействия. Каждое из этих средств имеет свои особенности и может быть использовано в зависимости от конкретной ситуации и цели, которую ставит перед собой служба. Также нужно учитывать такие требования к публикуемым СМИ материалам как «рейтинг», «сенсационность», тираж и «востребованность».

Положительный имидж складывается из двух основных критериев: 1) фактической работы полиции; 2) медийного образа сотрудников ОВД. В связи с этим ключевой задачей, стоящей перед службой по связям с общественностью, является создание и поддержание позитивного отношения к сотрудникам органов внутренних дел и всего ведомства в целом в массовом сознании населения, формирования общественного доверия и поддержки сотрудников со стороны граждан. Это требует от сотрудников пресс-службы высокого профессионализма и мастерства при подаче материала под различные контенты и умения работать в условиях различных ситуаций. Важно, чтобы подаваемая ими информация была своевременной, точной и актуальной, так как необъективная информация может вызвать у общества недоверие к правоохранительным органам. При доведении информации до населения следует учитывать внутреннюю конкуренцию среди СМИ традиционных (газеты, радио, телевидение) и СМИ интернет-пространства, которые характеризуются оперативностью подачи информации, доступностью через различные мобильные гаджеты для широких слоев населения, что соответственно расширяет географию вещания.

Основными факторами, определяющими влияние СМИ на имидж органов внутренних дел, являются выбор журналистами тем

и фокусировка внимания в репортажах, а также обработка и трактовка информации. Например, если репортажи акцентируют внимание на успешных операциях полиции, героических поступках сотрудников, раскрытии резонансных преступлений и обеспечении правопорядка, то это создает позитивный имидж правоохранительных органов. Такая информация помогает увидеть гражданам в лице полиции защитника, который всегда придет на помощь и защитит их. Однако, если внимание СМИ сосредоточено на негативной информации о коррупционных скандалах, злоупотреблениях служебным положением или бездействии правоохранительных органов, то это может привести к формированию отрицательного имиджа. В результате общество начинает терять доверие и воспринимать полицию как коррумпированную и неэффективную структуру, что снижает уровень доверия и сотрудничества между ними. Необходимо также отметить, что информация, представляемая СМИ о работе ОВД не всегда объективно отражает их деятельность, иногда она не направлена на формирование в обществе реальной картины происходящего. В этих условиях отстаивание интересов системы МВД активная позиция правоохранительных органов по защите своей репутации, чести и достоинства своих сотрудников реально способствует формированию положительного имиджа ОВД.

Также СМИ играют важную роль в формировании общественного мнения о правоохранительных органах через создание общественного дискурса. Обсуждение актуальных проблем, связанных с работой полиции, в рамках различных медийных платформ позволяет формировать общественное мнение и вырабатывать определенные требования к правоохранительным органам. Например, в связи с общественным недовольством по поводу определенных аспектов работы полиции СМИ могут стать триггером для общественных движений и инициатив, направленных на реформирование правоохранительных органов. В этом контексте СМИ выступают как катализаторы изменений, способствуя формированию общественного мнения.

Наработка профессиональных связей с журналистами через эффективные PR-подходы может существенно положительно сказаться на восприятии обществом деятельности правоохранительной системы, укрепляя ее авторитет. Обеспечение непрерывного и открытого обмена информацией между полицией и прессой ускоряет процесс реагирования на критику, обновляет публичную информацию и демонтирует недопонимание. Критически важно, чтобы полиция задействовала платформы СМИ для осведомления народа о своих инициативах, успехах и будущих задачах, включая органи-

зацию пресс-мероприятий, публикацию новостных рассылок, а также активную работу в сети Интернет и на других цифровых платформах.

Общение правоохранительных органов с представителями СМИ и медийными институтами должно базироваться на открытости, добросовестности и готовности к общению. Этим структурам следует осознавать, что пресса играет ключевую роль в формировании публичного мнения и имиджа, следовательно, необходимо стремиться к развитию доверительных отношений с медиапредставителями. Такой подход не только будет способствовать положительному восприятию ОВД, но и повысит эффективность работы в борьбе с преступностью и обеспечении безопасности граждан [1].

Таким образом, функция масс-медиа в процессе формирования имиджа правоохранительных структур и их воздействие на публичное восприятие этих институтов представляется как многоаспектный и сложный процесс. СМИ могут как способствовать созданию положительного имиджа правоохранительных органов, так и полностью его уничтожить. Ключевым является осознание правоохранительными органами критической роли медиаконтента и их активное участие в строительстве положительного имиджа через прозрачное и продуктивное общение с прессой и общественностью. В контексте нынешних вызовов и угроз, с которыми сталкивается общество, именно такой подход может обеспечить успешность работы правоохранительных органов и укрепление доверия к ним со стороны населения.

Взаимодействие между правоохранительными органами и медийными структурами, включая журналистов, редакторов и прочих представителей сферы массовой коммуникации, оказывает ключевое влияние на формирование положительного образа полиции. Такое сотрудничество способствует укреплению веры населения в работу органов полиции и активно влияет на общественные настроения относительно вопросов сохранения безопасности и соблюдения закона.

Необходимо подчеркнуть, что средства массовой информации являются ключевым инструментом для информирования граждан о работе полиции. Это покрывает все: от успехов в раскрытии преступлений и инициатив по предотвращению преступности до отрицательных сюжетов, касающихся коррупции, применения силы или неэффективности в расследованиях. Учитывая высокие ожидания общественности от служб правопорядка и неуклонное внимание со стороны прессы, репутация органов внутренних дел подлежит детальному рассмотрению и критике. По этой причине взаимодей-

ствие с медиаресурсами образует критически важную часть стратегии управления имиджем полицейских подразделений [3].

Взаимодействие между правоохранительными органами и представителями СМИ может проявляться в разнообразных аспектах. Часто используемыми практиками являются организация и проведение пресс-конференций и брифингов. Подобные события предоставляют возможность официальным лицам участвовать в живом общении по информированию населения о ходе и результатах своих операций, а также уделять время для ответов на вопросы прессы. Этот подход способствует не только осведомленности общества о важных аспектах деятельности правоохранительной системы, но и служит демонстрацией ее открытости и заинтересованности в налаживании коммуникации с общественностью. Регулярное проведение таких публичных встреч и их общедоступность играют ключевую роль в укреплении доверия к полиции и в построении ее позитивного образа в глазах граждан.

Адаптируясь к эре цифровых технологий и увеличивающемуся влиянию интернет-СМИ, полиция активизирует свое присутствие в интернете и на социальных медиа для эффективного взаимодействия как с журналистами, так и с общественностью. Введение официальных аккаунтов в соцсетях способствует не только мгновенной публикации срочных сообщений и распространению информации о действиях правоохранительных структур, но и укрепляет отношения с медиа представителями, предоставляя им актуальные данные для высококачественного освещения событий. Эта практика ведет к улучшению прозрачности работы полиции. В то же время важнейшим аспектом является строгое соблюдение принципов открытости и достоверности информации при общении ОВД с представителями прессы и общественности, что подразумевает распространение только подтвержденных фактов.

Тем не менее, преимущества партнерства не отрицают наличия специфических трудностей. Основная проблематика кроется в риске деформации информации и ее применении СМИ в манипулятивных целях. Часто представители прессы могут сосредоточиться на неудачах в работе правоохранительных структур, способствуя формированию неприязненного отношения общества к полиции. В ответ на это ОВД должны активизировать процессы по защите и восстановлению своего имиджа, предоставляя опровержения и объективные данные для исправления искаженного восприятия их действий. Данная работа предполагает не только наличие высокой квалификации у сотрудников полиции, но и навыки эффективной

коммуникации с представителями СМИ, что является критически важным элементом в области PR [1].

Есть опасение, что сложности и нюансы деятельности правоохранительных органов могут быть неправильно интерпретированы журналистами из-за недопонимания специфики их работы. Это подчеркивает необходимость активного взаимодействия между полицейскими подразделениями и представителями СМИ, включая образовательные программы, в ходе которых журналисты получают глубокое понимание процессов и задач, стоящих перед правоохранителями. Организация экскурсий по подразделениям и тематических мероприятий позволит журналистам наглядно ознакомиться с особенностями работы полиции, что будет способствовать повышению качества журналистских расследований и формированию более лояльного отношения общества к деятельности органов внутренних дел [2, с. 554–560].

Таким образом, роль СМИ в создании позитивного имиджа органов внутренних дел нельзя недооценивать. Сотрудничество с журналистами и редакциями является важнейшим элементом в стратегии связей с общественностью, направленной на формирование положительного образа полиции. В условиях современного информационного общества, где скорость передачи и доступность информации играют ключевую роль, органы внутренних дел обязаны активно использовать все доступные силы, средства и инструменты для взаимодействия с медиа структурами и гражданами. Это позволит не только повысить уровень доверия к правоохранительным органам, но и создать более безопасную и правопорядочную среду для всех граждан, а также повысить правосознание населения в целом. При создании пресс-релизов и репортажей необходимо учитывать особенности целевой аудитории, а именно национальные аспекты, религиозные и возрастные. Журналисты, работающие в сфере криминальных новостей, могут быть заинтересованы в фактах и цифрах, тогда как общественность может быть более заинтересована в информации, которая поможет ей лучше понять принципы работы правоохранительных органов. Поэтому важно использование живого языка при написании пресс-релиза, чтобы он был понятен и интересен как профессионалам, так и обычным гражданам. Использование простых формулировок, избегание сложных оборотов и спецтерминов и перегрузки цифрами помогут сделать информацию доступной для понимания широкой аудитории. [4, с. 77–79.]

Также, пресс-релизы должны быть своевременными и достоверными, важными для освещения и достаточно интересными. Необходимо быстро реагировать на события в стране и мире и пре-

доставлять информацию в максимально кратчайшие сроки. Например, если произошло резонансное событие, преступление или происшествие, служба по связям с общественностью должна быстро в максимально короткий срок подготовить пресс-релиз, который сообщает о фактах происшествия, участниках, возможных последствиях и т.д. Это поможет не только проинформировать население, но и продемонстрировать эффективность работы органов внутренних дел, что, в свою очередь, будет способствовать выстраиванию доверительных отношений между населением и правоохранительными органами.

Создание и поддержание открытого диалога с обществом, укрепление партнерских отношений между общественностью и ОВД являются важнейшими направлениями в работе служб по связям с общественностью. Должно вестись объективное информирование о текущих мероприятиях, связанных с деятельностью полиции, о достигнутых результатах, о планируемых мероприятиях и т. д. Привлечение граждан к совместному обсуждению вопросов общественной безопасности, охраны правопорядка и других правовых вопросов способствует улучшению общественного мнения о работе силовых структур и повышает правосознание населения в целом. Таким образом, работа пресс-служб становится многогранной и разнообразной, требующей совершенствования методов работы в информационном сопровождении правоохранительных органов.

Работа пресс-служб с современными СМИ требует проявления гибкости и креативности, постоянного совершенствования, умения работать как с печатными, так и с электронными форматами, с блогерами и подкастерами, с журналистами и простыми гражданами. Создание видеороликов и статей с разъяснением работы полиции, проведение прямых эфиров и пресс-конференций с представителями органов внутренних дел, с возможностью прямого диалога с населением или организация интерактивных мероприятий может значительно повысить уровень доверия граждан к правоохранительным органам.

В заключение, можно сделать вывод, что эффективность работы службы по связям с общественностью в формировании положительного мнения о деятельности органов внутренних дел и имиджа сотрудника полиции зависит от множества факторов, включая уровень профессионализма сотрудников, использование современных технологий и стратегий, умение взаимодействовать в информационном поле с различными субъектами жизни в обществе. Также необходимо адаптироваться к современным реалиям и работе в постоянно изменяющемся интернет-пространстве. Только благо-

даря такому креативному и современному подходу можно достичь поставленных целей и создать положительный имидж сотрудников ОВД, способствующий укреплению доверия и поддержки со стороны граждан к правоохранительным органам.

Список литературы:

1. *Валегжанина Е. С.* Взаимодействие сотрудников отделов информации общественных связей УМВД России с представителями СМИ (на примере отдела информации и общественных связей Управления Министерства внутренних дел Российской Федерации по Томской области). Сибирский федеральный университет, 2016.
2. *Ильянова О. [и др.]*. Проблемные вопросы распространения негативной информации о деятельности сотрудников органов внутренних дел в сети Интернет // Человек: преступление и наказание. 2019. Т. 27. №. 4. С. 554–560.
3. *Кадашиева Н. П.* Формирование имиджа сотрудника органов внутренних дел в процессе профессионального образования в вузах МВД России. Санкт-Петербург, 2013. 190 с.
4. *Конгантиев М.* Направления повышения эффективности взаимодействия руководителя органа внутренних дел со средствами массовой информации (по материалам Кыргызской Республики) // Закон и право. 2008. №. 10. С. 77–79.
5. *Лапова Е. С.* Становление службы Министерства внутренних дел по связям с общественностью как субъекта формирования правовой культуры российского общества. 2024.
6. *Прокопьева М. Н.* Проблемы формирования положительного отношения к государственной службе в России // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2020. №. 12 (52). С. 234–248.
7. *Сагалиева А. М., Медведева А. Н.* О некоторых вопросах взаимодействия полиции и средств массовой информации в рамках сервисного формата работы // сборник статей IV международного научно-исследовательского конкурса. Пенза, 2021.
8. *Смолева С. С.* Формирование позитивного имиджа органов внутренних дел в деятельности служб по связям с общественностью: политическая теория и практика : дис. ... д-ра полит. наук. М., 2013. 345 с.

Бунова Ирина Ивановна,
кандидат юридических наук,
докторант Академии управления МВД России
Email: bynva@rambler.ru

Вызовы и угрозы для личных прав и свобод человека в период трансформации: уголовно-правовой аспект

Аннотация

В статье рассмотрены вопросы нарушения личных прав и свобод человека в современный период трансформации. Акцентируется внимание на вызовах и угрозах, способствующих уязвимости личности и ее незащищенности. Анализируется действующее законодательство, предусматривающее ответственность за разглашение персональных данных.

***Ключевые слова и словосочетания:** права и свободы человека, трансформация, вызовы и угрозы, цифровая уязвимость, частная жизнь, персональные данные.*

В условиях динамично изменяющегося современного мира охрана личных прав и свобод человека становится особенно актуальной. Трансформация, которую переживает российское общество, находит отражение в различных сферах жизни, включая уголовное право.

С 2020 по 2025 годы общество столкнулось с многоуровневыми изменениями, затрагивающими все сферы жизнедеятельности человека, каждая из которых формирует новые горизонты для развития общества, и, одновременно, угрозы и риски для реализации личных прав и свобод человека.

Увеличение доступности информации и возможности для дистанционного совершения преступлений создали условия, способствующие уязвимости личности и ее незащищенности. Неприкосновенность частной жизни, закрепленная в ст. 23 Конституции Российской Федерации, оказалась под угрозой из-за экспоненциальной цифровизации, охватившей все сферы жизнедеятельности.

Технологический прогресс, выразившийся в достижении 85 % проникновения интернета к 2025 году (Росстат), породил феномен «цифровой уязвимости», особенно в отношении неприкосновенно-

сти частной жизни, где массовые утечки данных стали системной проблемой.

Процесс современной цифровизации поменял правила взаимодействия, вместе с чем появился ряд проблем на пути их защиты. В условиях роста числа и масштабов киберпреступлений, в частности массовых утечек персональных и иных конфиденциальных данных, возникает острая необходимость в усилении правовых и технических мер защиты информации как объекта уголовно-правовой охраны. Современные криптографические средства, системы мониторинга и контроля доступа приобретают статус обязательных элементов обеспечения информационной безопасности, направленных на предотвращение деяний, подпадающих под признаки составов преступлений, предусмотренных, в частности, статьями 137, 138, 272 – 274 Уголовного кодекса Российской Федерации. Массовые инциденты, затрагивающие миллионы субъектов персональных данных, демонстрируют не только техническую уязвимость информационных систем, но и недостаточную эффективность действующих механизмов уголовно-правовой защиты. Это обуславливает необходимость совершенствования нормативно-правового регулирования, усиления ответственности за ненадлежащее обеспечение защиты данных, а также адаптации уголовного законодательства к вызовам цифровой трансформации.

Только в 2023 году было зарегистрировано «677 тыс. IT-преступлений, из которых 60 % связаны с утечками персональных данных (МВД России)»¹. «Свыше 710 миллионов записей, относящихся к персональным данным россиян, попали в открытый доступ за 2024 год. Зафиксировано 334 крупные утечки по данным Роскомнадзора. Уже за 2025 год Роскомнадзор сообщил о 30 случаях утечек персональных данных»².

Лидером по утечкам персональных данных выступает «отрасль ретейла: 42 процента всех персональных данных попадают в открытый доступ из торговых сетей, 11 процентов – из сферы услуг, 8 – из

¹ РАПСИ. За 2023 год количество совершенных IT-преступлений выросло на треть. МВД. URL: https://rapsinews.ru/digital_law_news/20240312/309690643.html#:~:text=87. (дата обращения: 03.08.2025).

² FirstVDS. Штрафы за нарушение обработки персональных данных в 2025 году. URL: <https://firstvds.ru/blog/kak-izbezhat-shtrafov-novye-pravila-raboty-s-personalnymi-dannymi-v-2025> (дата обращения: 22.08.2025).

соцсетей, форумов и блогов, 7 – в финансовом секторе, 5 процентов – из СМИ»¹.

Происходящие процессы формируют «цифровой правовой вакуум», который, как отмечают О. И. Семькина, Р. Н. Ключко, «требует не только практической, но и концептуальной адаптации уголовного права к новым реалиям» [2, с. 36]. Необходимо полагать, что амбивалентность трансформации заключается в том, что она одновременно укрепляет гарантии прав через демократизацию и глобализацию, но и создает новые риски из-за технологических и социальных вызовов, что требует комплексного подхода к переосмыслению охраны прав.

В статье 24 Конституции Российской Федерации говорится, что «сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускаются», вместе с тем каждый человек вынужден предоставлять свои данные в том или ином объеме для получения доступа к серверам, сайтам, для получения определенных услуг, документов и т.п.

Пользователи зачастую не имеют представления, что происходит с их данными, каким образом они собираются, где хранятся и, самое главное, как они охраняются. «Необходимо внедрение доступных и интуитивно понятных инструментов, предоставляющих гражданам контроль над их информацией»². Каждый человек, имеющий мобильный телефон, получает звонки от неизвестных абонентов (либо письма на электронную почту), с коммерческими или прямо мошенническими предложениями. Такие звонки говорят о массовых случаях незаконной передачи персональных данных, клиентской базы данных, третьим лицам. В свою очередь Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» содержит перечень ответственности за нарушение требований закона касательно того, как хранятся персональные данные.

Современные технологии, такие как большие данные и алгоритмы слежки, не только расширяют возможности, но и множат риски, будь то кибератаки или шантаж в социальных сетях. В данном случае, «правовой человек выступает и как цель, и как основной критерий изменений и преобразований» [4, с. 18].

¹ Парламентская газета. Количество утечек персональных данных в 2024 году удвоилось. URL: <https://www.pnp.ru/politics/kolichestvo-utechek-personalnykh-dannykh-v-2024-godu-udvoilos.html> (дата обращения: 22.08.2025).

² Использование цифровых технологий в государственном управлении. URL: <https://hsbi.hse.ru/articles/ispolzovanie-tsifrovyykh-tekhnologiy-v-gosudarstvennom-upravlenii/> (дата обращения: 20.08.2025).

Глобализация добавляет сложности – данные перетекают через границы, где юрисдикции между собой разнятся [6, с. 56], а международные стандарты, такие как GDPR в Европе, сталкиваются с юридическими пробелами [5, с. 31].

Вместе с тем, после приостановки членства России в Совете Европы в 2022 году влияние международных стандартов снизилось, что отразилось в сокращении обращений к Европейской конвенции в судебной практике (Судебный департамент). По мнению Е. И. Старицыной, «снизилось влияние международных стандартов защиты прав, таких как статья 14 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, на национальную практику, что создало правовой вакуум в обеспечении равенства и иных прав» [3, с. 9].

В то же время данный процесс стал стимулом для укрепления независимости правовой системы страны, что выразилось в разработке национальных инструментов защиты прав граждан, таких как концепция «цифрового суверенитета». Высказывается мнение, что «данное направление отражает стремление российских властей к созданию устойчивой и независимой модели управления, которая соответствует современным вызовам и приоритетам национальных интересов. При этом взаимодействие сталкивается с серьезными трудностями и во многом осложнено высокой степенью политизации, что подчеркивает значимость выбранного руководством страны курса на укрепление самостоятельности» [1, с. 207].

Здесь можно упомянуть о недавних изменениях законодательства: с 30 мая 2025 года вступили в силу поправки в КоАП РФ, значительно усиливающие штрафы за нарушения обработки персональных данных – до миллионов рублей для юридических лиц при повторных инцидентах¹. С 1 сентября 2025 года введены новые правила обезличивания данных, направленные на минимизацию рисков, но они лишь подчеркивают фрагментарность текущего подхода².

К сожалению, существующие уголовно-правовые нормы не всегда эффективно справляются с новыми угрозами, что требует их пересмотра и дополнения. Трансформация общества в 2020–2025 годах выявила необходимость разработки инновационных реше-

¹ В России усилена ответственность за нарушение Закона о персональных данных. URL: <https://skpgroup.ru/press-tsentr/stati/shtrafy-roskomnadzora-za-narushenie-pravil-raboty-s-personalnymi-dannymi-v-2025-godu/> (дата обращения: 21.08.2025).

² Новые правила обезличивания персональных данных с 1 сентября 2025 года. Хабр. URL: <https://habr.com/ru/articles/931348/> (дата обращения: 21.08.2025).

ний для преодоления «цифрового правового вакуума» и повышения эффективности охраны прав.

Актуализировался вопрос обеспечения информационной безопасности в условиях растущей частоты и масштаба кибератак, сопровождающихся масштабными утечками конфиденциальных данных, обуславливающий необходимость внедрения современных криптографических методов, а также комплексных систем мониторинга и управления доступом. Такие меры становятся неотъемлемым компонентом архитектуры защиты информации, направленной на предотвращение несанкционированного доступа и использования данных.

Называет необходимость введения новых составов преступлений и уточнение действующих норм статьи, касающихся неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК РФ), что станет важным шагом к улучшению правоприменительной практики. Важно найти надлежащий баланс между защитой личных прав и необходимостью обеспечения общественной безопасности.

Список литературы:

1. Захаров Т. В. Многосторонний подход в межгосударственных отношениях: международные организации и угрозы глобального управления // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право: Реферативный журнал. 2022. № 4. С. 205–214.

2. Семькина О. И., Ключко Р. Н. «Цифровой» признак совершения преступлений как вектор криминализации (компаративный обзор подходов государств – участников СНГ) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 6. С. 34–52.

3. Старицына Е. И. К вопросу о европейской системе защиты прав человека: современное состояние и критика // Океанский менеджмент. 2023. №3 (21). С. 7–11.

4. Тихомиров Ю. А. Правовой человек : монография. М. : Проспект, 2024. 208 с.

5. Уголовно-правовые гарантии суверенитета государства (сравнительно-правовое исследование) : научно-практическое пособие / С. Л. Нудель, В. Ю. Артемов, А. М. Белялова [и др.]. М. : ООО «Проспект», 2023. 352 с.

6. Экономическая безопасность (уголовно-правовые механизмы обеспечения) : монография / отв. ред. И. И. Кучеров, О. А.

Зайцев, С. Л. Нудель; Институт законодательства и сравнительно-го правоведения при Правительстве Российской Федерации. М. : ООО «Юридическая фирма «КОНТРАКТ», 2021. 320 с.

Васильченко Андрей Александрович,
кандидат юридических наук, доцент,
начальник отдела по исследованию
стратегических проблем управления
научно-исследовательского центра,
Академия управления МВД России
E-mail: avasilchenko11@mvd.ru

Лоскутов Дмитрий Николаевич,
пенсионер

Демографическая безопасность и роль органов внутренних дел Российской Федерации в ее обеспечении

Аннотация

В статье проанализирована демографическая ситуация в Российской Федерации, существующие демографические угрозы, предложено нормативно определить понятие демографической безопасности, а также определена роль органов внутренних дел Российской Федерации в ее обеспечении¹.

Ключевые слова и словосочетания: демографические угрозы, демографическая безопасность, демографическая ситуация, депопуляция, старение населения, миграционные процессы, деградация института семьи.

Демографическая ситуация в России характеризуется сложной динамикой, включая низкую рождаемость, высокий уровень смертности и значительные миграционные потоки. Эти процессы создают серьезные вызовы для устойчивого социально-экономического развития страны в целом и ее регионов в частности. Основными демографическими угрозами являются: депопуляция, старение населения, нерегулируемые миграционные процессы, деградация института семьи, природные катастрофы, войны, эпидемии, дефи-

¹ Статья подготовлена с использованием справочной правовой системы КонсультантПлюс.

цит рабочей силы и т. д. Все эти факторы взаимосвязаны и требуют комплексного подхода для их разрешения.

В соответствии с Концепцией демографической политики

Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 9 октября 2007 г. № 1351, современная демографическая ситуация в Российской Федерации в значительной степени обусловлена социально-экономическими процессами, происходившими в XX веке. Во второй половине прошлого века в Российской Федерации ежегодно рождались 2 – 2,5 млн детей, умирали 1 – 1,5 млн человек. Продолжительность жизни граждан постоянно увеличивалась и приближалась к показателям европейских стран. Средняя продолжительность жизни в 1990 – 1991 годах составляла 68 лет.

С 1992 года началось стабильное сокращение численности населения из-за превышения уровня смертности над уровнем рождаемости (естественная убыль населения) [17].

Определяющей для большинства других проблем является сокращение населения Российской Федерации, получившее в науке название Второй этап депопуляции (2016 – н. в.). Если первый происходил в 1992–2012 гг. и характеризовался сокращением показателей рождаемости и увеличением смертности, то характерная черта второй волны – сокращение показателей и рождаемости, и смертности [10]. На текущий момент, согласно среднему варианту прогноза численности населения до 2031 г., численность сократится на 3,2 млн чел., по сравнению с 2024 г. (146,1 млн) [7] (рис. 1).

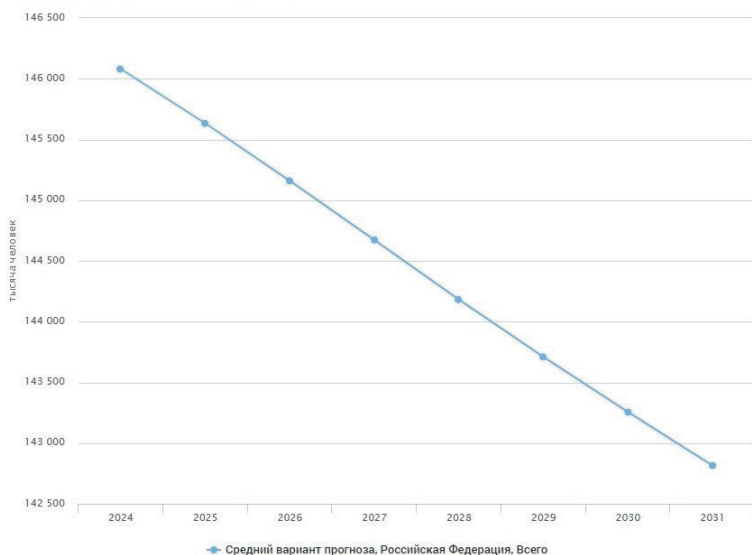

Рис. 1. Предположительная численность населения Российской Федерации (тыс. человек, значение показателя за год, средний вариант прогноза)

По предварительной оценке Росстата численность постоянного населения Российской Федерации на 1 января 2025 г. составила 146,0 млн человек. С начала года численность населения сократилась на 27,7 тыс. человек, или на 0,02 % (за аналогичный период предыдущего года – уменьшилась на 296,6 тыс. человек, или на 0,2 %). Миграционный прирост на 95,4 % компенсировал естественную убыль населения [2] (рис. 2).

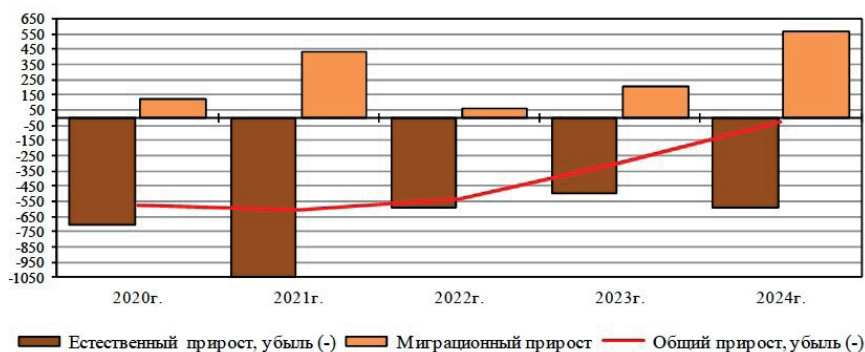

Рис. 2. Компоненты изменения численности населения (тыс. человек)

Одним из самых серьезных демографических вызовов для России является низкая рождаемость и высокая смертность. Если первая волна депопуляции была связана с низким показателем суммарного коэффициента рождаемости (1,2 – 2000 г.), то вторая волна депопуляция связана с более высокими значениями (1,76 – 2015 г.) [11] (рис. 3).

Низкая рождаемость во многом вызвана не мерами демографической политики, а уменьшением численности репродуктивного контингента

(15 – 49 лет). Для снижения смертности требуются значительные затраты по улучшению системы здравоохранения и качества жизни населения. Основной мерой снижения смертности является восстановление «утраченного капитала здоровья», утраченного в ходе и после распада СССР, а также снижение смертности в подростковых и молодых трудоспособных возрастах, сокращение смертности женщин трудоспособного возраста и др. [5].

Рис. 3. Суммарный коэффициент рождаемости (единица, значение показателя за год)

По данным Росстата в 2024 г. по сравнению с 2023 г. в России отмечалось снижение числа родившихся (в 78 субъектах Российской Федерации) и увеличение числа умерших (в 78 субъектах).

В целом по стране в 2024 г. число умерших превысило число родившихся в 1,5 раза (в 2023 г. – в 1,4 раза), в 57 субъектах Российской Федерации это превышение составило 1,5–2,7 раза.

Естественный прирост населения в 2024 г. зафиксирован в 13 субъектах Российской Федерации, в 2023 г. – в 15 субъектах Российской Федерации [2].

Основной причиной низкой продолжительности жизни населения в Российской Федерации в соответствии с Концепцией демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 9 октября 2007 г. № 1351, является высокая смертность граждан трудоспособного возраста. Среди причин смерти в трудоспособном возрасте значительную долю составляют внешние причины – случайные отравления, самоубийства, убийства, транспортные происшествия, прочие несчастные случаи. Уровень смертности обуслов-

лен также высоким уровнем заболеваемости населения, распространностью алкоголизма, наркомании, табакокурения.

К числу демографических угроз, порождаемых убылью населения, в науке относят, во-первых, сокращение призыва в армию, создающее опасность защиты государственных границ. Во-вторых, возможны смещения национального состава населения, что может привести к межнациональной напряженности. В-третьих, снижается плотность населения в отдаленных от центральной России регионах, что влечет экономические потери, связанные с неэффективным использованием территорий. В-четвертых, наблюдается уменьшение бюджета страны за счет снижения доли экономически активного населения, и как следствие – недофинансирование пенсионной системы Российской Федерации [1].

Наиболее значимым вызовом национальной безопасности в сфере охраны здоровья граждан в соответствии со Стратегией развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 6 июня 2019 г. № 254, является старение населения (увеличение численности лиц старше трудоспособного возраста), на которое влияют такие факторы как рождаемость, смертность и миграция [14].

В Российской Федерации доля лиц в возрасте старше трудоспособного в отношении ко всему постоянному населению увеличилась на фоне сокращения населения в трудоспособном возрасте. К 2050 г., согласно среднему варианту прогноза, доля лиц старше 60 лет в России достигнет 31 %. Хотя миграция является фактором снижения старения населения, однако в последние годы происходит постепенное ее исчерпание как демографического и трудового ресурса [5].

В науке существуют заслуживающие внимания мнения о том, что решение проблем демографии необходимо рассматривать в контексте обеспечения демографической безопасности государства и сопряженных с ней иных видов безопасности (военной, ментальной, общественной, экономической и др.). В то же время до настоящего времени доктринальная разработка тех или иных аспектов демографической безопасности находится на низком уровне. Недостаточно развиты и нормы действующего законодательства, направленные на обеспечение демографической безопасности [3; 18].

По итогам состоявшейся 3 ноября 2023 года встречи с членами Общественной палаты и председателями общественных палат субъектов Российской Федерации Президентом Российской Федерации В.В. Путиным утвержден перечень поручений (от 23 декабря 2023 г. № Пр-2570), которым Правительству Российской Федерации пору-

чено подготовить совместно с Общественной палатой Российской Федерации и представить в срок до 15 февраля 2024 г. предложения о разработке документа стратегического планирования в сфере демографической безопасности [6].

Вместе с тем понятия демографической угрозы и демографической безопасности не использованы в Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 15 марта 2025 г. № 615-р [8].

При этом понятие демографической безопасности использовано, но не определено в Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 17 августа 2024 г. № 2233-р [9].

О существовании острейшей проблемы, которая является прямой угрозой нашему демографическому будущему, - низких доходах значительной части населения говорил 15 января 2020 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин в послании Федеральному Собранию.

Угроза для демографической ситуации в стране в виде деструктивного идеологического воздействия на граждан России обозначена в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденных Указом Президента Российской Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 [16].

В результате анализа данных документов стратегического планирования можно сделать вывод о целесообразности дополнения Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года понятием демографической безопасности, анализом существующих демографических угроз и перечнем мер по их нейтрализации.

В этой связи перспективным является исследование опыта применения Закона Республики Беларусь от 4 января 2002 г. № 80-З «О демографической безопасности Республики Беларусь» [4], в котором понятие демографической безопасности определено как состояние защищенности социально-экономического развития государства и общества от демографических угроз. Под демографическими угрозами белорусский законодатель понимает такие демографические явления и тенденции, социально-экономические последствия которых оказывают отрицательное воздействие на устойчивое раз-

витие страны: депопуляцию, старение населения, нерегулируемые миграционные процессы, деградацию института семьи.

Демографическая политика Российской Федерации основана на принципе комплексности решения демографических задач, который заключается в охвате мероприятиями в этой сфере направлений демографического развития (рождаемости, смертности и миграции) в их взаимосвязи. При этом миграционная политика является вспомогательным средством для решения демографических проблем и связанных с ними экономических проблем.

МВД России определено координатором Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом [13] (далее – «Государственная программа»), и наделено полномочиями по координации деятельности федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, а также по нормативно-правовому регулированию в установленной сфере [15].

Работа с соотечественниками – репатриантами осуществляется всеми территориальными органами МВД России, в том числе по субъектам Российской Федерации, где региональные программы переселения отсутствуют (Донецкая и Луганская народные республики, Республика Крым, Запорожская, Калужская, Московская, Херсонская области, города Москва, Санкт-Петербург и Севастополь).

Основным показателем, отражающим востребованность Государственной программы, является численность переселенцев: с начала практической реализации Госпрограммы (с 2007 г. по 1 января 2025 г.) в Россию переехало на постоянное место жительства более 1,2 млн чел., в том числе в 2024 году – 31,7 тыс.

Завершена адаптация служебной деятельности органов внутренних дел Российской Федерации к обновленному правовому регулированию вопросов гражданства Российской Федерации в условиях осложненной геополитической обстановки. Первые итоги практики реализации Федерального закона от 28 апреля 2023 г. № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» свидетельствуют о сохранении тенденции к снижению количества натурализованных граждан в сравнении с предыдущими периодами. При этом второй год подряд отмечается почти двукратное сокращение данного показателя.

МВД России принимаются организационные и практические меры, направленные на повышение эффективности работы по выяв-

лению на территории Российской Федерации иностранных граждан, находящихся в розыске.

При осуществлении розыска лиц основными формами взаимодействия органов внутренних дел Российской Федерации с правоохранительными органами зарубежных государств служит взаимный обмен оперативно-справочной, розыскной, дактилоскопической, криминалистической и иной информацией, а также проведение оперативно-профилактического мероприятия «Розыск».

Кроме того, органы внутренних дел Российской Федерации вносят существенный вклад в достижение такой национальной цели, как сохранение населения, укрепление здоровья и повышение благополучия людей, поддержка семьи.

В частности, наряду с решением задач по выявлению и раскрытию преступлений против здоровья населения сотрудниками органов внутренних дел осуществляется профилактическая работа, в том числе в рамках административного производства.

Обеспечение общественной безопасности является одним из ключевых условий создания комфортной и безопасной среды для жизни. К наиболее важным составляющим общественной безопасности относится безопасность дорожного движения.

МВД России на протяжении десятилетий ведется последовательная системная работа по снижению смертности в дорожно-транспортных происшествиях (далее – «ДТП»), в результате которой в период с 2004 года количество погибших в ДТП снижено с 34,5 тысяч до 14,4 тысяч в 2024 году.

Безопасность дорожного движения определена одним из направлений по достижению целей обеспечения государственной и общественной безопасности [12].

На данном этапе целевые показатели по снижению смертности в ДТП определены Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» (далее – Указ № 309)

и предусматривают ее снижение в полтора раза к 2030 и в два раза к 2036 году по сравнению с показателем 2023 году.

Основным инструментом в достижении цели является национальный проект «Инфраструктура для жизни», структура которого содержит федеральный проект «Безопасность дорожного движения» (далее – «федеральный проект»).

Обновленная редакция паспорта федерального проекта предусматривает преемственность мероприятий одноименного федерального проекта, реализуемого в период с 2018 по 2024 годы в рамках

национального проекта «Безопасные качественные дороги», а также показателя «транспортный риск», значения которого приведены в соответствии с Указом № 309.

С руководителями региональных проектов по безопасности дорожного движения заключены соглашения о реализации региональных проектов по повышению безопасности дорожного движения, содержащих распределение показателей и значений результатов федерального проекта «Безопасность дорожного движения» в составе национального проекта «Инфраструктура для жизни» на период 2025–2030 годов.

Дополнительным инструментом достижения показателя снижения смертности в ДТП станет Стратегия повышения безопасности дорожного движения в Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года, проект которой в настоящее время направлен на рассмотрение в Правительство Российской Федерации и, после утверждения, будет являться документом стратегического планирования в сфере обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Таким образом, органы внутренних дел Российской Федерации вносят существенный вклад в обеспечение демографической безопасности, а также постоянно совершенствуют в пределах своих полномочий меры правового и организационного характера, направленные на нейтрализацию существующих демографических угроз.

Список литературы:

1. *Васильева Н. В., Ростовская Т. К., Сулейманлы А.* Демографические угрозы национальной безопасности в политическом дискурсе Российской Федерации (1992–2019) // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2021. Т. 26. № 2. С. 257.
2. Доклад «Социально-экономическое положение России» // Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (дата обращения: 03.08.2025).
3. *Мохов А. А.* Демографическая безопасность и ее правовое обеспечение // Юрист. 2023. № 6. С. 62–67.
4. Нормативные правовые акты и международные документы, касающиеся прав детей в Республике Беларусь // Мир права: [сайт]. 2025. URL: http://world_of_law.pravo.by/text.asp?RN=H10200080 (дата обращения: 03.08.2025).

5. Образ будущего в призме социологических измерений: монография / М. Б. Буланова, Н. М. Великая, О. В. Гребняк [и др.]; отв. ред. Н. М. Великая; ИСПИ ФНИСЦ РАН. М.: Мир науки, 2023.
6. Перечень поручений по итогам встречи с членами Общественной палаты [Электронный ресурс]: утв. Президентом Рос. Федерации 23 декабря 2023 г. № Пр-2570 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.08.2025).
7. Предположительная численность населения // ЕМИСС: [сайт]. 2025. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/36727> (дата обращения: 03.08.2025).
8. Об утверждении Стратегии действий по реализации семейной и демографической политики, поддержке многодетности в Российской Федерации до 2036 года [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 15 марта 2025 г. № 615-р // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.08.2025).
9. Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 17 августа 2024 г. № 2233-р // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.08.2025).
10. *Рязанцев С. В.* Новая депопуляция в России: новые вызовы и пути нейтрализации // Человек и его ценности в современном мире : материалы XI междунар. науч.-практ. конф. Чита, 2019. С. 8–16.
11. Суммарный коэффициент рождаемости // ЕМИСС: [сайт]. 2025. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31517> (дата обращения: 03.08.2025).
12. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.08.2025).
13. О мерах по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 22 июня 2006 г. № 637 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.08.2025).
14. О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 6 июня 2019 г. № 254 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.08.2025).
15. Об изменении и признании утратившими силу некоторых актов Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]:

Указ Президента Рос. Федерации от 7 декабря 2016 г. № 656 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.08.2025).

16. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 9 ноября 2022 г. № 809 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.08.2025).

17. Об утверждении Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 9 октября 2007 г. № 1351 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.08.2025).

18. *Шарилова Е. Е., Филоненко Ю. В.* Многомерная оценка демографической безопасности в странах ЕАЭС // III-й Международный демографический форум «Демография и глобальные вызовы». Том 1. Пленарное заседание. Секция 1. / отв. ред. Н. В. Яковенко. Воронеж : Издательство «Цифровая полиграфия», 2024. С. 1050–1057.

Габараев Алан Шотаевич,
кандидат политических наук,
ведущий научный сотрудник
научно-исследовательского центра,
Академия управления МВД России
E-mail: gabiron@mail.ru

Проблемы прогнозирования в органах внутренних дел при разработке документов стратегического планирования: организационно-методический аспект

Аннотация

Статья посвящена анализу практики и проблемам развития прогнозирования в системе МВД России. Автор показывает значение института прогнозирования в управленческой деятельности органов внутренних дел, проводит анализ законодательства, дает классификацию основных методов прогнозирования, раскрывает технологии прогнозной работы. В заключение даются предложения по совершенствованию организационно-методической деятельности органов внутренних дел при разработке документов стратегического планирования.

Ключевые слова и словосочетания: *методы прогнозирования, стратегическое планирование, управленческая деятельность, МВД России, криминологический прогноз, экстраполяция.*

В системе органов государственной власти в целом и органах внутренних дел, в частности, стратегический подход стал одним из ведущих элементов механизма управления.

Управление системой МВД России (равно как и другими сложными социальными системами) принято разделять на три уровня:

- 1) стратегический;
- 2) оперативный;
- 3) тактический.

В соответствии с федеральным законом от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 172-ФЗ) под «стратегическим планированием» понимается «деятельность участников стратегического планирования по целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муни-

ципальных образований, отраслей экономики и сфер государственного и муниципального управления, обеспечению национальной безопасности Российской Федерации, направленная на решение задач устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований и обеспечение национальной безопасности Российской Федерации» [1].

Функции прогнозирования имеют важное значение в управленческой деятельности органов внутренних дел.

Законодатель наделил МВД России (далее – Министерство, МВД России) как субъекта стратегического планирования на федеральном уровне полномочиями разрабатывать документы стратегического планирования, осуществляет координацию и методическое обеспечение стратегического планирования в отдельных сферах государственного управления – в сфере внутренних дел [5], в сфере контроля за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, противодействия экстремизму, реализации миграционной политики и др. [2; 6; 3; 4].

Прогнозирование играет ключевую роль в современном обществе, охватывая экономику, медицину, экологию, социальные сферы и технологии. Эксперты отмечают наличие свыше двухсот различных методов и моделей прогнозирования, каждый из которых решает конкретные задачи, связанные с предсказанием развития ситуаций и факторов риска. Точное предвидение позволяет обществу принимать обоснованные решения и успешно адаптироваться к внешним изменениям [9].

Наибольшее распространение среди различных типов прогнозирования в работе правоохранительных органов получил криминологический прогноз. Криминологическое прогнозирование представляет собой научно обоснованную оценку возможных будущих изменений преступности – как общего уровня правонарушений, так и конкретных ее форм и категорий. Как самостоятельная область оно сформировалось относительно недавно, первые научные исследования начали появляться лишь в конце пятидесятих годов прошлого века. Основоположниками данного научного направления стали выдающиеся специалисты, включая Г. А. Аванесова, Ю. Д. Блувштейна, С. Е. Вицина, Н. Ф. Кузнецову и др.

Как показывает практика, методы экстраполяции, моделирования и оценки экспертов используются практически во всех случаях составления прогнозов. Объект прогнозирования определяется по нескольким факторам: приоритетности целей, направлений работы и уровня профессионализма подразделений полиции, занимающих-

ся разработкой, внедрением, наблюдением и контролем исполнения стратегических планов, а также практическим опытом Министерства внутренних дел Российской Федерации в данной области.

Общим объектом прогнозирования является состояние правопорядка и противодействие преступности, причины изменений в криминальной ситуации, эффективность использования имеющихся сил и средств.

В целом содержание прогнозирования при формировании в МВД России документов стратегического планирования обуславливается взаимодействием трех основных элементов:

Объект воздействия (количественные показатели и качественные характеристики: наркоситуация в Российской Федерации, миграционные процессы, экстремистская деятельность, безопасность дорожного движения, общественный порядок, преступность, государственная защита потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, жизнь, здоровье, права и свободы граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства и др.; основные направления оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел.

Субъект воздействия (Министерство внутренних дел Российской Федерации, как участник стратегического планирования по вопросам, находящимся в установленной для него сфере деятельности).

Оперативная обстановка в сфере деятельности органов внутренних дел (совокупность внешних и внутренних условий, в которых действует орган внутренних дел, выполняя возложенные на него задачи обеспечения общественного порядка и общественной безопасности, борьбы с преступностью) [7].

Условно весь технологический процесс (алгоритм) прогнозирования состоит из нескольких, относительно самостоятельных этапов.

Приведенная схема достаточно условна, последовательность реализации указанных этапов, их содержание в конкретных прогнозных исследованиях может меняться, однако в любом случае без них не обходится ни один прогноз.

Первый этап

Начальная стадия процесса заключается в формулировании цели исследования либо выполнении прогнозной ретроспекции – идентификации предмета прогнозирования и окружающей обстановки, влияющей на прогноз.

Одновременно определяется круг субъектов прогнозирования, то есть лиц, отвечающих за разработку прогноза.

Второй этап

Следующий шаг предполагает создание информационной основы для проведения прогнозирования.

Третий этап

Здесь выполняется глубокий анализ исследуемого объекта (так называемый прогнозный диагноз), цель которого – определить конкретные параметры объекта, подлежащие прогнозированию, учесть влияние значимых внешних факторов и установить их значимость в контексте развития данного объекта (как минимум качественно, например, классифицируя факторы как криминогенные или антикриминогенные).

Четвертый этап

Проводится детализация и уточнение модели прогнозируемого объекта, переход от общего вербального описания к более строгим представлениям, подходящим для последующего применения специализированных методик прогнозирования. Выбор правильных методов здесь играет ключевую роль [10].

Пятый этап

Это непосредственно сам процесс формирования прогноза на основании всей предыдущей аналитической работы («проспекция»). В рамках данного этапа рассчитываются точные значения ключевых характеристик объекта на протяжении всего периода прогнозирования с использованием выбранной ранее методологии и построенной модели. Детализированное описание процедуры расчета конкретных показателей мы опустим, поскольку оно выходит за рамки текущей темы.

Шестой этап

Завершающий этап прогнозирования включает анализ полученных прогнозов и их проверку на надежность и корректность (верификация). Это одна из самых сложных задач прогнозирования, так как нужно заранее оценить качество прогноза еще до момента наступления реальных событий, обеспечивая высокую уверенность в принимаемых решениях.

Сегодня существует ряд различных подходов к верификации прогнозов, среди которых прямые, дублирующие, косвенные, обратные, экспертные и прочие способы проверки.

После завершения этой стадии наступает следующий этап – принятие управленческих решений, базирующихся на итоговых прогнозах.

Важно помнить, что предложенная схема отражает лишь общий подход к процессу прогнозирования в документах стратегического планирования органов внутренних дел. Реальные задачи и трудно-

сти зависят от множества условий: специфики объекта прогноза, уровня подготовленности специалистов, объема доступной информации и прочих факторов.

Прогнозирование важно не само по себе, оно необходимо для того, чтобы орган управления мог эффективно решать задачи, стоящие перед системой МВД России.

Анализ практики показывает, что несмотря на развитие прогнозирования в органах внутренних дел, разработчики документов стратегического планирования сталкиваются с рядом организационных и методических проблем при осуществлении прогнозирования, что напрямую сказывается на эффективности и качество разработки документов стратегического планирования.

1. Главная проблема состоит в том, чтобы за ограниченное время провести большой объем аналитико-информационной деятельности. В первую очередь, это сказывается на качестве прогнозов, которые часто становятся простой механической обработкой статистических традиционных приемов матстатистики. Именно поэтому невозможно недооценивать важность интеграции современных IT-решений для совершенствования процессов прогнозирования.

В том случае, когда разработка прогноза осуществляется специализированным научным подразделением по поручению или заказу подразделения центрального аппарата (органа внутренних дел), на данное подразделение (орган в лице его штаба) возлагается, как правило, задача обеспечения разработчиков прогноза необходимой информацией. Обязательно непосредственное участие в подготовке прогноза опытных сотрудников данного подразделения (органа) в качестве экспертов.

2. Работа по прогнозированию в системе МВД России сдерживается не столько несовершенством методологической и методической базы исследования (что тоже имеет место быть), сколько отсутствием нормативного закрепления функции прогнозирования как неотъемлемой составной части процесса подготовки управленческих решений в системе органов внутренних дел.

3. Существующий разрыв между потребностью органов внутренних дел всех уровней в прогнозной информации и реальным положением дел в этой области (в первую очередь отсутствие должного правового и организационного обеспечения функции прогнозирования) не в последнюю очередь связан со сложностью самого процесса прогнозирования.

Сложность и разнообразие применяемых для этих целей методов и методик, особенно в условиях резкого осложнения социально-экономической и политической обстановки в стране, предпола-

гает участие в разработке прогнозов стратегического планирования высококвалифицированных специалистов целевого профиля. Только таким специалистам совместно с практическими работниками различных служб и подразделений системы МВД России под силу подготовить достаточно надежные прогнозы, которые могли бы реально повысить эффективность стратегического планирования и управления в органах внутренних дел.

4. Системе МВД России нужны квалифицированные кадры аналитиков-прогнозистов в каждом органе внутренних дел. Крайне нужен специальный нормативный акт МВД России по организации и проведению прогнозной деятельности, а также методические материалы по прогнозированию для всех уровней управления. Научное предвидение возможно лишь в результате правильного понимания закономерностей социальных процессов в комплексе [8].

Практика показывает, что основным, наиболее разработанным видом прогноза в системе МВД России продолжает оставаться криминологический прогноз. Однако в ходе подготовке прогнозов при формировании в МВД России документов стратегического планирования (наиболее сложных видов прогнозирования) сотрудники центрального аппарата, а тем более штабных аппаратов территориальных органов МВД России, испытывают определенные трудности. Причиной тому является то обстоятельство, что подобные прогнозы требуют по существу проведения глубоких и всесторонних научных исследований, что под силу лишь специализированным научным коллективам. Поэтому при разработке документов стратегического планирования целесообразно создавать рабочие группы и привлекать (хотя бы на таких технологических этапах как прогнозирование) практических работников, профессионально занимающихся прогнозной деятельностью, соответствующих специалистов узкого профиля не только из научных и образовательных организаций МВД России, но и не работающих в учреждениях или организациях системы МВД России (осуществляющих или заказавших прогнозные исследования).

Поскольку в организационном плане проблема прогнозирования в органах внутренних дел, несмотря на ее актуальность, до сих пор не решена, возможны, на наш взгляд, два подхода к организации прогнозирования. Они исходят из того, что в этой работе должны участвовать как специалисты в области методики прогнозирования, владеющие разнообразными методами прогнозирования, так и специалисты в конкретной предметной области, т. е. ученые и опытные практические работники (сотрудники отраслевых служб), в совершенстве знающие объект прогнозирования. В порядке контрольно-

го мнения не исключено также привлечение к работе (например, на договорной основе) в качестве консультантов или экспертов авторитетных в референтной области ученых-криминологов, юристов, экономистов, политологов, социологов и др.

Список литературы:

1. О стратегическом планировании в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.08.2025).
2. Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 23 ноября 2020 г. № 733 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.08.2025).
3. Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 29 мая 2020 г. № 344 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.08.2025).
4. О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 – 2025 годы [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 31 октября 2018 г. № 622 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.08.2025).
5. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Рос. Федерации от 15 апреля 2014 г. № 345 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.08.2025).
6. Об утверждении Стратегии безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018 – 2024 годы [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 8 января 2018 г. № 1-р // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.08.2025).
7. *Клушин О. З.* Оперативная обстановка: понятие, анализ, прогноз: учебное пособие. М. : Академия управления МВД России, 2010. 256 с.
8. Основы криминологического прогнозирования: учебное пособие / Г. А. Аванесов; под ред. д-ра юрид. наук проф. Н. А. Стручкова. Высшая школа МВД СССР. Москва, 1970. 51 с.
9. Рабочая книга по прогнозированию / отв. ред. И. В. Бестужев-Лада. М. : Мысль, 1982. 430 с.

10. *Хейло Л. Г.* Статистические методы сбора, обработки и анализа информации (тема № 6): лекция. М.: Академия МВД России, 1996. 28 с.

Долина Мария Юрьевна,
заместитель начальника
отдела правового обеспечения
ФКУ НПО «СТиС» МВД России,
соискатель Академии управления МВД России
E-mail: mdolina4@mvd.ru

Особенности правового регулирования применения беспилотных воздушных судов сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации при обеспечении общественной безопасности

Аннотация

Статья посвящена актуальной проблеме применения беспилотных воздушных судов в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации при обеспечении общественной безопасности. В статье проведен анализ правового регулирования в указанной сфере, рассмотрены перспективные направления применения беспилотных воздушных судов в сфере органов внутренних дел. Автором сделан вывод, что применение беспилотных воздушных судов играет важную роль в повышении эффективности работы органов внутренних дел Российской Федерации.

Ключевые слова и словосочетания: беспилотные воздушные суда, органы внутренних дел, общественная безопасность, полиция.

На сегодняшний день в нашей стране и во многих странах мира в деятельности правоохранительных органов успешно применяются беспилотные воздушные суда¹, под которыми согласно Воздушному кодексу Российской Федерации понимаются воздушные суда, управляемые, контролируемые в полете пилотом, находящегося вне борта такого воздушного судна (внешним пилотом)².

¹ Далее – БВС.

² Воздушный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации. 1997. № 12. Ст. 1383.

Основной закон Российской Федерации провозглашает права и свободы человека и гражданина высшей ценностью. Защита жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, противодействие преступности, охрана общественного порядка, собственности и обеспечение общественной безопасности являются предназначением полиции.

Обращаясь к дефиниции «общественная безопасность», необходимо отметить, что в соответствии с Концепцией общественной безопасности в Российской Федерации, утвержденной Президентом Российской Федерации 14 ноября 2013 г. № Пр-2685¹, под указанной дефиницией понимается состояние защищенности человека и гражданина, материальных и духовных ценностей общества от преступных и иных противоправных посягательств, социальных и межнациональных конфликтов, а также от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

Нельзя не согласиться с мнением А. А. Варгузовой о том, что существует тесная взаимосвязь личной безопасности граждан с общественной безопасностью, которая проявляется не только в том, что от безопасности отдельного человека зависит состояние безопасности общества в целом, но и в том, что общественная безопасность означает ограждение от опасности одновременно многих людей на всей территории страны или в конкретном субъекте Российской Федерации, городе, населенном пункте [1, с. 17].

Согласно Федеральному закону от 4 августа 2023 г. № 440-ФЗ² полиции предоставлены права по использованию беспилотных аппаратов, пресечению их функционирования, а также применению специальных средств противодействия беспилотным воздушным судам.

В настоящее время в 88 субъектах Российской Федерации в структуре подразделений на окружном, региональном и районном уровнях созданы и функционируют отделы (отделения, группы) применения и эксплуатации робототехнических комплексов и беспилотных воздушных судов³.

¹ Концепция общественной безопасности в Российской Федерации [Электронный ресурс]: утв. Президентом Рос. Федерации 14 ноября 2013 г. № Пр-2685 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 13.08.2025).

² О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 4 августа 2023 г. № 440-ФЗ // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2023. № 32. (Часть I). Ст. 6172.

³ О некоторых вопросах подразделений информационных технологий, связи и защиты информации территориальных органов МВД России [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 13 июля 2022 г. № 516 // СПС «СтрасЮрист» (дата обращения: 13.08.2025).

В соответствии с законодательством Российской Федерации полиция использует БВС при документировании обстоятельств совершения преступлений, административных правонарушений, обстоятельств происшествий, в том числе в общественных местах, а также для фиксации действий сотрудников полиции, выполняющих возложенные на них обязанности.

Стоит отметить, что применение БВС сотрудниками полиции для обеспечения общественной безопасности стало актуальным направлением в последние годы. БВС используются для наблюдения за массовыми мероприятиями, такими как концерты, спортивные соревнования, митинги и праздники. Это позволяет полиции оперативно реагировать на любые инциденты и контролировать ситуацию [3, 1151].

Полагаем целесообразным согласиться с мнением И. В. Егошина и В. Н. Константинова о том, что применение беспилотных воздушных судов органами внутренних дел является важным направлением деятельности при выполнении оперативно-служебных задач. Современные беспилотные воздушные суда имеют большой технический потенциал, позволяющий совершенствовать работу органов внутренних дел, как в части обеспечения общественного порядка и общественной безопасности, так и в рамках проведения различного рода поисковых мероприятий [4, с. 151].

По мнению Д. Н. Зорина, проведение массовых мероприятий – один из примеров эффективного использования беспилотных летательных аппаратов, когда над толпой висит беспилотник с дополнительным оборудованием в виде фото- и видеофиксации. Несложно будет, анализируя запись, понять, кто вскрыл автомобиль или ограбил кого-то в толпе, производить облет водоемов или лесов для выявления браконьеров и незаконной вырубки леса. Также функция распознавания лиц при воздушном патрулировании городских улиц позволит вовремя обнаружить людей, находящихся в розыске. Экономически это намного выгоднее, чем привлекать автомобили с людьми и вертолеты, не говоря уже о безопасности данных мероприятий. Аппараты способны проводить в воздухе без подзарядки до 10 часов, в зависимости от дополнительного оборудования и конфигурации самого дрона [5, с. 102].

Резюмируя указанные мнения, можно сделать вывод, что применение беспилотных воздушных судов играет важную роль в обеспечении общественной безопасности, так как позволяет сотрудникам органов внутренних дел эффективнее выполнять задачи, стоящие перед ними.

Считаем целесообразным выделить основные направления применения сотрудниками ОВД при обеспечении общественной безопасности беспилотных воздушных судов, среди которых:

- беспилотное патрулирование для выявления и фото- и видеofиксации противоправного поведения и происшествий на обслуживаемой территории;
- обеспечение общественной безопасности в ходе проведения массовых спортивных, культурных и иных мероприятий на открытом воздухе.

Несмотря на все преимущества БВС, нельзя не учитывать, что при их применении сотрудниками ОВД возникает ряд проблем, одной

из которых является несовершенство правовой базы, регламентирующей вышеперечисленные действия сотрудников ОВД.

Правовое регулирование применения БВС сотрудниками ОВД при обеспечении общественной безопасности осуществляется рядом нормативных правовых актов.

Воздушный кодекс Российской Федерации регулирует понятие беспилотного воздушного судна, беспилотной авиационной системы, предусматривает государственную регистрацию, государственный учет воздушных судов, устанавливает обязательную сертификацию беспилотных авиационных систем и их элементов.

Следует подчеркнуть, что авиация, согласно статье 20 Воздушного кодекса Российской Федерации, используемая для решения задач в обеспечения общественной безопасности относится к государственной авиации специального назначения. Вместе с тем с изданием Указа Президента Российской Федерации от 5 апреля 2016 г. № 157 «Вопросы Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации» авиация МВД России как отрасль передана в Росгвардию. В связи с чем, авиация МВД России как таковая перестала существовать и на сегодняшний день применение БВС в деятельности ОВД следует рассматривать в качестве применения специальных технических средств.

Следующим по значимости нормативным правовым актом в области использования сотрудниками ОВД беспилотных воздушных судов являются Правила использования воздушного пространства Российской Федерации, утвержденные Постановлением Правительства Российской Федерации от 11 марта 2010 г. № 138¹. При

¹ Об утверждении Федеральных правил использования воздушного пространства Российской Федерации: Постановление Правительства Рос. Федерации от 11 марта 2010 г. № 138 // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2010. № 14. Ст. 1649.

использовании сотрудниками ОВД БВС необходимо учитывать, что в соответствии с пунктом 52 Правил использование воздушного пространства беспилотным воздушным судном в воздушном пространстве классов А, С и G осуществляется на основании плана полета воздушного судна и разрешения на использование воздушного пространства.

С 1 августа 2025 года в Российской Федерации действует новый класс воздушного пространства – Н. Среди особенностей указанного класса можно выделить то, что он устанавливается в воздушном пространстве от 0 до 150 метров от земной (водной) поверхности и на специально выделенных для БВС маршрутах на высотах ниже 3050 метров. За исключением полетов в приграничной полосе, БВС могут использовать воздушное пространство Н без специального разрешения, если высота полетов не превышает 150 метров, скорость – 450 км/ч, а масса дрона – 30 кг. Указанные изменения на много упростят применение сотрудниками ОВД беспилотных воздушных судов при обеспечении общественной безопасности.

Что касается ведомственной нормативной правовой базы, здесь необходимо отметить, что за последние несколько лет она стала более совершенной, принято значительное количество приказов МВД России, направленных на урегулирование таких вопросов как поддержание летных навыков, оснащение подразделений территориальных органов МВД России БВС и средствами противодействия БВС, единого порядка организации применения БВС, организации работы в сфере противодействия БВС.

Считаем целесообразным остановиться на рассмотрении основных положений указанных нормативных правовых актов.

1) Учитывая, что одной из основных проблем применения БВС сотрудниками ОВД является отсутствие подготовленных на достаточном уровне квалифицированных кадров, в настоящее время в целях устранения указанного пробела в ОВД организовано обучение авиационного персонала МВД России в рамках дополнительных профессиональных программ на базе образовательных организаций МВД России. Кроме того, на базе ФКУ НПО «СТиС» МВД России организована подготовка сотрудников, использующих в своей работе БВС. Практико-ориентированные занятия, включающие элементы эксплуатации и тренировки, способствуют формированию устойчивых профессиональных навыков и готовности к действиям в самых различных условиях [2].

В целях поддержания летной натренированности авиационного персонала МВД России на беспилотных воздушных судах 29 декабря 2022 года издан приказ МВД России № 1111 «Об утверждении

Курса поддержания летной натренированности авиационного персонала МВД России на беспилотных воздушных судах»¹, разработанный для подготовки сотрудников ОВД, привлекаемых к выполнению оперативно-служебных задач с применением беспилотных воздушных судов. Курс определяет содержание, объем, последовательность поддержания летной натренированности, восстановления навыков, проверки, допуска к выполнению полетов внешних пилотов, операторов беспилотных воздушных судов подразделений органов внутренних дел Российской Федерации и переподготовку внешнего пилота, оператора БВС к полетам в качестве инструктора.

2) Приказ МВД России от 16 ноября 2023 г. № 865², которым утвержден порядок принятия решения о пресечении функционирования БВС, а также перечень должностных лиц полиции, уполномоченных на принятие такого решения. Решение о пресечении функционирования БВС принимается должностным лицом подразделения, организации и службы, создаваемых для выполнения возложенных на полицию обязанностей, уполномоченным на его принятие. Решение о пресечении функционирования беспилотных аппаратов принимается в целях защиты жизни, здоровья и имущества граждан, сотрудников органов внутренних дел. При принятии такого решения должностное лицо обязано оценить возможные риски от результатов пресечения функционирования БВС.

На основании приказа № 865 территориальные органы субъектов Российской Федерации издают свои локальные правовые акты.

Как отметила в своем выступлении «О перспективах развития специальной техники и специальных средств в органах внутренних дел Российской Федерации» начальник ФКУ НПО «СТиС» МВД России полковник внутренней службы Н. А. Столярова опыт последних лет ясно показывает: противодействие несанкционированному применению беспилотных воздушных судов стало неотъ-

¹ Об утверждении Курса поддержания летной натренированности авиационного персонала МВД России на беспилотных воздушных судах [Электронный ресурс] : приказ МВД России от 29 декабря 2022 г. № 1111 // СПС «СтрасЮрист» (дата обращения: 13.08.2025).

² Об утверждении Порядка принятия решения о пресечении функционирования беспилотных воздушных, подводных и надводных судов и аппаратов, беспилотных транспортных средств и иных автоматизированных беспилотных комплексов в целях защиты жизни, здоровья и имущества граждан, сотрудников органов внутренних дел, в том числе в месте проведения публичного (массового) мероприятия и прилегающей к нему территории, проведения неотложных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий и Перечня должностных лиц полиции, уполномоченных на принятие такого решения [Электронный ресурс] : приказ МВД России от 16 ноября 2023 г. № 865 // СПС «СтрасЮрист» (дата обращения: 13.08.2025).

емлемой частью системы обеспечения общественной безопасности [2].

Кроме того, необходимо отметить, что на отдельных территориях введены режимы, предусматривающие усиление обеспечения общественной безопасности. В связи с чем, на основании Указа Президента Российской Федерации от 25 августа 2023 г. № 641 «О дополнительных мерах, осуществляемых в субъектах Российской Федерации в связи с Указом Президента Российской Федерации от 19 октября 2022 г. № 756 «О введении военного положения на территориях Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей» введены дополнительные меры по обеспечению общественной безопасности.

3) Приказ МВД России от 26 декабря 2024 г. № 955 «Об утверждении Инструкции по организации использования робототехнических комплексов и беспилотных воздушных судов в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации»¹, в котором говорится, что БВС в органах внутренних дел Российской Федерации применяются с учетом требований воздушного законодательства Российской Федерации. В пункте 3 изложен перечень целей и задач, для мероприятий, осуществление мероприятий по противодействию экстремистской деятельности, участия в мероприятиях по противодействию терроризму и по обеспечению правового режима контртеррористической операции, а также при обеспечении защиты потенциальных объектов террористических посягательств и мест массового пребывания граждан и других.

Вышеперечисленные нормативные правовые акты на сегодняшний день составляют базис правовой регламентации применения сотрудниками ОВД беспилотных воздушных судов при обеспечении общественной безопасности.

В настоящее время нормативно-правовое регулирование в области применения сотрудниками ОВД БВС в целом и при обеспечении общественной безопасности в частности находится в стадии становления. По нашему мнению, учитывая важность рассматриваемой сферы необходимо создание нормативной правовой базы, которая бы в полной мере регламентировала правовой статус сотрудников органов внутренних дел в вопросе применения в их деятельности БВС. Обязательной дополнительной проработке

¹ Об утверждении Инструкции по организации использования робототехнических комплексов и беспилотных воздушных судов в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации [Электронный ресурс] : приказ МВД России от 26 декабря 2024 г. № 955 // СПС «СтасЮрист» (дата обращения: 13.08.2025).

подлежат вопросы закупки и снабжения подразделения ОВД беспилотными воздушными судами, учитывая то, что БВС являются достаточно дорогостоящими техническими средствами, и, кроме того, требует четкого определения количества необходимых БВС для выполнения задач конкретного подразделения ОВД.

Одновременно с этим необходима своевременная проработка вопросов правовой регламентации правового статуса БВС, необходимость внесения изменений в административное законодательство в части установления административной ответственности за несанкционированное применение БВС. В настоящее время указанная сфера регламентирована лишь двумя статьями в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях, что затрудняет квалификацию административных правонарушений и привлечение к административной ответственности правонарушителей, несанкционированно применяющих БВС сотрудниками органов внутренних дел при обеспечении общественной безопасности.

Список литературы:

1. *Варгузова А. А.* Административно-правовое регулирование деятельности органов внутренних дел в сфере обеспечения общественной безопасности в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. : ВНИИ МВД России, 2005. с. 17.

2. В ответ на новые угрозы URL: <https://mvdmedia.ru/publications/police-of-russia/sluzhba-pol/v-otvet-na-novye-ugrozy/?ysclid=mebmso83w0764589798> (дата обращения: 30.07.2025).

3. *Долина М. Ю., Андреева Е. В.* Роль беспилотных воздушных судов в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации // Актуальные проблемы административного и административно-процессуального права (Сорокинские чтения): сборник статей по материалам международной научно-практической конференции 21.03.2025 / под общей ред. д-ра юрид. наук, проф. А. И. Каплунова. Санкт-Петербург: 2025, 1151 с.

4. *Егошин И. В., Константинов В. Н.* Актуальность практического применения органами внутренних дел беспилотных летательных аппаратов при выполнении оперативно-служебных задач // Вестник Уральского юридического института МВД России. С. 102.

5. *Зорин Д. Н.* О некоторых вопросах применения и развития беспилотных летательных аппаратов // Административное право и процесс. 2022. № 12. С. 189.

Ерофеева Виктория Александровна,
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник
научно-исследовательского центра,
Академия управления МВД России
E-mail: 89772755323eva@mail.ru

О некоторых вопросах организации работы по обеспечению профилактики правонарушений и преступлений несовершеннолетних

Аннотация

В статье рассматривается нормативная правовая база, регламентирующая деятельность органов внутренних дел на транспорте по обеспечению профилактики преступлений и правонарушений несовершеннолетних. Отражена работа органов предварительного расследования по данному направлению. Предлагается акцентировать внимание на некоторых моментах, касающихся деятельности по предупреждению преступлений несовершеннолетних, внести некоторые дополнения в законодательные акты.

Ключевые слова и словосочетания: *несовершеннолетние, профилактика правонарушений несовершеннолетних, предупреждение преступлений несовершеннолетних, уголовное дело в отношении несовершеннолетних.*

Организация внутриведомственного и межведомственного взаимодействия по профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, предупреждению, раскрытию и расследованию преступлений, совершенных несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних, защите их прав и законных интересов осуществляется на основании совместного приказа МВД России, Генпрокуратуры России, СК России, МЧС России, ФСКН России, ФСБ России, ФТС России, ФСИН России, ФССП России от 14 ноября 2014 г. № 1042дсп / 529дсп / 98дсп / 635дсп / 450дсп / 640дсп / 2202дсп / 25дсп / 645дсп «Об утверждении Инструкции о порядке взаимного обмена информацией по уголовным делам о

преступлениях, совершенных несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних»¹, приказов МВД России от 15 октября 2013 г. № 845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации», от 19 января 2015 г. № 31дсп «Об утверждении Инструкции о порядке взаимодействия сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации по предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, защите их прав и законных интересов», Федеральный закон Российской Федерации от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних».

С 24 августа 2023 г. приказом МВД России № 619 «О некоторых организационных вопросах деятельности органов внутренних дел Российской Федерации по профилактике правонарушений» признан утратившим силу ряд нормативных правовых актов МВД России, касающихся предупреждения преступлений и профилактики правонарушений, в том числе приказ МВД России от 17 января 2006 г. № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений». На наш взгляд, можно согласиться с некоторыми исследователями в том, что данный нормативно-правовой акт практически не изменил подхода сотрудников к вопросам профилактики преступлений, поскольку превентивная деятельность ОВД на законодательном уровне регламентируется более чем в пятидесяти нормативно-правовых актах, предписаниях и инструкциях [1, с. 74].

Уголовные дела по преступлениям несовершеннолетних расследуются наиболее опытными следователями (дознателями) территориальных органов МВД России на железнодорожном, водном и воздушном транспорте.

В соответствии с частью 2 статьи 158 УПК РФ вынесение представлений по уголовным делам о принятии мер по устранению причин и условий, способствовавших совершению преступлений – это

¹ До 03.04.2025. С 3 апреля 2025 года вступил в силу совместный приказ Генеральной прокуратуры Российской Федерации, Следственного комитета Российской Федерации, МВД России, МЧС России, ФСБ России, ФТС России, ФСИН России, ФССП России «Об утверждении и о введении в действие Инструкции о порядке взаимодействия правоохранительных органов при производстве по уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними и в отношении несовершеннолетних» № 246/38/191/276/140/320/193/217. Предыдущий приказ регламентировал порядок обмена информацией между ведомствами по уголовным делам несовершеннолетних, а вступивший в силу – порядок взаимодействия ведомств, т. е. затрагивает более широкий спектр действий правоохранительных органов по данному направлению.

основная форма профилактической деятельности органов предварительного следствия. По уголовным делам о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, к таким обстоятельствам можно отнести условия и причины формирования у несовершеннолетнего девиантного поведения, антиобщественных взглядов и условия, способствующие совершению самого преступления, возможно-го участия взрослых лиц в вовлечении несовершеннолетних в его совершение.

По всем уголовным делам органами предварительного расследования направляются представления по устранению причин и условий, способствующих совершению преступлений, в учебные организации несовершеннолетних, по месту жительства, в органы социальной опеки и попечительства, по месту работы родителей и пр.

Также по уголовным делам сотрудниками дознания и следствия направляется информация в территориальные ОВД по месту жительства несовершеннолетних, в отношении которых избрана мера пресечения, не связанная с лишением свободы, а также в отношении которых уголовное преследование прекращено по нереабилитирующим основаниям. С учетом специфики совершенных преступлений, их ставят на профилактический учет.

Следователями и дознавателями на транспорте в ходе расследования уголовных дел в отношении несовершеннолетних уделяется особое внимание соблюдению законности и конституционных прав участников уголовного судопроизводства.

При проведении доследственных проверок и расследовании уголовных дел в отношении несовершеннолетних, сотрудниками подразделений следствия и дознания осуществляется взаимодействие с сотрудниками ПДН линейных подразделений, ПДН сопредельных территориальных органов внутренних дел, комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав по месту жительства несовершеннолетних, а именно, своевременно (в течение трех суток с момента принятия решения) направляются копии постановлений о возбуждении либо отказе в возбуждении уголовных дел, справки на выявленное лицо, копии процессуальных документов об окончании расследования (постановления о прекращении уголовного дела, либо преследования, обвинительный акт).

В ходе расследования в полном объеме устанавливаются характеризующие сведения и обстоятельства, предусмотренные ст. 421 УПК РФ (собираются характеристики, справки с КДНиЗП и ПДН, устанавливаются социальные условия проживания).

При реализации межведомственных нормативных документов, регламентирующих вопросы взаимодействия по профилактике, раскрытию и расследованию преступлений несовершеннолетних, проблемных вопросов, требующих принятия дополнительных организационных мер по контролю за их исполнением, на наш взгляд, не имеется.

Однако полагаем, что в законодательстве необходимо акцентировать внимание на некоторых моментах, касающихся деятельности по предупреждению преступлений несовершеннолетних:

- об информировании несовершеннолетних и их родителей либо законных представителей о правилах поведения детей в различных опасных жизненных ситуациях;

- определить подразделения по противодействию преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и определить им функции и полномочия по предупреждению преступлений, в том числе совершенным в отношении несовершеннолетних с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и сети «Интернет»;

- отразить отдельным критерием «Сведения о результатах работы по совершенствованию деятельности органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» статистической формы отчетности «Несовершеннолетние», утвержденной приказом МВД России от 30 января 2014 г. № 57 показатели, отражающие сведения о деятельности органов внутренних дел по профилактике преступлений с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, в том числе в сети «Интернет», дополнив строками следующего содержания:

«66. Выявлено интернет-ресурсов (ссылок, сайтов и пр.), содержание которых может причинить вред здоровью несовершеннолетних и их развитию»;

«67. Направлено¹ информацией по блокированию интернет-ресурсов, содержание которых может причинить вред здоровью несовершеннолетних и их развитию»;

«68. Заблокировано интернет-ресурсов, содержание которых может причинить вред здоровью несовершеннолетних и их развитию».

¹ На основании части 5 статьи 15.1 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Постановления Правительства Рос. Федерации от 16 марта 2009 г. № 228.

Проведение аналитической работы по указанным видам преступных деяний позволит выявить степень распространения указанной категории преступлений, принимать своевременные меры по совершенствованию правоохранительной деятельности по профилактике, пресечению и раскрытию данных преступлений.

Некоторые исследователи предлагают ориентироваться на зарубежный опыт ювенального права (на примере законодательств Германии и Великобритании) в плане совершенствования отечественного законодательства по реализации профилактических мер в среде несовершеннолетних [1, с. 213]. На наш взгляд, данное предложение не лишено смысла и требует тщательного изучения, не ограничиваясь лишь указанными странами.

Список литературы:

1. *Искалиев Р. Г.* К вопросу правового регулирования деятельности подразделений ЭБиПК по предупреждению преступлений // Труды Академии управления МВД России. 2024. № 3 (71). С. 74–84.
2. *Черкасова, Д. Н.* Применение международного опыта в правотворческом регулировании предупреждения преступности несовершеннолетних в России // Общество в эпоху кризиса глобализации: актуальные проблемы права, экономики и межкультурной коммуникации: сборник статей. В 2-х томах. Ростов-на-Дону: Автономная некоммерческая организация по поддержке научно-исследовательской и просветительской деятельности «Спутник науки», 2022. С. 213–218.

Игнатъев Никита Олегович,
научный сотрудник отдела
планирования и контроля
научных исследований
научно-исследовательского центра,
Академия управления МВД России
E-mail: nikitachita2@yandex.ru

Общественная безопасность в России: историко-теоретический аспект

Аннотация

Историко-теоретический анализ демонстрирует, что современное понимание общественной безопасности является результатом длительной концептуализации в истории России. На каждом историческом этапе общественная безопасность была тесно переплетена с государственной политикой, что оказывало непосредственное влияние на организационно-правовую структуру органов, их функции и задачи. В статье на основе контекстно-средового критерия периодизации рассматривается понятие общественной безопасности в дореволюционный, советский и современный период. Исследуются факторы, влиявшие на изменения в системе безопасности: социально-политические преобразования, войны, революции, восстания и технологический прогресс.

Ключевые слова и словосочетания: история России, общественная безопасность, правоохранительные органы, безопасность государства.

В России категория «общественная безопасность» прошла сложную эволюцию, отражая трансформацию представлений о природе социального порядка. При условии общих взглядов и понимания безопасности общества в разные исторические периоды они значительно изменялись.

Общественная безопасность – сложная, динамично развивающаяся категория, которая в разные исторические периоды и в различных правовых системах понималась по-разному. Ее эволюция отражает изменения в государственном управлении, социальных отношениях и угрозах обществу.

Впервые упоминание терминов со схожим смыслом прослеживается в древней Греции в работах Платона и Аристотеля. Безопасность полиса (города) рассматривалась как условие достижения эвдемонии (благосостояния, спокойствия).

В Средневековой Европе в трудах Фомы Аквинского обнаружено выражение «*Tranquillitas ordinis*», интерпретирующееся как спокойствие порядка или благосостояние порядка.

Наши предшественники активно не пользовались термином «общественная безопасность», но оперировали смежными понятиями, которые несли аналогичный смысл и содержание (благочиние, государственная безопасность).

В России общественная безопасность всегда была тесно связана и переплетена с государственной политикой. В статье на основе контекстно-средового критерия периодизации выделено три этапа: дореволюционный, советский и современный. Такая периодизация уместна не только из-за общепринятости в науке, но и из-за различных отношения к общественной безопасности в каждом из указанных исторических периодов.

По нашему мнению, на каждом из этапов общественная безопасность включала в себя два основных компонента, по каждому из которых принимались определенные правовые и организационные меры:

1. Обеспечение безопасности государства (шпионаж, революционные движения, инакомыслие и т. д.);
2. Обеспечение безопасности личности от противоправных посягательств (преступления, правонарушения, террористические акты и т. д.).

Исторический этап/ направление обеспечения общественной безопасности	Обеспечение безопасности государства	Обеспечение безопасности государства Обеспечение безопасности личности от противоправных посягательств
Дореволюционный (до 1917 г.)	Жандармерия	Регулярная полиция
Советский (1917–1991 гг.)	Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем; Комитет государственной безопасности СССР	Рабоче-крестьянская милиция, советская милиция
Современный (1991 г. – н/вр.)	Федеральная служба безопасности	Милиция, полиция

В дореволюционный период в целях обеспечения общественной безопасности создавались специальные полицейские институты:

- регулярная полиция при Петре I (наиболее четкое определение задач полиции в Российской империи было зафиксировано в Регламенте Главному Магистрату 1721 года. В этом документе подчеркивалось, что «полиция есть душа гражданства и всех добрых порядков и фундаментальный подпор человеческой безопасности и удобства» [2]); реформированная при Екатерине II и Александре I (созданы специализированные государственные органы по борьбе с преступностью и охране общественного порядка);

- жандармерия при Николае I (специализированный государственный орган по борьбе с преступностью, политическим инакомыслием, революционными движениями [3]).

С 1917 года с приходом советской власти вектор и сущность общественной безопасности претерпел изменения. Одним из основных направлений общественной безопасности в советский период стал идеологический контроль. В соответствии с этим, в государстве создавались специализированные органы:

- всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем; Государственное политическое управление при НКВД РСФСР; Комитет государственной безопасности СССР (деятельность подразделений была направлена на обеспечение безопасности государства: подавление контрреволюции, шпионажа, инакомыслия). Данные структурные преобразования в системе обеспечения общественной безопасности демонстрируют поиск оптимальных и эффективных форм и моделей обеспечения безопасности [7];

- рабоче-крестьянская милиция (задачей являлась охрана революционного порядка и общественной безопасности, необходимых для социалистического строительства [4]), позднее – советская милиция (государственная правоохранительная вооруженная организация, защищающая граждан, их права, свободы и законные интересы, советское общество и государство от преступных и иных противоправных посягательств [5]).

На современном историческом этапе понятие общественной безопасности модифицировалось. Если в советский период большое внимание было нацелено на идеологический контроль, то сегодня ключевыми стали вопросы терроризма, экстремизма, цифровых угроз, информационной безопасности общества.

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» ключевыми направлениями обеспечения общественной безопасно-

сти выступают: 1) противодействие террористической деятельности; 2) противодействие криминальным и иным противоправным деяниям; 3) профилактика и пресечение экстремистской деятельности; 4) регулирование миграционных процессов и противодействие незаконной миграции; 5) противодействие коррупционным практикам [1]. Данные направления формируют комплексный механизм защиты общественного порядка и стабильности, что соответствует стратегическим приоритетам государства в сфере национальной и общественной безопасности [6].

Начиная с XVIII столетия, наблюдается поступательное развитие институциональной системы органов, ответственных за обеспечение общественной безопасности. В данный период произошло существенное расширение компетенций и функциональных обязанностей ключевых структур в указанной сфере. Примечательно, что организационная архитектура и целевые ориентиры органов государственной безопасности подвергались неоднократным трансформациям, в то время как полицейские институты, учрежденные Петром I, сохраняют свою функциональную преемственность в качестве гаранта общественной и личной безопасности на протяжении 307 лет.

С историко-теоретических позиций общественная безопасность представляет собой эволюционирующую социально-правовую конструкцию, которая:

1. Формировалась и развивается параллельно с развитием государства.
2. Включает институциональные и нормативные компоненты.
3. Меняет содержание в зависимости от исторического контекста.

Список литературы:

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 // Собрание законодательства Рос. Федерации. 2021. № 27. Ст. 5351.
2. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. 6. № 3708. (Регламент Главного магистрата, 1721 г.).
3. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 2. № 1062 (Об учреждении пяти округов жандармского корпуса, 1927 г.).

4. Положение о рабоче-крестьянской милиции // Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского Правительства СССР за 1931 год. С. 429–437.

5. О советской милиции: Закон СССР от 6 марта 1991 г. № 2001-I // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1991. № 12. Ст. 319.

6. *Коженко Я. В., Лихолетова Н. В., Беличко А. А.* Исторические этапы развития системы общественной безопасности в России // Вестник Таганрогского института имени А. П. Чехова. 2022. № 1.

7. *Павлов Д. В., Гергарт Э. В.* Историко-правовой аспект обеспечения общественной безопасности российского государства // Актуальные исследования. № 20 (150).

Кириченко Юлия Николаевна,
кандидат юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник
отделения по изучению
проблем психологического обеспечения
оперативно-служебной деятельности
отдела по исследованию проблем
отраслевого управления
научно-исследовательского центра,
Академия управления МВД России
E-mail: julija.kirichenko@rambler.ru

Тарасенко Александр Алексеевич,
кандидат педагогических наук, доцент,
начальник кафедры тактико-специальной подготовки,
Белгородский юридический институт
МВД России имени И. Д. Путилина
E-mail: A.A.Tarasenko777@yandex.ru

Отдельные методы обеспечения общественной безопасности при угрозе атаки с применением беспилотных воздушных судов

Аннотация

В работе на основе анализа полученных данных предложено рассмотреть в качестве одного из средств противодействия террористическим атакам с применением беспилотных воздушных судов их огневое поражение штатным стрелковым оружием. Научная новизна работы представлена перечнем тактических упражнений и порядком распределения функций в служебном наряде, направленными на повышение профессиональной подготовленности сотрудников органов внутренних дел к действиям как в условиях повседневной служебной деятельности, так и в особых условиях.

Ключевые слова и словосочетания: профессиональное обучение, беспилотные воздушные суда, беспилотные летательные аппараты, тактические действия, огнестрельное оружие, оперативно-служебные задачи.

Сотрудники территориальных органов МВД России, несущие службу в регионах Российской Федерации (далее – РФ), граничащих с зоной проведения СВО, столкнулись с новыми условиями оперативно-служебной деятельности и новыми угрозами личной профессиональной безопасности.

На сегодняшний день в процессе реализации своих служебных полномочий сотрудники вынуждены действовать в условиях: артиллерийских, ракетных и минометных обстрелов; активного применения вооруженными силами Украины (далее – ВСУ) беспилотных воздушных судов (далее – БВС) для проведения террористических атак на мирное население, объекты жизнеобеспечения и энергетики; периодических попыток, проникновения на территорию РФ диверсионно-разведывательных групп и регулярных частей ВСУ; резкого роста числа преступлений террористической направленности [1, 2, 4].

Помимо этого, к концу 2024 года в условиях протекающего военного конфликта, БВС как средство поражения техники и живой силы противника, твердо заняли лидирующие позиции в отдельных сегментах боевой деятельности, потеснив даже ракетные и артиллерийские удары. Преступный киевский режим неоднократно использовал массированные атаки с применением БВС на различные регионы РФ находящиеся в зоне досягаемости данных средств поражения. Согласно данным, полученным с официального сайта Министерства обороны РФ над Российскими регионами за последнее время было перехвачено и уничтожено: 29 сентября 2024 года – 125 беспилотных летательных аппаратов; 24 января 2025 года – 121 беспилотный летательный аппарат; 3 февраля 2025 года (по территории Белгородской области для атаки критически важных объектов ВСУ) – 107 беспилотных летательных аппаратов; 28 февраля 2025 года (во время ночной атаки) – 128 беспилотных летательных аппарата; 11 марта 2025 года (самая массированная атака, с применением различных типов БВС) – 343 беспилотных летательных аппарата; в ночь со 2 на 3 мая 2025 года – 170 беспилотных летательных аппаратов.

С регулярной периодичностью в приграничных населенных пунктах проводятся террористические атаки с применением FPV дронов, направленные на причинение вреда мирным жителям их жилым домам, а также гражданскому автотранспорту.

Очевидно, что представленные условия современной оперативной обстановки предъявляют и новые требования к уровню и содержанию профессиональной подготовленности сотрудников ОВД. Сформированные в процессе обучения и проведения занятий

в рамках профессиональной служебной и физической подготовки профессиональные компетенции, должны обеспечивать эффективность деятельности в ходе решения оперативно-служебных задач различной степени интенсивности и необходимый уровень личной профессиональной безопасности сотрудника.

Для обеспечения надлежащего уровня правопорядка и решения возникающих неотложных служебных задач в территориальных органах МВД России, дислоцированных в регионах, прилегающих к зоне проведения СВО, были образованы сводные отряды полиции (далее – СОП). В целях изучения вопроса «О возможностях применения стрелкового огнестрельного оружия для противодействия БВС противника», авторами было проведено анкетирование сотрудников СОП УМВД России по Белгородской области, непосредственно выполняющих оперативно-служебные задачи в районах, прилегающих к линии боевого соприкосновения.

В исследовании приняло участие более 50 респондентов ($n=58$). Необходимо отметить, что более половины участвующих в анкетировании сотрудников 51 % ($n=30$), за период командировки при выполнении оперативно-служебных задач применяли огнестрельное оружие и во всех случаях оружие применялось для противодействия БВС ВСУ. Большинство сотрудников ($n=38$) указали, что за время нахождения в составе СОП неоднократно привлекались к решению задач не свойственных для их повседневной служебной деятельности, что безусловно подтверждает необходимость актуализации имеющегося объема профессиональных компетенций к новым угрозам и вызовам, в соответствии с требованиями приказа МВД России от 27 сентября 2024 года № 575 «Об организации подготовки сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации, привлекаемых к выполнению оперативно-служебных задач в особых условиях». Схожую точку зрения высказали и сами респонденты. Подавляющее большинство опрошенных сотрудников ($n=54$) указывают на необходимость актуализации ранее сформированных умений и навыков в соответствии с реалиями складывающейся оперативно-служебной обстановки за счет внедрения в образовательный процесс упражнений, направленных на освоение тактических действий с огнестрельным оружием, таких как:

1. Упражнения с длинноствольным оружием для эффективной стрельбы по малоразмерным воздушным целям.
2. Упражнений направленных на освоение тактических действий на отражение атаки с применением БВС служебного наряда, передвигающегося в пешем порядке и на автомобиле.

3. Упражнения по слаживанию действий в составе первичной тактической единицы (боевой двойки, боевой тройки).

4. Упражнения по слаживанию действий сотрудников в составе подразделения (малой тактической группы) при решении оперативно - служебных задач, в различных условиях [3, 4, 5].

При этом респонденты особо отметили, что для успешного противодействия БВС противника необходимо комбинированное воздействие средствами РЭБ и огнестрельным оружием, а также предварительное распределение функций и слаженные действия сотрудников в составе служебного наряда. Исходя из сложившейся практики, можно рекомендовать следующий порядок распределения функций в составе служебного наряда или малой тактической группы (от 9 до 12 сотрудников):

- старший группы: поддерживает связь с ГУН СОП и взаимодействующими нарядами (подразделениями), координирует действия сотрудников группы и контролирует наземную обстановку (появление гражданских лиц и автомобилей, появление сотрудников взаимодействующих органов и т. п.);
- один сотрудник группы (заранее назначенный): контролирует перемещение БВС с использованием дрон-детектора, обеспечивает при необходимости включение имеющегося образца средства РЭБ и ведет наблюдение за воздушной обстановкой;
- остальные сотрудники группы: принимают меры к огневому поражению БВС противника всеми имеющимися средствами поражения.

Таким образом, можно утверждать, что для подготовки сотрудников ОВД к эффективным действиям по пресечению террористических атак с применением БВС необходим поиск новых средств и методов интенсификации процесса профессиональной подготовки, а также систематическая актуализация ее содержания, в соответствии с тенденциями складывающейся оперативной обстановки и появлением новых угроз и вызовов. В качестве одного из таких средств может быть рекомендовано включение в образовательный процесс профессиональной подготовки сотрудников ОВД освоение тактических действий (приемов) противодействия БВС с применением боевого ручного стрелкового огнестрельного оружия.

Список литературы:

1. Атаки ДРГ на Россию. URL: https://www.gazeta.ru/subjects/ataki_drg_na_rossiyu.shtml?ysclid=m96uovobpb93060414 (дата обращения: 27.04.2025)
2. ВСУ обстреляли шесть белгородских муниципалитетов за сутки; есть разрушения. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7639138?ysclid=m96uh7ieit487493064> (дата обращения: 07.04.2025)
3. Мельничук В. А. Особенности организации занятий по дисциплинам практической направленности с учетом внедрения в учебный процесс активных методов обучения / В. А. Мельничук, И. Д. Виноградов // Альманах Пермского военного института войск национальной гвардии. 2023. № 3(11). С. 42–46.
4. Тарасенко А. А. Актуальные вопросы тактической подготовки сотрудников полиции, несущих службу в регионах, граничащих с зоной проведения специальной военной операции / А. А. Тарасенко, Ю. Н. Кириченко // Совершенствование профессиональной и физической подготовки курсантов, слушателей образовательных организаций и сотрудников силовых ведомств : сборник материалов XXVI международной научно-практической конференции, Иркутск, 17–18 октября 2024 г. Иркутск : Восточно-Сибирский институт МВД России, 2024. С. 357–361.
5. Формирование прикладных двигательных умений и навыков у курсантов и слушателей образовательных организаций системы МВД России на занятиях по физической подготовке / С. И. Горелкин, В. А. Тарасов, А. А. Коник // Физическое воспитание и спорт в высших учебных заведениях: сборник статей XVII международной научной конференции; в 2 ч., Белгород, 14–15 апреля 2021 г. Часть 1. Белгород : Белгородский государственный технологический университет им. В. Г. Шухова, 2021. С. 85–88.

Костин Сергей Геннадьевич,
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник
научно-исследовательского центра,
Академия управления МВД России
E-mail: sergei-k@inbox.ru

Актуальные вопросы взаимодействия полиции и общества в сфере охраны общественного порядка

Аннотация

В статье рассматриваются актуальные вопросы взаимодействия полиции и граждан в сфере охраны общественного порядка. Выделены виды взаимодействия, проблемные вопросы законодательного урегулирования данного вида деятельности, раскрыты факторы, влияющие на уровень уверенности граждан в собственной защищенности и его влияния на степень доверия к полиции. В заключении сформулированы предложения о необходимости законодательного урегулирования четких алгоритмов правомерных действий добровольных народных дружинников, внештатных сотрудников, участвующих в охране общественного порядка, а также иных граждан вне зависимости от участия в охране общественного порядка, в котором нужно предусмотреть четкий порядок оказания помощи полиции.

Ключевые слова и словосочетания: *оценка качества деятельности полиции, взаимодействие, добровольные народные дружины, охрана общественного порядка, полиция, доверие граждан.*

Важную роль в процессе обеспечения прав и свобод человека играет полиция, которая осуществляет возложенные на нее функции, находясь в постоянном взаимодействии, как с отдельными гражданами, так и с различными общественными организациями.

Еще в 2001 году в своем выступлении на открытии гражданско-го форума Президент Российской Федерации В. В. Путин обратил внимание на один из социально значимых вопросов, что «без действительно партнерских отношений между государством и обще-

ством не может быть ни сильного государства, ни процветающего, благополучного общества¹».

Хотя необходимость активного взаимодействия ОВД с общественными организациями давно осознана, в большинстве своем данная форма взаимного сотрудничества организуется, исходя из формальных оснований, закрепленных в нормативных правовых актах, без глубокого понимания значимости проводимой работы.

В юридической науке выделяется два основных признака, характеризующих партнерских отношений полиции и общества – это взаимное доверия и вовлеченность граждан в дело охраны правопорядка.

Доверие строится тогда, когда граждане чувствуют, что сотрудники полиции прислушивается и соответствующим образом отвечает на имеющиеся у них потребности, мнения и опасения [1, с. 207]. Доверие должно строиться на взаимной уверенности: граждан – на профессионализм и добросовестность полиции; сотрудников органов внутренних дел – на поддержку и содействие со стороны населения.

Вовлеченность граждан проявляется в непосредственном участии в мероприятиях по охране общественного порядка, а также в информационном взаимодействии.

Реформа МВД, проведенная в недавнем прошлом, несмотря на благие намерения, привела к ряду проблем в сфере охраны общественного порядка. Значительную актуальность в последние годы приобрела высокая тенденция роста некомплекта личного состава органов внутренних дел. Выступая в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации в мае 2024 года Министр внутренних дел Российской Федерации генерал полиции Российской Федерации В. А. Колокольцев отметил, что некомплект составляет 152 тыс. сотрудников, по данным официального представителя МВД России в ноябре того же года данное число достигло 173,8 тыс. человек или 18,8 % от штатной численности.

Особенно остро стала ощущаться нехватка сотрудников патрульно-постовой и дорожно-патрульной службы в крупных городах. В небольших населенных пунктах проблема проявилась в виде дефицита участковых уполномоченных полиции, большинство из которых вынуждены обслуживать несколько отдаленных друг от друга населенных пунктов.

¹ Выступление Президента Рос. Федерации В. В. Путина на открытии Гражданского форума 21 ноября 2001 г., Москва // URL: <http://www.special.kremlin.ru/events/president/transcripts/21408> (дата обращения: 10.05.2025).

Эта ситуация все более приводит к снижению оперативности реагирования на правонарушения и преступления, что негативно сказывается на общем уровне безопасности и доверии населения к правоохранительным органам. Взаимодействие полиции с общественными объединениями правоохранительной направленности в какой-то мере позволяет урегулировать проблемы обеспечения правопорядка на улицах.

Мониторинг правоохранительной деятельности показывает, что эффективность деятельности полиции напрямую зависит от уровня поддержки и доверия со стороны общества. Суть социального партнерства – это совместное решение общих для участников проблем, реализуемое на основе процедур согласования интересов, взаимного учета позиций взаимодействующих сторон, целевых установок и ценностных ожиданий [2, с. 150].

В России в настоящее время функционирует более 10 тыс. общественных формирований правоохранительной направленности (народные дружины, казачьи общества, общественные объединения). В 2024 году с их участием задержано около 3 тыс. лиц за совершение преступлений, пресечено более 160 тыс. административных правонарушений¹.

С учетом критерия направленности деятельности общественных организаций, выделяются следующие виды взаимодействия с ОВД:

1) взаимодействие с общественными организациями антикриминального характера – добровольными (волонтерскими) организациями по охране общественного порядка (добровольными народными дружинами, казачьими организациями и др.);

2) взаимодействие с религиозными организациями (главным образом, с организациями традиционных для России конфессий);

3) взаимодействие с правозащитными организациями (в первую очередь, специализирующимися на проблемах национализма и ксенофобии);

4) взаимодействие с профессионально-экспертными объединениями (сообществами специалистов различных профессий – прежде всего, лингвистов, криминологов и журналистов);

5) взаимодействие с земляческими организациями (организациями этнических диаспор).

¹ Сведения об участии представителей общественных объединений правоохранительной направленности, казачьих обществ, внесенных в государственный реестр казачьих обществ Российской Федерации, в обеспечении правопорядка на улицах и в иных общественных местах за январь–декабрь 2024 г. [Электронный ресурс] : сборники по России. Доступ из ИМТС ОВД (дата обращения: 05.06.2025).

В качестве особой разновидности общественных антикриминальных организаций выступают общественные объединения антифашистов (антифа). Практика показывает, что, несмотря на существующее противоречие между официально декларируемыми целями деятельности данных организаций и используемыми ими методами, зачастую нарушающими нормы права и дискредитирующими их деятельность, таковые могут рассматриваться как объективные союзники органов внутренних дел. Более того, работа с указанными формированиями со стороны сил правопорядка, в части привлечения к решению задач обеспечения правопорядка, имеет серьезный предупредительный потенциал в отношении неправомерных действий членов данных объединений.

При организации взаимодействия ОВД с общественными религиозными организациями следует учитывать, что Русская Православная Церковь (РПЦ) является самой крупной в России религиозной организацией. Однако сотрудничество с РПЦ не должно быть исключительным, и тем более осуществляться в ущерб развитию отношений с представителями других традиционных для России конфессий. Следует обратить внимание на необходимость налаживания тесных контактов с представителями других традиционных конфессий – прежде всего, ислама, а также буддизма и иудаизма. Тем не менее, практические механизмы сотрудничества в данном случае требуют дальнейшего совершенствования. Что касается вопроса взаимодействия ОВД с организациями нетрадиционных конфессий (баптисты и др.), то таковое ограничивается контролем за соблюдением представителями указанных религиозных течений действующего законодательства.

В настоящее время в Российской Федерации действуют несколько общедеревальных и региональных общественных объединений и некоммерческих организаций антиэкстремистской направленности (т.е. специализирующихся собственно на организации противодействия национальной дискриминации, нетерпимости, ксенофобии и расизму).

Из числа общественных организаций, объединяющих специалистов различных профессий, особое значение в деятельности органов внутренних дел имеет взаимодействие с представителями экспертного сообщества. Важным направлением борьбы с экстремизмом и терроризмом в последние годы становится предотвращение распространения информационной продукции (книг, листовок, видео- и аудиозаписей), пропагандирующей экстремистские идеи. Поскольку ведомственные ресурсы в данной области достаточно

ограничены, при организации экспертизы задействуются возможности гражданских экспертов.

Не менее значима также работа с профессиональными объединениями журналистов, поскольку провокационный характер публикаций в СМИ может привести к росту проявлений экстремизма и даже терроризма. Кроме того, публикации в СМИ оказывают сильное влияние на имидж правоохранительных органов, занимающихся предупреждением и пресечением правонарушений, что сказывается на уровне доверия к ним граждан.

Правовые условия для возможности добровольного участия граждан в охране правопорядка урегулированы Федеральным законом от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ¹. В соответствии с законодательством граждане вправе оказывать содействие в виде информирования органы внутренних дел о правонарушениях и иных угрозах общественному порядку, участвовать мероприятиях по охране общественного порядка, в работе координационных, консультативных, экспертных и совещательных органов по вопросам правопорядка. Также граждане могут принимать участие в поиске лиц, пропавших без вести, в деятельности общественных объединений правоохранительной направленности, осуществлять внештатное сотрудничество с полицией.

В то же время в юридической научной литературе отмечаются ряд важных, неурегулированных данным Федеральным законом вопросов, в особенности, в части применения гражданами, участвующими в охране общественного порядка, мер принудительного воздействия к правонарушителям, возможности использования специальных средств самообороны. Добровольный народный дружинник в отсутствие сотрудника полиции рискует попасть в сложную ситуацию выбора правомерного с точки зрения закона поведения с правонарушителем [3, с. 51].

Несмотря на то, что участие граждан в правоохранительных мероприятиях, заведомо предполагающих угрозу их жизни и здоровью, не допускается, может возникнуть ситуация, когда в целях личной безопасности или спасения граждан потребуется применить к правонарушителям меры принудительного воздействия. Федеральным законом «Об участии граждан в охране общественного порядка» определены общие условия и пределы применения физической силы. Народные дружинники при участии в охране общественного порядка могут применять физическую силу для устранения опас-

¹ Об участии граждан в охране общественного порядка: Федеральный закон от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ (в ред. от 14.07.2022) // СЗ РФ. 2014. № 14. Ст. 153.

ности, непосредственно угрожающей им или иным лицам, в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости в пределах, установленных законодательством Российской Федерации (статья 19 Федерального закона от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ).

Совершение народным дружинником или внештатным сотрудником полиции, участвующими в охране общественного порядка, действий, повлекших нарушение или незаконное ограничение прав и законных интересов граждан или организаций, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния, влечет наложение административного штрафа в размере от одной тысячи до трех тысяч рублей¹.

Необходимо учитывать, что с ростом некомплекта сотрудников органов внутренних дел возникает все большее снижение их присутствия на улицах, в иных общественных местах, а в связи с этим и снижение уверенности граждан в своей защищенности от криминальных посягательств. Научные исследования, посвященные проблематике изучения общественного мнения, подтверждают гипотезу, что доверие к полиции выше в тех регионах, где более высокий уровень чувства защищенности у населения [4, с. 203]. Получается, снижение присутствия сотрудников полиции на улицах способствует снижению доверия граждан к правоохранительным органам.

Участие общественных объединений в охране общественного порядка позволяет обеспечить более эффективную профилактику и предупреждение правонарушений, и, вместе с этим снизить напряженность граждан и повысить их уверенность в собственной безопасности. Эффективность деятельности народной дружины во многом зависит от уважения и доверия к ней окружающего населения [5, с. 11].

Ситуации в общественных местах могут возникать разные, поэтому гражданам, участвующим в охране правопорядка, надо четко осознавать приоритеты в выборе правомерных решений и быть готовыми к соответствующим действиям.

Таким образом, законодателю необходимо обратить особое внимание на разработку алгоритма действий добровольных народных дружинников, внештатных сотрудников, участвующих в охране правопорядка, а также иных граждан вне зависимости от участия в охране общественного порядка, в котором нужно предусмотреть четкий порядок оказания помощи полиции и возможность действо-

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 23.05.2025) // СЗ РФ. 2002. № 1. Ст. 1

вать без колебаний, точно зная права и обязанности, ограничения и запреты, допустимые пределы поведения в зависимости от складывающейся ситуации.

Список литературы:

1. *Попов Д. В.* Инновационные подходы к пониманию сущности взаимодействия полиции и населения на основе доверительных отношений // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 4 (80). С. 202–207.
2. *Лащенко М. С.* Социальное партнерство в правоохранительной сфере: теоретико-методологические аспекты исследования // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2023. Том 15, № 4. С. 14–152.
3. *Дерюга Н. Н., Дерюга А. Н.* Проблемы подготовки народных дружинников при оказании первой помощи // Административное право и процесс. 2024. № 7. С. 50–53.
4. *Латов Ю. В., Ситковский А. Л., Костин С. Г.* Сравнение исследований общественного мнения о деятельности полиции на региональном уровне: ФСО versus МВД России // Труды Академии управления МВД России. 2021. № 2 (58). С. 194–206.
5. *Майоров В. И.* Проблемы организации добровольных народных дружин как формы участия граждан в охране общественного порядка (на примере Челябинской области) // ВВ: Административное право и практика администрирования. 2016. № 4. С. 9–14.

Кофтина Юлия Николаевна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры психологии, педагогики
и организации работы с кадрами,
Академия управления МВД России
E-mail: yulenska1979@mail.ru

Оценка современного состояния кадрового обеспечения МВД России

Аннотация

Сложившаяся на сегодняшний день кадровая ситуация в подразделениях МВД России характеризуется достаточно высоким уровнем некомплекта личного состава. Практически все основные направления деятельности органов внутренних дел Российской Федерации испытывают недостаток сотрудников, обладающих достаточной квалификацией. В оперативных подразделениях, в следствии и дознании, в службе участковых уполномоченных, в патрульно-постовой службе и в других подразделениях в силу специфики деятельности, связанной с высоким уровнем нагрузки, регулярными стрессовыми ситуациями, одновременно с необходимостью выполнения различных повседневных рутинных процедур, некомплект личного состава приводит к неудовлетворенности действующих сотрудников условиями службы, а, следовательно, к высокому уровню сменяемости личного состава, что и обуславливает актуальность тематики данного исследования.

Ключевые слова и словосочетания: *кадровая политика, государственная служба, кадровое обеспечение, кадровый резерв, органы внутренних дел.*

В результате продолжающейся реформы системы МВД России вопросы совершенствования организации управления приобретают особое значение, поскольку ни один орган внутренних дел (далее – ОВД) не может эффективно функционировать, если механизм управления дает сбой. Управленческая деятельность в системе МВД России имеет свою специфику, которая заключается в правоохранительном характере управления. И здесь роль руководителя особенно велика. Именно он непосредственно руководит деятельностью органа, организации, подразделения МВД России.

Ежегодно, подводя итоги работы МВД России, руководство страны и Министерства обращает внимание на системную проблему возросших нагрузок, связанных со значительным некомплектом личного состава. Открытой остается потребность в совершенствовании организационно-правового механизма отбора и подготовки кадров, формировании кадровых резервов, в корректировке структурного построения ОВД.

Так, по итогам 2024 года по-прежнему остро стоит вопрос комплектования служб и подразделений МВД России. Общее количество вакансий за год увеличилось более чем на 33 тысячи и превысило 172 тысячи должностей. Из них 145 тысяч – аттестованные. Очевидно, что в таких условиях поддержание контроля за состоянием оперативной обстановки приводит к неизбежным переработкам, вызывая дальнейший отток кадров. «Но даже при сложной кадровой ситуации позиция должна оставаться неизменной: категорически неприемлемо снижение критериев отбора кандидатов на службу в ОВД» – подчеркнул глава ведомства В. А. Колокольцев в своем докладе на расширенном заседании коллегии МВД России в марте 2025 года [1].

На фоне общего некомплекта актуализируется также другая острая проблема, а именно, нехватка профильных специалистов в различных специфических областях деятельности, требующих высокого уровня компетентности, таких как информационные технологии и информационная безопасность, экспертно-криминалистическая деятельность и другие. Не являются исключением и управленческие кадры для замещения руководящих должностей. При отсутствии качественной базы отбора кандидатов на руководящие должности возникает проблема недостаточной компетентности руководителей.

Одновременно, служба в ОВД на сегодняшний день, следует это, к сожалению, признать, не вполне привлекательна среди иных правоохранительных органов. Поэтому, едва ли проблему «кадрового голода» можно решить на основе притока специалистов из иных государственных органов власти и гражданских организаций.

Согласно статистическим данным ГУРЛС МВД России за 2024 год реализованы мероприятия по подбору и расстановке кадров руководящего звена МВД России, в том числе по формированию и подготовке кадрового резерва на федеральном и региональном уровнях. Должности номенклатуры Президента Российской Федерации укомплектованы на 95,1%. Из 367 штатных должностей высшего начальствующего состава остаются вакантными 18 единиц. Некомплект должностей номенклатуры Министра внутренних дел

Российской Федерации составил 13,3 %. В прошедшем году активно использовался федеральный кадровый резерв. Из 39 руководителей, назначенных на должности соответствующей номенклатуры, в кадровом резерве состояли 30 (эффективность 77,0 %) [3].

Несмотря на положительные данные по укомплектованию резервистов, проблемы включения сотрудников органов, организаций, подразделений МВД России в кадровые резервы остаются не решенными в настоящее время.

В рамках данного исследования нами был проведен анкетирование сотрудников подразделений МВД России, которое показало следующие результаты.

Среди опрошенных подавляющее большинство состоит или состояли в кадровом резерве своего подразделения 87 %. Также 2 % состоит или состояли в кадровом резерве МВД России. Это объясняется тем, что опрос проводился преимущественно среди представителей управленческих должностей различного уровня (обучающихся в Академии управления МВД России): 3 % опрошенных начальники территориальных органов районного уровня; 26 % проходят службу в должностях заместителей начальников территориальных органов районного уровня; 34 % руководители структурных подразделений; еще 35 % заместители руководителей структурных подразделений.

В качестве основных факторов, отталкивающих молодых специалистов к приходу на службу или увольнения через короткий промежуток времени после трудоустройства опрошенные видят: 87 % недостаточный уровень денежного довольствия; 54 % недостаточный уровень организации условий службы; 39 % недостаточный уровень обеспечения социальными гарантиями сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации; 41 % опрошенных отметили недостаточный уровень эффективности, проводимой кадровой политики МВД России по замещению вакантных должностей не руководящего состава; 37 % опрошенных отмечают недостаточный уровень эффективности, проводимой кадровой политики в системе МВД России по замещению вакантных должностей руководящего состава.

Интересный результат заключается в выявленной корреляционной зависимости между уровнем некомплекта личного состава в подразделениях, где респонденты проходят службу и уровнем их оценки кадровой политики в системе МВД России по замещению вакантных должностей как управленческого, так и рядового состава. Респонденты, оценившие некомплект своего подразделения в 20 и более % в подавляющем большинстве придерживаются скептиче-

ской точки зрения и относительно проводимой кадровой политики ведомства.

В отношении к формированию кадровых резервов и эффективности этого инструмента комплектования руководящих должностей мнения разделились, 44 % опрошенных высказались относительно недостаточной эффективности данной деятельности. Среди них 36 % респондентов отметили, что механизм кадровых резервов сопряжен с дополнительными административными нагрузками на включенный в него личный состав, не связанными с оперативно-служебной деятельностью подразделений. Еще 30 % прошедших опрос отметили непрозрачность механизма и критериев отбора претендентов для включения сотрудников в состав кадровых резервов. 25 % опрошенных высказались в пользу мнения о том, что механизм в целом неэффективен, а назначения на вышестоящие должности мало связано с нахождением претендента в составе резерва.

Вопросы, связанные с дополнительным денежным стимулированием сотрудников, включенных в кадровый резерв и предоставлением им достаточного времени на освоение индивидуальных программ переподготовки, нашли отклик среди опрошенных. В пользу первого выступили 73 %, в пользу второго 63 %. За преимущественное прохождение переподготовки в удаленном дистанционном формате высказались 60 % прошедших анкетирование сотрудников.

С учетом полученных результатов и в подтверждении нашей точки зрения, комплектование, обучение и эффективное использование многоуровневого кадрового резерва МВД России, обеспечивающего максимально высокую степень подготовки кандидатов к назначению на вышестоящие должности должны стать важнейшим направлением обеспечения кадровой политики МВД России [2, с. 183].

Одновременно с этим на сегодняшнем этапе развития системы МВД России организация и правовое обеспечение формирования кадровых резервов далеки от совершенства. Таким образом, актуальным представляется поиск новых путей и методов совершенствования деятельности по формированию кадровых резервов в подразделениях МВД России и по прохождению профессиональной переподготовки сотрудниками, включенными в кадровые резервы.

Список литературы:

1. Выступление Владимира Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России // URL: <https://мвд.рф/news/item/62189090?ysclid=mdq0x4gif4855767478> (дата обращения: 30.07.2025).
2. *Кофтина Ю. Н.* Формирование профессионального кадрового состава как условие эффективности обеспечения кадровой политики МВД России // *Право и государство: теория и практика.* № 11(239). 2024. С. 181–184.
3. Сведения о состоянии работы с кадрами органов внутренних дел Российской Федерации за 2024 год: сборник аналитических и информационных материалов. М.: ГУРЛС МВД России, 2024. 73 с.

Мангасаров Руслан Анатольевич,
кандидат юридических наук,
начальник отделения по изучению
проблем психологического обеспечения
оперативно-служебной деятельности
отдела по исследованию проблем
отраслевого управления
научно-исследовательского центра,
Академия управления МВД России
E-mail: Mangasarov_pro@mail.ru

Информационное обеспечение оперативно- розыскной деятельности подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел Российской Федерации

Аннотация

В статье рассматриваются некоторые вопросы информационного обеспечения оперативно-розыскной деятельности подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции.

Ключевые слова и словосочетания: *информационное обеспечение, оперативно-розыскная деятельность, экономические преступления, оперативно-розыскные мероприятия, подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции.*

Информационное обеспечение оперативно-розыскной деятельности¹ представляет собой многоуровневую систему, играющую ключевую роль в организации работы подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России². В современной правовой доктрине сложился устойчивый подход, согласно которому информационное обеспечение оперативно-розыскных подразделений реализуется по трем основным направлениям.

¹ Далее – ОРД.

² Далее – ЭБиПК.

Первое направление связано с формированием и развитием информационных ресурсов локального характера на уровне оперативно-розыскных подразделений. Ведомственные нормативные акты определяют оперативный учет как систематизированный массив сведений, собираемых и обрабатываемых в автоматизированных банках данных и картотеках. Особенностью текущего состояния является отсутствие специализированных закрытых информационных баз для подразделений ЭБиПК на районном уровне, что компенсируется ведением оперативных учетов на региональном уровне.

Второе направление охватывает развитие ведомственных информационных систем, находящихся в компетенции Главного информационно-аналитического центра МВД России¹ и территориальных информационных центров. Центральное место в этой системе занимает Интегрированный банк данных оперативно-розыскного назначения², который, несмотря на передачу функций от упраздненных подразделений оперативно-розыскной информации к Бюро специальных технических мероприятий МВД России, сохранил свою значимость в выявлении экономических и коррупционных преступлений.

Третье направление предполагает использование информационных массивов иных государственных органов, не являющихся субъектами ОРД. Речь идет о таких ресурсах, как Единый государственный реестр юридических лиц³, Единый государственный реестр индивидуальных предпринимателей⁴, официальный сайт Единой информационной системы в сфере закупок, Государственная информационная система жилищно-коммунального хозяйства⁵ и других.

Особого внимания заслуживает деятельность ГИАЦ МВД России как основного координирующего органа в системе информационного обеспечения. Его функционал включает не только централизованное предоставление оперативным подразделениям статистических, криминалистических и розыскных данных, но и развитие автоматизированных информационных систем, обеспечение информационной безопасности, а также методическое руководство территориальными органами. В рамках этой деятельности

¹ Далее – ГИАЦ.

² Далее – ИБД.

³ Далее – ЕГРЮЛ.

⁴ Далее – ЕГРИП.

⁵ Далее – ГИС ЖКХ.

особую значимость приобретают Интегрированные банки данных регионального и федерального уровня (ИБД-Р и ИБД-Ф), содержащие обширные сведения о лицах, транспортных средствах и фактах, представляющих оперативный интерес.

В практической деятельности подразделений ЭБиПК активно используются специализированные информационные системы, среди которых следует выделить Федеральную информационную систему ГИБДД, Информационную систему оперативно-служебной деятельности МВД России и разработанный в ее рамках Сервис обеспечения экономической безопасности. Эти инструменты позволяют оперативно получать доступ к данным налоговых органов, Социального фонда России, сведениям о государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей через систему межведомственного электронного взаимодействия.

Вместе с тем важную роль в деятельности подразделений ЭБиПК МВД России играет сотрудничество с оперативными подразделениями Федеральной службы безопасности России и Федеральной таможенной службы России. В соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» № 144-ФЗ, данные структуры осуществляют самостоятельное решение возложенных на них задач оперативно-розыскного характера. При этом законодательство предусматривает необходимость межведомственного взаимодействия между подразделениями ЭБиПК и указанными службами в процессе выполнения их функций. Однако практика такого сотрудничества сталкивается с рядом системных проблем, включая недостаточный уровень координации совместной деятельности, несовершенство механизмов информационного обмена, а также существующие различия в организационных подходах и тактических методах работы оперативных подразделений [1].

Совместная деятельность правоохранительных органов регулируется посредством правовых и организационных механизмов. Организационные отношения между ведомствами формируются в процессе решения конкретных оперативных задач и могут осуществляться на различных уровнях – от федеральных министерств до территориальных подразделений. Такое взаимодействие может быть, как формализованным (на основе межведомственных нормативных актов), так и ситуативным (временные согласованные действия).

Для оптимизации данного процесса представляется необходимым разработка единого межведомственного нормативного акта, который четко регламентирует порядок координации оперативно-розыскной деятельности, устанавливает механизмы информацион-

ного обмена и предусматривает процедуры совместного планирования и проведения мероприятий. При этом важное значение имеет обеспечение единообразного толкования принятых норм всеми участниками взаимодействия, что позволит максимально эффективно объединить ресурсы и компетенции различных ведомств.

Особую значимость в данном контексте приобретают совместные оперативные мероприятия, проводимые в рамках межведомственных планов. Комплексное использование специальных полномочий каждого из правоохранительных органов существенно повышает результативность принимаемых мер.

Кроме того, по нашему мнению, для повышения оперативности взаимодействия целесообразно модернизировать существующую нормативную базу, в частности, модернизировать Приказ Генеральной прокуратуры России № 511, Росфинмониторинга № 244, МВД России № 541, ФСБ России № 433, ФТС России № 1313, СК России № 80 от 21.08.2018 «Об утверждении Инструкции по организации информационного взаимодействия в сфере противодействия легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем» [2] с целью создания правовой основы единого информационно-аналитического пространства для правоохранительных органов, что значительно повысит эффективность их совместной работы [3, 4, 5].

В рамках проведенного исследования проанализированы основные источники информации для подразделений ЭБиПК, что позволяет предложить их систематизацию по пяти основным группам. Во-первых, это оперативный учет, формируемый на уровне подразделения ЭБиПК, включающий данные, полученные в ходе оперативно-розыскных мероприятий, а также информацию от лиц, оказывающих конфиденциальное содействие. Во-вторых, ведомственные источники, куда входят другие оперативные подразделения ОВД, интегрированный банк данных оперативно-розыскной информации, учеты ГИАЦ МВД России и сведения дежурных частей территориальных органов. Третья группа объединяет межведомственные ресурсы – органы государственной власти, правоохранительные структуры, контрольно-надзорные органы, суды, прокуратуру, аппарат уполномоченного по правам предпринимателей и кредитные организации. Четвертый блок составляют обращения граждан и организаций, а также данные, полученные из информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Наконец, пятая группа включает информацию, поступающую от иностранных и международных правоохранительных органов.

Информационное обеспечения оперативно-розыскной деятельности подразделений ЭБиПК характеризуется постоянным расширением инструментальной базы и источников информации. Однако эффективность этой системы в значительной степени зависит от слаженности взаимодействия между различными ведомствами, совершенствования нормативно-правовой базы и внедрения новых технологий обработки данных. Перспективы развития связаны с дальнейшей цифровизацией оперативно-служебной деятельности, созданием единых стандартов информационного обмена и повышением уровня защищенности используемых информационных систем.

Список литературы:

1. Михайлов В. И., Федоров А. В. Таможенные преступления: уголовно-правовой анализ оперативно-розыскной деятельности, Спб.: «Юридический центр Пресс». 1999. С. 49–50.
2. Об утверждении Инструкции по организации информационного взаимодействия в сфере противодействия легализации (отмыванию) денежных средств или иного имущества, полученных преступным путем: Приказ Генпрокуратуры России № 511, Росфинмониторинга № 244, МВД России № 541, ФСБ России № 433, ФТС России № 1313, СК России № 80 от 21.08.2018 // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_325093/ (дата обращения 11.10.2024).
3. Мангасаров Р. А. Использование блокчейн-технологий в противодействии хищениям бюджетных средств // Труды Академии управления МВД России, 2023. № 1 (65). С. 86–94.
4. Мангасаров Р. А. Цифровые технологии как инструмент противодействия хищениям бюджетных средств // Юрист-Правовед. 2023. № 1 (104). С. 207–212.
5. Мангасаров Р. А. Совершенствование системы предупреждения преступлений в бюджетной сфере: научно-практическое пособие. М.: Академия управления МВД России, 2025.

Митин Владимир Сергеевич,
адъюнкт 3 факультета
(подготовки научных и научно-
педагогических кадров),
Академия управления МВД России
E-mail: v.mitin1988@yandex.ru

Институт административного выдворения в контексте функционирования реестра контролируемых лиц: роль участковых уполномоченных полиции и перспективы оптимизации системы

Аннотация

В статье исследуется новая система миграционного контроля в Российской Федерации, основанная на Реестре контролируемых лиц (далее – РКЛ), введенном в феврале 2025 года. Анализируются правовые основания реестра, возложенные на иностранцев ограничения, а также ключевая роль подразделений участковых уполномоченных полиции (далее – УУП) в его практической реализации. Выявляются системные проблемы, включая перегрузку УУП, технические сложности интеграции данных и риски дискриминации. Предлагаются пути совершенствования на основе цифровизации, риск-ориентированного подхода и специализации кадров. Обосновывается необходимость сбалансированного сочетания контрольных и профилактических функций УУП для обеспечения национальной безопасности при соблюдении прав человека.

Ключевые слова и словосочетания: *реестр контролируемых лиц, участковый уполномоченный полиции, миграционный контроль, режим высылки, иностранные граждане, национальная безопасность, цифровизация правоохранительной деятельности, профилактика правонарушений.*

Административное выдворение как мера государственного принуждения исторически предшествовала созданию РКЛ. Однако введение РКЛ трансформировало процедуру административного выдворения. Новый повод для инициирования, включение в РКЛ автоматически создает правовые основания для возбуждения дела об административном выдворении в отношении иностранцев, уклоняющихся от выезда. Рост нагрузки на территориальные органы

внутренних дел: участковые уполномоченные теперь обязаны передавать в Службу по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан данные о нарушениях режима РКЛ для последующего судебного производства по административному выдворению.

Введение Реестра контролируемых лиц 5 февраля 2025 года представляет собой радикальное усиление миграционного контроля в Российской Федерации¹. РКЛ интегрирует данные об иностранцах, утративших законные основания пребывания, и автоматически налагает на них режим высылки с комплексом ограничений (запрет на регистрацию юридических лиц, приобретение недвижимости, открытие банковских счетов сверх лимита 30 тыс. руб./мес., свободу передвижения за пределы субъекта РФ) [7]. Данная норма закреплена в ст. 31.1. (Меры федерального государственного контроля (надзора) в сфере миграции, применяемые в рамках режима высылки) Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»².

Актуальность изучения данной системы обусловлена:

1. Масштабностью нововведений: РКЛ вводит беспрецедентные ограничительные меры, затрагивающие базовые права иностранцев.

2. Ключевая роль отведена УУП: участковые уполномоченные полиции становятся основными исполнителями контроля за соблюдением режима высылки на обслуживаемых административных участках.

3. Отсутствием комплексных исследований: недостаток научных работ, оценивающих операционные риски и эффективность РКЛ в первый год его функционирования.

В ходе проведения профилактического обхода административного участка участковый уполномоченный полиции особое внимание уделяет информации, полученной в том числе путем визуального наблюдения, общения с гражданами, запроса сведений о гражданах Российской Федерации, проживающих в жилых помещениях с нарушением правил регистрации, а также об иностранных гражданах и лицах без гражданства, постоянно проживающих или временно находящихся на территории Российской Федерации с нарушением правил въезда либо режима пребывания (проживания). Данная форма несения службы закреплена в пп. 25.1, 25.2 Инструкции

¹ О реестре контролируемых лиц: Постановление Правительства Рос. Федерации от 26 декабря 2024 г. № 1899.

² О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации : Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.06.2025).

по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке¹.

Кроме того, УУП вправе применять к данным гражданам специальную меру обеспечения производства по делу об административном правонарушении, а именно помещение иностранных граждан или лиц без гражданства, подлежащих административному выдворению за пределы РФ в форме принудительного выдворения, в специальные учреждения, предусмотренные Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ (ст. 27.19 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях) [5, с. 321].

Хотя с 2016 года органом, ответственным за государственный миграционный контроль, является МВД России (через профильные подразделения по миграции), участковый уполномоченный полиции играет в нем критически важную роль. Находясь максимально близко к населению на закрепленной территории (вверенном ему административном участке) и будучи основным звеном профилактической работы в органах внутренних дел, УУП активно участвует в этом контроле [6, с. 136].

Как отмечает В. Г. Ермолаев, выявление УУП административных правонарушений в сфере миграции является одним из критериев оценки деятельности. Для наиболее эффективного осуществления контроля УУП за соблюдением иностранными гражданами и лицами без гражданства правил пребывания в Российской Федерации необходимо конкретизировать обязанности участкового уполномоченного полиции в части контроля над соблюдением иностранными гражданами правил пребывания в Российской Федерации. Детализировать вопросы, связанные с взаимодействием в этой сфере службы участковых уполномоченных полиции с территориальными органами МВД России по вопросам миграции, ныне Службой по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан [1, с. 136].

Отметим следующие проблемные аспекты системы РКЛ:

- организационная перегрузка УУП: на сотрудников службы возлагаются дополнительные функции, а именно проверка иностранцев через мобильные устройства, контроль явки по предписаниям, мониторинг соблюдения ограничений (геолокация, финан-

¹ О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности (вместе с «Инструкцией по исполнению участковым уполномоченным полиции служебных обязанностей на обслуживаемом административном участке», «Наставлением по организации службы участковых уполномоченных полиции») : приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205 (ред. от 06.02.2024).

совые лимиты). Это происходит на фоне сохраняющихся проблем с неоптимальной нагрузкой на административных участках, как в городской, так и в сельской местности;

- отсутствует регламент приоритизации (установления очередности) задач между традиционной профилактикой преступлений и новыми миграционными функциями;

- технологические и информационные риски: недостаточная интеграция РКЛ с другими базами данных (например, системами видеонаблюдения Аппаратно-программного комплекса (АПК) «Безопасный город»), доступ к которым для УУП ограничен. Возможны риски ошибок при автоматическом внесении в реестр (например, при задержке обработки документов о продлении пребывания) и сложность процедуры оспаривания;

- социально-правовые риски: ограничение доступа детей незаконно находящихся мигрантов к образованию создает риски маргинализации, широкие полномочия полиции по доступу в жилище контролируемых лиц требуют дополнительных правовых гарантий против произвола.

Отметим научные мнения о роли УУП в системе РКЛ. Профессор Ю. Н. Калужный подчеркивает необходимость организационно-структурных преобразований в деятельности УУП в условиях новых вызовов. Предостерегает против механического копирования зарубежных моделей (например, «единой патрульной службы») без учета российской специфики. Считает, что интеграция миграционного контроля в функции УУП требует пересмотра системы их подготовки и взаимодействия с подразделениями по вопросам миграции [2, с. 82–83].

Исследователь систем профилактики А. Е. Лаушкина предлагает внедрить цифровые инструменты для оптимизации работы УУП: интерактивные карты административных участков с маркировкой мест проживания лиц из РКЛ, электронные типовые формы отчетности и взаимодействия с населением, удаленный доступ к системам видеонаблюдения (АПК «Безопасный город»), риск-ориентированный подход для концентрации ресурсов на «проблемных» мигрантах [3, с. 236].

Отметим следующие перспективные направления совершенствования системы:

1. Оптимизация нагрузки на УУП. Создание мобильных групп поддержки из числа сотрудников Службы по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан, МВД и ФСБ России для работы с РКЛ.

Внедрение искусственного интеллекта для первичного анализа данных РКЛ и автоматического формирования списков для проверок, освобождающее УУП от рутинного сбора информации.

2. Технологическая интеграция. Обязательное подключение УУП к единой платформе РКЛ с доступом через служебные планшеты, интегрированной с базами Службы по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан, Федеральной налоговой службы, Росреестра и системами видеонаблюдения. Разработка мобильного приложения для граждан (легальные мигранты, работодатели) с функцией проверки статуса и уведомлений о сроках действия документов.

3. Цифровизация взаимодействия. Внедрение единой платформы для автоматической передачи данных о нарушениях РКЛ из мобильных приложений УУП в Службу по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан для ускорения подготовки материалов на административное выдворение.

4. Процедурные и кадровые улучшения. Введение института миграционных наставников среди опытных УУП для обучения работе с РКЛ. Создание упрощенных алгоритмов взаимодействия УУП с миграционными юристами для помощи иностранцам в оспаривании ошибочного внесения в реестр или легализации статуса. Специализация части УУП на миграционном контроле с углубленной подготовкой по международному и миграционному праву.

5. Баланс контроля и профилактики. Закрепление в инструкциях УУП обязанности разъяснять лицам из РКЛ пути легализации (Указ Президента Российской Федерации от 30 декабря 2024 г. № 1126)¹.

По нашему мнению, подвергается критике правовая неопределенность при применении административного выдворения к иностранным гражданам из РКЛ, а именно отсутствуют четкие критерии различия между «режимом высылки» (что является превентивной мерой РКЛ) и «выдворением» (что является административным наказанием, предусмотренным по ст. 18.8 КоАП РФ), тем самым создает коллизии в правоприменении. Также требуется законодательное закрепление гарантий доступа к правовой помощи для оспаривания решения об административном выдворении, особенно для семей с детьми.

¹ О временных мерах по урегулированию правового положения отдельных категорий иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с применением режима высылки: Указ Президента Рос. Федерации от 30 декабря 2024 г. № 1126.

В целях преодоления правовой неопределенности и четкого разграничения превентивных мер от административного наказания, а также для запуска стандартной процедуры, предусматривающей права на защиту (включая доступ к правовой помощи), предлагаем изложить пункт 10.6 Инструкции в следующей редакции:

10.6. При выявлении иностранного гражданина или лица без гражданства, включенного в Реестр контролируемых лиц (РКЛ) и допустившего нарушение установленных реестром ограничений (проживание вне субъекта РФ регистрации, уклонение от явки по предписанию, превышение лимита банковских операций и т. д.):

а) немедленно составлять протокол об административном правонарушении по соответствующей части ст. 18.8 КоАП РФ;

б) передавать материалы в Службу по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан, МВД России в течение 24 часов для принятия решения об административном выдворении;

в) не применять меры принудительного исполнения выдворения самостоятельно, за исключением случаев:

- оказания содействия Службе по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан, МВД России при задержании лица на основании судебного решения;

- предотвращения реальной угрозы жизни/здоровью граждан;

г) обеспечивать запрос необходимых документов через Единую платформу РКЛ (справки о статусе, данных работодателя, истории нарушений).

Интеграция РКЛ с институтом административного выдворения требует устранения системных противоречий, а также согласованности нормативно-правовых актов [4, с. 98].

Необходимо разграничить превентивные меры РКЛ (высылка) и карательные санкции (выдворение) в законодательстве, исключив дублирование функций УУП и Службы по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан. Цифровизация процедур АВ на базе данных РКЛ позволит сократить сроки исполнения постановлений на 25–30 % (по оценкам А. Е. Лаушкиной), но требует усиления гарантий правовой защиты.

Таким образом, реестр контролируемых лиц представляет собой мощный инструмент усиления миграционного контроля, но его эффективность и легитимность зависят от грамотной интеграции в работу ключевого исполнителя «на земле» – участкового уполномоченного полиции. Для минимизации рисков (перегрузка системы, нарушение прав, снижение доверия населения к полиции) необходим комплекс мер: технологическая модернизация, специализация кадров, четкое разделение функций и сохранение про-

филактической составляющей в работе УУП. Мнения ученых (Ю. Н. Калужный, А. Е. Лаушкина) сходятся в необходимости адаптации службы УУП к новым реалиям без утраты ее сущностной связи с населением. Перспективы системы РКЛ связаны с созданием сбалансированной модели, где жесткий контроль над незаконной миграцией сочетается с предоставлением четких правовых механизмов легализации и защитой базовых социальных гарантий.

Список литературы:

1. *Ермолаев В. Г.* К вопросу об осуществлении контроля участковыми уполномоченными полиции за исполнением иностранными гражданами и лицами без гражданства правил пребывания в Российской Федерации / В. Г. Ермолаев, Б. С. Лысцев, А. Б. Дудаев // *Право и государство: теория и практика*. 2020. № 11(191). С. 135–136.
2. *Калужный Ю. Н.* Перспективы совершенствования организационно-структурных преобразований деятельности участковых уполномоченных полиции // *Академическая мысль*. 2023. № 2(23). С. 81–85.
3. *Лаушкина А. Е.* Совершенствование деятельности участковых уполномоченных полиции. // *Молодой ученый*. 2023. № 46 (493). С. 236–237.
4. *Митин В. С.* Некоторые вопросы правового регулирования реализации административного выдворения иностранных граждан и лиц без гражданства (опыт государств – участников СНГ) // *Закон и право*. 2025. № 3. С. 92–98.
5. Организация охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности: учебник в 2 частях / В. А. Милехин, Ю. Н. Носатов, А. В. Шевцов [и др.]. Москва : Академия управления МВД России, 2023. 360 с.
6. *Растяпин Ю. В.* Участие участкового уполномоченного полиции в предупреждении преступлений и правонарушений в сфере миграции // *Криминологический журнал*. 2023. № 4. С. 135–137.
7. МВД России разъясняет порядок формирования и функционирования реестра контролируемых лиц // *Официальный сайт МВД России*. 2025. URL: <https://мвд.рф/news/item/60921551/> (дата обращения: 21.07.2025).

Латов Юрий Валерьевич,
доктор социологических наук, доцент,
главный научный сотрудник
научно-исследовательского центра
Академии управления МВД России;
главный научный сотрудник
Института социологии ФНИСЦ РАН
E-mail: latov@mail.ru.

Ситковский Андрей Леонидович,
кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника
научно-исследовательского центра
Академии управления МВД России;
ведущий научный сотрудник,
Центр исследования проблем безопасности
Российской академии наук (ЦИПБ РАН)
E-mail: sitk-andrej@yandex.ru

Новейшие тренды социальной напряженности в России (по данным социологических опросов Института социологии ФНИСЦ РАН)

Аннотация

В статье анализируется состояние социальной напряженности в современной России, характеризуется динамика протестных выступлений. Рассматриваются особенности проведения мониторинга социальной напряженности, выбора его индикаторов и показателей. Предлагается комплекс основных показателей социального самочувствия (социальной напряженности), которые должны перекрестно мониториться (отслеживаться) ведущими отечественными социологическими организациями.

Ключевые слова и словосочетания: социальная напряженность, духовно-психологическая атмосфера, социально-политическая мобилизация, дестабилизация общества, информационные угрозы.

Определенный уровень, обусловленной и мотивированной социальными обстоятельствами напряженности (тревожности, недовольства, опасений) граждан – норма для любого современного государства. Социальная жизнь невозможна без конфликтов: никакое (даже самое высоко развитое во всех аспектах) государство не может успешно решить все возникающие проблемы, ответить на все вызовы и угрозы, сделать жизнь всех своих граждан спокойной и счастливой. Это связано с возвышением потребностей в ходе развития, так что в более развитых странах неудовлетворенных «сложных» потребностей (и, как следствие, поводов для тревожности) парадоксально может быть даже больше, чем в менее развитых странах, где большинство людей имеют «простые» потребности. Задачей политики разных уровней и направлений является не гашение социальной напряженности до нуля, а сдерживание ее у определенных пороговых значений, «красных линий», при пересечении которых начинаются массовые протестные выступления недовольных граждан и иные опасные проявления дестабилизации. Ведь высокая социальная напряженность характеризуется не просто широким распространением неудовлетворенности существующей ситуацией в какой-то жизненно важной сфере общественной жизни (или сразу во многих сферах), но и снижением авторитета власти, появлением ощущения опасности, неуверенности в будущем.

Социальная напряженность сама по себе не является причиной протестной активностью. Она только создает условия для социально-политической мобилизации, которая, в свою очередь, может привести к дестабилизации общества. Поэтому рост социальной напряженности правомерно рассматривать как предиктор (фактор, прогностический параметр) роста нестабильности и вероятности социально-политических конфликтов. Для перерастания высокой напряженности в открытый конфликт обычно требуется событие-триггер, часто имеющее случайный характер. Это исключает возможность точного предсказания момента начала социально-политического конфликта, но допускает прогнозирование роста вероятности такого конфликта. «Умная» власть должна ловить сигналы о таком росте и гасить запал, не дожидаясь взрыва.

С учетом этого серьезной проблемой в деятельности отечественных правоохранительных органов как раз является нередкое запаздывание в реагировании на события, когда кризисная ситуация принимает необратимый характер, достигнув высшей конфликтной стадии развития. При этом органам внутренних дел приходится иметь дело не с самим конфликтом, а с его тяжелыми криминальными последствиями. Запаздывание с необходимыми мерами, пре-

жде всего, обусловлено тем, что всякая кризисная ситуация имеет длительный скрытый период развития, который можно обнаружить лишь по некоторым неочевидным признакам, первейшим из которых является как раз рост социальной напряженности. Мониторинг социальной напряженности с использованием ее количественных, научно обоснованных и отвечающих требованиям объективности оценок открывает большие возможности для эффективного выполнения основных функций полиции. Но это – очень непростая задача.

Одна из проблем мониторинга социальной напряженности связана с тем, что ее измерение многовариантно и противоречиво. Оно возможно, как по прямым данным социологических опросов, так и по косвенным статистическим индикаторам. Оба подхода имеют свои плюсы и минусы.

В частности, к числу наиболее информативных косвенных индикаторов динамики социальной напряженности относят изменение количества криминальных убийств и самоубийств. Такой подход удобен для органов внутренних дел, поскольку для предсказаний массовых протестных выступлений, реагирование на которые входит в их функции, они могут использовать собственную криминологическую статистику.

Российскими обществоведами уже осуществлена многообещающая попытка протестировать на косвенных статистических индикаторах корреляционную связь «рост социальной напряженности - рост социально-политической нестабильности». Группой исследователей под руководством Е. К. Басаевой на материалах политической истории зарубежных стран 1990–2010-х гг. тестировалась гипотеза, что по многолетней динамике показателей убийств и/или самоубийств можно предсказывать массовые протесты. Разработанная ими методика действительно позволяет ретроспективно предсказывать 80–90 % реально произошедших массовых протестных выступлений в странах Юго-Восточной Азии и Южной Америки. В то же время данная модель пока дает большое количество «ложных тревог», предсказывая массовые протесты в те годы, когда их на самом деле не происходило. Такие эффекты при ретропрогнозировании неизбежны, поскольку государственные власти всегда стараются «отловить» приближение социальных взрывов и парировать его. Тем не менее, данная методика пока находится скорее в стадии разработки, чем готовности к практическому применению. В частности, Е. К. Басаева и ее коллеги работают с данными убийств и самоубийств на общенациональном уровне, но даже самые массо-

вые протестные выступления всегда локализованы в немногих поселениях.

В то же время работа с общенациональными данными о социальной напряженности тоже имеет большое значение. Можно предположить, что отраженные в динамике показателей социальной напряженности объективные условия для социально-политической мобилизации и дестабилизации общества формируются действительно в национальном масштабе (или многих регионов страны), в то время как субъективные триггеры для перехода напряженности в социальный взрыв возникают лишь в некоторых населенных пунктах. В таком случае общенациональное повышение социальной напряженности нужно воспринимать как «красный сигнал», требующий повышенного внимания к субъективным обстоятельствам и одновременно постепенной «разрядки» тревожных объективных обстоятельств.

Социологи имеют возможность в ходе соцопросов населения по репрезентативной выборке непосредственно измерять социальную напряженность. Для этого в анкеты включаются вопросы, например, о том, как часто респондент испытывает различные негативные чувства. Анализ трендов ответов на эти вопросы позволяет мониторить разные аспекты социальной напряженности, выясняя, как люди переживают трудности повседневной жизни. Как ранее отмечалось, «применительно к нации, коллективно переживающей внешние или внутренние вызовы и угрозы, правомерно говорить о национальном психологическом капитале, от которого существенно зависит не только повседневная жизнь, но и долгосрочная политическая стабильность». Понимание текущего состояния и долгосрочной динамики эмоционального фона жизни россиян дает очень важную информацию для комплексной оценки изменений их социального самочувствия. В частности, ВЦИОМ отслеживает «индекс счастья» – разницу положительных и отрицательных ответов на вопрос, счастлив ли опрашиваемый, – еще с 1990 г. (причем с 2016 г. – в режиме мониторинга несколько раз в год). Похожие долгосрочные мониторинги характеристик социальной напряженности ведут и другие ведущие социологические организации России.

За последнее «кризисное» десятилетие (ведь в течение 2014–2025 гг. более-менее спокойными были лишь 2017–2019 гг.) социальное самочувствие россиян изменялось под влиянием различных факторов. С одной стороны, череда кризисных явлений (экономическая турбулентность, ковид-пандемия, СВО на Украине, гиперсанкции Запада и др.) способствовали росту аномии и социальной напряженности. С другой стороны, политически мотивированное

национальное сплочение для преодоления трудностей и заметные успехи в их реальном преодолении работали на «очищение» эмоционального фона от негативных переживаний, на улучшение социального самочувствия. Какая же из этих тенденций реально преобладала?

Данные репрезентативных общероссийских опросов, проводимых Институтом социологии ФНИСЦ РАН, позволяют проследить динамику многих характеристик социального самочувствия (и тем самым социальной напряженности) у россиян с рубежа 1990–2000 гг. (табл. 1).

Таблица 1

Динамика долей россиян, переживающих различные чувства «часто», 1999–2024 гг., пп. (отранжировано по данным 2024 г.)

Чувства	1999	2001	2008	2013	2021	2023	2024
Негативно окрашенные чувства							
Чувствовали несправедливость всего происходящего вокруг	72,8	51,3	38,2	29,4	35,8	25,5	27,6
Чувствовали страх перед неопределенностью будущего	-	18,2	14,9	11,6	24,6	23,0	25,8
Чувствовали собственную беспомощность повлиять на происходящее вокруг	58,3	40,4	30,3	21,5	37,7	26,0	25,5
Чувствовали, что дальше так жить нельзя	65,0	41,4	25,9	15,3	25,6	16,7	16,7
Позитивно окрашенные чувства							
Чувствовали надежную поддержку близких и коллег, знали, что они придут на помощь, если понадобится	-	38,6	46,7	37,6	55,8	45,3	46,0
Были довольны, что дела идут по их плану	8,6	19,8	25,6	-	19,8	30,0	29,4
Испытывали чувство гордости (за собственные достижения, достижения близких или страны)	-	24,6	32,4	-	29,1	24,3	27,5
Испытывали удовлетворенность поддержкой со стороны государства	-	-	-	-	10,3	9,9	8,7

Как видим, в долгосрочном периоде можно выделить, прежде всего, успешный период до 2013 гг., когда произошло существенное сокращение распространенности всех негативных переживаний и повышение позитивных. Что касается последующих (за период с «Крымской весны» 2014 г.) изменений социального самочувствия,

то в целом его уровень, несмотря на отдельные колебания, был достаточно стабильным. Это в целом совпадает с данными мониторинга «индекса счастья» ВЦИОМом: согласно ему, в 1998–2012 гг. был сильный восходящий тренд, так что этот показатель социального самочувствия удвоился (с 35 до 69 баллов), а затем он колебался в относительно небольшом интервале (62–76 баллов). Единственное негативное чувство, которое весной 2024 г. встречалось чаще, чем в 2013 г., до начала обострений отношений России с Западом, – это страх перед неопределенностью будущего. Относительная стабильность всех показателей характеризует и последние два года, когда распространенность «часто» переживаемых позитивных и негативных чувств изменялась не более чем на 4 пп. Доли «никогда» не переживавших все рассматриваемые чувства колебались в 2023–2024 гг. чуть сильнее (вариации до 6 п.п.), но тоже были относительно стабильными.

Это сильно контрастирует с «коронавирусным» 2021 годом, в который наблюдались очень существенные всплески (например, по частому переживанию чувства беспомощности – примерно на 10 пп.) или спады (например, по частому ощущению реализации запланированного – тоже примерно на 10 п.п.) проявлений почти всех эмоций. Как видим, в сравнении с ковид-пандемией влияние СВО на эмоциональный фон российского общества оказалось куда менее значительным. Именно «коронавирусный» период продемонстрировал заметные всплески и спады проявлений всех эмоций, особенно обострив противостояние ощущения поддержки со стороны близких и коллег отсутствию ее со стороны государства.

Что же касается влияния СВО на эмоциональный фон жизни российского общества, то оно, в сравнении с влиянием коронакризиса, не привело к каким-либо резким изменениям. Последние два года (2023 и 2024 гг.) по совокупности переживаемых позитивных и негативных чувств вообще оказались очень схожими, по сочетанию позитива/негатива в сравнении с остальными годами их можно охарактеризовать как в целом благоприятные. В 2024 г. наблюдалось даже небольшое улучшение в чувствах, связанных с возможностью управлять своей жизнью: доля ответов об отсутствии чувства беспомощности снова, как в 2013 г., превысила долю часто испытывающих беспомощность влиять на происходящее вокруг. Позитивные сдвиги произошли и с чувством гордости. Правда, оценки удовлетворенности поддержкой со стороны государства чуть (на грани ошибки измерения) ухудшились.

Итак, изучение показателей социального самочувствия (социальной напряженности) россиян по данным мониторинга

Института социологии ФНИСЦ РАН в долгосрочном периоде не показывает какой-либо тенденции к росту эмоциональной нестабильности, что было бы ожидаемой реакцией на череду различных кризисов (включая произошедшие в последние 10 лет). Впрочем, противоположной тенденции – качественного улучшения эмоционального фона благодаря «объединению вокруг флага» – тоже нет. Согласно данным мониторинга, современные россияне реагировали сильным эмоциональными «всплеском» только на коронакризис 2020–2021 гг. Все остальные кризисные явления, включая связанные со СВО события 2022–2024 гг., не вызвали существенной дестабилизации социального самочувствия. С учетом того, что опросы, данные которых приведены, проводились не в «пиковые» моменты кризисных событий, а обычно позже них, корректнее утверждать, что такая дестабилизация могла относительно кратковременно наблюдаться (вспомним, например, панику на потребительском рынке весной 2022 г. как реакцию на развертывание СВО и антироссийских гиперсанкций), но очень быстро проходила, так что ретроспективно россияне ее «забывали» и не считали, что их чувства за прошедший год как-то особо менялись.

В силу большого значения эмоциональной позитивности граждан для национальной безопасности современной России, следует сделать двойственную оценку тенденций последнего десятилетия. С одной стороны, по данным последних лет нет оснований опасаться роста угроз безопасности страны, понимаемой как отсутствие вспышек социальной напряженности и «безумств толпы». Кризисы различной природы и тяжести, многократно переживаемые россиянами за последние 40 лет, судя по всему, достаточно их «закалили» и приучили к выдержке. Из состояния преобладания положительных эмоций россиян могут вывести только длительные и непосредственно касающиеся большинства людей угрозы их жизни, здоровью и повседневному налаженному быту (как в пандемию 2020–2021 гг.). С другой стороны, мало предпосылок не только для «революционной ситуации», но и для роста «национального психологического капитала», понимаемого, в частности, как рост чувства уверенности в будущем. Ведь если в 2001–2013 гг. страх перед неопределенностью будущего снижался, то за 2014–2024 гг. доля переживающих этот страх снова выросла (до порядка четверти россиян), даже превысив уровень начала 2000-х гг. Если людей пугает неопределенность будущего, это будет сужать их горизонт планирования, ухудшая не только эмоциональный фон повседневной жизни, но и материальное благосостояние. Такой рост.аха перед неопределенностью будущего в общем-то неизбежен для периода череды кризисов и не

должен сам по себе восприниматься как сигнал большой опасности, если только он не провоцирует другие страхи.

Поскольку большинство других показателей демонстрируют благоприятную динамику, отмеченный минус не отменяет общего вывода об умеренно положительном в целом тренде изменения социального самочувствия россиян и социальной напряженности в стране в последнее десятилетие. Для сравнения следует упомянуть, что когда в 2020–2022 гг. россиян во время мониторинга Института социологии просили оценить «духовно-психологическую атмосферу» (что примерно синонимично «социальной напряженности») в стране, то высказывания о неблагоприятном состоянии этой атмосферы давали менее 30 %, преобладали (свыше 50 %) суждения о ее противоречивости. Если даже в периоды пика кризисных явлений (во время ковид-пандемии и в самом начале СВО на Украине) россияне проявляли такую умеренность в оценках, это само по себе свидетельствует об их высокой эмоциональной стабильности.

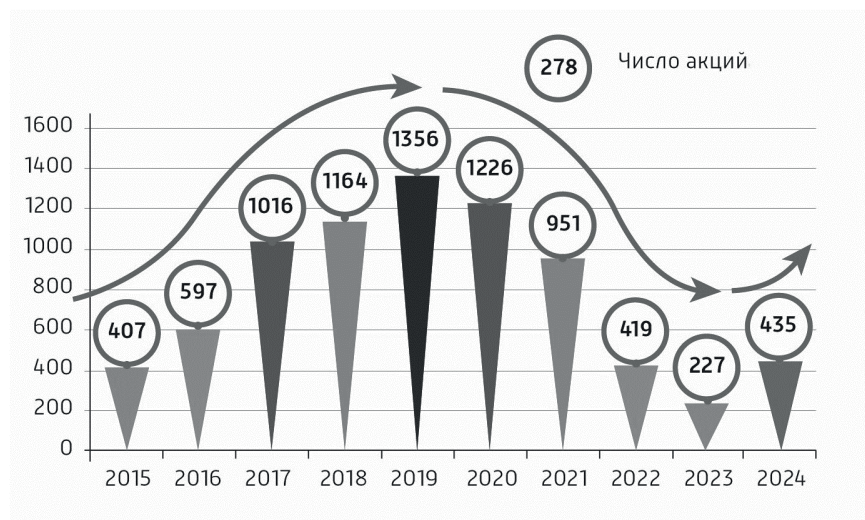

Рис. 1. Динамика публичных протестных акций в ЮФО в 2015–2024 гг.

Выводы о положительных в целом трендах социальной напряженности в современной России можно проверить по данным о динамике протестных выступлений. Общероссийские сводки данных 2010–2020-х гг. о числе таких выступлений пока не введены в научный оборот, но есть обобщающие данные по Южному федеральному округу (ЮФО). Поскольку ЮФО относится к крупней-

шим по численности федеральным округам и включает субъекты федерации с существенно различными (но не девиантными в масштабах страны) характеристиками, данные о нем можно рассматривать как относительно репрезентативные для России в целом. Они демонстрируют (см. рис. 1), что пик протестов пришелся на 2018-2020 гг., после чего масштабы протестов резко пошли на спад. Это подтверждает наш вывод о в целом благоприятных тенденциях новейших изменений социальной напряженности в России.

Изложенный обзор некоторых характеристик социального самочувствия россиян – и тем самым социальной напряженности – показывает высокую актуальность постоянного мониторинга таких показателей национальной безопасности, которые существенно важны для формирования комфортной и безопасной среды жизни. В Указе Президента РФ о национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г. и на перспективу до 2036 г. от 7 мая 2024 г. уже были зафиксированы некоторые подходы, связанные с акцентированием внимания к отслеживанию социологических показателей удовлетворенности граждан условиями их жизни. Вероятно, целесообразно сформулировать комплекс наиболее важных показателей социального самочувствия (социальной напряженности), которые должны перекрестно контролироваться несколькими ведущими отечественными социологическими организациями.

Список литературы:

1. Басаева Е. К., Каменецкий Е. С., Каграманян Д. Г. Связь протестной активности с уровнем напряженности в странах Юго-Восточной Азии // Социологические исследования. 2024. № 2. С. 75–87.
2. Басаева Е. К., Каменецкий Е. С. Тестирование методики прогнозирования крупных протестов (на примере стран Южной Америки) // Социологические исследования. 2025. № 7 (в печати).
3. Латов Ю. В., Латова Н. В. Социальное самочувствие россиян и их основные страхи // Российское общество и вызовы времени. Книга 8 / под ред. М. К. Горшкова и Н. Е. Тихоновой. М. : Издательство «Весь Мир», 2025. С. 30–50.
4. Латова Н. В. Социально-психологическое состояние российского общества и социальные настроения разных групп россиян // Journal of Institutional Studies. 2023. № 4. С. 62–78.
5. Латова Н. В. Динамика социально-психологического состояния российского общества до и после возникновения чрезвычай-

ных ситуаций // Российское общество и вызовы времени. Книга 6 / под ред. М. К. Горшкова и Н. Е. Тихоновой. М. : Издательство «Весь Мир», 2022. С. 37–60.

6. Социальная напряженность и деятельность органов внутренних дел по обеспечению безопасности граждан и общественного порядка / под ред. А. Л. Ситковского и Ю. В. Латова. М. : Академия управления МВД России, 2025 (в печати).

7. *Челтанова Д. Д., Котляров С. Е.* Социальная напряженность в Южном Федеральном округе: протестные практики 2015–2024 гг. // Социологические исследования. 2025. № 7 (в печати).

8. *Юревич А., Ушаков Д., Цапенко И.* Количественная оценка макрopsихологического состояния современного российского общества // Психологические исследования. 2009. Т. 2. № 4.

Панасенко Вероника Николаевна,
кандидат юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник
научно-исследовательского центра,
Академия управления МВД России
E-mail: ver08nika@mail.ru

Зачатки уголовного права в библейских текстах: историко-правовой анализ

Аннотация

В статье проводится историко-правовой анализ текстов Ветхого Завета как источника формирования фундаментальных институтов уголовного права. Исследуется нормативное содержание Пятикнижия Моисеева с целью выявления первичных юридических конструкций, таких как система запретов, принцип талиона, дифференциация форм вины и видов наказаний. Доказывается, что библейские предписания, обладая высокой степенью формальной определенности и системности, заложили ценностно-нормативный фундамент для последующего развития уголовно-правовой доктрины. Научная новизна заключается в системной реконструкции уголовно-правовой модели Ветхого Завета через призму современной юридической терминологии и классификации.

Ключевые слова и словосочетания: уголовное право, Библия, Ветхий Завет, талион, Декалог, вина, наказание, историко-правовой анализ, Пятикнижие.

Актуальность исследования библейских текстов в контексте истории права обусловлена необходимостью реконструкции генезиса ключевых правовых институтов. Ветхий Завет, будучи не только религиозным, но и древнейшим нормативным комплексом, предоставляет уникальный материал для анализа становления уголовно-правовых запретов и принципов ответственности. Несмотря на сакральный характер, законодательные разделы Пятикнижия Моисеева демонстрируют развитую для своего времени юридическую технику и системность.

Целью настоящего исследования является выявление и систематизация зачатков институтов Общей части уголовного права в

текстах Ветхого Завета. Для достижения цели поставлены следующие задачи:

- проанализировать Декалог как систему основных уголовно-правовых запретов;
- исследовать принцип талиона в его нормативном содержании и историческом значении;
- выявить элементы дифференциации вины и обстоятельств, исключающих преступность деяния;
- охарактеризовать систему наказаний как прообраз санкции уголовно-правовой нормы.

Методологическую основу составили историко-правовой, формально-юридический и сравнительно-правовой методы.

1. Декалог как нормативный каркас уголовного права

Десять заповедей (Исх. 20: 1-17) [1] представляют собой не религиозно-нравственный манифест, а кодифицированную систему базовых запретов, образующих ядро уголовного права древнееврейского общества. Их нормативная природа проявляется в абстрактности формулировок, что сближает их с нормами Особенной части современных уголовных кодексов, в отличие от казуистики других древних памятников (например, Законов Хаммурапи).

Анализ Декалога позволяет выделить прообразы следующих составов преступлений:

- Преступления против основ общественного строя и веры: «Да не будет у тебя других богов пред лицом Моим» (Исх. 20: 3); «Не делай себе кумира... не поклоняйся им и не служи им» (Исх. 20: 4-5). Данные запреты охраняли теократический фундамент общества, выступая аналогом современных норм о государственной безопасности [2].

- Преступления против личности: «Не убивай» (Исх. 20:13). Запрет защищает высшую ценность – человеческую жизнь, являясь древнейшей нормой об умышленном убийстве.

- Преступления против собственности: «Не кради» (Исх. 20:15). В контексте последующих норм (Исх. 21:16; 22:1-4) данный запрет охватывал как кражу имущества, так и похищение человека.

- Преступления против семьи и общественной нравственности: «Не прелюбодействуй» (Исх. 20:14). Норма была направлена на охрану целостности семьи и чистоты рода.

- Преступления против правосудия: «Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего» (Исх. 20:16). Этот запрет является краеугольным камнем любого судопроизводства, устанавливая ответственность за лжесвидетельство.

Значение Декалога заключается в том, что он сформулировал общеопасные деяния в виде общих запретов, создав основу для последующей детализации в других книгах Пятикнижия.

2. Принцип талиона: от кровной мести к формализованному наказанию

Принцип «око за око, зуб за зуб» (Лев. 24:17-20) [3] традиционно воспринимается как символ жестокости архаичного права. Однако его историко-правовой анализ раскрывает глубокое юридическое содержание.

Во-первых, талион представлял собой радикальный разрыв с практикой неограниченной кровной мести. Он вводил строгий принцип соразмерности наказания причиненному вреду, исключая произвол и чрезмерную жестокость. Во-вторых, он утверждал принцип личной ответственности, направленный против коллективного наказания рода обидчика. В-третьих, талион носил формализованный характер: применение санкции требовало предварительного установления факта нарушения закона в установленном порядке, то есть выступало актом публичного правосудия, а не частной расправы [4].

Сравнительный анализ с Законом Хаммурапи (§196, 200) показывает прогрессивный характер библейского талиона, который, не всегда применялся буквально, а часто служил основой для назначения денежного возмещения потерпевшему. Таким образом, талион следует рассматривать не как архаичный пережиток, а как эффективный юридический механизм, заложивший основу принципа справедливости в уголовном праве.

3. Дифференциация вины и обстоятельства, исключаяющие преступность деяния

Законодательство Ветхого Завета демонстрирует зачатки учения о субъективной стороне преступления, проводя четкое различие между умышленными и неумышленными деяниями.

Ярким примером служат нормы о неумышленном убийстве. «Если кто не злоумышлял, а Бог попустил ему попасть под руки его, то Я назначу у тебя место, куда убежать убийце» (Исх. 21:13). Институт городов-убежищ (Втор. 19:1-7) [5] был создан именно для лиц, совершивших неумышленное лишение жизни, и защищал их от мести родственников убитого. Это свидетельствует о понимании различия в степени общественной опасности в зависимости от формы вины.

Кроме того, в текстах прослеживаются прообразы иных обстоятельств, влияющих на ответственность. Так, норма «Если кто застанет вора подкапывающего и ударит его, так что он умрет, то кровь

не вменится ему» (Исх. 22:2) может рассматриваться как ранняя формализация института необходимой обороны [6]. При этом закон оговаривает превышение ее пределов: «Если же взошло над ним солнце, то вменится ему кровь», указывая на соразмерность защиты при очевидном отсутствии опасности.

4. Система наказаний: цели и виды

Система наказаний в библейском праве была многоступенчатой и преследовала цели возмездия (воздаяния), устрашения и очищения общества от «зла» (Втор. 13: 5; 17: 7).

Высшей мерой наказания была смертная казнь, применявшаяся за широкий круг преступлений: умышленное убийство (Исх. 21:12), похищение человека (Исх. 21: 16), идолопоклонство (Втор. 17: 2-5), прелюбодеяние (Лев. 20: 10). Способы ее исполнения различались (побивание камнями, сожжение, повешение), что, вероятно, отражало различную степень тяжести деяния в представлениях общества.

Помимо смертной казни, применялись телесные наказания («Сорок ударов дадут ему, а не больше» – Втор. 25: 3), что свидетельствует о принципе гуманизма и запрете чрезмерной жестокости. Широко использовались имущественные санкции («Если украдет кто вола... пяти волов заплатит за вола, и четыре овцы за овцу» – Исх. 22: 1). Данные нормы представляют собой детально разработанный институт компенсации вреда, сочетавший карательный и восстановительный элементы.

Особым видом наказания было изгнание (лишение покровительства общины), которое, по сути, являлось гражданской смертью (например, за неумышленное убийство вне городов-убежищ).

Заключение

Проведенный историко-правовой анализ позволяет сделать следующие выводы:

1. Законодательные разделы Ветхого Завета, в первую очередь Пятикнижие Моисеево, содержат развитую систему уголовно-правовых норм.

2. Декалог выступил в роли кодифицированного акта, закрепившего систему основных уголовно-правовых запретов (прообраз Особенной части), обладающих высокой степенью абстрактности.

3. Принцип талиона, вопреки расхожим представлениям, стал важнейшим шагом в эволюции права, утвердившим принципы соразмерности наказания, личной ответственности и формальной определенности санкций.

4. В библейских текстах зафиксированы зачатки ключевых институтов Общей части уголовного права: дифференциация умыс-

ла и неосторожности, а также обстоятельств, исключающих преступность деяния (необходимая оборона).

5. Система наказаний носила сложный, иерархизированный характер и преследовала цели, во многом созвучные современным (воздаяние, общая превенция).

Таким образом, Ветхий Завет может рассматриваться не только как религиозный или этический памятник, но и как важнейший источник, заложивший нормативно-ценностные основы уголовно-правового регулирования, оказавшие непосредственное влияние на формирование западной правовой традиции.

Список литературы:

1. Исход 20: 1-17 // Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М. : Российское библейское общество, 2011.
2. *Берман Г. Дж.* Вера и закон: примирение права и религии. М. : Московская школа политических исследований, 2008.
3. Левит 24: 17-20. Там же.
4. *Давид Р., Жоффре-Спинози К.* Основные правовые системы современности. М. : Международные отношения, 2009.
5. Второзаконие 19: 1-7. Библия. Указ. соч.
6. *Графский В. Г.* Всеобщая история права и государства : учебник для вузов. М. : Норма, 2007.

Пинкевич Татьяна Валентиновна,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовной политики,
Академия управления МВД России
E-mail: pinkevich@yandex.ru

Планирование предупреждения преступлений, совершаемых с использованием цифровых технологий

Аннотация

В статье представлены результаты анализа законодательства, этапов, системы, субъектов планирования предупреждения преступлений, совершаемых с использованием цифровых технологий. Раскрыты цели, задачи и виды планирования. Цель исследования – установление особенностей и порядка криминологического планирования предупреждения преступности. В тексте статьи приведено авторское понятие криминологического планирования. В заключении автор приходит к выводу о том, что результаты планирования обеспечивают не только определение оптимального варианта научно обоснованной стратегии и мер повышения уровня организаторской деятельности государственных и общественных органов, но и выработку тактики и методики предупреждения преступлений, совершенных с использованием цифровых технологий.

Ключевые слова и словосочетания: криминологическое комплексное и целевое планирование, принципы, цифровая преступность, прогнозирование, тактика и методика предупреждения.

Предупреждение преступлений в современном цифровом обществе невозможно без научно обоснованного планирования деятельности всех субъектов названной деятельности. Реализация основных направлений предупреждения преступлений в соответствии с Федеральным законом № 182-ФЗ от 23 июня 2016 г. «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» (далее – ФЗ «Об основах системы профилактики») [1] осуществляется посредством разработки государственных и муниципальных программ. Данные программы являются документами стратегического планирования федерального, регионального и местного уровней. Благодаря им в различных сферах государственной дея-

тельности решается целый комплекс задач, направленных на минимизацию криминальных угроз и криминогенных рисков. К основным из них в сфере предупреждения преступности следует отнести государственные программы «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности» [2] и «Обеспечение защиты личности, общества и государства» [3] (2021–2027 гг.). Основой разработки таких программ и специальных целевых мероприятий федеральными и региональными органами исполнительной власти и администрациями муниципальных образований, определяющих перечень профилактических мер, субъектов профилактики, сил и средств, участвующих в мероприятиях, механизмов реализации и финансирования, ожидаемых результатов с целью устранения или нейтрализации причин и условий правонарушений на определенной территории за конкретное время является Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [4]. Приказом МВД России от 14 октября 2021 г. № 760 утверждена Концепция реализации в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России) государственной политики по обеспечению экономической безопасности Российской Федерации.

Криминологическое планирование предупреждения преступлений следует рассматривать как процесс формирования предварительных решений, определяющих порядок реализации предложенных конкретных профилактических мероприятий, основанных на научно определенных целях, задачах, ресурсах с целью разрешения социально-криминологических проблем. Следует согласиться с мнением М. П. Клейменова, рассматривающего криминологическое планирование как «разновидность управленческой деятельности, представленной в виде системы, структура которой включает в себя субъекты (управляющую подсистему), объекты (управляемую подсистему) и содержание соответствующей социальной активности» [5, с. 21]. Перечень субъектов профилактики определен в ст. 5 ФЗ «Об основах системы профилактики» в их числе федеральные органы исполнительной власти, прокуратура, следственные органы, органы власти субъектов РФ и местного самоуправления. К субъектам следует относить и лиц, участвующих в профилактике и в мероприятиях по правовому просвещению, социальной адаптации и реабилитации, но не обладающих полномочиями государственных органов, что подтверждает их роль в системе. Их деятельность интегрирована в систему профилактики, свои действия с субъектами профилактики они координируют при устранении причин и условий, способствующих совершению преступлений. Участия в

деятельности по предупреждению преступлений и, соответственно, криминологическом планировании, они фактически напрямую или косвенно включены в данный процесс [6, с. 362–366]. Следовательно, они тоже могут участвовать в процессе криминологического планирования. К таковым следует отнести и федеральные контрольно-надзорные и муниципальные органы.

Известно, что начальным этапом любого планирования считается уточнение целей и задач. Весь процесс планирования рассматриваемой деятельности обуславливается необходимостью достижения таких целей как: обеспечение максимально возможного профилактического воздействия на криминогенные процессы, которые повышают уровень виктимизации общества; устранение криминологических угроз и рисков для прав, свобод и законных интересов граждан; повышение уровня индивидуальных защитных качеств отдельных категорий граждан от преступлений; оказание социально-правовой помощи жертвам преступлений, в том числе для предотвращения риска их повторной виктимизации. Определение целей планирования предупреждения названного вида преступности зависит от вида планирования: текущее планирование, перспективное, программно-целевое, комплексное и иные виды планирования, которые отличаются по срокам, объему и характеру используемых методов и криминологической обоснованности планируемых мероприятий.

К задачам криминологического планирования по предупреждению цифровой преступности следует отнести: 1) составление криминологической карты Российской Федерации или ее субъекта, включающей: а) анализ и оценку криминальных угроз и криминогенных рисков, позволяющих детализировать, исследовать и классифицировать виды преступлений, которые могут быть совершены в целом на всей территории государства, в отдельном субъекте Российской Федерации, муниципальном образовании, отрасли экономики и т. д. Важным является и определение потенциальных уязвимостей видов указанных угроз и рисков; б) результаты анализа данных о проживаемом на обслуживаемой территории населения: о структуре населения по месту жительства и ее гендерной составляющей; о жилищных условиях и о доходах населения; о социально-профессиональной и образовательной структуре населения; о миграционных потоках; о туристическом развитии обслуживаемой территории местах массового отдыха, где наиболее часто совершаются преступления и иные правонарушения; результаты изучения соответствующих материалов в средствах массовой информации и т. п.;

2) результаты прогноза преступности в среднесрочной и долгосрочной перспективе; 3) исследование результатов мониторинга социально-экономического, социально-политического, социально-правового развития и состояния общества; 4) определение координации взаимодействия всех субъектов профилактики, разработка мероприятий по взаимодействию органов внутренних дел с иными органами государственной власти, общественными организациями и гражданами в сфере предупреждения цифровой преступности; 5) разработку стратегии предупреждения преступности, включающей определение целей и приоритетов, задач, выбор подходящих методов и средств предупреждения, установление необходимых ресурсов и планирование мероприятий по устранению или нейтрализации причин и условий, способствующих совершению названных преступлений на определенной территории за конкретный промежуток времени, а также ожидаемые конечные результаты, к которым должна привести реализация данных целей и задач; 6) регулярное осуществление контроля этапов запланированной предупредительной деятельности и при необходимости обновление мероприятий с целью отражения современных криминальных угроз и криминогенных рисков. Обзор и оценка эффективности принятых мер позволят изменить в лучшую сторону план действий.

Разработка планов по предупреждению преступлений, совершенных с использованием цифровых технологий, должна прежде всего строиться с учетом основных принципов организации разработки и реализации программ правоохранительной направленности: целенаправленности, комплексности, системности, адаптивности, эффективности, минимизации рисков, учета баланса интересов всех субъектов правоохранительной деятельности, легитимности, научности [7, с. 68] и учитывать следующие обстоятельства:

– региональные комплексные планы должны соответствовать федеральным, региональным программам предупреждения преступлений, коррелировать с ведомственными планами правоохранительных органов субъекта, соответственно городские и муниципальные должны соответствовать краевым (областным, республиканским);

– городские и муниципальные планы должны учитывать криминологические, социальные, культурные, религиозные особенности территорий; – планы профилактики правонарушений следует соотносить с планами социального и экономического развития регионов (городов, районов).

Выделяются следующие уровни криминологического планирования в структуре мер противодействия названному виду преступ-

ности: 1) общепрофилактические, связанные с социальным и экономическим развитием субъекта (города, района); 2) комплексные планы по противодействию преступлениям и правонарушениям в целом; 3) целевые планы предупреждения отдельных видов преступлений, совершенных с использованием ИТТ.

Разработки последних должна учитывать следующие методические особенности: 1) разработка планов проводится руководителем государственного (муниципального) органа (учреждения), руководителями структурных подразделений, должностными лицами, ответственными за организацию предупредительной деятельности с учетом целей и задач, решаемых государственными (муниципальными) органами (учреждениями); 2) цель планирования должна быть связана с основной деятельностью государственного (муниципального) органа (учреждения), четко сформулирована и понятна всем участникам; 3) рекомендуется оптимальная продолжительность – это один календарный год, что позволяет осуществить контроль выполнения плановых мероприятий, либо провести их корректировку; 4) мероприятия формулируются с учетом прогноза, указываются этапы реализации плана и показатели, которые позволят оценить результаты ее реализации; 5) перечисление мероприятий предупредительного характера рекомендуется по нисходящей от общего к частному, с разделением по территориальному принципу, временному, по объекту посягательства, субъектам правонарушения и т. д.

Криминологическое планирование следует классифицировать: а) по срокам действия; б) по масштабу; в) по назначению. Может быть предложена и иная классификация, например, по видам планирования: 1) по продолжительности: а) оперативный до 1 месяца; б) краткосрочный до 1 года; в) среднесрочный до 5 лет; г) долгосрочный от 15 до 20 лет; 2) по способу решения задач: а) оперативные – используются в повседневной деятельности правоохранительных органов, органов исполнительной власти и местного самоуправления; б) тактические – служат для формирования перечня приоритетных направлений деятельности правоохранительных органов, органов исполнительной власти и местного самоуправления; в) стратегические – используются в управленческой сфере для определенных целей предупреждения цифровой преступности. В зависимости от продолжительности планируемой деятельности выделяют: перспективные, текущие, оперативные планы.

Итак, криминологическое планирование – это процессы разработки и реализации конкретных предупредительных программ, основанных на научно определенных целях, задач работы и реа-

лизации конкретных предупредительных программ, основанных на научно определенных целях, задачах, ресурсах с целью разрешения социально-криминологических проблем. В целом такая деятельность должна способствовать не только выработке эффективных мер, направленных на предотвращение, пресечение, упреждение цифровой преступности, но и совершенствование системы предупреждения преступности. В настоящее время переход к цифровой экономике государства требует не только объективной оценки прежней работы, критического анализа полученных результатов, но и выработки новых концептуальных идей и стратегических решений по повышению эффективности предупредительной деятельности в названной сфере.

Результаты планирования обеспечивают не только определение оптимального варианта научно обоснованной стратегии и мер повышения уровня организаторской деятельности государственных и общественных органов, но и выработку тактики и методики предупреждения преступлений, совершенных с использованием цифровых технологий. Названные мероприятия в деятельности правоохранительных органов являются важным этапом планомерного противодействия преступности, ибо только на основе мониторинга, прогноза и планирования можно решать вопросы принятия заблаговременных решений относительно воздействия на цифровую преступность.

Список литературы:

1. Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации: Федеральный закон от 23 июня 2016 г. №182-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации // URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 22.07.2025).
2. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Обеспечение общественного порядка и противодействие преступности»: Постановление Правительства Рос. Федерации от 15 апреля 2014 г. № 345 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2014. № 18 (ч. IV). Ст. 2188.
3. О федеральном бюджете на 2023 год и на плановый период 2024 и 2025 годов [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 27 ноября 2023 г. № 540-ФЗ // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 22.07.2025).
4. О стратегическом планировании в Российской Федерации: Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ // Официальный

интернет-портал правовой информации // URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 22.07.2025).

5. *Клейменов М. П.* Криминология. М., 2008. С. 21.

6. *Лантев А. С.* Субъекты криминологического планирования в современной России // Юридическая наука и практика. Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 1. С. 362–366.

7. Прогнозирование и противодействие региональной преступности (по материалам Алтайского края): монография / Р. М. Абызов, Е. Р. Шестопалова, П. Д. Фризен [и др.]; под общей ред. Р. М. Абызова. Барнаул, 2019. С. 68.

Рашитханов Руслан Салихович,
заместитель директора
Института правового анализа проблем
информационной и медиабезопасности
Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА),
руководитель Лаборатории правовых исследований
в сфере национальной безопасности
РГУ нефти и газа (НИУ) имени И. М. Губкина
E-mail: rsrashithanov@msal.ru

Противодействие преступлениям, совершаемым с использованием искусственного интеллекта

Аннотация

Преступления, совершаемые с использованием искусственного интеллекта, представляют собой качественно новую угрозу, требующую адекватного и системного ответа. Предложенные в статье меры по совершенствованию уголовного закона и развитию организационно-технического потенциала государственной системы противодействия цифровой преступности направлены на повышение эффективности противодействия существующим вызовам и выработке проактивного подхода к нейтрализации будущих угроз, исходящих от искусственного интеллекта.

Ключевые слова и словосочетания: *искусственный интеллект, противодействие преступности, борьба с преступностью, киберпреступления, преступления против собственности.*

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта создает не только новые возможности для общества и экономики, но и формирует принципиально новые инструменты для преступной деятельности. Криминальное использование ИИ характеризуется повышенной латентностью, масштабируемостью и изощренностью, что требует выработки четкого понимания сущности рассматриваемых процессов. Важно понять каким образом ИИ влияет на преступность и как этому противодействовать.

Некоторые авторы, рассуждая на эту тему, отмечают, что само создание искусственного интеллекта породило возможность его вовлечения в преступную деятельность. [5, с. 132]

Как отмечает Игорь Михайлович Мацкевич: «масштабные преобразования различных сторон человеческой жизни, связанные с

информатизацией, сопровождаются ростом ее уязвимости от новых потенциальных и реальных угроз, связанных, прежде всего, с противоправными деяниями в виртуальном пространстве, связанном с цифровыми алгоритмами». [4, с. 91]

Государство в лице специальных органов осознает необходимость не только осмысления данного явления, но и реализации комплексной политики противодействия указанным угрозам.

Формирование целостной государственной политики в сфере противодействия цифровой преступности получило стратегическое закрепление с утверждением Распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2024 г. № 4154-р соответствующей Концепции¹.

Данный документ определяет системный подход к решению одной из наиболее актуальных проблем современности, связанной с экспоненциальным ростом количества и качественным усложнением противоправных деяний, совершаемых в информационно-коммуникационной сфере.

Концепция фиксирует базовые дефиниции, формирующие понятийный аппарат данной области. Ключевым является определение государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий как совокупности федеральных и региональных государственных органов, осуществляющих при участии Банка России, финансовых и иных организаций функции по выработке и реализации государственной политики в указанной сфере [разд. I]. Важно отметить, что в круг участников системы включен широкий спектр субъектов, включая организации, связанные с оборотом персональных данных, цифровой валюты, оказанием услуг связи и доступа к сети «Интернет».

Назначением создаваемой системы провозглашено обеспечение проведения единой государственной политики, направленной на защиту основных прав и свобод человека и гражданина и обеспечение национальной безопасности Российской Федерации в цифровой среде [разд. I].

Заложенный в Концепции баланс между мерами безопасности и защитой прав граждан свидетельствует о стремлении законода-

¹ Об утверждении Концепции государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 30 декабря 2024 г. № 4154-р / СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 22.07.2025).

теля избежать избыточного регулирования, способного затруднить развитие цифровой экономики.

В контексте анализа положений Концепции в качестве ключевого следует обозначить раздел № 3. Согласно данному разделу, ее основной целью является защита государства, общества и граждан от противоправных деяний [разд. III]. Для достижения этой цели сформулирован широкий перечень задач, включающий прогнозирование, выявление и расследование преступлений, совершенствование законодательства, разработку защитных мер, сбор и анализ информации, создание специализированных подразделений, повышение цифровой грамотности населения и развитие международного сотрудничества [разд. III]. Данный перечень демонстрирует понимание того, что эффективное противодействие невозможно без сочетания правоохранительных, профилактических и образовательных мер.

Особого внимания заслуживают функции системы, среди которых центральное место занимает создание специализированной цифровой платформы для оперативного обмена информацией между правоохранительными органами, Банком России, кредитными организациями и операторами связи [разд. III]. Эта норма стала правовой основой для последующего принятия Федерального закона № 41-ФЗ¹ и создания Государственной информационной системы противодействия правонарушениям (ГИС ППП). Другие значимые функции включают мониторинг и ограничение доступа к противоправным ресурсам в сети «Интернет», адаптацию законодательства и организацию научно-исследовательских работ [разд. III].

Проведенный анализ позволяет оценить потенциал Концепции для адаптации к новым технологическим вызовам, в частности, связанным с использованием искусственного интеллекта. Заложенные в документе принципы, такие как необходимость совершенствования законодательства «с учетом появления новых способов и форм совершения преступлений» и акцент на научно-техническое обеспечение, включая «разработку и внедрение... автоматизированных систем и аппаратно-программных комплексов с применением передовых информационных технологий» [разд. IV], создают достаточные правовые и организационные предпосылки для интеграции мер противодействия ИИ-преступности. Функция по проведению

¹ О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 1 апреля 2025 г. № 41-ФЗ // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 22.07.2025).

мониторинга противоправных ресурсов может быть расширена на выявление контента, генерируемого ИИ, а задача развития цифровой грамотности населения на информирование о новых рисках.

Однако критический взгляд выявляет существенный недостаток документа: в тексте Концепции отсутствует прямая ссылка на риски, связанные с искусственным интеллектом. Несмотря на упоминание «передовых информационных технологий», сам термин «искусственный интеллект» не используется. Это является стратегическим упущением, поскольку ИИ представляет собой качественно новый инструмент, способный не просто автоматизировать, но и генерировать сложные схемы противоправных деяний, маскируя их под легитимную активность. Отсутствие прямого указания на ИИ в столь фундаментальном документе может замедлить разработку и внедрение специализированных мер, оставив систему реагирования на данный вызов реактивной, а не проактивной.

Концепция государственной системы противодействия противоправным деяниям с использованием ИКТ формирует необходимый и прогрессивный стратегический ориентир. Однако ее действенность в условиях стремительного развития технологий искусственного интеллекта будет напрямую зависеть от способности правоприменителя и законодателя интерпретировать и развивать ее положения применительно к конкретным угрозам, которые данный технологический уклад уже порождает.

Стратегические положения Концепции нашли свою практическую реализацию в Федеральном законе от 1 апреля 2025 г. № 41-ФЗ «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий...». Данный нормативный акт можно рассматривать в качестве операционного ядра формирующейся государственной системы, поскольку он создает конкретный технологический и организационный механизм для противодействия цифровой преступности.

Ключевой новеллой Закона является создание Государственной информационной системы противодействия правонарушениям (ГИС ППП). Согласно ст. 1, целью системы является оперативное предупреждение, выявление и пресечение правонарушений, совершаемых с использованием ИКТ, организация взаимодействия органов и организаций, а также ограничение доступа к информации, направленной на введение в заблуждение [ст. 1, ч. 1]. Важно отметить, что оператором системы определен федеральный орган исполнительной власти в сфере информационных технологий (Минцифры России), а положение о системе и перечень обрабатываемой в

ней информации утверждается Правительством РФ по согласованию с федеральным органом исполнительной власти в области обеспечения безопасности (ФСБ России) [ст. 1, ч. 2, 3, 4]. Это свидетельствует о межведомственном характере системы и ее ориентации на решение, прежде всего, оперативных задач.

Закон значительно расширяет круг субъектов, обязанных к взаимодействию с ГИС ППП. Пользователями системы, наряду с Генеральной прокуратурой, Следственным комитетом и Банком России, являются кредитные организации, операторы связи, а также иные федеральные органы исполнительной власти и организации, перечень которых утверждается Правительством Российской Федерации [ст. 1, ч. 6]. Закон создает правовую основу для интеграции в систему практически всех ключевых участников цифровой экосистемы.

Обязанности по взаимодействию с использованием единой системы межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ) и запреты на использование иностранных мессенджеров вводятся для операторов связи, провайдеров хостинга, организаторов распространения информации (ОРИ) и владельцев агрегаторов [ст. 3, 9, 11]. Кроме того, Закон ужесточает регуляторные требования, вводя, например, обязательную идентификацию для продавцов на агрегаторах и владельцев сервисов объявлений с использованием ЕСИА [ст. 3, 15].

Анализ возможностей ГИС ППП для противодействия преступлениям с использованием ИИ позволяет выявить значительный потенциал данной системы. Централизованный характер платформы и обязательность предоставления информации широким кругом субъектов создают предпосылки для накопления массивов данных, которые могут быть использованы для выявления шаблонов, характерных для деятельности ИИ. Следует разобрать возможные модели такого более подробно.

Сбор данных о фишинговых ботах. Операторы связи и ОРИ, обязанные взаимодействовать с системой, могут передавать в ГИС ППП данные о массовых рассылках или активностях аккаунтов, которые по своим характеристикам (скорость отправки сообщений, шаблонность, неестественность языка) указывают на их нечеловеческую, ботовую природу. Это позволит выявлять не отдельные случаи мошенничества, а целые сети, управляемые ИИ.

Мониторинг контента. Функция системы по ограничению доступа к информации, «направленной на введение в заблуждение» [ст. 1, ч. 1], теоретически может быть распространена на дипфейки (deepfakes), используемые для шантажа, манипуляций на бирже-

вых рынках или дезинформации с целью дестабилизации общества (психологические операции в контексте социальных технологий).

Профилактика мошенничества. Механизм подтверждения операций через «уполномоченное лицо» может быть эффективен против социальной инженерии, усиленной ИИ, когда преступник, используя технологии голосового клонирования или анализа данных жертвы, может более убедительно выдать себя за доверенное лицо. Дополнительный человеческий контроль способен заблокировать такую атаку.

Законодатель фокусируется на противодействии правонарушениям, совершаемым с использованием ИКТ, но не рассматривает преступления, где ИИ является не просто инструментом, а активным субъектом, генерирующим преступные схемы. В результате, сбор и анализ данных в ГИС ППП изначально может быть не настроен на выявление специфических сигнатур, характерных именно для ИИ.

Кроме того, эффективность системы будет напрямую зависеть от подзаконных актов, которые установят конкретный перечень информации, порядок ее предоставления и технические стандарты взаимодействия. Без детальной проработки этих вопросов, включая создание специализированных модулей для анализа больших данных на предмет аномалий, указывающих на использование ИИ, система рискует стать лишь еще одним каналом для обмена уже известной правоохранительным органам данными, не обеспечивая проактивного выявления новых угроз.

Закон закладывает мощный фундамент для создания единого информационного пространства для борьбы с цифровой преступностью. Его архитектура потенциально позволяет интегрировать меры противодействия преступлениям с использованием ИИ. Однако для реализации этого потенциала требуется целенаправленная работа по адаптации нормативной базы и технологической инфраструктуры ГИС ППП к специфическим рискам, порождаемым искусственным интеллектом, что на текущем этапе является существенным пробелом.

Анализ, представленный в Концепции государственной системы противодействия противоправным деяниям с использованием ИКТ, свидетельствует о системном характере угроз, связанных с цифровой преступностью. Статистические данные, положенные в основу документа, демонстрируют устойчивую негативную динамику и требуют формирования адекватного ответа со стороны государства. Согласно Концепции, за последние пять лет количество преступлений, совершаемых в информационно-коммуникацион-

ной сфере, возросло более чем в два раза: с 294,4 тыс. в 2019 году до 677 тыс. в 2023 году. Их удельный вес в общей структуре преступности увеличился с 14,5 % до 34,8 % [разд. II]. По данным МВД России, эта тенденция сохранилась и в 2024 году, когда доля киберпреступлений достигла 40 % от общего числа зарегистрированных преступлений. Такой рост свидетельствует о трансформации структуры преступности, где цифровая составляющая становится доминирующей.

Одной из наиболее серьезных проблем также является крайне низкий уровень раскрываемости преступлений, связанных с неправомерным доступом к компьютерной информации, который, по итогам 2023 года, составлял 5,6 % [разд. II]. Этот показатель свидетельствует о неэффективности традиционных методов расследования против новых цифровых угроз, что отмечается в научной литературе.

На фоне выявленных тенденций использование искусственного интеллекта создает качественно новые угрозы:

Массовизация и масштабирование преступной деятельности. Искусственный интеллект позволяет автоматизировать проведение атак, что приводит к значительному увеличению их масштаба. Например, ИИ-боты могут генерировать персонализированные сообщения, адаптируя их под конкретную жертву на основе анализа ее цифрового следа.

Повышение изощренности и латентности преступлений. Технологии искусственного интеллекта могут использоваться для создания сверхреалистичных поддельных аудио- и видеоматериалов (дипфейков), которые применяются для шантажа, манипуляции общественным мнением или компрометации лиц.

Создание автономных преступных систем. В перспективе возможно появление полностью автономных систем, действующих по заданным алгоритмам без непосредственного участия человека. Такие системы могут быть использованы для проведения кибератак, манипуляций на финансовых рынках и иных противоправных деяний.

ИИ позволяет преступникам, с одной стороны, значительно облегчить совершение преступлений, а с другой стороны, постоянно совершенствовать свои противоправные действия. При этом, как верно отмечается некоторыми авторами, злоумышленники не создают принципиально новых технологий ИИ (по крайней мере, пока что) они используют имеющиеся широко распространенные программы, функционирующие чаще всего в виде приложений, программных обеспечений [2, с. 378].

Особую опасность представляют дипфейки, упоминаемые нами ранее. Термин «deepfake» объединяет слова «deep learning» (глубокое обучение) и «fake» (подделка). Следует более подробно раскрыть некоторые аспекты, связанные с его криминологической характеристикой. Николаем Филипповичем Бодровым и Антониной Константиновной Лебедевой под дипфейком предлагается понимать цифровой продукт в виде текста, графики, звука или их сочетания, сгенерированный полностью или частично при помощи нейросетевых технологий, для цели введения в заблуждение или преодоления пользователем систем контроля и управления доступом [1, с. 63]. Как отмечают некоторые исследователи, уже следует констатировать тот факт, что технологии и инструменты создания дипфейков превратились в товар [3, с. 112].

В контексте противодействия преступлениям, совершаемым с использованием ИИ, следует также согласиться с законодательной инициативой обозначающей необходимость введения в Уголовный кодекс РФ квалифицирующего признака «совершение преступления с использованием искусственного интеллекта» в качестве отягчающего обстоятельства. Эта мера адекватно отразит повышенную общественную опасность таких деяний, связанную с их масштабностью, изоционностью и латентностью, при этом такая мера зависит от законодательного закрепления понятия «искусственный интеллект». В качестве действенного метода профилактики, полагаем, следует внедрить обязательную цифровую маркировку контента, генерируемого ИИ, по опыту Китайской народной республики.

Преступления, совершаемые с использованием искусственного интеллекта, представляют собой качественно новую угрозу, требующую адекватного и системного ответа. Предложенные в статье меры по совершенствованию уголовного закона и развитию организационно-технического потенциала государственной системы противодействия цифровой преступности направлены на повышение эффективности противодействия существующим вызовам и выработке проактивного подхода к нейтрализации будущих угроз, исходящих от искусственного интеллекта.

Список литературы:

1. Бодров Н. Ф. Угрозы и вызовы в эпоху генеративного искусственного интеллекта с учетом криминогенного потенциала дипфейков / Н. Ф. Бодров, А. К. Лебедева // Санкт-Петербургский международный криминалистический форум : материалы между-

народной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 10–11 июня 2024 г. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2024. 63 с.

2. *Вепрев С. Б., Нестерович С. А.* О некоторых криминальных направлениях в использовании искусственного интеллекта // Вестник науки. 2019. № 6 (15).

3. *Картика А. Г.* Актуальные вопросы совершенствования правового и технического обеспечения противодействия преступлениям, совершаемым с использованием технологий искусственного интеллекта // Философия права. 2021. № 3(98). С. 109–113.

4. *Мацкевич И. М.* Информатизация в современном мире: уголовно-правовые и криминологические аспекты, профилактическая роль прокуратуры // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 3(42). С. 89–95.

5. *Романовский В. Г.* Цифровая преступность: понятие, криминологические особенности, проблемы противодействия // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2024. № 3(71). С. 123–136.

Смбатян Алиса Манвеловна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры ОРД и криминалистики полицейского
учебного подразделения Образовательного комплекса
МВД Республики Армения
E-mail: Alisasmbatyan111@gmail.com

Соотношение оперативно-розыскной деятельности и криминологии в борьбе с преступностью на основе законодательства Республики Армения

Аннотация

В статье исследуются теоретические и практические аспекты соотношения оперативно-розыскной деятельности и криминологии в условиях современного правового регулирования Республики Армения. Особое внимание уделяется анализу положений Закона Республики Армения «Об оперативно-розыскной деятельности», а также уголовного законодательства в их взаимосвязи с криминологическими подходами. Показано, что оперативно-розыскная деятельность представляет собой важнейший инструмент в предупреждении, выявлении и раскрытии преступлений, в то время как криминология формирует научные основы стратегического планирования борьбы с преступностью. Выделены общие и отличительные признаки указанных сфер, рассмотрены их точки соприкосновения и возможные противоречия. Сделан вывод о необходимости дальнейшего совершенствования взаимодействия между оперативными и криминологическими направлениями в целях повышения эффективности противодействия преступности в Армении.

Ключевые слова и словосочетания: *оперативно-розыскная деятельность, криминология, преступность, Республика Армения, профилактика, уголовное право.*

Современные условия развития общества требуют постоянного совершенствования форм и методов борьбы с преступностью. В системе противодействия преступности в Республике Армения важнейшее место занимают оперативно-розыскная деятельность (ОРД) и криминология. Несмотря на различие их задач и методологических подходов, данные сферы тесно взаимосвязаны, что делает необходимым их комплексное рассмотрение. Закон РА «Об опера-

тивно-розыскной деятельности» (2007 г.) устанавливает правовые основы функционирования оперативных подразделений, тогда как криминология формирует научно-аналитический базис предупреждения и прогнозирования преступности. В настоящей статье предпринимается попытка исследовать соотношение указанных направлений, выявить общие и отличительные признаки, а также обозначить перспективы их дальнейшего развития.

Оперативно-розыскная деятельность в Республике Армения регулируется специальным законом и представляет собой систему гласных и негласных мероприятий, осуществляемых уполномоченными органами (в первую очередь — подразделениями полиции и органов национальной безопасности) в целях предупреждения, выявления, пресечения и раскрытия преступлений. Согласно ст. 3 указанного закона, ОРД основывается на принципах законности, уважения прав и свобод личности, конспирации, сочетания гласных и негласных методов.

В научной литературе ОРД рассматривается как практическая деятельность, направленная на решение конкретных задач уголовного преследования, однако при этом она требует опоры на теоретические знания, включая положения криминологии.

Криминология в Армении, как и в большинстве стран, рассматривается как комплексная наука, изучающая закономерности возникновения, развития и предупреждения преступности. Одним из ключевых направлений криминологических исследований является выявление факторов, способствующих преступному поведению, а также разработка мер социальной профилактики. Криминология тесно связана с уголовным правом, уголовным процессом и криминалистикой, однако ее особенность состоит в ориентации на профилактику и прогнозирование [1].

В отличие от оперативно-розыскной деятельности, криминология не имеет прямой функции раскрытия конкретных преступлений. Ее значение заключается в том, что она формирует стратегические ориентиры для правоохранительных органов, в том числе для оперативных подразделений.

Анализируя соотношение ОРД и криминологии, следует отметить, что обе сферы имеют как общие, так и специфические черты. Общим для них является направленность на борьбу с преступностью и обеспечение общественной безопасности [2]. Специфическое различие состоит в том, что ОРД решает тактические задачи выявления и пресечения преступлений, тогда как криминология занимается стратегическим анализом и прогнозированием.

Например, криминологические исследования позволяют установить тенденции роста подростковой преступности в Армении. На основе этих выводов оперативные подразделения могут выстраивать свою тактическую деятельность: проводить наблюдение за определенными социальными группами, организовывать профилактические мероприятия, взаимодействовать с образовательными учреждениями и органами опеки [3, с. 104].

В Республике Армения ключевыми актами, регулирующими оперативно-розыскную деятельность, являются Закон «Об оперативно-розыскной деятельности», Уголовный кодекс (2021 г., новый вариант), а также ряд подзаконных актов. Данные нормативные источники предусматривают полномочия оперативных органов по сбору информации, контролю за лицами, подозреваемыми в совершении преступлений, использованию специальных технических средств.

Криминология же анализирует эффективность применения этих мер. Так, статистические данные Генеральной прокуратуры и полиции Республики Армения свидетельствуют о росте числа киберпреступлений за последние пять лет. Криминологические исследования позволяют объяснить данную тенденцию и разработать рекомендации для совершенствования оперативной работы в цифровой сфере.

Несмотря на очевидную взаимодополняемость, взаимодействие ОРД и криминологии в Армении сталкивается с рядом проблем. Во-первых, это недостаточный обмен информацией между научным сообществом и практическими подразделениями. Во-вторых, наблюдается разрыв между стратегическими рекомендациями криминологов и тактическими возможностями оперативных органов. В-третьих, остается открытым вопрос соблюдения баланса между эффективностью ОРД и защитой прав человека, что является неотъемлемым требованием международных стандартов (в частности, Европейской конвенции о защите прав человека).

Для повышения эффективности борьбы с преступностью необходимо углубленное взаимодействие криминологии и оперативно-розыскной деятельности. Представляется целесообразным:

- расширить использование криминологических прогнозов при планировании ОРД;
- активизировать научно-практические конференции и совместные исследования;
- внедрить современные ИТ-технологии для анализа больших массивов криминальной информации;

- совершенствовать законодательство Армении с учетом международного опыта, в частности в области защиты персональных данных и обеспечения гарантий прав личности при проведении оперативных мероприятий.

Таким образом, перспективы развития заключаются в укреплении институциональных и методологических связей между криминологией и ОРД.

Таким образом, обобщая сказанное, можно сделать вывод, что оперативно-розыскная деятельность и криминология, являясь различными по своей природе, в совокупности образуют эффективный механизм противодействия преступности. Армянское законодательство в сфере ОРД создает необходимые правовые рамки, однако успех борьбы с преступностью во многом зависит от того, насколько активно правоохранительные органы будут использовать результаты криминологических исследований. Научное знание должно становиться практическим ресурсом, а практика — источником новых исследовательских задач. Только при условии постоянного диалога науки и практики возможно построение эффективной системы противодействия преступности в Армении.

Список литературы:

1. Криминология и профилактика преступлений : учебно-практическое пособие / Х. М. Хачатрян. Учебный комплекс полиции Республики Армения. Ереван, 2018. 155 с.
2. *Барсегян Г.* Уголовно-правовое обеспечение ОРД в Армении. Ереван, 2022.
3. *Габузян А. А.* Проблемы преступности в Республике Армения в переходный период. Ереван: Изд. Ереванского ун-та, 2007

Солдатов Александр Петрович,
доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник
научно-исследовательского центра,
Академия управления МВД России
E-mail: alekpet1@yandex.ru

К вопросу об изменении ответственности родителей за неисполнение обязанностей по воспитанию детей

Аннотация

Статья посвящена проблеме ответственности родителей за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетних детей. Как показывает правоприменительная практика, действующие нормы об административной ответственности родителей за воспитание детей являются малоэффективными. За время проведения специальной военной операции изменился характер совершаемых несовершеннолетними правонарушений. Они стали более дерзкими, жестокими, влекут существенный вред. Часть совершаемых правонарушений имеет террористическую направленность. Используя опыт зарубежных стран, автор статьи считает, что необходимо введение уголовной ответственности родителей за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетних детей.

Ключевые слова и словосочетания: *несовершеннолетние, административная ответственность, уголовная ответственность, обязанности родителей по воспитанию несовершеннолетних детей, российский и зарубежный опыт, совершенствование законодательства об ответственности родителей.*

Как известно, Кодексом об административных правонарушениях Российской Федерации (далее – КоАП РФ) предусмотрена ответственность родителей за неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетних детей (ст. 5.35). Максимальная санкция по этой статье предусматривает штраф до 5 тыс. рублей или административный арест до 5 суток. Возраст наступления административной ответственности несовершеннолетних за совершенные правонарушения регламентирован в ч. 1 ст. 2.3 КоАП РФ и он равен шестнадцати лет. В настоящее время ведутся научные дискуссии по вопросу о необходимости снижения или повышения возраста административной ответственности несовершеннолетних [1, с. 393].

Одна группа ученых (А. Д. Баранов, Д. В. Меняйло и др.) считает, что возраст наступления административной ответственности надо понижать с 16 до 14 лет [2, с. 83]. Другая группа ученых предлагает повысить возраст ответственности с 16 до 17 лет [3, с. 239]. По мнению профессора Т. М. Заниной, при решении вопроса об ответственности несовершеннолетнего в обязательном порядке нужно учитывать его психологические особенности [4, с. 63]. Вместе с тем нельзя не обратить внимание, что за последние 2–3 года резко изменился характер совершаемых несовершеннолетними правонарушений. Они уже мало похожи на безобидные детские жалости. Зачастую, такие правонарушения носят умышленный, жестокий, общественно опасный, дерзкий и антигосударственный характер.

Еженедельно в средствах массовой информации сообщается о резонансных правонарушениях, совершенных несовершеннолетними. И это касается не только насилия, травли, буллинга в школах, но и совершения подростками преступлений террористической направленности.

В феврале 2025 года на расширенном заседании коллегии Следственного комитета Российской Федерации по итогам работы за предыдущий год его руководитель сообщил такие данные. За истекший год следственным комитетом были признаны пострадавшими 186 детей от преступлений в образовательных организациях страны, среди которых 57 школьников признаны потерпевшими от других учеников. К уголовной ответственности привлечено 54 подростка.

У некоторой части несовершеннолетних появилось желание быстрого обогащения. В связи с чем, они по своей инициативе идут на интернет-контакт со спецслужбами Украины и готовы за денежное вознаграждение совершать террористические акты.

В апреле 2025 года состоялось заседание Национального антитеррористического комитета, на котором были приведены такие сведения. За последние 3 года правоохрнительными органами было задержано 2,5 тыс. молодых людей, находящихся под влиянием украинских террористических организаций.

Специальные службы страны предотвратили 47 преступлений террористической направленности, в которых участвовали и несовершеннолетние. На заседании также было отмечено, что в условиях проведения специальной военной операции на территории Украины угроза распространения идеологии терроризма и неонацизма в молодежной среде возрастает. Сохраняется активность международных террористических организаций по вовлечению подростков в экстремистскую и террористическую деятельность.

В апреле текущего года в Государственной Думе прошло специальное слушание, связанное с проблемами насилия, буллинга, травли в школах. Глава думского комитета по молодежной политике сообщил о разработке, с участием депутатов из разных фракций, проекта федерального закона о профилактике травли среди детей. На наш взгляд, разрабатываемый закон является полумерой, нужны законодательные изменения в ответственности родителей за воспитание детей.

Жизненные реалии показывают, что несовершеннолетние могут совершать вопиющие, противоречащие здравому смыслу преступления. Наглядный пример, преступление, совершенное 28 мая этого года подростком, убившем ножом на дне рождения четырех сверстников, которое произошло в г. Байкальске Иркутской области.

Совершивший преступление несовершеннолетний после убийства поджег дом и в результате возникшего пожара погиб сам. Группа подростков отмечала день рождения на даче без участия взрослых, в том числе родителей. Как пояснил глава администрации Байкальского городского поселения, массовое убийство подростков произошло вследствие употребления спиртных напитков на дне рождения. В данном случае никакой серьезной ответственности за случившееся родители 17-летнего убийцы-подростка не понесут, так как она не предусмотрена в уголовном кодексе.

Совсем другой опыт в наказании за тяжкое преступление мы наблюдаем в зарубежных странах. Так, в Республике Сербия в г. Белграде в мае 2023 года произошла трагедия. Ученик элитной школы «Владислав Рибникар» из огнестрельного оружия убил 10 школьников. В силу возраста школьник-убийца не подлежал уголовной ответственности. Поэтому по действующему уголовному кодексу за совершенное убийство отца школьника суд приговорил к 14,5 годам лишения свободы, а мать убийцы была осуждена на 3 года лишения свободы за халатное исполнение родителями обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего ребенка-преступника.

Уголовный кодекс Российской Федерации содержит статью, которая предусматривает ответственность за халатность, но она касается только должностных лиц (ст. 293). На наш взгляд, возникает закономерный вопрос. Почему родители несовершеннолетних преступников не несут уголовной ответственности за халатное исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетних детей?

В завершении, хотим привлечь внимание молодых ученых и специалистов уголовного права к решению проблемы о введении в

УК РФ ответственности за халатное исполнение обязанностей по воспитанию своих детей, совершивших тяжкие преступления.

Список литературы:

1. *Солдатов А. П.* Еще раз о возрасте наступления административной ответственности несовершеннолетних // Актуальные вопросы совершенствования деятельности подразделений и служб органов внутренних дел в сфере охраны общественного порядка и обеспечения общественной безопасности : сборник научных статей по материалам всероссийской научно-практической конференции, посвященной вопросам правового и организационного обеспечения деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел / под ред. А. В. Шевцова, В. В. Кирюхина, Ю. Н. Калужного. Москва, 28 марта 2025 г. Москва : Академия управления МВД России, 2025.

2. *Баранов А. Д., Дорофеева Ж. П., Меняйло Д. В.* Особенности административной ответственности несовершеннолетних // Философия права. 2015. № 4 (71).

3. *Федотова О. А.* Задачи и принципы производства по делам об административных правонарушениях в отношении несовершеннолетних // Общество и право. 2016. № 1 (55).

4. *Занина Т. М.* Особенности рассмотрения дел об административных правонарушениях, совершенных несовершеннолетними : монография / Т. М. Занина, С. С. Нехорошева, Е. А. Супонина. Воронежский институт МВД России, 2014.

Холостов Константин Михайлович,
доктор технических наук, доцент,
профессор кафедры информационных технологий,
Академия управления МВД России
E-mail: hkm_tula@mail.ru

Нейронечеткая классификация текущих ситуаций в целях поддержки принятия решений по обеспечению общественной безопасности и общественного порядка

Аннотация

Рассматриваются модель и метод применения искусственных нейронных сетей для решения задачи классификации текущих ситуаций в области обеспечения общественной безопасности и общественного порядка для поддержки принятия решений руководителями органов внутренних дел (лицом, принимающим решение) по управлению подчиненной организационной системой в условиях, связанных с нарушением состояния общественной безопасности. Рассматриваются модель представления ситуаций, а предлагаемый метод нейронечеткой классификации позволяет как наращивать базу знаний за счет увеличения количества известных классов, так и обеспечивать нечеткую классификацию при отнесении текущей ситуации к двум и более классам. Это позволяет повысить эффективность и темп принятия решений при условии быстро изменяющейся оперативной обстановки. Использование предлагаемого метода и модели направлено на применение современных информационных технологий в управлении, что выводит процесс принятия решений при руководстве деятельностью органов внутренних дел по обеспечению общественной безопасности и охране общественного порядка на качественно новый уровень.

Ключевые слова и словосочетания: *кризисные ситуации; поддержка принятия решений; органы внутренних дел; искусственные нейронные сети; управленческие решения; классификация.*

Вопросы совершенствования государственного управления, межгосударственного взаимодействия в сфере обеспечения безопасности становятся все более актуальными в современном мире. Ведущую роль в системе международной и внутригосударственной безопасности стран занимают правоохранительные органы, в частности

органы внутренних дел (полиции), непосредственно реализующие комплекс мер по обеспечению правопорядка, решению общественных проблем и удовлетворения насущных потребностей граждан в собственной безопасности. Одно из перспективных направлений улучшения состояния внутренней безопасности – это повышение эффективности управления процессами, направленными на обеспечение общественной безопасности и общественного порядка.

Современному руководителю правоохранительных органов и организаций приходится сталкиваться со сложным многообразием вызовов и угроз в рассматриваемой сфере, которые быстро меняются и все более усложняются, порождая многоаспектные и многофакторные ситуации в правоохранительной деятельности. При этом достаточного количества времени, необходимого опыта, знаний и управленческой культуры, требуемых для принятия решения по текущей ситуации, может остро не хватать. В сложных иерархических системах, к категории которых принадлежат органы внутренних дел (полиции) в большинстве стран, велика роль руководителя, который принимает решения и несет всю полноту ответственности за результативность системы управления внутренней безопасностью [1]. В таких условиях без должного обучения и подготовки, максимальной самоорганизации, применения современных средств и технологий поддержки принятия решений эффективному руководителю обойтись трудно. Применение современных технологий способно значительно облегчить труд руководителя и улучшить характеристики его управленческой деятельности [2, 3]. Одним из способов использования современных технологий является ситуационный подход, который позволяет формализовать систему и процессы управления, используя принципы «черного ящика»¹. Общий вид процесса управления на основе ситуационного подхода представлен на рисунке 1, где в качестве руководителя обозначено лицо, принимающее решение (ЛПР). На рисунке обозначены прямые и обратные связи, по которым передается информация в виде входных и выходных показателей управляемого объекта (системы) и решений, трансформируемых системой управления (аппарат управления, администрация) в управляющие воздействия.

¹ Речь идет о методе представления системы (устройства), для которого известны входные и выходные параметры, на основе анализа которых определяется основная функция, реализуемая данным устройством. При этом внутренняя структура данного устройства не рассматривается и не учитывается.

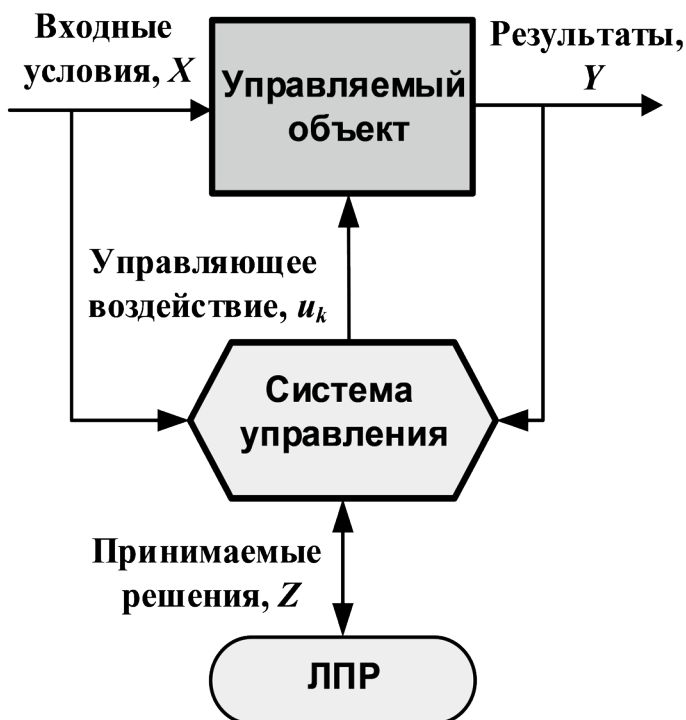

Рис. 1. Схема формализации процесса управления организационной системой

В соответствии рисунком 1 текущая ситуация, применительно к организационной системе, может быть формализована следующим образом [4]:

$$\langle X, Y, U, Z \rangle,$$

где $X = \{x_i\}$ – совокупность входных данных в процессе управления;

$Y = \{y_j\}$ – совокупность выходных данных системы, как результат процесса управления;

$U = \{u_k\}$ – совокупность формируемых системой управления воздействий;

$Z = \{z_s\}$ – совокупность решений, принимаемых руководителем (ЛПР).

В целом ситуационный подход связывается с фокусированием процесса управления на совокупности различных по своему характеру параметров, характеризующих текущую ситуацию. Основную роль при ситуационном подходе занимает понятие ситуации, которая представлена в формальном виде выше и определяется как совокупность условий и обстоятельств, которые непосредственно влияют¹ на текущую деятельность подразделения в рассматриваемом промежутке времени. Ситуационный подход не является простым набором управленческих директив, скорее это творческое решение задачи, возникшей в результате образовавшейся совокупности организационных проблем и необходимости реакции на воздействие внешних факторов.

Ситуационный подход позволяет отойти от абстрактных представлений о роли руководителя как субъекта управленческой деятельности и сосредоточиться на конкретных действиях, функциях и принципах, которые актуальны в текущий момент в деятельности органа либо организации, а также на готовности к противодействию вновь возникающим вызовам и угрозам. При этом просто охарактеризовать ситуацию при помощи формальных процедур для последующего принятия решения недостаточно, необходимо реализовать алгоритм классификации ситуаций и формирование на его основе решения о классификации. Примерный алгоритм ситуационного управления, описанный Д. А. Поспеловым в [5], представлен на рисунке 2. Основные блоки алгоритма: ввод информации о текущей ситуации; анализатор, реализующий процедуры формализации, первичной обработки исходной информации; классификатор, обеспечивающий функцию отнесения текущей ситуации к известному классу ситуаций; коррелятор «подбирающий» наиболее подходящее управленческое решение совместно с экстраполятором или блоком случайного выбора (в случае, когда решение по классификации не получено).

¹ Для ситуационного подхода чрезвычайно важно выделять из всего многообразия условий и обстоятельств только те, которые следует учитывать при ее анализе и классификации. При этом необоснованное сокращение таких условий и обстоятельств не допускается.

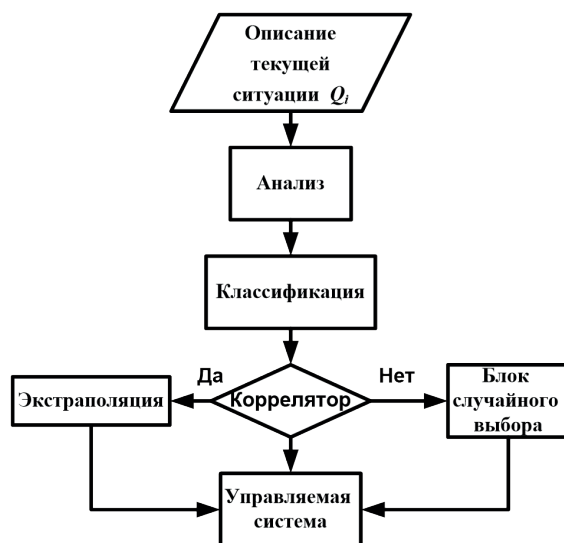

Рис. 2. Алгоритм классификации текущей ситуации и выбора управленческого решения из набора альтернатив

В основе выбора управленческого решения из набора альтернатив лежит задача классификации текущей ситуации, решение которой можно получить, используя соответствующие методы [6, 7]. Прежде всего, к ним относятся: методы на прецедентных алгоритмах, реализующие способ управления основанный на моделях типа «описание ситуации» «принятие решения»; метод продукционных моделей с нечетким выводом; методы распознавания образов (классификации) на базе искусственных нейронных сетей.

Преимущественным в этом перечне методом, по мнению автора, является применение искусственных нейронных сетей для решения задачи классификации как распознавания образа текущей ситуации на множестве шаблонных (прототипических) ситуаций. Однако следует отметить, что ситуации в правоохранительной деятельности зачастую характеризуются не количественными, а качественными показателями. В целом деятельности по обеспечению общественной безопасности и общественного порядка свойственна неопределенность и неполнота информации о ситуации, что может привести к невозможности классификации. При таких условиях в качестве наиболее результативного способа предлагается применение нейронечеткой классификации текущих ситуаций.

В этой связи необходимым является выработка подходов и решений к такому виду классификации текущих ситуаций (ТС) в сфере правоохранительной деятельности. В качестве классификатора предполагается использовать искусственные нейронные сети (ИНС), применив их в следующем виде:

Для условий, когда объем известных ситуаций достаточно велик, многообразен и регулярно увеличивается в процессе применения систем поддержки принятия решений ЛПР, целесообразно применять однослойные ИНС прямого распространения по числу известных классов ситуаций. При этом каждая ИНС должна быть настроена на выявления собственного класса ситуаций. В случае появления нового класса ситуаций, количество ИНС будет увеличиваться по мере фиксации новых классов, что обеспечит рост качества принимаемых решений.

Для более стандартных и рутинных условий управления, характеризующихся наличием стандартного набора классов ситуаций, более результативным будет метод, при котором в качестве модели ИМС следует применить многослойный персептрон с одним или несколькими скрытыми слоями. Для работы с ограниченным набором классов ИНС обучают на базовой выборке шаблонных ситуаций, методом обратного распространения ошибки с подкреплением.

В первом случае в качестве ИНС используется однослойный персептрон (см. рис. 3), а в качестве функции активации применяется, например, сигмоидальная функция вида:

$$F^o(v) = \frac{1}{1 + e^{-\lambda(\sum_{i=1}^N w_i v(x_i) - d)}}$$

где w_i – весовой коэффициент i -й синоптической связи; λ – параметр крутизны; d – мера близости; $v(x_i)$ – приведенные входные данные, связанные с показателями x_i моделируемой ситуации; $i = 1, 2, 3, \dots, N$ – порядковый номер входа ИНС. В качестве входных данных ИНС используются нормированные показатели текущей ситуации $v(x_i)$.

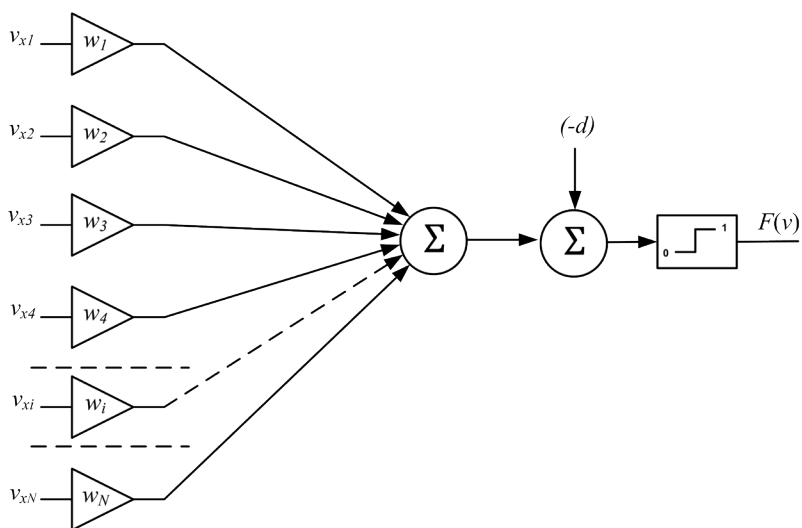

Рис. 3. Однослойный персептрон, для решения задачи выделения класса ситуации

Численные значения показателей оцениваемых и прототипических ситуаций получают как модуль отношений фактической разницы ожидаемого значения входных показателей x_{i0} и реального их уровня $-x_i$ по отношению к допустимому отклонению Δx_i этой разницы $v(x_i) = \left| \frac{x_i - x_{i0}}{\Delta x_i} \right|$. Следует отметить, что корректная классификация

возможна при условии, когда показатели оцениваемых ситуаций и показатели всех прототипических ситуаций распределены по оси индексов единообразно. Сами входные показатели управляемой организационной системы, в нашем случае – органа внутренних дел [8], рекомендуется отображать в виде графиков нормированных показателей (рис. 4). Это позволит сравнивать получаемые графики с имеющимися сигнатурами прототипических ситуаций (фрагментами графиков) при решении ИНС задачи распознавания образов.

При решении задачи классификации текущей ситуации может возникнуть неопределенность при отнесении ее к классу, так как одна и та же ситуация может быть отнесена по степени близости к двум и более классам. В связи с чем, будем считать осуществляемую классификацию нечеткой, и введем понятие функции принадлежности к классу L_e и вычисляем ее как: $\mu_e = \frac{\sum_{e=1}^E d_e - d_e}{(E-1) \sum_{e=1}^E d_e}$, где E – количество классов к которым отнесена текущая ситуация, d_e – мера

близости для класса L_e . Указанное выражение для μ_e справедливо в случае, когда $E \geq 2$.

Рис. 4. Фрагмент графика входных данных для управляемой организационной системы

При реализации задачи классификации примем следующие правила:

1. Если две текущие ситуации, описываемые схожими совокупностями показателей в виде вектора X , для которых функция активации принимает значение $F(v) \geq a_0$ при одном и том же значении меры близости d_e , будут относиться к одному классу ситуаций.

2. Из двух текущих ситуаций внутри одного класса ситуаций достоверность принадлежности к классу L_e больше для той ситуации, для которой назначенная величина меры близости d меньше.

3. В случае отнесения текущей ситуации Q_n к двум классам L_e и L_{e+1} прототипических ситуаций Q_s^0 и $Q_{(s+1)}^0$ с одинаковой мерой близости d , достоверность принадлежности к классу L_e больше в том случае, если для оцениваемой ТС Q_n больше модуль суммы относительных значений показателей выбранной совокупности оцениваемых параметров, полученный для показателей x_{i0} прототипической ситуации.

$$4. Q_s^0: vs(Q_n | Q_s^0) = \left| \sum_{i=1}^M \frac{x_i - x_{i0}}{\Delta x_i} \right|$$

Последнее правило требует некоторых объяснений и доказательства правомерности применения. Очевидно, что если текущая ситуация Q_n относится к классу прототипической ситуации Q_s^0 , то составляющие данной ситуации, включающие в себя меньшее коли-

чество показателей из исходного факторного пространства, должны совпадать с удовлетворительной мерой близости с аналогичными фрагментами факторного пространства прототипической ситуации. Исходя из этого, разобьем факторное пространство из M показателей на $M-1$ элементов, в которые входит пара соседних показателей x_i и x_{i+1} (рис. 5). Для каждой пары проведем операцию сравнения, при этом в качестве критерия достоверного совпадения фрагментов графика ситуации введем функцию совпадения:

$$Cs(x_i, x_{i+1}) = \begin{cases} 1, \text{ при } \left(\frac{x_i - x_{i0}}{\Delta x_i} \right) \left(\frac{x_{i+1} - x_{(i+1)0}}{\Delta x_{i+1}} \right) \geq 0 & \left| i = 1 \right. \\ 0, \text{ при } \left(\frac{x_i - x_{i0}}{\Delta x_i} \right) \left(\frac{x_{i+1} - x_{(i+1)0}}{\Delta x_{i+1}} \right) < 0 & \left| i = 1 \right. \end{cases}$$

Данная функция принимает значение $Cs(x_i, x_{i+1}) = 1$ в случае если отрезки не пересекаются (рис. 5, б), то есть можно считать, что графики совпадают с допустимой мерой близости d и $Cs(x_i, x_{i+1}) = 0$ в случае если они пересечены и должны считаться несовпадающими вследствие различного направления их изменения (рис. 5, а). Для участков упорядоченного факторного пространства, имеющего пересечение соответствующих графиков (рис. 5, а), характерно отрицательное значение условия совпадения:

$$\left(\frac{x_i - x_{i0}}{\Delta x_i} \right) \left(\frac{x_{i+1} - x_{(i+1)0}}{\Delta x_{i+1}} \right) < 0$$

Сложение различных по знаку слагаемых в выражении для

$$vs(Q_n | Q_s^0) = \left| \sum_{i=1}^M \frac{x_i - x_{i0}}{\Delta x_i} \right|$$

приведет к уменьшению его итогового значения (при условии равной меры близости). Наоборот, большее число локальных совпадений позволяет сделать вывод большей сумме значений функции совпадения $\sum_{i=1}^{M-1} Cs(x_i, x_{i+1})$, и, следовательно, о боль-

шей степени совпадения аналогичных участков факторного пространства TCQ_n с прототипической ситуацией Q_s^0 .

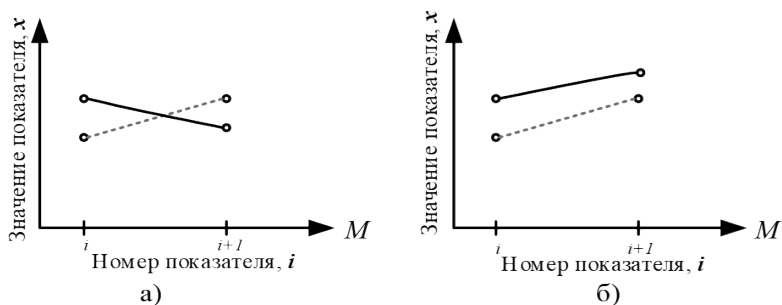

Рис. 5. Фрагменты графика нормированных показателей текущей и прототипической ситуаций: а) для функции совпадения равной 0; б) для функции совпадения равной 1

На основании представленного описания можно сделать вывод о том, что предложенные модель формализации текущей ситуации и метод нейронечеткой классификации, основанные на ситуационном подходе к управлению, позволят обеспечить эффективную поддержку принятия решения руководителем органа внутренних дел (полиции) в интересах обеспечения общественной безопасности и общественного порядка в России и других странах Содружества Независимых Государств.

Список литературы:

1. Тарасенко Ф. П. О некоторых возможностях повышения качества управления в социальных системах // Россия: тенденции и перспективы развития: материалы XV международной научной конференции, Москва, 18–19 декабря 2014 г. / отв. ред. Ю. С. Пивоваров. Выпуск 10. Часть III. Москва: ИНИОН РАН, 2015. С. 98–102.
2. Вережкин В. А. Системы поддержки принятия решений ситуационного центра МВД России / К. М. Холостов, В. А. Вережкин // Академическая мысль. 2020. № 3(12). С. 73–80.
3. Евдокименков В. Н. Оценка технико-экономического эффекта от внедрения системы управления техническим состоянием на основе вероятностно-гарантированных оценок / В. Н. Евдокименков, Р. В. Ким, А. А. Галенков // СТИН. 2020. № 8. С. 28–31.

4. *Холостов К. М.* Понятие ситуации в контексте управления в правоохранительной сфере // Вестник Воронежского института. 2016. № 2. С. 191–202.
5. *Поспелов Д. А.* Ситуационное управление: теория и практика. М.: Наука, 1986.
6. *Евдокименков В. Н.* Вероятностно-гарантированная оценка текущего технического состояния и прогноз отказов бортовых систем воздушного судна на основе их эталонных образов / В. Н. Евдокименков, Р. В. Ким, Д. А. Козорез // СТИН. 2022. № 10. С. 2–5.
7. *Олейник А. Г.* Развитие интеллектуальных методов анализа ситуаций для обеспечения работы ситуационных центров арктической зоны Российской Федерации / А. Г. Олейник, А. В. Маслобоев, А. Я. Фридман // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Технические науки. 2022. Т. 13. № 2. С. 46–58.
8. *Гонов Ш. Х.* Актуальные вопросы анализа данных, характеризующих результаты деятельности органов внутренних дел / Ш. Х. Гонов, И. В. Горошко. Москва : Академия управления МВД России, 2022. 128 с.

Раздел 2. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ (ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ) В НОВЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ РЕАЛИЯХ

Антонова Елена Юрьевна,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного и публичного права,
Московский университет «Синергия»
E-mail: antonovy@yandex.ru

Уголовно-правовые аспекты противодействия экстремистским преступлениям, совершаемым с использованием цифровых технологий в государствах – участниках СНГ

Аннотация

В статье рассматривается вопрос о законодательной регламентации преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием цифровых технологий. Анализируются уголовные законы государств – участников СНГ. Делается вывод об отсутствии единого подхода к конструированию норм об экстремистских преступлениях, совершаемых на цифровых площадках и (или) с использованием цифровых технологий. Ставится вопрос о целесообразности усиления интенсивности пенализации в составах о вовлечении в экстремистскую деятельность путем введенияотягающего признака «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей». С учетом не до конца изученного вопроса об общественной опасности преступлений, в том числе экстремистских, совершаемых с использованием цифровых технологий и на цифровых площадках, вносится предложение по изменению нормы об отягчающих обстоятельствах, учитываемых при назначении наказания.

Ключевые слова и словосочетания: *экстремистские преступления, информационно-телекоммуникационные сети, цифровые технологии, призывы, публичность, ненависть и вражда, вербовка.*

Преступления экстремистской направленности получают все большее распространение. Ежегодно фиксируется их рост.

Так, согласно статистическим данным в 2019 г. в России было зарегистрировано 585 преступлений экстремистской направленности, в 2020 г. – 833 (прирост к аналогичному показателю предыдущего года (АППГ) 42,4 %); в 2021 г. – 1 057 (+ к АППГ 26,9 %); в 2022 г. – 1 566 (+ к АППГ 48,2 %); в 2023 г. – 1 340 (снижение к АППГ 14,4 %), в 2024 г. – 1 719 (+ к АППГ 28,3 %; + к 2019 г. – 193,8 %).

Активная цифровизация общественных отношений оказывает существенное влияние и на способы совершения экстремистских преступлений. На данное обстоятельство обращено внимание в Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации (утв. Указом Президента Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124). В документе к числу опаснейших проявлений экстремизма относится распространение призывов к насильственным действиям с использованием информационно-телекоммуникационных сетей (далее – ИТС). Кроме того отмечается, что экстремистские организации используют ИТС, мультимедийные и онлайн-технологии для вербовки новых членов, организации и координации экстремистских преступлений.

В научной литературе отмечается, что онлайн-активность больше не является самоцелью, но все больше становится средством для активизации противоправной, в том числе экстремистской деятельности в офлайне [4, с. 267–293].

Вовлеченные в экстремистскую деятельность субъекты, используют цифровые технологии и в процессе совершения преступлений, и в обыденной жизни. Такие технологии выступают в качестве средства коммуникации и для пропаганды экстремистской идеологии.

Использование цифровых технологий в деятельности экстремистской направленности сказывается на степени общественной опасности преступлений. Законодатель отражает данное обстоятельство в соответствующих нормах уголовного закона. Такие изменения пока носят разрозненный, хаотичный порядок. В частности, законодателем используется разная терминология и не во всех составах преступлений установлен данный признак.

Например, в норме отечественного УК о возбуждении ненависти и вражды, а равно унижении человеческого достоинства (ст. 282) «использование СМИ или ИТС» является конструктивным альтернативным признаком как основного, так и квалифицированного состава, а в нормах о публичных призывах к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280), действий, направленных на нарушение территориальной целостности (ст. 2801) данный признак являетсяотягчающим (ч. 2 названных норм). При этом в ст. 2801

УК РФ законодатель помимо ИТС указывает и на электронные сети.

Но на сегодняшний день четкого понимания что такое электронные сети нет. Поэтому в Постановлении от 15.12.2022 № 37 Пленум Верховного Суда Российской Федерации указал, что для целей УК РФ «понятия электронных и информационно-телекоммуникационных сетей не разграничиваются».

Примерно по такому же пути идут и зарубежные законодатели государств – участников СНГ.

Так, казахский законодатель включил «использованием масс-медиа, сетей телекоммуникаций и онлайн-платформ» в норму о разжигании социальной, национальной, родовой, расовой, сословной или религиозной ненависти (ст. 174) в качестве альтернативного конструктивного признака в основном составе. Этот же признак, но уже в качестве квалифицированного установлен в норме о пропаганде или публичных призывах к захвату или удержанию власти, а равно захвату или удержанию власти либо насильственном изменении конституционного строя РК (ч. 2 ст. 179 УК РК), а также сепаратистской деятельности (ч. 2 ст. 180).

Квалифицированный состав публичных призывов к захвату власти, нарушению территориальной целостности или насильственному свержению конституционного строя (ч. 2 ст. 422) УК Республики Армения включает признак «использование СМИ либо информационно-коммуникационных технологий».

В Кыргызской Республике публичные призывы к насильственному захвату власти с использованием СМИ или информационно-коммуникационных сетей также образует квалифицированный состав (п. 1 ч. 2 ст. 327 УК). Совершение преступления посредством сети Интернет является конструктивным альтернативным признаком основного состава возбуждения расовой, этнической, национальной, религиозной межрегиональной вражды (розни) (ч. 1 ст. 330 УК РА) и изготовления, распространения экстремистских материалов (ч. 1 ст. 332 УК РА).

УК Азербайджанской Республики в норме о возбуждении национальной, расовой, социальной или религиозной ненависти и вражды в основном составе ограничивается указанием на признак публичности, в том числе с использованием медиа (ст. 283.1).

Законодатель Республики Молдова конструктивным альтернативным признаком основного состава подстрекательства к насильственным действиям на почве предубеждений предусмотрел его совершение посредством информационной системы (ст. 346 УК). В основном составе распространения материалов экстремистского

характера альтернативным признаком является совершение описанных в диспозиции действий в СМИ, в том числе интернет (ст. 3462 УК РМ).

Таджикский законодатель «использование СМИ или сети интернет» установил в качестве отягчающего обстоятельства в составах о публичных призывах к насильственному изменению конституционного строя Республики Таджикистан (п. «г» ч. 2 ст. 307 УК), к осуществлению экстремистской деятельности и публичном оправдании экстремизма (ч. 2 ст. 370(1) УК).

Белорусский законодатель создал единую норму о призывах к мерам ограничительного характера (санкциям), иным действиям, направленным на причинение вреда национальной безопасности Республики Беларусь (ст. 361 УК), диспозиция которой включает в себя, в том числе такие действия экстремистской направленности как публичные призывы к захвату государственной власти, насильственному изменению конституционного строя РБ, осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности РБ. Отягчающим признаком данного состава (ч. 3) является «использование СМИ или глобальной компьютерной сети Интернет». Норма же о разжигании расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни (ст. 130 РБ) рассматриваемого признака не содержит.

В уголовном законе Узбекистана нормы об экстремистских преступлениях вовсе не содержат признака «использование СМИ или ИТС».

Анализ данных норм показывает, что законодатели государств – участников СНГ по-разному оценивают использование цифровых технологий или совершение преступлений экстремистской направленности в ИТС. Единого мнения, так же, как и единой терминологии пока не существует.

Несмотря на то, что на законодательном уровне рассматриваемый признак установлен только в нормах о возбуждении ненависти или вражды или призывах к действиям экстремистской направленности следует констатировать, что это не единственные деяния, которые в современной действительности могут совершаться с использованием цифровых технологий и (или) на цифровых площадках. Данные технологии, например, используются при вербовке лиц для совершения экстремистских преступлений или финансирования экстремистской деятельности [1, с. 14–24].

Зачастую специальные сайты работают как онлайн-библиотеки идеологических текстов, платформы для вербовщиков и форумы для обмена информацией, а фото- и видеоматериалы, игры, учебные

пособия и технические инструкции, подготовленные террористическими и экстремистскими формированиями, способствуют радикализации их сторонников [5, с. 385–418].

О возможности использования ИТС в процессе вовлечения (склонения, вербовки) лица в экстремистскую деятельность указывается и в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28.06.2011 № 11.

Помимо этого, цифровые площадки, предоставляя актуальную информацию на тематических форумах и в социальных сетях, содействуют саморадикализации людей. А террористические и экстремистские группировки отыскивают радикально настроенных лиц, поскольку их можно завербовать, обучить и отправить для выполнения задач с относительно небольшими затратами [5, с. 385–418].

Заметим, что террористические и экстремистские преступления взаимосвязаны между собой. Как отмечается в научной литературе «экстремизм» смешивает идеи, убеждения и ценности с насилием [4, с. 267–293]. Радикализацию понимают как развитие экстремистских идеологий и убеждений, которые обеспечивают мотивацию к террористическим действиям [3]. Именно поэтому часто говорят о том, что терроризм есть крайняя форма проявления экстремизма.

Из доклада заместителя Роскомнадзора В. А. Субботина следует, что данным ведомством только в 2024 году ограничен доступ к более чем 22 тыс. интернет-ресурсов, отдельных сообществ, каналов, а также материалов, направленных на разжигание межнациональных и межконфессиональных конфликтов в России, продвижение сепаратистской повестки, связанной с идеей выхода из состава России, в том числе насильственным путем. Выявлены и заблокированы более 500 каналов, созданных с целью запугивания населения путем вбросов о проведении террористических актов. Примечательно и то, что внешними силами активно задействуются иностранные интернет-площадки и ресурсы [2].

Составы же преступлений о вовлечении (склонении, вербовке) в деятельность экстремистского сообщества (ч. 11 ст. 2821) или экстремистской организации (ч. 11 ст. 2822), а также финансирование экстремистской деятельности (ст. 2823 УК РФ) и аналогичные нормы в уголовных законах государств – участников СНГ не предусматривают криминообразующий илиотягчающий признак – «с использованием ИТС, включая сеть “Интернет”».

В отличие от норм, регламентирующих ответственность за возбуждение ненависти и вражды по экстремистским признакам и публичных призывах к экстремистской деятельности, которые

способствуют вовлечению лиц в совершение экстремистских преступлений путем воздействия на неопределенно широкий круг лиц, деяния, описанные в ч. 11 ст. 2821 и ч. 11 ст. 2822 УК РФ, связаны с воздействием на конкретное лицо или группы лиц.

Повышенная степень общественной опасности и относительная распространенность (типичность) таких деяний очевидна.

В связи с этим полагаем, что назрел вопрос, связанный с изменением интенсивности пенализации в составах преступлений, в которых идет речь о вовлечении в экстремистскую деятельность, установив в них отягчающий признак – «с использованием ИТС, включая сеть “Интернет”».

Допускаем и то, что не всегда совершение экстремистских преступлений с использованием цифровых технологий и (или) на цифровых площадках может отягчать содеянное. Поэтому предлагаем дополнить ст. 63 УК частью 12 и изложить ее в следующей редакции «12. Судья (суд), назначающий наказание, в зависимости от характера и степени общественной опасности преступления, обстоятельств его совершения и личности виновного может признать отягчающим обстоятельством совершение преступления с использованием информационно-телекоммуникационных технологий». Такая норма позволит индивидуализировать наказание, исходя из конкретных обстоятельств дела.

Список литературы:

1. Антонова Е. Ю. Вовлечение в террористическую, экстремистскую и диверсионную деятельность с использованием цифровых технологий: уголовно-политический аспект // Цифровые технологии и право: сборник научных трудов III международной научно-практической конференции. В 6 т. Казань, 20 сентября 2024 г. Казань: Изд-во «Познание», 2024. С. 14–24.

2. Более 22 тыс. сайтов и каналов заблокированы в Российской Федерации в 2024 г. за разжигание розни и сепаратизма // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/russia/1016425> (дата обращения: 14.07.2025).

3. Brown O., Smith L.G.E., Davidson B.I., Racek D., Joinson A. Online Signals of Extremist Mobilization // Personality and Social Psychology Bulletin. 2024. Vol. 0(0). DOI: 10.1177/01461672241266866.

4. Karas T. Cultural criminology, counter-extremism and the contemporary far right // Crime, Media, Culture. 2024. Vol.21(3). P. 267–293. DOI: 10.1177/17416590241279413.

5. *Khokhlov N., Korotayev A.* Internet, Political Regime and Terrorism: A Quantitative Analysis // Cross-Cultural Research. 2022. Vol. 56(4). P. 385–418. DOI: 10.1177/10693971221085343.

Ахмадзода Гани Насреддин,
адъюнкт Московского университета
МВД России имени В. Я. Кикотя
E-mail: ggg-aaa48@mail.ru

Вовлечение мигрантов в экстремистскую деятельность как система

Аннотация

Статья посвящена проблеме предупреждения вовлечения мигрантов в экстремистскую деятельность, рассматриваемой через призму особенностей механизма такого вовлечения, включающего определенные методы и средства противоправного воздействия на данную целевую группу, ориентированного на склонение к совершению правонарушений и преступлений экстремистской направленности, специфике элементов механизма вовлечения мигрантов в экстремистские объединения и (или) преступления экстремистской направленности.

***Ключевые слова и словосочетания:** механизм преступного поведения, вовлечение мигрантов в экстремистскую деятельность, предупреждение преступлений.*

Механизм вовлечения мигрантов в экстремистскую деятельность является самостоятельным преступлением, подстрекательством к таковому или его организацией, ему присущи все неотъемлемые черты механизма преступного поведения, осуществляемого умышленно. Такой механизм представляет собой открытую систему, включающую определенные элементы, состоящие в формировании личности, мотивации, конкретной жизненной ситуации, принятии решения о совершении преступного посягательства, его планировании, непосредственном совершении, причинении общественно опасных последствий, и характеризующуюся постоянным, взаимным влиянием внешней среды и свойств личности, приводящим к совершению преступления [1, с. 126–128].

Принимая во внимание то, что вовлечение в экстремистскую деятельность в подавляющем большинстве случаев одновременно является вовлечением других лиц в совершение конкретных преступлений экстремистской направленности, в том числе заключающихся в участии в экстремистском сообществе или в деятельности экстремистской организации, представляется целесообразным рассматривать механизм такого вовлечения как более сложную систему

и процесс, распространяющиеся на преступное поведение не только вовлекающих, но еще и вовлекаемых лиц. Применительно же к вовлечению в экстремистскую или иную преступную деятельность целесообразно, на наш взгляд, использовать такое понятие, как «механизм детерминации преступного поведения другого лица».

В контексте рассматриваемой темы важно учитывать специфику, присущую не только экстремистской деятельности в целом и входящим в нее отдельным преступлениям экстремистской направленности, в частности, но еще и вовлечению в таковую, а также выделенной целевой социальной группе мигрантов, отличающейся наибольшей уязвимостью относительно внешнего воздействия, так или иначе направленного на вовлечение данных лиц в экстремизм.

Особенностями экстремистской деятельности, которые следует принимать во внимание в рамках предупреждения вовлечения в таковую мигрантов, являются:

- образующая ее сущностную основу идеология, формирующая мотивы расовой, национальной, религиозной, политической, идеологической ненависти либо вражды, которые также могут быть обращены против какой-либо социальной группы;

- присущие этой противоправной деятельности тенденции к транснационализации, повышению уровня ее организованности, все более тесному переплетению с террористической деятельностью, а также к нарастающему использованию современных информационно-коммуникационных технологий;

- активная вовлеченность в таковую зарубежных специальных служб и связанных с ними организаций, проявляющееся, в частности, в финансировании, информационном и ином обеспечении экстремистских и террористических объединений, равно как и отдельных лиц, используемых для совершения определенных уголовно наказуемых деяний экстремистской или террористической направленности.

Указанные мотивы ненависти и вражды изначально имеют деструктивный, низменный характер, при этом их претворение в конкретные насильственные и иные противоправные действия, к которым они подталкивают, еще сильнее раскручивает маховик национальной, религиозной, политической и иной розни в обществе, обращая данные побуждения и против самих лиц, поддавшихся указанным идеям и взглядам и преступившим уголовный закон [2, с. 4–5].

Мотивы ненависти и вражды являются элементарными, вызывающими к низменным началам в структуре личности и опирающимися, в частности, на гипертрофированные представления о нега-

тивных свойствах тех или иных групп в структуре общества, тенденциозно подобранные и интерпретированные исторические факты, одностороннее толкование и восприятие религиозных источников, искусственно созданные привлекательные образы «борьбы» и «борцов» за какие-либо национальные, политические и прочие идеи, интересы. Указанные побуждения базируются на экстремистской идеологии, генерируемой и распространяемой экстремистскими и террористическими объединениями, в особенности теми, что имеют международный характер, предполагающий транснационализацию осуществляемой ими преступной деятельности [3, с. 50–54].

Отметим, что мигранты и сами нередко становятся объектами ненависти и вражды, в связи с чем более остро воспринимают экстремистские проявления и активнее ретранслируют соответствующие идеи и взгляды среди лиц, относящихся к той же социальной группе либо к ее отдельным частям, как правило, выделяемым по национальному и религиозному признакам. Данные лица, оказавшись в чуждой для себя среде, приносящей в их жизнь дополнительные сложности и риски, далеко не всегда предпринимают необходимые усилия для скорейшей адаптации к новым условиям, включая изучение языка, приобретение востребованной профессии, ознакомление с национальными культурными и религиозными традициями, правилами поведения в обществе, особенностями законодательства [4, с. 35–36].

Важно принимать во внимание, что ежегодно в Россию прибывает большое число мигрантов, причем многие из них рассчитывают остаться в ней навсегда или как минимум на длительное время. Так, в 2024 г. в Россию прибыло свыше 6 миллионов иностранных граждан, из которых около половины имели намерение трудоустроиться. При этом 23,3 % от общего числа прибывших мигрантов въехало на территорию России из Узбекистана, 16,7 % – из Таджикистана, 10,7 % – из Кыргызстана и 9,5 % – из Белоруссии. Нелегально на территории России в 2024 г. находились около 700 тысяч иностранных граждан, из страны за этот год было принудительно выслано 157 тысяч таких лиц¹. В Стратегии противодействия экстремизму в РФ² обращается внимание на увеличение масштабов миграционных процессов, в результате которых на территории России оказывает-

¹ МВД: за 2024 год в Россию прибыли более 6 млн мигрантов // URL: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2025/06/19/1118529-v-rossiyu-pribili> (дата обращения: 19.06.2025).

² Пункты 14, 26 Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации (утв. Указом Президента Рос. Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 28.12.2024.

ся столь значительное число мигрантов, количество и состав которых изменяются вслед за геополитическими событиями в мире, что в свою очередь приводит к возрастанию рисков проникновения в страну участников зарубежных и международных экстремистских и террористических объединений, а равно иных носителей опасной экстремистской идеологии. Кроме того, в отдельных регионах и населенных пунктах наблюдается формирование неблагоприятной ситуации с противоправным поведением мигрантов, разрушающим сложившийся баланс национальных и религиозных отношений и, как следствие, угрожающим национальной безопасности. Прибывающие в Россию трудовые и иные мигранты не только вовлекаются в экстремистские и террористические объединения, но еще и сами распространяют экстремистскую идеологию, участвуют в несанкционированных публичных мероприятиях экстремистского толка.

При вовлечении мигрантов в экстремистскую деятельность используется идеологическое воздействие, включая массовое производство и распространение экстремистских материалов, публичные и персонифицированные действия, разжигающие ненависть и вражду, а также призывающие к осуществлению экстремизма и (или) террористической деятельности, оправдывающие или пропагандирующие экстремизм и (или) терроризм, а также другое стимулирование к вступлению в ряды экстремистских или террористических объединений, участию в совершении конкретных преступлений соответствующей направленности.

В таких случаях корыстная или иная личная заинтересованность вовлекаемого лица не всегда сопутствует ненависти или вражде, более того, данное лицо может вовсе не посвящаться в истинные цели и мотивы тех, кто его нанимает для совершения конкретного преступления. Более того, для мигранта, плохо разбирающегося даже в основах российского законодательства, может быть не полностью понятна противоправность и общественная опасность планируемых и совершаемых им действий. Например, он может не понимать содержание и значение размещаемой или пересылаемой в сети «Интернет» информации, фактически призывающей к экстремистской или террористической деятельности, либо направленной на возбуждение национальной, религиозной или иной ненависти либо вражды в обществе. При этом мигранты и сами нередко выступают в роли вовлекающих в экстремистскую деятельность, при этом закономерным является осуществление такого вовлечения в отношении представителей той же социальной группы, что и данные вовлекающие лица, в том числе путем публичного обращения к широкому кругу таких лиц посредством сети «Интернет».

Наибольшего деструктивного эффекта это вовлечение достигает при его осуществлении в местах компактного проживания или иного пребывания мигрантов, в том числе в местах лишения свободы, где в последние годы наблюдается тенденция к образованию ячеек экстремистских и террористических организаций, как правило, ориентированных на осужденных, являющихся иностранными гражданами, выходцами из стран СНГ. Подобные организационные действия – это опасность первичной или дальнейшей радикализации лиц, склонных к экстремистским проявлениям, поскольку они осуществляются в условиях изоляции от остального общества, имеют постоянный, систематический характер и предполагают применение самых различных средств и методов воздействия на вовлекаемых лиц, которые в дальнейшем сами становятся активными участниками экстремистских объединений, вовлекающими мигрантов и иных лиц.

Таким образом, механизм вовлечения мигрантов в экстремистскую деятельность характеризуется определенными особенностями, обусловленными повышенной уязвимостью данной социальной группы по отношению к оказываемому на входящих в нее лиц массированному идеологическому и иному воздействию со стороны экстремистских и террористических объединений, использующих для вербовки и иного вовлечения мигрантов различные методы и средства, включая создание предпосылок для эскалации национальной, религиозной, политической и идеологической ненависти и вражды. На этом фоне эффективность предупреждения такого вовлечения является одной из наиболее актуальных задач в рамках совершенствования противодействия экстремизму в целом, в том числе распространению такового в местах лишения свободы.

Список литературы:

1. *Игнатов А. Н.* О категориях «механизм преступного поведения», «механизм преступления» и «механизм совершения преступления» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 67. С. 126–132.

2. *Иванцов С. В., Узембаева Г. И.* Противодействие преступлениям экстремистской направленности, совершаемым с использованием средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей: уголовно-правовые и криминологические аспекты : монография. М. : Юрлитинформ, 2018. 144 с.

3. *Иванцов С. В., Борисов С. В.* Актуальные вопросы уголовно-правового противодействия распространению экстремистской идеологии в Российской Федерации // Научный портал МВД России. 2022. № 2. С. 50–57.

4. *Ходусов А. А.* О регулировании процессов миграции // Безопасность бизнеса. 2018. № 1. С. 35–38.

Галахов Сергей Сергеевич,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный сотрудник органов внутренних дел
Российской Федерации,
профессор кафедры организации
оперативно-розыскной деятельности,
Академия управления МВД России
E-mail: junior86@rambler.ru

Некоторые основополагающие положения ислама, используемые в противодействии экстремизму и терроризму на территориях государств – участников СНГ (оперативно-розыскные вопросы)

Аннотация

Экстремистская и террористическая деятельности продолжают оставаться опаснейшими криминальными угрозами, с которыми столкнулось мировое сообщество в целом и Российская Федерация, в частности. Опасность и масштабность этой деятельности требует привлечения к противодействию им всего мирового сообщества, но, прежде всего, сотрудников оперативных подразделений правоохранительных органов и спецслужб, органов внешней разведки и контрразведки государств – участников СНГ и привлекая для этого других зарубежных партнеров. Они в этой деятельности занимают определенное важное место.

Участники экстремистских и террористических организаций, представляют собой особую категорию граждан, нуждающихся в особом оперативном контроле. Это важно потому, что только у них, в отличие от других категорий лиц, идеологическая и религиозная криминальные составляющие имеют определяющие значения в их сознании и поведении с окружающими их людьми.

В целях противодействия информационной войне, проводимой радикальными исламистами в местах их возможного нахождения, в статье рассматриваются некоторые положения ислама, знание которых позволит проводить оперативно-розыскные мероприятия в противодействии экстремизму и терроризму. Их использование позволит правильно организовать оперативно-розыскное противодействие этим криминальным угрозам, профилактику и пресечение правонарушений экстремистской направленности и террористического характера,

минимизацию или ликвидацию их последствий на территориях государств – участников СНГ.

Для этого в статье приводятся некоторые положения ислама в борьбе с преступностью в целом и, особенно в противодействии экстремизму и терроризму, которые приобрели новое звучание в новых геополитических реалиях, так как их знания приносят значительные плоды в этом противостоянии. Они позволяют оперативным сотрудникам, уважая религиозные чувства верующих, использовать их для совершенствования деятельности по профилактике правонарушений в целом и, особенно для противодействия экстремизму и терроризму. Основой этой деятельности, в соответствии с законодательством государств – участников СНГ, являются специальные меры административного, уголовного, уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и оперативно-розыскного характера.

Ключевые слова и словосочетания: *оперативные подразделения, преступления экстремистской направленности и террористического характера, оперативно-розыскное противодействие, конфиденциальный аппарат, конфиденент, осведомитель, борьба с преступностью, этноконфессиональный признак, радикальные исламисты, оперативно-розыскная деятельность, использование исламского вероучения при проведении оперативно-розыскных мероприятий, мусульманское каноническое право.*

Экстремизм и терроризм являются наиболее сложными проблемами для современного российского общества. Это обусловлено многообразием их проявлений, неоднородным составом экстремистских и террористических организаций. Наибольшую опасность из их числа представляют приверженцы радикальных течений в исламе.

Благодаря этому не прекращаются споры о степени и характере влияния ислама на уголовную и уголовно-исполнительную политику в современных геополитических реалиях в различных государствах – сам ислам или деятельность в них многочисленных радикальных исламистских экстремистских и террористических организаций. Насколько сильным и заразительным является это влияние на окружающих лиц на проявления фактов экстремизма и терроризма в отдельно взятом государстве. Для этого в целях недопущения распространения влияния представителей радикальных течений ислама, минимизации его последствий, необходимо совершенствовать всю правоохранительную деятельность и, в первую очередь, организацию оперативно-розыскной деятельности в их

среде и в среде виктимоопасных категорий граждан, исповедующих традиционный ислам и отдельных граждан, их не исповедующих, направленной на недопущение и пресечение его распространение, предупреждение попыток разжигания расовой, национальной и религиозной розни, ненависти или вражды [9]. Основными направлениями такой деятельности ее субъектов, должны связываться с выявлением и устранением причин экстремистских и террористических угроз, недопущением и профилактикой преступлений экстремистской направленности и террористического характера, а в случае их допущения ликвидацию их последствий. Практически она связана с реформированием организационно-функционального подхода к формированию и использованию конфиденциального содействия граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность в противодействии экстремизму и терроризму с учетом их национальных и конфессиональных особенностей и применяемого для этого малоиспользуемого потенциала, заложенного в исламе и возможных направлениях и формах использования потенциала исламского вероучения в организации и тактики проведения оперативно-розыскных мероприятий. Использование при этом человеческого фактора повышает осведомленность оперативных сотрудников об экстремистских и террористических угрозах, попытках вербовки новых их пособников и участников, объектах такой вербовке и их поведении в целом.

Учитывая, что ислам является преобладающей религией во многих мировых государствах, включая государства – участники СНГ, в том числе Россию, большое значение приобретает организация оперативно-розыскной деятельности и тактика проведения негласных оперативно-розыскных мероприятий с учетом особенностей исламского вероисповедания, изложенных в Священном Писании мусульман – Коране. Исламисты являются самыми идейно сплоченными и стойкими приверженцами и последователями своих мировоззренческих и идейных позиций, создавших на ее основе, так называемые тюремные джамааты – общины, в которых втайне проповедуется радикальный ислам. Это происходило и происходит на фоне быстро изменяющейся и приспособляющейся, осваивающей все более разрушительные и радикальные интерпретации ислама, способствующие появлению новых способов и видов экстремистских проявлений и совершения преступлений террористического характера. Если раньше речь шла, о так называемом «жертвенном» терроризме (без связей с криминалом), то в настоящее время все больше говорят о его экономической криминальной составляющей [2, с. 44–46]. Однако это не мешает оперативным сотрудникам

полагать, что организация оперативно-розыскной деятельности в их среде предопределяется именно тем, что все они, как истинно верующие люди, обладают особенным мировосприятием и руководствуются своими ценностными ориентирами, соответствующие религиозным нормам в их поведении, которые свойственны только мусульманам. Это вызвано тем, что воля верующего человека, в том числе экстремиста и террориста, направлена, прежде всего, на то, чтобы неукоснительно соблюдать все предписания своего вероисповедания, а также указания ее проповедников.

В советское время, несмотря на обязательное атеистическое воспитание, политические управления Туркестанского и Закавказского военных округов издавали специальные брошюры, учебные пособия для офицеров, проходящих службу в этих округах. В них разъяснялись традиции мусульманских народов СССР и сопредельных государств, военно-политическая обстановка в них, особенности мусульманского вероучения и способы налаживания конструктивных взаимоотношений с исламским духовенством.

В последующем стратегическое долгосрочное плодотворное сотрудничество с исламскими государствами предопределило необходимость изучения и использования различных положений ислама в борьбе с преступностью на территориях его исповедания. В настоящее время это приобрело новое звучание, так как знание положений Корана приносит гораздо больше пользы, чем вреда. Это объясняет современное обращение к исламу, а некоторая часть мусульманского канонического права вновь востребована и может быть использована в интересах осуществления оперативно-розыскной деятельности и проведения оперативно-розыскных мероприятий для противодействия экстремизму и терроризму, в том числе на территориях государств – участников СНГ.

Знание положений ислама позволяет использовать его положения в целях повышения эффективности и совершенствования мер по противодействию любым криминальным угрозам правоохранительной функции любого государства. Так как он по своей сущности является религией закона и исходит из того, что существующее право произошло от Аллаха – Единого Бога, который в определенный момент истории открыл его человеку. Наиболее важным является Шариат, что в переводе означает «путь следования». В его основе лежат обязанности, возложенные на человека в повседневной жизни, а при его внимательном прочтении можно обнаружить упоминание о применении методов негласного сбора информации, которые использовали при достижении своих целей как пророк и его сторонники, так и их противники.

Так пророк Мухаммед имел широкую сеть источников информации, с помощью которых всегда располагал информацией о событиях, происходящих не только в своей общине. Его тайные осведомители были практически в каждом племени и клане. Верные ему люди получали секретные задания под официальным прикрытием (легендой). В Российской Империи сообщение о подготавливаемом или совершенном преступлении на протяжении многих веков также считалось общепринятым правилом поведения [6, с. 35–36].

В современных условиях подобные функции выполняют, как известно, негласные источники оперативной информации – конфиденциальный аппарат. Некоторые способы связи Мухаммеда с ним аналогичны современным способам связи и вполне сопоставимы с рядом оперативно-розыскных мероприятий, предусмотренных ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Не зря в связи с этим позже инстинкт самозащиты рода, племени, государственной общности выделил тех, кого в библейской Книге Чисел (гл. 13) и Книге Иисуса Навина (гл. 3) называли «соглядатаями». Из их числа особое внимание уделялось представителям преступного мира, которым поручались наиболее «грязные и кровавые задания» [3, с. 164, 168].

Также в Коране содержатся некоторые положения, влияющие на каноническое мусульманское право и межгосударственные правовые акты, имеющие отношение к правовому регулированию оперативно-розыскной деятельности и организации создания негласного конфиденциального аппарата для противодействия экстремизму и терроризму.

Все же нормативные правовые акты должны соответствовать Корану, Сунне и определенным мусульманским традициям. В ст. 198 Конституции Пакистана говорится, что «не может быть издан ни один закон, противоречащий заповедям ислама, изложенным в священном Коране и Сунне...». Положения о порядке ограничения прав граждан на тайну связи и неприкосновенность жилища содержались или содержатся в ряде Конституций арабских и мусульманских государств [4, с. 104, 426, 464; 1, с. 37].

С другой стороны, следует признать, что именно в Священных Писаниях более чем ясно изложены фундаментальные основы морально-нравственной жизни людей, которые и до сегодняшнего дня не имеют альтернативы и считаются «золотым правилом нравственности». К ним, например, можно отнести известное изречение Иисуса Христа: «Итак, во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними; ибо в этом закон и пророки»

(Мф. 7:12). Милосердие и милость к окружающим проповедует и Коран (Суры 2:193,273; 4:2-12 и др.) [5, с. 3].

В современных условиях оперативные сотрудники должны помнить тот факт, что в большинстве исламских государств, правоограничительные оперативно-розыскные мероприятия проводятся, без каких либо судебных санкций, но с учетом требований мусульманского канонического права. А оно разрешает, при определенных условиях, проникать в жилище и наблюдать негласно, производить контрольную закупку и т. д. Эти функции могут выполнять не только сотрудники правоохранительных органов и спецслужб, но и завербованные ими лица и даже частные лица, имеющие личную заинтересованность в их проведении.

Наиболее сложным является механизм привлечения отдельных лиц к конфиденциальному сотрудничеству и использование конфиденциальных источников негласной информации, который никак нормативно не урегулирован в мусульманском праве. Однако, например, в Саудовской Аравии обязанность оказывать содействие спецслужбам определена Королевским указом. С одной стороны, доноительство – аморальный поступок, а с другой – оно необходимо для противодействия преступлениям в целом и особенно экстремизму и терроризму, обеспечения общественного порядка.

Следовательно, в сознании каждого истинного мусульманина не должно возникать сомнений в том, что оказание содействия в выявлении, предупреждении и пресечении преступных намерений не является грехом по Шариату.

Мусульманские юристы для обоснования допустимости использования осведомителей в целях борьбы с преступностью и обеспечения безопасности общества и государства, приводят отдельные аяты Корана: «... и помогайте в грезе и вражде». Рассматривая этот аят за основу сотрудничества с органами власти или предотвращения зла самостоятельно. Различные формы донесения или долговременное гласное и негласное сотрудничество считается допустимыми. Однако в отличие от мусульманского права Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» предусматривает социальную и правовую защиту граждан, содействующих органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. Разъяснение положений российского законодательства может положительно повлиять на результат вербовочной беседы с мусульманином.

Вместе с тем Мусульманское право допускает использование содействия осведомителей и частных лиц для добывания доказательств и поддержания обвинения в суде. Дело в том, что в судебном разбирательстве, мусульманское право устанавливает допусти-

мость только тех доказательств, которые получены с соблюдением всех правил и процедур, предусмотренных Шариатом. Он, например, в обязательном порядке требует участия в суде самого свидетеля – опираясь на положение Корана «...вызывайте двух свидетелей из числа ваших людей», которые должны с принесением клятвы на Коране, подтвердить, что они видели или слышали. Клятва на Коране – бесспорное и не подвергающееся сомнению доказательство в судопроизводстве.

Как уже было сказано, с древнейших времен человеческий фактор является основой оперативно-розыскной, разведывательной и контрразведывательной деятельности. Специфические приемы обеспечения зашифрованного поведения осведомителей обеспечивали решение важнейшей задачи оперативно-розыскной деятельности – установление доверительных отношений с обладателями оперативно-значимой информации и документирования противоправной деятельности проверяемых или разрабатываемых лиц. Однако, несмотря на древние корни профессия осведомителя (разведчика, агента, конфиденциального сотрудника) и его работа, нуждается в совершенствовании и повышении ее социальной роли и значимости как важная для окружающих граждан деятельность. В частности о необходимости ее совершенствования при организации противодействия экстремизму и терроризму в учреждениях УИС говорят 91,4 % их оперативных сотрудников.

Негласная работа среди экстремистов и террористов должна основываться на использовании противоречий, которые могут быть среди них. Эти противоречия можно классифицировать по следующим основаниям: 1) родоплеменные – тейповые; 2) социально-бытовые – клановые; 3) культовые – религиозно-сектантские; 4) порожденные принадлежностью к различной преступной субкультуре и разным воровским обычаям.

Разумное использование этих противоречий позволит создать оперативно-информационный аппарата для противодействия экстремизму и терроризму, при этом следует иметь в виду, что использование материального фактора, психологического принуждения и физического давления может дать лишь кратковременный, как правило, разовый, а не долговременный результат среди исламистов.

В то время как моральный фактор, соединенный с методом убеждения при привлечении к сотрудничеству играет далеко не второстепенную роль. Лишь убеждение позволяет побеждать ошибочные, граничащие с цинизмом утверждения о главенствующей роли ислама в мировых религиях. Поэтому на конкретных примерах из Торы, Библии, Корана, а также неязыческих текстов экстремистам

и террористам необходимо доказать закономерность и неотвратимость перехода народов мира от одной ментальной стадии своего развития к другой. Чрезвычайно важно это донести с помощью содержания текстов Священных Писаний показать радикальным экстремистам и террористам неполноценность их сведений и потому ущербность их мировоззренческих и идеологических принципов и взглядов [7, с. 30–34].

В связи с этим необходимо подчеркнуть, что оперативные сотрудники, знакомые с текстом Корана, вызывают не только уважение, но и доверие у многих участников экстремистских и террористических организаций, работающих с ними, если они даже открыто и не демонстрируют этого. Особенно это относится к негласным сотрудникам, используемых в их среде.

Сложность переубеждения радикальных экстремистов и террористов, отказа от их радикальных взглядов заключается в том, что они могут использовать способ своей защиты, который в исключительных случаях разрешен мусульманам благодаря совершению ими действий, или произнесению слов, противоречащих исповедуемой вере. Этот способ, называемый «такья» (сокрытие своей веры), используется ими при общении с представителями правоохранительных органов, спецслужб и военными, в изоляторах временного содержания, следственных изоляторах и исправительных учреждениях, при наличии реальной угрозы для их жизни со стороны «неверных», экстремист или террорист на словах может отречься от своей веры, оставаясь в душе верными Аллаху и Корану. «Кто отрекся от Аллаха после того, как уверовал, – кроме тех, кто был принужден (неверующими) к этому (произнесению слов неверия), при этом в его сердце сохранялась крепкая вера – а тем, кто добровольно совершил неверие – им гнев Аллаха и (в вечности) великое наказание». (Сура «Ан-Нахль», 16:106).

Поэтому особо доверять «раскайнию» тех, кто совершил преступления экстремистской направленности или террористического характера или с оружием в руках участвовал в боевых столкновениях с войсковыми подразделениями, правоохранительными органами и спецслужбами, осознанно совершал такие преступления, нельзя.

Для этого они могут сбривать бороды, не молиться при людях, не соблюдать постов, есть запрещенную Кораном пищу, в местах лишения свободы соблюдать режим отбывания уголовного наказания. Но при каждом удобном случае они продолжают свою деятельность по вовлечению новых участников в свои запрещенные экстремистские или террористические организации. Поэтому про-

должительное время обсуждается вопрос о целесообразности изолированного содержания лиц, осужденных за экстремизм и терроризм в исправительных учреждениях. При проведении оперативно-розыскных мероприятий в их среде необходимо заранее выяснять их мировоззрение, отношение к радикальному ваххабизму и представителям других радикальных сект и конфессий. Эти знания дадут возможность оперативному сотруднику найти с ними психологический контакт.

Нельзя также забывать об исламистах прошедших подготовку в период туристической поездки или хождения в хадж затянувшейся на 3-4 месяца. Их однозначно следует брать на картотечный учет в случае их осуждения и всего периода отбывания ими уголовного наказания. Как бы ни называлось арабское учебное заведение, и кто бы в нем не преподавал невозможно изучить Ислам, а тем более понять его мудрость за столь короткий срок. Ссылки проповедников на Коран (которого они, как правило, не читали в оригинале, так как не владеют арабским языком тем более в тех понятиях, которые были заложены в текст много веков назад) смешивают с оценкой современной ситуации. Коран переводить нельзя. Надо обучать людей арабскому языку, чтобы читать его. А потому традиционно выполненные переводы не только лишают Коран его духовно-поэтической окраски (Коран изложен в форме высоко пафосного стиха), но и приводят к выраженному оскудению передачи смысла Писания [8, с. 7]. Такое скоротечное исламское образование не может быть одобрено в обществе мусульман. Мусульманская религия сложна, она обладает огромным набором абстрактных понятий, сложных терминов. К тому же сочетание уроков по Исламу с изучением взрывного дела и изготовления взрывных устройств, обучением владению оружием и рукопашному бою не может считаться религиозным.

В рамках оперативной работы, сотрудник ее осуществляющий, с таким контингентом, должен суметь доходчиво показать как от Торы к Новому Завету, а затем и к Корану менялись подходы к формированию правосознания и законопослушанию. Если в Торе внушается верующему человеку «страх Господень будет сокровищем твоим» и боязнь Бога, «как благо во всем дни» (Дварим: Ваэтханан, 24), а затем уже любовь к Богу. Если Иисус Христос проповедует не столько «страх Господень», сколько любовь к Господу Богу и любовь «ближнему своему, как к самому себе». Более чем ясно апостол Иисуса Христа Иаков пишет, что «Коран, утверждая милосердие Творца к людям, проповедует добросердечность во взаимоотношениях не только к ближним по вере, но и даже к язычникам

и терпимость к религиозным взглядам и позициям людей, убеждая верующих, что возмездие каждому будет идти от Самого Бога». Поэтому Коран предлагает не «озадачиваться тем, что люди делятся на секты». Также не случайно Тора (Таурат) и Библия показывают, как Всевышний последовательно передавал от Себя законодательную инициативу и законотворчество самому человеку.

Более того, религиозным экстремистам и террористам необходимо постоянно напоминать фундаментальное этическое правило, называемое «золотым правилом нравственности» – «относись к людям так, как хочешь, чтобы относились к тебе». В Новом Завете Иисус Христос говорит: «Итак, во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки» (Мф. 7:12). «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Мф. 22:38-40).

«Махабхарата» устами одного из своих героев по имени Видура (1000 г. до н.э.) поучает: «Пусть [человек] не причиняет другому того, что неприятно ему самому. Такова вкратце дхарма – прочее проистекает от желания».

В «Суннах» можно найти такое изречение пророка Мухаммеда: «Делайте всем людям то, что вы желали бы, чтобы вам делали люди, и не делайте другим того, чего вы не желали бы себе».

В случае такого комплексного подхода, с привлечением к работе по противодействию экстремизму и терроризму в государствах – участниках СНГ и во взаимодействии со всеми правоохранительными органами и спецслужбами других государств, религиозными организациями и священнослужителями можно свести к минимуму усилия всех запрещенных экстремистских и террористических организаций к дестабилизации обстановки в мире. Тогда экстремистская и террористическая пораженность должна восприниматься как прогностический потенциал, определяющий степень необходимости и возможности получения информации об обстоятельствах, важных для противодействия экстремизму и терроризму.

Вместе с тем эта деятельность преследует и гуманитарную цель – повышение качества обеспечения защиты прав и свобод человека и гражданина, их конституционных прав от экстремистских и террористических угроз.

Список литературы:

1. Алжирская Народная Демократическая Республика: Конституция и законодательные акты / пер. с франц. В. Л. Энтина, под ред. Ю. А. Юдина. М. : Прогресс, 1983.
2. Гришай Е. В., Мартынюк Ю. Н. Профилактика экстремизма и терроризма в молодежной среде // Актуальные проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности: материалы II всерос. науч.-практ. конф., 15 ноября 2013 г. / ред. кол.: В. В. Стукалов, В. В. Важенин, А. Н. Горбунов. Краснодар: КрУ МВД России, 2013.
3. Илларионов В. П. Синедрион и Кесарь против Иисуса Христа. М.: Academia, 2003.
4. Конституция государств Ближнего и Среднего Востока / пер. под ред. И. Д. Левина. М. : Изд-во ин. лит., 1956.
5. Коран / перевод смыслов и комментарии Иман В. М. Пороховой. М.: Рипол Классик, 2014.
6. Королев С. А. Донос в России: социально-философские очерки. М. : Ин-т рус. яз. РАН, 1996.
7. Оганесян С. С. Священные писания о неизбежности перехода от религиозного права к светскому // Представительная власть – XXI век. 2018. № 1–2.
8. Платонов О. А. Агенты влияния / Россия под властью масонов. М. : Русский вестник, 2000.
9. Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации: Указ Президента Рос. Федерации от 28 декабря 2024 г. № 1124

Козыренко Римма Николаевна,
кандидат политических наук,
старший преподаватель
кафедры правовых дисциплин
факультета повышения квалификации
и переподготовки кадров учреждения образования
«Могилевский институт Министерства
внутренних дел Республики Беларусь»
E-mail: r6260974@mail.ru

Беляев Николай Евгеньевич,
начальник управления главного
управления по борьбе с организованной
преступностью и коррупцией
Министерства внутренних дел
Республики Беларусь
E-mail: r6260974@mail.ru

Об отдельных направлениях государственной политики Республики Беларусь в сфере противодействия распространению экстремистских материалов

Аннотация

В статье рассматриваются политико-правовые меры, образующие основу политики белорусского государства в сфере противодействия распространению экстремистских материалов как угрозе национальным интересам Республики Беларусь.

Ключевые слова и словосочетания: государственная политика Республики Беларусь, экстремизм, экстремистские материалы, национальная безопасность, национальные интересы, органы внутренних дел.

Мировые тенденции и события последних лет в Европе, США и отдельных странах на постсоветском пространстве наглядно демонстрируют нам, что политический экстремизм является глобальной проблемой, способствующей развитию политических конфликтов не только на межгосударственном уровне, но и во внутривнутриполитическом пространстве отдельных государств. Сегодня очевидны

последствия так называемых «цветных революций» – экстремистской формы захвата и удержания власти наемниками, не исключающей терроризм и маскируемой организаторами под легитимную, благородную и бескорыстную деятельность гражданского общества [1, с. 8]. Важнейшим их компонентом и неперенным атрибутом их подготовки стала информационная составляющая [2, с. 16]. При этом заблаговременное массированное информационное воздействие на различные слои общества, в том числе путем распространения экстремистских материалов, реализуется как самостоятельное мероприятие по расшатыванию общественно-политической ситуации.

В настоящее время в условиях постоянного гибридного давления со стороны США и ЕС угрозу национальной безопасности Республики Беларусь представляет, прежде всего, финансируемая Западом деструктивная информационная деятельность экстремистских организаций и формирований, созданных лидерами, участниками и сторонниками покинувшей страну после неудавшейся попытки государственного переворота 2020-2021 гг. так называемой белорусской демократической оппозиции, которых в Беларуси называют «змагарами» или «беглыми». Ее основные публичные органы находятся под влиянием Запада и не претендуют на легитимность, однако, заявляя о полномочиях выступать от лица белорусского государства и белорусского общества, открыто озвучивают задачи по разрушению основ конституционного строя Республики Беларусь, замене существующего политического режима, разрыву исторических связей с Россией, политизации социальных вопросов и др.

Для решения этих задач целенаправленно на печатных и электронных ресурсах распространяются многочисленные информационные материалы, содержание которых направлено на дестабилизацию обстановки в Республике Беларусь, экспансию экстремистских идей в общественное и индивидуальное сознание, подстрекательство к участию в экстремистских организациях и формированиях и к совершению иных правонарушений экстремистской направленности. Элементом деструктивных технологий являются прежде всего глобальная сеть Интернет и различные мессенджеры, преимущественно YouTube-каналы, Telegram-каналы, Интернет-сайты, социальные сети и блоги. Распространение этих материалов является одной из форм информационного давления на Республику Беларусь, несмотря на очевидный отрыв их создателей от белорусской действительности.

В складывающейся ситуации противодействие распространению экстремистских материалов в Республике Беларусь стало частью государственной политики, поскольку связано с реализацией значимых потребностей и интересов белорусского общества и его отдельных групп и требует для своего решения использования средств государства и его институтов.

Главным приоритетом государственной политики Республики Беларусь в условиях динамичных общественных процессов является национальная безопасность как состояние защищенности национальных интересов от внутренних и внешних угроз, обеспечивающее устойчивое развитие белорусского государства и белорусского общества и его отдельных групп.

Обновленная Концепция национальной безопасности Республики Беларусь признает распространение экстремистских материалов угрозой национальным интересам Республики Беларусь, поскольку данная деятельность представляет собой отдельный канал внедрения экстремистских идей в общественное и индивидуальное сознание белорусов и преследует цель снижения качества вырабатываемых управленческих решений и нарушения процессов государственного управления. Исходя из содержания и предназначения экстремистских материалов, их распространение представляет угрозу для всех сфер национальной безопасности Республики Беларусь¹.

Понятие «экстремистские материалы раскрыто в статье 1 Закона Республики Беларусь «О противодействии экстремизму» (далее - Закон). К таковым относится информационная продукция (печатные аудио-, аудиовизуальные и другие информационные сообщения и (или) материалы, плакаты, транспаранты и иная наглядная агитация, рекламная продукция), предназначенная для публичного использования, публичного распространения либо распространенная любым способом, содержащая призывы к экстремистской деятельности, пропагандирующая такую деятельность и признанная экстремистскими материалами по решению суда. Распространение экстремистских материалов, а равно изготовление, издание, хранение или перевозка таких материалов в целях распространения явля-

¹ Об утверждении Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : решение Всебелорусского народного собрания Респ. Беларусь от 25 апреля 2024 г. № 5 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 10.07.2025); Там же.

ются одной из форм экстремистской деятельности, предусмотренной Законом¹.

В основу государственной политики в сфере противодействия распространению экстремистских материалов заложен ряд принципов, предопределивших сущность конституционного строя Республики Беларусь и политико-правовое состояние общественных отношений. Таковым является, в первую очередь, конституционный принцип народовластия (статья 3 Конституции Республики Беларусь)². Его последовательная реализация обеспечивает устойчивое эффективное развитие белорусского государства и общества без революций и социальных потрясений, которое нашло выражение в краткой формуле конституционно-правового строительства в Республике Беларусь: «государство для народа» [3, с. 21].

Государственная политика Республики Беларусь в указанной сфере реализуется, прежде всего, государственными органами, образующими систему субъектов противодействия экстремизму. Согласно статье 6 Закона, субъектами противодействия экстремизму являются правоохранительные органы, республиканские органы государственного управления административно-политической и социально-культурной сферами и местные исполнительные и распорядительные органы. Их деятельность характеризуется высоким уровнем осуществляемой органами внутренних дел координации, что позволяет своевременно разрабатывать и на высоком организационном уровне реализовывать меры по противодействию распространению экстремистских материалов.

В основе такого противодействия лежит установленный статьей 38 Закона Республики Беларусь «О средствах массовой информации» запрет распространения в средствах массовой информации, на интернет-ресурсах и новостных агрегаторах информации, направленной на пропаганду экстремистской деятельности или содержащей призывы к такой деятельности³.

В данном случае законодателем соблюден очень четкий баланс между конституционным правом на получение, хранение и рас-

¹ О противодействии экстремизму [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь от 4 января 2007 г. № 203-З (в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2023 № 292-З) // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 10.07.2025).

² Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 ноября 1996 г., 17 ноября 2004 г. и 27 февраля 2022 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 10.07.2025).

³ О средствах массовой информации [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь от 17 июля 2008 г. № 427-З (в ред. Закона Респ. Беларусь от 30 июня 2023 г. № 274-З) // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 10.07.2025).

пространение информации, свободу мнений и убеждений и вмешательством государства для защиты национальной безопасности, основ конституционного строя, суверенитета, независимости, прав и свобод личности (статьи 23, 34, 35 Конституции Республики Беларусь)¹.

Среди мер административно-правового принуждения, направленных на противодействие распространению экстремистских материалов, особое место занимают меры административной ответственности физических лиц, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, установленные статьей 19.11 Кодекса об административных правонарушениях Республики Беларусь (далее - КоАП) за деяния, предметом которых являются:

информационная продукция, содержащая призывы к экстремистской деятельности или пропагандирующая такую деятельность (часть 1 статьи 19.11);

информационная продукция, включенная в республиканский список экстремистских материалов (часть 2 статьи 19.11).

По части 1 статьи 19.11 КоАП административная ответственность предусмотрена за распространение, а равно изготовление, хранение либо перевозку с целью распространения информационной продукции, содержащей призывы к экстремистской деятельности или пропагандирующей такую деятельность. По части 2 статьи 19.11 КоАП - за аналогичные действия в отношении информационной продукции, включенной в республиканский список экстремистских материалов².

На основании статьи 2.2 КоАП данные правонарушения, предусмотренные статьей 19.11 КоАП, относятся к категории грубых административных правонарушений³. С учетом данного обстоятельства, в течение 2023-2025 гг. лица, их совершившие, от административной ответственности в связи с малозначительностью совершенного деяния на основании статьи 8.2 КоАП не освобождались.

Важнейшим направлением обеспечения эффективного противодействия распространению экстремистских материалов в меняющейся общественно-политической ситуации является

¹ Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс] : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 ноября 1996 г., 17 ноября 2004 г. и 27 февраля 2022 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 10.07.2025).

² Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: принят 6 января 2021 г. № 91-3 (в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 февраля 2025 г. № 61-3) // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 10.07.2025).

³ Там же.

совершенствование национального законодательства в сфере противодействия экстремизму (экстремистской деятельности). Оно осуществляется в соответствии с Концепцией правовой политики Республики Беларусь, определяющей в качестве приоритетных направлений развития законодательства на современном этапе такие идеологические императивы правовой политики белорусского государства, как государственный суверенитет и территориальная целостность, национальная безопасность, обеспечение прав и свобод человека и гражданина, гарантий их реализации и др.¹

В 2021 году введена уголовная ответственность за преступления экстремистской направленности, предметом либо орудием совершения которых являются экстремистские материалы. К такому, согласно Уголовному кодексу Республики Беларусь, в настоящее время отнесены создание экстремистского формирования либо участие в нем (статья 361¹), финансирование экстремистской деятельности (статья 361²), содействие экстремистской деятельности (статья 361²).

Реализация данной Концепции и законодательства о противодействии экстремизму диктует необходимость дальнейшего ограничения распространения материалов, транслирующих экстремистские идеи и представления, пропагандирующих такие идеи в белорусском обществе. В этих целях в настоящее время Министерством внутренних дел, Министерством культуры и Министерством информации как субъектами противодействия экстремизму разрабатывается правовой порядок изъятия, использования, хранения и уничтожения символики, атрибутики, информационной продукции, признанных экстремистскими материалами, в сфере библиотечного и музейного дела.

В целях недопущения распространения экстремистских идей и их негативного влияния на белорусских и российских граждан, совершенствования подходов к противодействию экстремизму в интегрированном информационном пространстве Союзного государства белорусским государством инициирован обмен с Российской Федерацией перечнями лиц, причастных к экстремистской деятельности, и списками экстремистских материалов [4].

¹ О Концепции правовой политики Республики Беларусь [Электронный ресурс]: Указ Президента Респ. Беларусь от 28 июня 2023 г. № 196 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 10.07.2025).

² Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс]: принят 9 июля 1999 г. № 275-3 (в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 февраля 2025 г. № 61-3 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 10.07.2025).

Важным направлением государственной политики в данной сфере является обеспечение конституционного права граждан на информацию путем полноты информирования белорусского общества о деятельности государственных органов, а также об основаниях и условиях юридической ответственности за правонарушения экстремистской направленности. Республиканский список экстремистских материалов¹, включающий на основании судебных решений символику и атрибутику, информационную продукцию, ведет Министерство информации. Своевременно дополняемый список размещен в открытом доступе на официальном сайте этого министерства [5], а также на официальных интернет-сайтах иных государственных органов и средств массовой информации. Тем самым обеспечивается максимальная доступность содержащейся в нем информации в целях предупреждения и пресечения распространения включенных в данный список информационной продукции, символики и атрибутики.

Разъяснение юридической ответственности за правонарушения в данной сфере осуществляется не только судами и правоохранительными органами, размещающими соответствующую информацию на своих информационных ресурсах, но также и иными государственными органами. При этом особое внимание уделяется предупреждению данных правонарушений в молодежной среде, поскольку, как показывает многолетний белорусский опыт, молодежь является главной целью экстремистских организаций.

Медиапространство Республики Беларусь в соответствии с Концепцией информационной безопасности Республики Беларусь является сферой противодействия целенаправленному формированию внутри и за пределами страны информационных поводов для дискредитации внутренней и внешней политики². На отечественных медийных аналитических и дискуссионных площадках на системной основе размещаются многочисленные информационные материалы разной тематики и жанров о сущности и угрозах «цветных революций», экстремистской деятельности белорусской несистемной оппозиции, а также о результатах работы правоохрани-

¹ О ведении и опубликовании республиканского списка экстремистских материалов [Электронный ресурс] : Постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 23 апреля 2007 г. № 513 (в ред. Постановления Совета Министров Респ. Беларусь от 12 октября 2021 г. № 575 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения: 10.07.2025).

² О Концепции информационной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс] : Постановление Совета Безопасности Респ. Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1 // ЭТАЛОН: информ.-поисковая система (дата обращения 10.07.2025).

нительных органов по выявлению, пресечению и предупреждению правонарушений и преступлений экстремистской направленности. Серьезное внимание в широком общественно-политическом дискурсе уделяется обсуждению концептуальных основ, принципов и результатов государственной политики Республики Беларусь, основ идеологии белорусского государства, формирования в Республике Беларусь гражданского общества и его институтов, успешной реализации гражданских инициатив, белорусской национальной концепции исторического прошлого и белорусской модели памяти и др.

В результате целенаправленно и последовательно принимаемых политико-правовых мер в Республике Беларусь обеспечивается реализация справедливости при привлечении к юридической ответственности лиц за распространение экстремистских материалов. В белорусском обществе формируется устойчивая позиция непринятия и осуждения экстремистской деятельности, препятствующей успешному развитию как общества в целом, так и его отдельных групп, реализации законных прав и свобод белорусских граждан. В частности, о развитии в белорусском обществе конструктивных взглядов на проблему противодействия политическому экстремизму, критическом отношении к транслируемым экстремистами идеям и инициативам, свидетельствует содержание многочисленных информационных материалов, размещаемых белорусами в глобальной сети Интернет и социальных мессенджерах, в том числе посвященных анализу действий белорусской несистемной оппозиции и ее лидеров, а также освещению и положительной оценке деятельности Президента Республики Беларусь и институтов политической системы.

Таким образом, реальные успехи государственной политики Республики Беларусь в сфере противодействия распространению экстремистских материалов обеспечивают развитие массового политического сознания белорусских граждан, дальнейшую защиту от противоправных посягательств национальных интересов Республики Беларусь, в том числе объектов правовой охраны Закона Республики Беларусь «О противодействии экстремизму»¹.

¹ О противодействии экстремизму [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 4 января 2007 г. № 203-З (в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 июля 2023 г. № 292-З) // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 10.07.2025).

Список литературы:

1. Горький привкус «цветных революций» : сборник / сост. М. А. Макарычев, С. Г. Мусиенко, М. В. Осипов. М. : Молодая гвардия, 2024. 438 с.
2. *Филимонов Г.* Переворот / Г. Филимонов, Н. Данюк, М. Юраков. СПб. : Питер, 2016. 480 с.
3. Конституция Республики Беларусь : науч.-практ. комментарий / под общ. ред. П. А. Миклашевича, О. И. Чуприс, Г. А. Василевича. Минск : Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, 2024. 544 с.
4. Республиканский список экстремистских материалов // Министерство информации Республики Беларусь // URL: <http://mininform.gov.by/documents/respublikanskiy-spisok-ekstremistskikh-materialov/> (дата обращения: 05.07.2025).
5. *Сизов Ю.* В союзном государстве планируют объединить списки экстремистских ресурсов // Союз Беларусь / Россия // URL: <https://rg.ru/2024/02/06/v-soiuznom-gosudarstve-planiruiut-obedinit-spiski-ekstremistskih-resursov.html> (дата обращения: 06.02.2024).

Кохан Рустам Юрьевич,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры организации
оперативно-розыскной деятельности,
Академия управления МВД России
E-mail: rkokhan@mvd.ru

К вопросу об ограничении «цифровых прав» как мере принуждения в отношении лиц, совершивших преступления, административные правонарушения экстремистской направленности

Аннотация

Автором рассматриваются возможные подходы к проблеме ограничения субъективных прав человека и гражданина в «цифровом пространстве». Приводится обзор сложившейся практики ограничения «цифровых прав» в уголовно-процессуальной, административно-юрисдикционной, оперативно-розыскной деятельности. Отмечается фрагментарность регулирования, а также разнообразие подходов в оценке оснований, условий и процессуального порядка ограничения права на доступ к информационно-телекоммуникационным сетям. В части противодействия административным правонарушениям и преступлениям экстремистской направленности обосновывается актуальность законодательного определения и единообразного механизма ограничения прав лица в «цифровом пространстве» в гласной и негласной формах.

Ключевые слова и словосочетания: правовой статус лица в «цифровом пространстве», меры государственного принуждения в условиях цифровизации, право на получение информации, право на распространение информации, ограничение доступа к информационно-телекоммуникационным сетям.

Как известно, право на получение информации, право на выражение собственных мнений, право на распространение информации любым законным способом относится к базовым ценностям и правам человека и гражданина [1; 2]. Важно указание на законный способ таких действий, в частности, запрещается распространение информации, направленной на разжигание национальной или рели-

гиозной ненависти и вражды, на пропаганду войны, иной информации, за распространение которой предусмотрена уголовная или административная ответственность. Преступления, правонарушения экстремистского характера с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет (далее – ИТС) ярко демонстрируют примеры злоупотребления этими правами во вред общественным интересам. Именно общественный резонанс, массовость распространения экстремистских материалов, выделяют в качестве признака объективной стороны административных правонарушений, преступлений экстремистской направленности.

В этой связи, говоря о противодействии административным правонарушениям и преступлениям экстремистского характера, совершаемым с использованием ИТС, как о типичных случаях злоупотребления правом на распространение информации, мы с очевидностью признаем, что общество должно обладать механизмом ограничения такого права, в пределах, соответствующих общественной вредности и опасности деяний. В данном контексте актуальным является предложение Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации Т.Н. Москальковой об обсуждении вопроса о введении нового административного наказания для физических лиц в виде ограничения доступа к сети Интернет или социальным сетям [6, с. 156].

Рассматривая понятие «ограничение доступа к ИТС», мы отмечаем, что в качестве прав человека и гражданина в условиях цифровизации законодательно закреплена совокупность субъективных прав: на поиск и получение цифровой информации; на предоставление и распространение цифровой информации; на забвение в ИТС [3]. Здесь следует сделать важное уточнение, что вышеперечисленные субъективные права обладают такой характеристикой как возможность быть ограниченным в установленном законом порядке. Иными словами, право на поиск и получение цифровой информации в ИТС, право на предоставление и распространение цифровой информации в ИТС, не относятся к тем правам человека, которые не могут быть подвержены ограничению (таким например, как право на жизнь, право на здоровье, право на свободу вероисповедания, право на достоинство личности, право на судебную защиту и др.).

Необходимо отметить, что значительным числом ученых «право на доступ к ИТС» рассматривается как неотъемлемое право человека и гражданина, которое не может быть ограничено [5, с. 19–32]. В качестве аргументации приводятся тезисы о прямой и непосредственной соотнесенности его с такими конституционными правами

человека как право на получение информации, право на получение образования, право на обжалование действий органов власти. Мы видим спорные моменты в данной аргументации. Вряд ли есть необходимость оспаривать тот факт, что такие меры государственного принуждения как ограничение свободы, лишение свободы, хотя и затрудняют, но не лишают граждан права на образование, права на получение государственных услуг, права на обжалование, активного избирательного права и др. Указанные конституционные права человека эффективно гарантируются и реализуются в формах, независимых от наличия или отсутствия свободы передвижения лица. Аналогично, ограничение доступа к ИТС не лишает возможности лица реализовать конституционные права человека, поскольку вполне могут быть использованы иные механизмы, не связанные с ИТС способы обучения, получения правовой помощи, получения информации и др. Как известно, гарантии реализации конституционных прав человека возникли гораздо раньше появления информационно-телекоммуникационных технологий, и очевидно, не исчезнут они и при ограничении доступа лица к ИТС. Если мы обратимся к нормам Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», то убедимся, что статьи 8 и 9 закона предусматривают возможность ограничения доступа к информации безотносительно от способа доступа к ней.

Необходимо отметить, что до настоящего времени в полной мере не решен вопрос об объеме субъективных прав человека, связанных с его социальной жизнью и деятельностью в ИТС [14, с. 58–66; 15]. Не в нормативном, а в доктринальном понимании можно выделить также такие личные «цифровые права», например, как:

- право обладателя информации разрешать или ограничивать доступ к информации (подразумевает, в том числе право на неприкосновенность, сохранность и доступ хранящейся на ресурсах ИТС информации пользователя);

- право на невозможность идентификации лица без его согласия (право на возможность анонимного использования ИТС, с учетом юридической презумпции, что права и обязанности возникают только у идентифицированного лица);

- право на тайну, сохранность и доступ (в том числе защиту от мониторинга программами) текстовых, аудио-, видеосообщений.

Эта категория субъективных «цифровых прав» пока прямым образом законодательно не сформулирована, но сложившиеся общественные отношения в сфере поиска, получения и распространения цифровой информации объективным образом формируют

их в качестве таковых. Очевидно, что в случае их законодательного закрепления данные личные права также обладали бы такой характеристикой как возможность быть ограниченным при наличии определенных оснований и условий и в установленном порядке.

Представляется, что «право на доступ к ИТС» (как совокупность субъективных прав на поиск, получение, предоставление и распространение цифровой информации) не сводится только к положениям ст. 8, 10, 10.3, 10.4 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Возможно, более продуктивно рассматривать с той точки зрения, что «право на доступ к ИТС» составляет наряду с иными правами, находящимися на стадии осознания и формулирования, комплексный правовой статус личности в «цифровом пространстве». Такой правовой статус личности в «цифровом пространстве» дополняет личные, социальные, культурные, экономические и политические права человека и гражданина, закрепленные в Конституции, и может в необходимых и законодательно установленных случаях подвергаться ограничениям.

Необходимо отметить, что вне зависимости от законодательного признания или непризнания права человека и гражданина на «доступ к ИТС» как элемента правового статуса личности в «цифровом пространстве», практика ограничения указанного права существует в Российской Федерации и используется достаточно активно.

С 2018 года УПК РФ предусматривает возможность избрания в отношении подозреваемого, обвиняемого меры пресечения в виде запрета определенных действий, и судебная практика о запрете использования ИТС весьма обширна. В литературе достаточно активно обсуждаются вопросы применения указанной меры, распространены случаи обжалования [8, с. 70–75].

В уголовно-правовой сфере вопросы ограничения права гражданина на доступ к ИТС также достаточно активно рассматриваются, судебная практика об ограничении цифрового присутствия виновного лица в ИТС реализуется через использование ст. 47 УК РФ, при этом судебные решения варьируются от лишения права заниматься деятельностью, связанной с размещением материалов в ИТС до запрета на использование ИТС. Суды, используя ст. 47 УК РФ, изначально принятую для ограничения активности лица в физическом мире, пытаются механистически применить ее в виртуальной сфере [12, с.77–84]. Ситуация осложняется тем, что вопросы ограничения права на доступ к ИТС осужденных не рассматриваются и УИК РФ, и в процессе соблюдения внутреннего распорядка испра-

вительных учреждений [4] может быть допущено как необоснованное ограничение, так и необоснованное расширение этого права, что способствует жалобам на невозможность реализации прав. В этой связи, следует согласиться с профессором Е. А. Русскевичем, что в условиях интенсивной цифровизации жизнедеятельности и, как следствие, преступности, система наказаний должна быть дополнена специальным наказанием, заключающимся в ограничении права на цифровое присутствие в сети Интернет [11, с.14].

В сфере оперативно-розыскных правоотношений специфика ограничения «цифровых права» лица ярко характеризуется ее негласным характером. Как известно, Федеральным законом от 06.07.2016 № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» в число оперативно-розыскных мероприятий, проводимых при осуществлении оперативно-розыскной деятельности, включено мероприятие «получение компьютерной информации», которое предусматривает ограничение права лица - обладателя информации разрешать или ограничивать доступ к информации, а также право лица на тайну, сохранность и доступ текстовых, аудио-, видеосообщений.

Сформирована достаточно обширная практика деанонимизации пользователей ИТС посредством специального программного обеспечения OSINT-анализа, хотя как, уже отмечалось, такая деятельность все еще остается вне поля законодательного регулирования [7, с. 33–38].

Сложно представить негласные способы и формы ограничения права человека и гражданина на поиск и получение, предоставление и распространение цифровой информации в ИТС, вместе с тем, определенный аналог гласного ограничения данных прав (хотя и не совсем точный) также имеется в оперативно-розыском законодательстве.

Определенный аналог гласного ограничения права человека и гражданина на поиск и получение, предоставление и распространение цифровой информации в ИТС, (хотя и не совсем точный) также уже имеется в оперативно-розыском законодательстве. Как известно, Федеральным законом от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» закреплены полномочия органов, осуществляющих ОРД, в случае возникновения непосредственной угрозы жизни и здоровью лица, а также угрозы государственной, военной, экономической, информационной или экологической

безопасности Российской Федерации, прерывать предоставление услуг связи. В этом случае порядок ограничения имеет внесудебный, административный характер.

В административно-юрисдикционной деятельности ограничение права граждан на доступ к интернет-ресурсам применяется в несколько ином подходе. Как известно административным законодательством предусмотрен административный и судебный механизмы блокирования доступа неопределенного круга лиц к отдельным интернет-ресурсам, за неисполнение оператором связи обязанности по ограничению или доступа к информации предусмотрена административная ответственность. Данный правовой механизм можно рассматривать как меру административного принуждения (административного предупреждения), направленную на пресечение противоправной деятельности и предупреждение дальнейших нарушений в цифровой среде [10, с. 240–245; 13, с. 22–30]. Здесь необходимо уточнить, что лицом, чьи права, свободы и законные интересы затрагиваются в результате блокировки, является распространитель информации – владелец сайта. Поэтому вопрос о блокировке доступа к отдельным интернет ресурсам должен рассматриваться в контексте ограничения права на распространение информации, а не на доступ к ней.

В то же время в настоящее время в работах, посвященных административному процессу, нечасто встречается рассмотрение вопросов ограничения доступа к ИТС конкретного лица, как возможная мера административной ответственности или мера административного предупреждения. Фактически предложения Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации Т. Н. Москальковой являются одним из первых случаев обсуждения данного вопроса. Вместе с тем необходимо заметить, что такая мера имела бы прямой профилактический характер, а также значительный потенциал в части превенции административных правонарушений и преступлений экстремистского характера, при этом масштабы ограничения прав граждан являлись бы существенно более локальными и индивидуально определенными.

Суммируя, мы убеждаемся, что практика ограничения «цифровых прав» существует в Российской Федерации и используется достаточно активно. Вопросы применения ограничений в большей или меньшей степени разработаны в рамках отдельных отраслей права (уголовного, уголовно-процессуального, административного, оперативно-розыскного). Вместе с тем даже в рамках краткого обзора, мы видим фрагментарность регулирования, а также разнообразие подходов в оценке оснований, условий и процессуального

порядка ограничения «прав на доступ к ИТС», как элемента правового статуса личности в цифровом пространстве.

Говоря о противодействии административным правонарушениям и преступлениям экстремистской направленности, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий, мы признаем, что правоохранительная система должна обладать законодательно определенным единообразным механизмом ограничения прав лица в «цифровом пространстве». Предполагаемые меры должны сосредотачиваться не только на ограничении субъективного права лица и поиск и распространение информации, а также должны допускать рестрикцию совокупности прав лица в «цифровом пространстве». Такие меры могут иметь значительный профилактический потенциал в части административных правонарушений и преступлений экстремистского характера, при этом ограничения являлись бы индивидуально определенными, порядок их применения был бы регламентирован законом, а масштабы строго соответствовали бы общественной вредности и опасности деяний.

Список литературы:

1. Всеобщая декларация прав человека : принята ГА ООН 10 декабря 1948 г. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 24.06.2025).

2. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 24.06.2025).

3. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 24.06.2025)..

4. Об утверждении Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы : приказ Минюста России от 4 июля 2022 г. № 110. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 24.06.2025).

5. *Бакрадзе А. А.* О конституционности запрета на использование сети «интернет» подозреваемым или обвиняемым / *А. А. Бакрадзе , Д. О. Белов, А. Н. Калинин* // Юридические исследования. 2022. № 3. С. 19–32.

6. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2024 год // Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. URL: <https://ombudsmanrf.org/documents/ezhegodnye-doklady> (дата обращения: 20.07.2025).

7. *Кохан Р. Ю.* О проблемных вопросах обеспечения конституционных прав граждан в процессе информационно-аналитического обеспечения оперативно-розыскной деятельности, использования технологий OSINT-анализа. // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2024. № 4.

8. *Овчинникова О. В.* Совершенствование системы мер пресечения в условиях цифровизации // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. №3.

9. *Остроушко А. В.* О совершенствовании механизма правового обеспечения прав граждан в киберпространстве // Пробелы в Российском законодательстве. 2023. Т. 16. № 3.

10. *Остроушко А. В.* Ограничение доступа к сайтам в сети «Интернет» как самостоятельная мера принуждения // Финансовое право и управление. 2015. № 2.

11. *Русскевич Е. А.* Дифференциация ответственности за преступления, совершаемые с использованием информационно-коммуникационных технологий, и проблемы их квалификации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М. : Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2020.

12. *Русскевич Е. А.* Уголовное наказание и цифровые технологии: точка бифуркации // Государство и право. 2020. № 7.

13. *Соколов А. Ю.* Правовое противодействие современным вызовам и угрозам информационной безопасности // Правовая политика и правовая жизнь. 2024. № 1.

14. *Украинчик А. В.* Реализация и защита конституционных прав граждан в условиях цифровизации общества // Вестник экспертного совета. 2022. № 4.

15. Цифровая трансформация и защита прав граждан в цифровом пространстве 2.0 : доклад Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека // Официальная страница Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека (СПЧ). URL: https://vk.com/sovet_po_pravam (дата обращения: 20.07.2025).

Поздняков Александр Николаевич,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры организации
оперативно-розыскной деятельности,
Академия управления МВД России
E-mail: Sonino51@mail.ru

Радикальный ислам как угроза национальной безопасности и одно из направлений взаимодействия государств – участников СНГ в противодействии его распространению

Аннотация

В статье дается краткий анализ деятельности некоторых религиозных организаций, проповедывающих радикальные формы ислама и действующих как на территориях среднеазиатских, так и других государств с акцентом на потенциальную угрозу распространяемых ими идей и положений для национальной безопасности Российской Федерации, и вывод о необходимости взаимодействия для предотвращения исходящих от них угроз в рамках действующих международных организаций.

Ключевые слова и словосочетания: религиозные организации, «Таблиги джамаат», «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», Среднеазиатские государства, спецслужбы иностранных государств, ШОС, ОДКБ, БРИКС, СНГ.

В свете событий, происходящих в настоящее время в общественной жизни среднеазиатских республик, в которых периодически возникают ситуации, связанные с попытками смены режима, возникает необходимость в анализе движущих сил, продуцирующих эти процессы. Из результатов такого анализа следует, что кроме крайне неблагоприятных процессов, происходящих в экономической сфере и связанной с этим массовой безработицей, что само по себе является серьезной движущей силой, присутствует не всегда выраженный рельефно религиозный элемент, основанный на том, что официально задекларированное светское развитие этих, по сути мусульманских государств, находится в противоречии с некоторыми религиозными догмами и трактовками ряда положений ислама в понимании как проповедников многих исламских религиозных

организаций, так и их рядовых членов. При этом анализ содержания проповедей и идей проповедников этих организаций свидетельствует об их приверженности проповедованию радикальной ветви ислама со всеми втекающими отсюда последствиями:

Такие проповедники не претворяют в жизнь свои идеи в одиночку – в этом регионе практически по аналогичному направлению действует целый ряд религиозных организаций. Наиболее одиозные из них: «Таблиги джамаат»¹ [5] и Хизб ут-Тахрир аль-Ислами² [6].

Деятельность некоторых официально запрещена, другие имеют статус общественных организаций, при том в других странах они могут быть запрещены. Но, несмотря на официальный запрет передвижение их проповедников по странам Среднеазиатского региона и соседних с ним никак не ограничена, например, проповедники «Таблиги джамаат», как было указано – организации запрещенной в Кыргызстане и некоторых других странах свободно передвигаются и читают свои проповеди не только по соседним странам, но и посещают Бангладеш, Пакистан и т. д. с так называемым миссионерским джихадом. Содержание их проповедей практически не контролируется правоохранительными структурами этих государств. Указанное может свидетельствовать только об одном – на бытовом уровне они имеют покровительство, а в некоторых странах и поддержку чиновников госаппарата, руководителей правоохранительных структур.

Финансирование таких передвижений, в частности проповедников «Таблиги джамаат» – миссионерский джихад которых длится до 40 дней в году и требует значительных денежных затрат, что при нищем населении большинства Среднеазиатских государств вызы-

¹ Таблиги Джамаат – это международная исламская миссионерская организация. Занимается проповедью ислама и призывом к соблюдению его предписаний, уделяя особое внимание общению с мусульманами, чтобы побудить их к совершению религиозных практик и следованию моральным нормам. «Таблиги Джамаат» выступает своеобразной «визой» для легального пересечения границ. Вступление в ряды «Таблиги Джамаат» является первым этапом на пути дальнейшей радикализации сознания молодых мусульман. 3 августа 2009 г. объединение «Таблиги Джамаат» было включено в Федеральный список экстремистских организаций. 21 сентября 2018 г. – «Таблиги Джамаат» признается экстремистской и в документе ШОС, и в соглашении ОДКБ.

² Исламская партия освобождения – международная салафитская джихадистская и панисламистская политическая партия. Декларируемая цель организации – объединение всех стран, где проживают мусульмане, в единое исламское государство (халифат), управляемое по шариатскому праву. За мирными политическими лозунгами скрывается радикальная идеология, последовательно отвергающая светские законы, демократические институты и принцип национальных государств. Решением Верховного Суда Российской Федерации от 14 февраля 2003 г. № ГКПИ 03-116 Хизб ут-Тахрир аль-Ислами была признана террористической организацией и запрещена в России.

вает много вопросов, касаемых их финансирования. И в этом контексте следует обратиться к деятельности зарубежных богословских школ «озабоченных» поддержанием национальных интересов государств этого региона. Финансируемые из бюджета спецслужб они действуют по принципу «в политике нет вечных друзей, а есть вечные интересы», где термин «политика» можно заменить на «богословие» [4]. И США, и Великобритания ведут здесь активную деятельность, работая под прикрытием так называемых «культурных» центров. В частности, Американский центр в Ташкенте официально занимается «распространением культуры США». Он же спонсирует издание школьных учебников, в которых Россия представлена в качестве агрессора и оккупанта государств Средней Азии.

Усилиями спецслужб иностранных государств в Киргизии, Узбекистане, Таджикистане и в Казахстане очень популярен радикальный ислам, присутствует большое количество радикальных исламистов, работают подпольные мечети, где вербуют сторонников «джихада против неверных», кивая на соседний Афганистан: вот, там выгнали иностранцев из своей страны, и нам надо выгнать [3].

С волнами миграции сторонники радикального ислама въезжают и в Россию и другие страны Европы, в которых они продолжают не только свою «просвятительскую», но и криминальную деятельность [2].

На событиях в Уфе следует остановиться более подробно. Уголовным делом № 12402800004000114 было возбуждено СК РФ по Республике Башкортостан в отношении двух граждан Республики Таджикистан, находящихся в России с 2013 года без регистрации. В отношении Каримова Ш. А. по пп. «а», «в», «г», «д», «ж», «з» ч. 2 ст. 126, пп. «а», «г», «д» ч. 2 ст. 117, ч. 1 ст. 322.1 УК РФ. В отношении Мухторова М. А. – по пп. «а», «в», «г», «д», «ж» ч. 2 ст. 126 УК РФ. Обучение проходило на съемной квартире, было платным, дети насильно удерживались в квартире, к недостаточно усердным применялись меры физического воздействия. В рамках предварительного расследования были выявлены факты общения обвиняемых с лицами, состоящими на учете в правоохранительных органах Таджикистана как поддерживающие ИГИЛ, членами деструктивных религиозных организаций.

И в этой связи не случайно Министр внутренних дел Владимир Колокольцев на коллегии ведомства в апреле 2025 года назвал контроль за правонарушениями иностранных граждан и соблюдением миграционного законодательства приоритетом в работе ведомства. Изменений в миграционной политике потребовал на коллегии Пре-

зидент Владимир Путин, который назвал нелегальную миграцию питательной средой для экстремистской деятельности и «откровенной уголовщины»¹. Вероятно, упомянутый выше факт не был единственным, зафиксированным на территории Российской Федерации, на основе которого Президент пришел к такому выводу.

Представляется, что в настоящее время именно радикальный ислам является основным взрывоопасным фактором, продуцирующим развитие криминогенной ситуации в центрально-азиатском регионе, включая и страны, входящие в структуру СНГ.

По плану известного американского политолога-русофоба Збигнева Бжезинского, который в своей книге «Великая шахматная доска» предложил создать вокруг России «пояс предельно враждебных государств». В редакции сформулированной им стратегии «Римленд», на юге у российских границ должен был быть создан Великий Туран во главе с Турцией, куда также должны войти Азербайджан, Северный Иран, Узбекистан, Туркменистан, Казахстан и Кыргызская Республика [7]. Естественно, этот план и его реализация должны проходить и, собственно говоря, проходят под контролем США с использованием указанных выше религиозных организаций. В основе их деятельности следующие позиции:

нетерпимость к любым другим формам вероисповедания;

исключение шиитской ветви ислама и синкретических толкований;

отрицание любых форм прогресса как несовместимых с исламом;

исключение женщин из общественной жизни;

фанатичный прозелитизм, основанный на убеждении, что ислам в его радикальной редакции, должен вытеснить все другие религии [1].

Анализ содержания этих позиций представляет проблематичным в плане осуществления реального контроля за происходящим силами одной или нескольких светских государств, но это в будущем, а в настоящем – создание максимума проблем для мирного развития Российской Федерации и дружественных государств.

Учитывая возможность возникновения в любом государстве указанных проблем, важно постоянно отслеживать и научно изучать процесс развития религиозных деструктивных организаций, их влияние на религиозную обстановку в Средней Азии. Научному

¹ <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/73770>. Путин на расширенной коллегии обозначил ключевые приоритеты работы МВД (дата обращения: 07.04.2025).

сообществу следует проводить серьезные религиоведческие изыскания, особо уделяя внимание подготовке теологов в традиционные религиозные организации, глубокому системному анализу. Тем самым, своевременное решение вышеуказанных вопросов позволит соблюдать религиозную стабильность в регионе, в котором также заинтересована и как представляется, в первую очередь, Российская Федерация, для которой любые осложнения на своих границах представляются угрозой ее национальной безопасности. А современный анализ ситуации, сложившейся в ряде средне

азиатских стран свидетельствует о росте русофобии. В том же Казахстане националистические лидеры озвучивают территориальные претензии к России. И если эти тенденции получают религиозную поддержку Российское государство столкнется с непредсказуемой враждебной антироссийской деятельностью огромных масс религиозных фанатиков.

В этой связи активизации работы российской делегации в формате БРИКС рабочей группе БРИКС по антитеррору (РГАТ) придается все большее значение. Ранее, в 2020 и 2021 гг. (в ходе российского и индийского председательства соответственно) приняты Антитеррористическая стратегия БРИКС и План действий по ее реализации. В настоящее время в рамках РГАТ функционирует подгруппа по иностранным террористам-боевикам (ИТБ), возглавляемая Российской Федерацией, а также другие подгруппы: по противодействию финансированию терроризма, по борьбе с использованием Интернета в террористических целях, по предотвращению радикализации и по наращиванию правоохранительного потенциала стран-участников.

Все более значимыми становятся имеющиеся региональные механизмы в рамках Содружества Независимых Государств (СНГ), Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), которые создают эффективную платформу для дальнейшего развития и укрепления взаимодействия в противодействии терроризму, причем не подверженную «двойным стандартам».

Список литературы:

1. Алексиев А. «Таблиги Джамаат»: невидимый легион джихада // Отечественные записки / журнал для медленного чтения. URL: <http://www.strana-oz.ru/2003/5/laquotabligi-dzhamaatraquo-nevidimyylegion-dzhihada> (дата обращения 14.08.2025).

2. Соколов А. «В Уфе осудят организаторов нелегальной мусульманской школы, где клеймили детей» Lenta.RU. URL: https://lenta.ru/news/2025/07/07_amp/ (дата обращения: 14.08.2025).

3. Зотов Г. АиФ. Скоро начнется война с Россией. Почему в Средней Азии так в этом уверены? «Аргументы и Факты». 2024. № 33.

4. Zozulya M. Кыргызстан: исламский глобальный проект VS исламский секулярный проект. URL: <https://berlin-visual.com/Kyrgyzstan--islamskiy-globalnyy-proekt-vs-natsionalnoe-sekulyarnoe-gosudarstvo> (дата обращения: 14.08.2025).

5. Нечитайло Д. Мягкая поступь исламистов «Таблиги Джамаат» – передовой отряд радикалов // Независимая газета. Приложение НГ-религия // Институт востоковедения Российской академии наук. URL: https://www.ivran.ru/sites/files/Avtoreferat_ (дата обращения: 14.08.2025).

6. Сухов А. В. Движение «Таблиги Джамаат» в Кыргызстане: особенности деятельности и возможные последствия для развития религиозной ситуации в республике / рубрика: «Ренессанс» ислама в независимом Кыргызстане. 2006. URL: <https://cyberleninka.ru/article/viewe>. (дата обращения: 14.08.2025).

7. Маккиндей Х, Бжезинский З. Петля анаконды. Стратегия геополитического превосходства URL: <https://www.chitai-gorod.ru/product/petlya-anakond>. (дата обращения: 15.07.25).

Примаков Алексей Николаевич,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права,
уголовного процесса и криминалистики,
учреждение образования «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь»
E-mail: alprimakov@mail.ru

Свиридов Дмитрий Александрович,
начальник кафедры уголовного права, уголовного
процесса и криминалистики,
учреждение образования «Могилевский институт
Министерства внутренних дел Республики Беларусь»
E-mail: dima.sviridov@inbox.ru

К вопросу о преступлениях экстремистской направленности по законодательству Республики Беларусь и Российской Федерации

Аннотация

В современных условиях экстремизм приобрел особую опасную тенденцию к распространению, что и определяет актуальность исследования. Цель статьи состоит в сравнительном анализе подходов к пониманию термина «преступления экстремистской направленности» по законодательству Республики Беларусь и Российской Федерации, выявлении имеющихся проблем, как при понимании самой категории «экстремизм», так и при отнесении отдельных видов преступлений к таковым. Кроме того, проанализирована систематизация такого рода преступлений, выявлены проблемные вопросы, связанные с отнесением отдельных составов преступлений к преступлениям экстремистской направленности по законодательству Республики Беларусь и Российской Федерации. На основании проведенного исследования авторами предлагается внесение изменений в Уголовный кодекс Республики Беларусь, для четкого и понятного отнесения преступлений к категории преступлений экстремистской направленности посредством включения указания на экстремистские мотивы.

Ключевые слова и словосочетания: экстремизм, уголовная ответственность, уголовное право, преступления экстремистской направленности, противоправная деятельность.

Обеспечение внутренней и внешней безопасности является ключевым приоритетом для правоохранительных структур как Республики Беларусь и Российской Федерации, так и для Союзного государства в целом. Одним из главных вызовов для реализации данного курса является усиление экстремистских проявлений. В этой связи необходимо указать, что не зря в ч. 3 Стратегии коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 года от 14 октября 2016 г. в качестве одного из современных вызовов и угроз упоминается рост угроз международного терроризма и экстремизма, недостаточный уровень практического международного сотрудничества в сфере противодействия этим угрозам [16]. Для оперативной и эффективной борьбы с экстремизмом, законодатели двух стран в последние годы неоднократно вносили существенные поправки в уголовное законодательство и другие нормативно-правовые акты, регулирующие данную сферу. Вместе с тем решение проблем экстремизма без тесного международного сотрудничества невозможно. Как отмечал в интервью глава Антитеррористического центра государств – участников СНГ генерал-полковник Е. С. Сысоев: «В современных условиях политизация вопросов противодействия терроризму и экстремизму оказывает негативное влияние на эффективность международного антитеррористического сотрудничества» [8].

Экстремизм проявляется в публичных актах насилия с политической окраской, когда радикально настроенные группы предпринимают действия, направленные на разрушение устоявшихся и легально утвержденных основ государства и общественной жизни с целью их трансформации или полного свержения. Э. В. Демидова верно отмечает, что экстремистские действия представляют серьезную угрозу обществу, так как они подрывают основы политической и социальной стабильности, нанося непоправимый ущерб ключевым государственным и общественным институтам. В результате таких действий страдает не только политическая сфера, но и экономика, окружающая среда и информационное пространство [6, с. 67]. В уголовном законодательстве, устанавливающим уголовную ответственность за преступления, квалифицируемые как «экстремистские» существует ряд проблем, требующих своего разрешения. В первую очередь, это связано с определением понятия «преступления экстремистской направленности» и его содержания, а также

с необходимостью более четкой систематизации составов таких преступлений и критериев отнесения их к группе преступлений экстремистской направленности, что особенно актуально для правоприменительной практики.

В Федеральном законе № 114-ФЗ от 25 июля 2002 г., экстремизм трактуется как совокупность различных, по своей сути, противоправных действий, объединенных общей чертой - стремлением к экстремистской деятельности. Согласно пункту 1 статьи 1 данного Закона, под угрозой конституционного строя и территориальной целостности Российской Федерации подразумеваются, в числе прочего, действия, направленные на подстрекательство к социальной, расовой, национальной или религиозной розни; распространение идеологии превосходства или неполноценности человека по признаку его принадлежности к различным социальным, расовым, национальным, религиозным или языковым группам; препятствование реализации гражданами своих прав на участие в выборах и референдумах, а также нарушение тайны голосования при содействии насилия или угроз его применения. Схожая по своей правовой конструкции ситуация прослеживается и в Законе Республики Беларусь от 4 января 2007 г. № 203-З «О противодействии экстремизму», в статье 1 которого белорусский законодатель указал определение экстремизма, трактуя его как деятельность граждан Республики Беларусь, иностранных граждан или лиц без гражданства либо политических партий, профессиональных союзов, других общественных объединений, религиозных и иных организаций, в том числе иностранных или международных организаций или их представительств (далее, если не указано иное, - организации), формирований и индивидуальных предпринимателей по планированию, организации, подготовке и совершению посягательств на независимость, территориальную целостность, суверенитет, основы конституционного строя, общественную безопасность путем: насильственного изменения конституционного строя и (или) территориальной целостности Республики Беларусь; захвата или удержания государственной власти неконституционным путем; создания экстремистского формирования либо участия в экстремистском формировании; содействия осуществлению экстремистской деятельности, прохождения обучения или иной подготовки для участия в такой деятельности; распространения в этих целях заведомо ложных сведений о политическом, экономическом, социальном, военном или международном положении Республики Беларусь, правовом положении граждан в Республике Беларусь, дискредитирующих Республику Беларусь; создания в этих целях незаконного

вооруженного формирования; разжигания расовой, национальной, религиозной либо иной социальной вражды или розни, политической или идеологической вражды, вражды или розни в отношении какой-либо социальной группы, в том числе совершения в указанных целях противоправных деяний против общественного порядка и общественной нравственности, порядка управления, жизни и здоровья, личной свободы, чести и достоинства личности, имущества и др. [9].

В. О. Давыдов считает, что экстремизм представляет собой противозаконную, структурированную деятельность криминальных формирований, чья деятельность основана на радикальных экстремистских убеждениях и нацелена на отказ от основополагающих норм международного права, принципов гражданского общества и направленная на реализацию задач крайне экстремистского толка в идеологической, религиозной, национальной, политической сферах, проводимая на пространстве, охватывающем два или более государства, посредством перемещения потоков данных и финансов, а также материальных предметов, иных средств, как материальных, так и нематериальных, через государственные границы, с намерением разжигать вражду и ненависть посредством действий, имеющих противозаконный, агрессивный и (или) насильственный характер, повлекшие (или потенциально способные повлечь) существенный ущерб конституционному строю или межличностным отношениям. Экстремизм, по определению, характеризуется крайними политическими убеждениями и стремлением к радикальным действиям [5, с. 65]. Краткий политический словарь определяет экстремизм как приверженность к самым крайним политическим идеям и действиям, что в политическом контексте выражается в стремлении решать проблемы и добиваться целей с помощью самых радикальных, а порой и насильственных, методов [7, с. 275]. Авторы Д. А. Айгумов, Х. Д. Абдулкадирова и С. В. Борисов в своих работах подчеркивают неоднозначность формулировок при определении состава противоправных действий, имеющих экстремистский характер [1, с. 36; 3, с. 99]. Такая неясность свидетельствует о том, что единого мнения о такой правовой категории как «преступления экстремистской направленности» не существует, а их признаки и характеристики остаются предметом оценки. В существующих формулировках не всегда четко выявляются сущность и признаки этих противоправных деяний, что в свою очередь затрудняет эффективное противодействие подобным общественно опасным явлениям в правоприменительной сфере. Несмотря на то, что данная про-

блема поднималась давно, окончательного решения законодателем принято не было [4, с. 15].

Рассматривая вопросы систематизации преступлений, связанных с совершением экстремистских действий, следует отметить, что в Республике Беларусь действуют Постановление Совета Министров Республики Беларусь «О мерах противодействия экстремизму и реабилитации нацизма» от 12 октября 2021 г. № 575 (с изменениями и дополнения от 10 июня 2025 г. № 319) и приказ Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 31 марта 2021 г. № 92 «О преступлениях, подлежащих учету по направлениям деятельности органов внутренних дел» (в редакции приказа № 33 от 6 февраля 2025 года), в соответствии с п. 5 которого закреплён перечень преступлений Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее УК Республики Беларусь) экстремистской направленности - преступления, предусмотренные ст. 123-134, п. 14 ч. 2 ст. 139, п. 8 ч. 2 ст. 147, ст. 191, 287, 289-2905, 292, 293, ч. 4 ст. 309, ч. 3 ст. 322, ст. 324, ч. 3 ст. 333, ст. 341', 342, 3422, 357, 359-3615, 369 -3693, 4231 [12]. В. В. Кравец полагает, что приведенный в приказе перечень составов преступлений является вполне актуальным, так как в УК Республики Беларусь содержатся составы ряда преступлений, диспозиция которых непосредственно указывает на его экстремистский характер (например, создание экстремистского формирования либо участие в нем, финансирование экстремистской деятельности и т.д.). Вместе с тем указывает на тот факт, что практически любое преступление может стать экстремистским по своему содержанию, если будет установлен экстремистский мотив [9, с. 124]

Видится, что одной из проблем при квалификации такого рода преступлений выступает отсутствие возможности группировки признаков состава преступления относительно категории «экстремизма», при этом в Законе Республики Беларусь «О противодействии экстремизму» в определении понятия «экстремизм (экстремистская деятельность)», указываются признаки, при наличии которых возможно отнесение преступления к экстремистскому. Это связано с тем, что отсутствует единый объект преступного посягательства. В этом случае для определения деяния как преступления экстремистской направленности важно определить у лица экстремистский мотив.

В России определение преступлений, имеющих экстремистский характер, установлено в Указании Генеральной прокуратуры № 870/11, МВД России № 1 от 27 декабря 2017 года. В этом документе, предназначенном для формирования статистической отчет-

ности, перечислены конкретные статьи Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК Российской Федерации), подпадающие под категорию преступлений экстремистской направленности. Выделяется две группы таких преступлений: 1. Преступления, относящиеся к перечню без дополнительных условий (п. «е» ч. 2 ст. 111, п. «е» ч. 2 ст. 112, п. «б» ч. 2 ст. 115, п. «з» ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 119, п. «б» ч. 1 ст. 213, ст. 280, 280.1, 282, 282.1, 282.2, 282.3, 357; 2. Преступления, относящиеся к перечню при наличии в статистической карточке отметки о совершении преступления по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы (чч. 3 и 4 ст. 111, ст. 116, 136, 148, 149, 212, ч. 2 ст. 213, ч. 2 ст. 214, ст. 239, 243, 244, 335, 336, 354.1.).

Е. Ю. Орлова отмечает, что остается неясным, по каким критериям выбор пал именно на эти преступления для включения в указанную категорию и предлагает иное деление таких преступлений [18, с. 155-156].

Преступления экстремистской направленности обладают уникальной структурой и мотивацией, отличающейся от других видов преступлений. Анализируя применение уголовно-правовых норм к экстремистским преступлениям, исследователи отмечают проблемы в юридической технике, требующие правовой корректировки [3, с. 123]. Для решения этой задачи предлагается систематизировать ключевые характеристики преступлений экстремистского характера в действующем законодательстве.

С целью эффективной борьбы с экстремизмом в правовом поле, необходимо четкое определение термина «преступления экстремистской направленности», закрепленное в нормах Особенной части УК Республики Беларусь. УК Республики Беларусь содержит нормы, которые формально можно интерпретировать как направленные против экстремизма. Однако определенные аспекты этих норм вызывают вопросы их точной классификации как противоэкстремистских. Анализ научных трудов показал, что законодательство не устанавливает четких границ для такого деления. Отсутствие единого определения категории вызывает разногласия среди специалистов. В УК Республики Беларусь не содержится определения «преступлений экстремистского характера», в отличие от УК Российской Федерации, где оно зафиксировано в примечании к статье 281.2. Под преступлениями экстремистской направленности понимаются преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или

религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса и пунктом «е» части первой статьи 63 УК Российской Федерации. Определение указывает на то, что уголовные нормы квалифицируются как экстремистские, если в основе преступления лежит экстремистский мотив. Следовательно, нельзя говорить о наличии единой категории преступлений, объединенных одним признаком, поскольку они разнородны по своим способам совершения и последствиям. Если преступление, описанное в Особенной части УК Республики Беларусь, совершено из экстремистских побуждений, то оно должно квалифицироваться как преступление экстремистской направленности. Вместе с тем следует отметить тот факт, что категория «преступления экстремистской направленности» содержится в постановлении Совета Министров Республики Беларусь «О мерах противодействия экстремизму и реабилитации нацизма» от 12 октября 2021 г. № 575 (с изменениями и дополнениями от 10 июня 2025 г. № 319) [11].

Анализ преступлений экстремистской направленности представляет собой ключевую задачу для государственных органов, поскольку без точной информации о совершенных преступлениях в определенный промежуток времени невозможно сформировать объективную картину преступности в целом. В контексте борьбы с экстремизмом, пункт 5 приказа МВД Республики Беларусь, посвященный этому вопросу, требует уточнения. Представленный перечень преступлений, классифицируемых как экстремистские, не может быть всеобъемлющим, и его действие должно распространяться на любые преступления, совершенные по экстремистским мотивам, независимо от их классификации. Стоит отметить, что в определении «экстремизм (экстремистская деятельность)», закрепленном в Законе Республики Беларусь «О противодействии экстремизму», присутствует перечень действий, которые, по нашему убеждению, не могут быть мотивированы чем-либо, кроме экстремистских побуждений. Так, к ним относятся действия, которые провоцируют разжигание ненависти и вражды по признаку расы, национальности, религии или социального статуса, а также призывы к насилию в этих сферах. К экстремистским действиям также относятся попытки насильственного изменения конституционного строя и границ Республики Беларусь. Необходимо составить исчерпывающий перечень преступлений, имеющих экстремистскую направленность, при этом в него должны быть включены преступления, совершенные по экстремистским мотивам.

В связи с вышеизложенным, предлагается дополнить примечание статьи 3611 УК Республики Беларусь частью 2 следующего содержания: «Под преступлениями экстремистской направленности в настоящем Кодексе понимаются преступления, связанные с посягательством на независимость, территориальную целостность, суверенитет, основы конституционного строя, общественную безопасность, посредством действий, указанных в статье 1 Закона Республики Беларусь «О противодействии экстремизму». Это обеспечит своевременное выявление и пресечение экстремистских проявлений, оптимизирует процесс сбора и анализа статистических данных о совершенных преступлениях экстремистской направленности, что в свою очередь повысит эффективность работы всех структур, занимающихся противодействием подобным преступлениям, а кроме того позволит достичь такой цели, как «создание унифицированной правовой основы для системной реализации государствами Содружества эффективных мер государственной политики в сфере противодействия экстремизму, осуществляемых с учетом норм международного права» [15].

Список литературы:

1. *Айгунов Д. А.* К вопросу об определении понятия и экстремистское сообщество экстремизма / Д. А. Айгунов, Х. Д. Абдулкадирова // The scientific heritage. 2020. № 44. С. 35–38.
2. *Бойко М. А.* Особенности квалификации преступлений экстремистской направленности // Синергия наук. 2022. № 51. С. 121–124.
3. *Борисов С. В.* Уголовно-правовые нормы ответственности за преступления экстремистской направленности: проблемы творчества // Юридическая наука. 2013. № 3. С. 97–102.
4. *Варихов С. В.* Вопросы систематизации преступлений экстремистской направленности // Борьба с преступностью: теория и практика : материалы II междунар. науч.-практ. конф., Могилев, 27 февраля 2014 г. / Могилев. высш. колледж МВД Республики Беларусь ; отв. ред. Ю. П. Шкаплеров [и др.]. Могилев : Могилев, высш. колледж МВД Респ. Беларусь, 2014. С. 15–16.
5. *Глазкова Л. В.* Преступления экстремистской направленности, совершаемые с использованием сферы телекоммуникаций и компьютерной информации // Актуальные проблемы белорусского права. 2021. № 12 (Т. 16). С. 167–176.

6. *Давыдов В. О.* Методика расследования транснациональной преступной деятельности экстремистского характера : дис. ... д-ра. юрид. наук. Тульский гос. ун-тет. Ростов-на-Дону, 2018. 779 с.

7. *Демидова Э. В.* Экстремизм: понятие и сущность // Вести. Казан. юрид. ин-та МВД России. 2010. № 7. С. 66–69.

8. Интервью руководителя АТЦ СНГ генерал-полковника Е. Сысоева для журнала «Финансовая безопасность» / Интернет-портал СНГ Пространство интеграции. URL: <https://e-cis.info/news/566/126753/> (дата обращения: 09.07.2025).

9. *Кравец В. В.* Преступления экстремистской направленности, подлежащие учету в органах внутренних дел // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : тез. докл. междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 65-летию Академии МВД Респ. Беларусь, Минск, 18–19 мая 2023 г. / отв. ред. П. В. Гридюшко [и др.]. Минск, 2023. С. 124.

10. Краткий политический словарь / В. П. Абаренков, Л. А. Оников, Н. В. Шишлин; изд. 4, доп. М. : Изд. полит, литературы, 1987. 509 с.

11. О мерах противодействия экстремизму и реабилитации нацизма [Электронный ресурс] : Постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 12 октября 2021 г. № 575 (с изм. и доп. от 10 июня 2025 г. № 319) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь (дата обращения: 08.07.2025).

12. О преступлениях, подлежащих учету по направлениям деятельности органов внутренних дел : приказ МВД Респ. Беларусь от 31 марта 2021 г. № 92 (с изм. и доп. от 6 февраля 2025 г. № 33).

13. О противодействии экстремизму [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 4 января 2007 г. № 203-3 (с изм. и доп. от 17 июля 2023 г. № 292-3) // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь (дата обращения: 01.07.2025).

14. О противодействии экстремистской деятельности : Закон Рос. Федерации от 25 июля 2002 г. № 114-3. URL: <http://www.scrf.gov.ru/security/antiterrorist/document31/> (дата обращения: 01.07.2025).

15. Рекомендации по совершенствованию законодательства государств – участников СНГ в сфере противодействия экстремизму [Электронный ресурс] : Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств от 23 ноября 2012 г. № 38-16 // ЭТАЛОН. Законода-

тельство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь (дата обращения: 08.07.2025).

16. Стратегия коллективной безопасности Организации Договора о коллективной безопасности на период до 2025 года : утверждена 14 октября 2016 г. URL: https://odkb-csto.org/documents/statements/strategiya_kollektivnoy_bezopasnosti_organizatsii_do_govora_o_kollektivnoy_bezopasnosti_na_period_do_/#loaded (дата обращения: 08.07.2025)

17. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности [Электронный ресурс] : Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 в ред. от 28 окт. 2021 г. // КонсультантПлюс. Россия: справ, правовая система (дата обращения: 01.07.2025).

18. Орлова Е. Ю. Виды преступлений экстремистской направленности в системе уголовного законодательства // Вестник магистратуры. 2019. №7-2 (94). С. 154–156.

19. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : утвержден 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. Россия: справ, правовая система (дата обращения: 01.07.2025).

Расулев Улугбек Эркинович,
доцент,
первый заместитель начальника
Института повышения квалификации
МВД Республики Узбекистан
E-mail: moi@iiv.uz

Предупреждение распространения экстремистских идей среди молодежи

Аннотация

В статье рассмотрены вопросы предупреждения распространения среди несовершеннолетних и молодежи экстремистских идей, защиты прав женщин и усиление их роли в противодействии экстремизму и терроризму.

Ключевые слова и словосочетания: экстремизм, терроризм, Организации Объединенных Наций, предупреждение, молодежь, профилактические меры, образование.

В условиях глобализации и трансформации международных и региональных конфликтов вопрос эффективного противодействия экстремизму и терроризму остается одной из злободневных тем на повестке дня.

В настоящее время экстремистские и международные террористические организации, прикрываясь религиозными догмами, продолжают распространять радикальные взгляды и насилие в обществе, подстрекая молодежь к насилию, утрате национальной идентичности, культурно-просветительских, нравственных и семейных ценностей. Все это создает условия для вовлечения граждан в ряды экстремистских и террористических организаций.

В этой связи определение наиболее эффективных мер, направленных на предупреждение и предотвращение экстремизма и терроризма, устранение источников и каналов их финансирования, объединение национальных и международных усилий в данной сфере является одним из важных направлений государственной политики Узбекистана¹.

¹ Об утверждении Национальной стратегии Республики Узбекистан по противодействию экстремизму и терроризму на 2021–2026 годы: Указ Президента Республики Узбекистан от 1 июля 2021 г. № УП-6255.

Важным для понимания причин появления экстремизма и терроризма, а также путей их предупреждения стало выступление Президента Республики Узбекистан Ш. М. Мирзиёева на 72-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, в котором была выдвинута инициатива по разработке Международной конвенции ООН о правах молодежи и принятию специальной резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Просвещение и религиозная толерантность» [1].

Многолетний опыт показывает, что в силу своей социальной незащищенности и восприимчивости, молодежная среда, в том числе несовершеннолетние, остаются наиболее уязвимой для агрессивной пропаганды идеологии экстремизма и терроризма, которая способствует накоплению необоснованного протестного потенциала.

Одними из важных шагов в направлении формирования у молодежи устойчивого иммунитета к идеологии экстремизма и терроризма явились совместное обращение Глав государств ШОС к молодежи и Программа действий по его реализации, инициированные Президентом Республики Узбекистан Ш. М. Мирзиёевым по итогам 18-го заседания Совета глав государств – членов ШОС, прошедшего 10 июня 2018 г. в городе Циндао, КНР¹.

Для повышения эффективности работы с молодежью в данной области было принято постановление Президента Республики Узбекистан от 14 августа 2018 года № ПП-3907, в соответствии с которым реализуется «Комплексная программа мер по поднятию на качественно новый уровень системы духовно-нравственного и физически гармоничного воспитания молодежи, ее обучения и воспитания».

Также в Узбекистане образованы «Агентство по делам молодежи» и молодежная ННО - Союз молодежи Узбекистана, которыми проводится комплекс мероприятий, направленных на обеспечение соблюдения прав, свобод и законных интересов молодежи, оказание социально-правовой помощи и профилактики правонарушений.

Помимо этого, в стране ведется комплексная разъяснительная и просветительская работа с широким привлечением ННО, СМИ, киноиндустрии, деятелей культуры и искусства с целью создания атмосферы нетерпимости к любым формам проявления экстремизма и терроризма, формирования иммунитета к деструктивным идеологиям, повышения правовой грамотности и укрепления чувства социальной ответственности.

¹ Информационное сообщение по итогам заседания Совета глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества.

Основные причины возникновения и распространения экстремистских и террористических проявлений в молодежной среде состоят из следующего:

- обострение социальной напряженности в молодежной среде (характеризуется комплексом социальных проблем, включающим в себя проблемы уровня и качества образования, нехватку рабочих мест, низкий уровень оплаты труда, коррупцию и т. д.);
- изменение ценностных ориентаций (серьезную опасность представляют религиозные организации и секты, насаждающие идеи экстремизма и терроризма, отрицание светских норм и социальных ценностей);
- применение психологического фактора в деструктивных целях (нигилизм и максимализм, свойственные молодежной психологии, активно используются идеологами экстремизма и терроризма);
- использование всемирной информационной сети Интернет в противоправных целях (обеспечивает радикальным организациям доступ к широкой аудитории и пропаганде своей деятельности, возможность размещения информации о своих намерениях и планируемых действиях);
- попадание молодежи под влияние представителей и эмиссаров экстремистских и террористических организаций, осуществляющих деятельность в зарубежных странах¹.

Для предотвращения распространения среди молодежи, в том числе несовершеннолетних, экстремистских и террористических идей необходима реализация в сфере образования и молодежной политики следующих мер:

- 1) формирование у подрастающего поколения уважительного отношения к закону, правовой грамотности, межконфессиональной и межнациональной толерантности, интереса к истории, культуре, духовному наследию и обычаям народов страны;
- 2) организация досуга молодежи, в том числе детей и подростков, путем активизации деятельности кружков, создание условий и обеспечение доступности для населения объектов культуры, спорта и отдыха;
- 3) обеспечение непрерывной государственной поддержки системы воспитания молодежи на основе традиционных, духовных, нравственных и патриотических ценностей;

¹ Об утверждении Национальной стратегии Республики Узбекистан по противодействию экстремизму и терроризму на 2021–2026 годы: Указ Президента Республики Узбекистан от 1 июля 2021 г. № УП-6255.

4) проведение в образовательных организациях занятий по воспитанию патриотизма, толерантности, предотвращению вовлечения в экстремистскую и террористическую деятельность;

5) повышение профессионального уровня педагогических работников, разработка и внедрение новых образовательных стандартов, а также педагогических методик, направленных на противодействие идеям экстремизма и терроризма;

6) проведение социологических исследований среди молодежи, направленных на анализ занятости, социального и экономического самочувствия, деятельности молодежных субкультур, для выявления факторов, способствующих распространению экстремистской и террористической идеологии;

7) усиление роли государственных органов и институтов гражданского общества в воспитании молодежи в духе патриотизма, формировании у нее самосознания и устойчивой гражданской позиции;

8) взаимодействие с молодежными общественными объединениями в целях профилактики и предупреждения распространения идей экстремизма и терроризма;

9) организация специальных форумов и встреч, стимулирующих гражданскую позицию и правовую грамотность среди молодежи;

10) активизация деятельности Агентства по делам молодежи, Союза молодежи Узбекистана, центров «Маънавият ва маърифат», которые должны в корне изменить методы своей работы, а также адресное направление их деятельности в регионы, где имеется больше всего социальных, экономических и иных проблем в молодежной среде.

Также необходимо обратить внимание к роли женщин в предупреждении распространения экстремистских идей среди молодежи и защите их прав.

Республика Узбекистан ратифицировала и своевременно выполняет международные акты, в частности конвенции и декларации ООН касательно защиты прав и свобод женщин.

Конституция Республики Узбекистан гарантирует гендерное равноправие, которое обеспечивается законами Республики Узбекистан «О гарантиях равных прав и возможностей для женщин и мужчин» и «О защите женщин от притеснения и насилия».

Анализ показывает, что немаловажным фактором в появлении проблем, связанных с воспитанием молодого поколения, выступают семьи, в которых мужья находятся за рубежом. В таких случаях женщина выступает в роли единственного воспитателя. Появляются

ся проблемы с контролем за детьми, когда особо важна роль махалли, которая традиционно является самой эффективной ячейкой гражданского общества.

На сегодняшний день Правительством Республики Узбекистан, в частности Министерством по поддержке махалли и семьи и институтами гражданского общества реализуется комплекс мер по расширению прав и свобод женщин, защите их от насилия, а также повышению их роли в обществе.

Осознавая огромный потенциал женщин в воспитании молодого поколения в духе патриотизма, а также в предотвращении попадания молодежи под влияние экстремистских и террористических идей, важно использовать семейный, общественный статус женщин путем:

- своевременного и качественного исполнения нормативно-правовых актов, направленных на защиту прав и свобод женщин, и дальнейшего совершенствования правовой базы по их поддержке, отвечающей международным стандартам;
- морально-психологической и материальной поддержки женщин и их детей, попавших в трудную жизненную ситуацию;
- организации специальных учебных курсов для сотрудников правоохранительных органов по специфике работы с женщинами, вовлеченными в экстремистскую и террористическую деятельность;
- усиления роли и ответственности подразделений Комитета семьи и женщин в работе с проблемными семьями;
- сотрудничества с международными организациями в области защиты прав и свобод женщин, а также обмена опытом в сфере привлечения женщин в процесс противодействия экстремизму и терроризму.

Расширение участия женщин в общественной жизни страны остается ключевым аспектом реформ, направленных на укрепление их положения в семье и обществе, реализации их потенциала, позволяющей им стать движущей силой не только в социально-духовной, но и в политико-экономических сферах.

Резюмируя вышеизложенное, можно сделать выводы о том, что меры, направленные на предупреждение и предотвращение экстремизма и терроризма, позволят сформировать эффективную систему правовых, организационных и идеологических механизмов противодействия экстремизму и терроризму, а также культуры толерантности в обществе; воспрепятствовать распространению идей экстремизма и терроризма в различных слоях общества, повысить эффективность деятельности государственных органов по противодействию экстремизму и терроризму; мобилизовать необходимые

ресурсы государственных организаций, в первую очередь правоохранительных органов и образовательных организаций, а также широкой общественности на раннее предупреждение экстремизма и терроризма; совершенствовать механизмы противодействия экстремизму и терроризму, усилить координацию деятельности различных государственных организаций, институтов гражданского общества, СМИ и граждан.

Список литературы:

1. *Мирзиёев Ш. М.* Одобрение народа – высшая оценка нашей деятельности. Ташкент: ИПТД «Узбекистан», 2018. 416 с.

Рахмаджонзода Рифат Рахмаджон,
доктор юридических наук, доцент,
заместитель начальника
Академии МВД Республики Таджикистан по науке
E-mail: reefat@yandex.ru

Совершенствование системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров в системе МВД Республики Таджикистан

Аннотация

В данной статье, автором продолжается изучение различных направлений возможного внедрения трехступенчатой системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров в системе МВД Республики Таджикистан. В качестве возможного варианта автором предлагается взять за основу подготовленный проект Концепции развития образовательных и научных учреждений системы МВД Республики Таджикистан.

Ключевые слова и словосочетания: *Республика Таджикистан, учебные и научные учреждения, подготовка кадров, система, наука, образование, концепции.*

Продолжая авторские изыскания в контексте подготовки кадров высшей квалификации [3, с. 126–133; 4, с. 63–65; 5, с. 51–62; 1, с. 160], а также роли и значения соответствующей политики нашего государства, следует отметить, что в данных направлениях ощущается заметный прорыв. Прорыв, как нам кажется, зависит от правильно выстроенной политики и стратегии. С уверенностью необходимо отметить, что в настоящее время предпринимаемые меры со стороны руководства государства свидетельствуют о внимательном и строгом отношении к проблемам науки, образования и подготовки кадров, в том числе и в сфере подготовки кадров высшей квалификации даже в отдельных государственных структурах. Принятые

Постановления Правительства Республики Таджикистан в этих областях¹ подтверждают наши предварительные выводы.

Прав и очень точно определяет наше общее будущее Лидер нации, уважаемый Президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон, который отмечает, что в современном мире только те страны могут сохранить свое существование и развиваться, граждане которых обладают высоким уровнем грамотности, образования и культуры, любят науку, обладают знаниями и владеют профессией [2].

В контексте подготовки кадров, Лидером нации особо было указано, что в настоящее время в стране работают около 5900 кадров со степенями и учеными званиями, из которых 886 человек, или 15,5 %, являются докторами наук (из них 146, или 16 % – женщины), 4800 – кандидатами наук и 158 – докторами наук по специальности. До обретения независимости в стране работало 3300 кадров со степенями и учеными званиями, в том числе 229 докторов наук и 3074 кандидата наук. Иными словами, за период независимости количество кадров со степенями и учеными званиями увеличилось в 1,8 раза, в том числе докторов наук – почти в четыре раза и кандидатов наук – в 1,6 раза. Эти показатели все еще не удовлетворительны, отметил Лидер нации.

В рамках своей встречи с деятелями науки и образования страны, соответствующим государственным органам и учреждениям, академиям, образовательным учреждениям и другим структурам были даны конкретные поручения по устранению действующих недостатков и были определены для них сроки соответственно. Образовательным и научным учреждениям системы МВД Республики Таджикистан в данном контексте также относятся поручения главы государства.

¹ Приоритетные направления научных и научно-технических исследований в Республике Таджикистан на 2021 – 2025 гг. от 26 сентября 2020 г. № 503; Стратегия изучения и развития математических, точных и естественных дисциплин в сфере образования и науки на период до 2030 г. от 30 апреля 2021 г. № 165; Национальная стратегия развития интеллектуальной собственности Республики Таджикистан на период до 2030 г. от 10 июня 2021 г. № 210; Стратегия Республики Таджикистан в сферах науки, технологии и инновации на период до 2030 г. от 30 июня 2021 г. № 263; Государственная программа подготовки научных кадров высшей квалификации на 2021–2030 гг. от 30 июня 2021 г. № 264; Государственная программа противодействия преступности в Республике Таджикистан на 2021–2030 гг. от 30 июня 2021 г. № 265; Стратегия развития искусственного интеллекта в Республике Таджикистан на период до 2040 г. от 30 сентября 2022 г. № 483; Государственный стандарт высшего профессионального образования в Республике Таджикистан от 29 ноября 2022 г. № 562 // Доступ из ЦБПИ Республики Таджикистан «Адлия. Версия 7.0».

Следует отметить, что разрешение актуальных вопросов подготовки, переподготовки и повышения квалификации сотрудников МВД Республики Таджикистан нами детально обсуждалось в ходе подготовки проекта Программы реформы милиции на 2021-2025 гг. Именно тогда в рабочей группе МВД Республики Таджикистан¹ представителями нашей Академии было предложено разработать два основных ключевых документа – Концепцию кадровой политики МВД Республики Таджикистан и Концепцию развития учебных и научных учреждений МВД Республики Таджикистан.

Впоследствии, вышеуказанные два документа были заложены в основу двух самостоятельных глав – 4. «Реформа кадровой политики Министерства внутренних дел» и 5. «Совершенствование системы образования в учебных заведениях Министерства внутренних дел» Программы реформы милиции на 2021-2025 гг.²

Концепция кадровой политики органов внутренних дел Республики Таджикистан на период до 2043 г.³ включает в себя систему идей, мнений, точек зрения и принципов, определяющую цели и задачи, приоритетные направления, принципы ведомственного регулирования кадровой политики ОВД, обеспечение высококвалифицированными кадрами ОВД Республики Таджикистан. В ее основе лежат единство идей и методологические подходы к работе с сотрудниками ОВД.

Концепция определяет систему кадрового обеспечения, условия и способы ее реализации и служит руководством ОВД в процессе работы с кадрами. Концепция является основой для разработки ведомственных нормативных правовых актов, программ и планов, а ее положения учитываются при формировании стратегических направлений организации и развития структуры МВД Республики Таджикистан, определении приоритетных направлений деятельности ОВД.

¹ Состав рабочей группы был утвержден распоряжением МВД Республики Таджикистан «О создании рабочей группы МВД по разработке проекта постановления Правительства Республики Таджикистан «О Концепции кадровой политики органов внутренних дел Республики Таджикистан» от 20 апреля 2020 г. № 224.

² Утверждена постановлением Правительства Республики Таджикистан от 1 июня 2021 г. № 211.

³ Утверждена постановлением Правительства Республики Таджикистан от 27 сентября 2023 г. № 459. Данная Концепция была разработана рабочей группой МВД Республики Таджикистан, в состав которой также входили действующие сотрудники Академии МВД Республики Таджикистан. Состав рабочей группы был утвержден распоряжением МВД Республики Таджикистан «О создании рабочей группы МВД по разработке проекта постановления Правительства Республики Таджикистан «Программы реформы милиции на 2021–2025 гг.» от 28 июля 2020 г. № 439.

Главная цель Концепции – определение долгосрочной стратегии и перспективы направлений развития системы работы с личным составом в МВД, основных путей и методов ее модернизации и совершенствования (пп. 1–3 данной Концепции).

Проект Концепции развития учебных и научных учреждений МВД Республики Таджикистан¹ после представления прошел все инстанции по согласованию, но, до настоящего времени, не был принят.

Для общего понимания процесса совершенствования подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров в системе МВД Республики Таджикистан далее будут цитироваться основные положения проекта Концепции развития учебных и научных учреждений МВД Республики Таджикистан на период до 2043 г. (далее по тексту – Концепция). Основные положения проекта Концепции приводятся в соответствии с разработанной и представленной для утверждения структурой проекта нормативного правового акта.

1. Общие положения. Как и любой стратегический документ, наша Концепция разработана с целью соответствия современным требованиям образовательного процесса, развития научно-исследовательской деятельности и совершенствования структуры учебных и научных учреждений органов внутренних дел Республики Таджикистан. Концепция реализовывает тенденции развития государственной политики в системе среднего профессионального образования, высшего профессионального образования и послевузовского образования МВД Республики Таджикистан, в условиях новых общественных отношений и формирования единой национальной образовательной среды, отвечающий мировым стандартам.

Концепция направлена на реализацию целей, приоритетов и мер, предусмотренных в Национальной стратегии развития Республики Таджикистан на период до 2030 года, осуществление реформы и развития учебных и научных учреждений МВД Республики Таджикистан, решение которых позволит решить важные задачи социально-экономического развития Таджикистана.

Концепция на современном этапе разработана с учетом развития общества и модернизации мировой системы образования и соз-

¹ Данная Концепция была разработана рабочей группой МВД Республики Таджикистан, в состав которой входили также действующие сотрудники Академии МВД Республики Таджикистан. Состав рабочей группы был утвержден распоряжением МВД Республики Таджикистан «О создании рабочей группы МВД по разработке проекта постановления Правительства Республики Таджикистан «О Концепции развития учебных и научных учреждений МВД Республики Таджикистан» от 31 мая 2022 г. № 312.

дает основу для развития экономической, социальной и культурной жизни. Концепция предусматривает растущие потребности ОВД в высококвалифицированных специалистах, определяет сущность, содержание, цели и задачи системы среднего профессионального образования, высшего профессионального образования и послевузовского образования.

Концепция с учетом защиты национальных и гуманитарных ценностей содействует укреплению научно-технических достижений в системе ОВД и дает возможность реформировать систему среднего профессионального образования, высшего профессионального образования и послевузовского образования в МВД Республики Таджикистан.

2. Современное состояние подготовки кадров в МВД Республики Таджикистан. В контексте реформы милиции Таджикистана учебный процесс, научно-исследовательская деятельность и подготовка кадров высшей квалификации в учебных учреждениях МВД Республики Таджикистан нуждаются в совершенствовании. Указанные процессы осуществляются в нескольких учебных и научных учреждениях МВД (Академия МВД Республики Таджикистан, Колледж милиции МВД Республики Таджикистан, Пожарно-технический колледж МВД Республики Таджикистан, Учебный центр МВД Республики Таджикистан, Учебный центр Управления внутренних войск МВД Республики Таджикистан, Научно-исследовательский центр МВД Республики Таджикистан и другие учебные центры структурных подразделений МВД Республики Таджикистан), в которых используются разные и зачастую несовместимые учебные системы.

В настоящее время потенциал учебных и научных учреждений МВД Республики Таджикистан состоит из 6 факультетов, 37 кафедр, более 172 аудиторий; 23 специальных классов кафедр; 9 библиотек; 8 лекционных залов; 5 конференц-залов; 3 стрелкового зала; 3 спортивных городка; 9 спортивных площадок; 3 площадки военно-служебной техники; 6 плацов, которые готовят специалистов разного профессионального уровня по 7 специализациям. К учебной, научно-исследовательской и воспитательной работе привлечены 220 преподавателей, в том числе 8 докторов наук, профессоров, доцентов и 46 кандидатов наук. Профессорско-преподавательский состав осуществляет научно-исследовательскую работу по 7 направлениям актуальных проблем науки и практики правоохранительной деятельности и 4 научным темам.

Подготовка кадров для нужд МВД Республики Таджикистан будет осуществляться по трехуровневой системе образования,

посредством сочетания трех современных процессов подготовки кадров, т.е. подготовки, переподготовки и повышения квалификации. В этом направлении все учебные заведения МВД Республики Таджикистан будут внедрены в единую образовательную систему, в которой, в общей сложности, будет реализовываться единая система обучения в зависимости от уровня подготовки.

При разработке учебных программ особое внимание будет уделяться увеличению количества практических занятий. В то же время, большинство часов в учебных программах различных уровней будут составлять групповые занятия, в особенности проведение занятий современными (интерактивными) методами обучения.

3. Цели и задачи Концепции. Общей целью Концепции является совершенствование нормативной правовой базы, структуры, усиление деятельности в направлении подготовки, переподготовки и повышения квалификации сотрудников МВД Республики Таджикистан, развитие материально-технической базы, использование эффективных методов обучения, разработка планов и учебных программ, отвечающих требованиям мировых стандартов, пропаганда важности использования информационных технологий в процессе образования, изучения иностранных языков в учебных и научных учреждениях МВД Республики Таджикистан.

Стратегической целью Концепции является унификация системы образования, усиление деятельности, централизация процессов образования и науки в соответствующих учреждениях.

К основным задачам Концепции относятся:

- совершенствование нормативно-правовой базы, регулирующей деятельность учебных и научных учреждений МВД Республики Таджикистан;
- разработка и совершенствование учебных планов и образовательных программ;
- развитие заочной формы обучения;
- унифицировать и адаптировать деятельность учебных учреждений к требованиям среднего и высшего профессионального образования;
- повышение уровня и качества обучения и воспитания, подготовка специалистов, отвечающих современным требованиям;
- в целях совершенствования структуры учебных и научных учреждений МВД Республики Таджикистан необходимо образовать учреждение переподготовки и повышения квалификации руководящих кадров в МВД Республики Таджикистан и управления, регулирующие учебные и научные процессы в Университете МВД Республики Таджикистан;

- внедрение трех непрерывных процессов обучения (подготовка, переподготовка и повышение квалификации) в учебных учреждениях;
- увеличение количества практических занятий в учебном процессе (особенно проведение занятий современными интерактивными методами);
- расширение изучения русского, английского и других языков в учебных и научных учреждениях МВД Республики Таджикистан;
- привлечение квалифицированных специалистов из-за рубежа для проведения учебных и научных мероприятий;
- укрепление материально-технической базы учебных учреждений МВД Республики Таджикистан;
- расширенное внедрение использования информационных технологий в учебном процессе;
- установление двустороннего сотрудничества с высшими профессиональными образовательными учреждениями с целью направления граждан для изучения профильных дисциплин;
- повышение уровня и эффективности научно-исследовательской работы, выполнение научно-практической работы на основе государственных программ и заказных тем;
- изучение и совершенствование процесса направления сотрудников на обучение и выполнение научно-исследовательских работ в отечественные и зарубежные учреждения;
- связать с практикой научно-теоретические работы курсантов, студентов, профессорско-преподавательского состава и увеличение на этой основе практических занятий;
- совершенствовать редакционно-издательскую деятельность, разработку учебников, учебных пособий, других вспомогательных материалов и других средств пропаганды науки и знаний для курсантов и слушателей;
- всесторонний анализ, изучение и использование возможностей повышения заработной платы преподавателей и улучшения их жилищно-бытовых условий.

4. Процессы подготовки, переподготовки и повышения квалификации в учебных учреждениях МВД Республики Таджикистан. В учебных учреждениях МВД Республики Таджикистан готовятся специалисты со средним профессиональным образованием, высшим профессиональным образованием, профессиональным образованием после высшего учебного заведения, научные и научно-педагогические кадры. Выпускники начальных классов средних общеобразовательных учреждений могут продолжить обучение в Специальном

профессиональном лицее при Университете МВД Республики Таджикистан. Граждане со средним профессиональным образованием имеют возможность получить высшее образование в Университете МВД Республики Таджикистан.

Подготовка специалистов в системе МВД Республики Таджикистан будет осуществляться со средним профессиональным образованием в Колледже милиции и Пожарно-техническом колледже. Подготовка специалистов в МВД Республики Таджикистан с высшим профессиональным образованием будет осуществляться в Университете МВД Республики Таджикистан. Подготовка специалистов в МВД Республики Таджикистан после высшего профессионального образования будет осуществляться посредством переподготовки на факультете подготовки руководящих кадров для правоохранительных органов и силовых структур Республики Таджикистан и подготовки научных и научно-педагогических кадров в отделе адъюнктуры Университета МВД Республики Таджикистан. Переподготовка и повышение квалификации сотрудников осуществляется в Институте подготовки высококвалифицированных сотрудников ОВД.

Задачи для решения существующих проблем процессов подготовки, переподготовки и повышения квалификации в МВД Республики Таджикистан и пути их решения:

- развитие инфраструктуры системы образования в ОВД;
- улучшение образовательных условий и качества образования;
- совершенствование и реконструкция образовательных технологий, содержания и методов обучения на основе инноваций;
- развитие системы подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов отрасли;
- усиление системы и внутреннего механизма оценки качества образования;
- повышение эффективности финансирования системы образования в ОВД;
- укрепление информационной системы управления системой образования в ОВД;
- стабилизация стратегического подхода к планированию, широкое использование идей, процессов и инновационных технологий в развитии системы обучения в ОВД;
- укрепление системы среднего профессионального образования в учебных учреждениях ОВД;
- повышение потенциала системы среднего профессионального образования в учебных учреждениях ОВД;

- обеспечение соответствия высшего профессионального образования требованиями экономики и рынка труда;
- повышение знаний и навыков, языкового уровня, квалификации и профессионализма сотрудников ОВД в соответствии с требованиями международных стандартов;
- организация групп с английским и русским языком обучения в учебных учреждениях ОВД;
- разработка новых программ, совершенствование действующих учебных программ, связанных с образовательными стандартами (по предметам) и учебные материалы;
- разработка и размещение пакетов электронных учебных материалов (учебников, учебных пособий) и их мультимедийных приложений на сайтах учебных учреждений;
- повышения эффективности использования комплекса инструментов обеспечения качественного образования;
- внедрение курсов обучения и повышения квалификации с целью усовершенствования профессиональных навыков;
- укрепление системы заочного образования с упором на инновации;
- создание и совершенствование системы электронного обмена учебными документами в ОВД в целях обеспечения эффективного управления, а также обмена передовым опытом;
- обмен специалистами и профессорско-преподавательским составом для проведения лекционных, семинарских и практических занятий;
- обмен опытом в сфере организации и реализации образовательного процесса, разработки совместных учебных планов и учебных программ по соответствующим дисциплинам и учебным курсам;
- внедрение современной системы мониторинга и оценки реализации реформы милиции в сфере подготовки кадров;
- разработка и реализация краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных стратегических документов развития учебных учреждений ОВД;
- внедрение правильного механизма стимулирования образовательной системы в ОВД с использованием передового мирового опыта.

5. Развитие научно-исследовательской деятельности в учебных и научных учреждениях МВД Республики Таджикистан. Научно-исследовательская деятельность является одним из важных и стратегических направлений деятельности учебных и научных учреждений МВД Республики Таджикистан, где во многом уровень

и качество образования и подготовки высококвалифицированных кадров зависят от эффективности научно-исследовательской деятельности. Хотя результаты научно-исследовательской деятельности учебных и научных учреждений МВД Республики Таджикистан создают важную основу для последующего этапа развития, пока научно-исследовательские работы не воплощены в развитие соответствующих направлений деятельности правоохранительных органов.

Одной из основных задач Концепции является усиление научно-исследовательской деятельности в учебных и научных учреждениях МВД Республики Таджикистан, что способствует развитию образовательного и научного потенциала и повышению конкурентоспособности вышеперечисленных учреждений в системе высших профессиональных образовательных и научных учреждений страны.

В учебных и научных учреждениях МВД Республики Таджикистан намечены меры по дальнейшему развитию и повышению эффективности сотрудничества с высшими профессиональными образовательными и научными учреждениями внутри и за пределами страны. Важное место в международном научном сотрудничестве занимает целенаправленные мероприятия по подготовке научных кадров высокого уровня, совместные научные и научно-практические исследования. Определенное количество адъюнктов и докторантов обучаются в высших профессиональных образовательных и научных учреждениях Российской Федерации. Данные учреждения обеспечивают подготовку, образование и повышение квалификации научных кадров и потенциала учебных и научных учреждений МВД Республики Таджикистан.

Задачи по решению существующих проблем научно-исследовательской деятельности учебных и научных учреждений МВД Республики Таджикистан и пути их решения:

- принятие мер по воспитанию молодых ученых, развитию творческих способностей, формированию научно-технического мышления, интеллектуальному развитию и целенаправленному привлечению их к научно-исследовательской деятельности;
- формирование системы подготовки конкурентоспособных научных кадров на рынке труда, создание инновационного потенциала для научного развития, формирование знаний и навыков, необходимых для устойчивого развития;
- усиление ответственности научных руководителей и консультантов за выполнение научно-исследовательской работы на высоком уровне и с соблюдением установленных сроков;

- формирование системы получения грантов и квот на участие в образовательных программах, повышении квалификации и других формах поддержки молодых ученых;

- обеспечение стабильного государственного финансирования, создание хороших условий для стимулирования научно-исследовательской деятельности, последовательное увеличение расходов на науку, поддержка и финансирование участия в международных научных мероприятиях;

- планирование, организация и проведение совместных научных исследований фундаментального и практического характера по актуальным вопросам науки и ее практики;

- создание авторского коллектива с целью разработки и издания учебных, методических, научных материалов и рекомендаций по вопросам правоприменительной практики и законодательного регулирования, укрепления законности и правопорядка;

- проведение совместных научных исследований, научно-практических конференций, симпозиумов, круглых столов и форумов по проблемам точных, технических, гуманитарных и общественных наук и их практики, укрепления законности, правопорядка и противодействия преступности;

- проведение заседаний и совместных консультаций для решения актуальных вопросов науки и ее практики;

- обмен специалистами с целью изучения опыта решения актуальных проблем юридической науки и практики, реализации законодательства, обеспечения законности и правопорядка, а также предупреждения и противодействия преступности;

- рецензирование монографических исследований, а также научная экспертиза диссертационных исследований;

- регулярная подготовка научных кадров в форме соискательства, организация и проведение защит диссертационных исследований, а также оппонирование, рецензирование и выступление в качестве ведущего учреждения;

- осуществление совместной издательской деятельности по подготовке и изданию учебников, учебных изданий, учебно-методических изданий, научно-практических изданий и сборников, другой научной и учебной литературы в соответствующей области науки и ее практики;

- обмен учебной, учебно-методической, учебно-практической и научной литературой;

- обмен информацией правового, аналитического, научного, статистического и иного характера, обмен которой не запрещен и не ограничен законодательством Республики Таджикистан;

- укрепление деятельности диссертационных советов, создание совместных межведомственных диссертационных советов и совместных межгосударственных диссертационных советов;
- укрепление научно-исследовательского потенциала учебных и научных учреждений ОВД;
- организация и проведение научных стажировок в высших профессиональных образовательных и научных учреждениях в стране и за рубежом;
- развитие научного и научно-образовательного сотрудничества ОВД;
- эффективное использование выделенных мест для направления талантливых молодых специалистов в зарубежные научные центры для обучения в магистратуре, аспирантуре, докторантуре и постдокторантуре;
- создание системы стимулирования деятельности преподавателей, имеющих ученые степени и звания в учебных и научных учреждениях МВД Республики Таджикистан в целях формирования и развития научных, инновационных и изобретательских школ;
- принятие мер по социальной поддержке магистрантов, аспирантов, адъюнктов, докторантов, ученых и молодых специалистов.

6. Совершенствование структуры учебных и научных учреждений МВД Республики Таджикистан. В настоящее время подготовка кадров осуществляется в нескольких учебных заведениях МВД Республики Таджикистан, где в связи с отсутствием обеспечения непрерывного процесса образования и централизации их деятельности, недостаточной связи теории с практикой, диктуется необходимость совершенствования структур. В рамках эффективности процесса подготовки кадров на базе учебных и научных учреждений МВД Республики Таджикистан создается Университет МВД Республики Таджикистан.

Университет МВД Республики Таджикистан является структурным подразделением МВД Республики Таджикистан и реализует образовательные программы среднего профессионального образования, высшего профессионального образования и послевузовского образования, подготовку научных и научно-педагогических кадров. Учредителем Университета МВД Республики Таджикистан, является Правительство Республики Таджикистан, а полномочия по управлению возлагается на МВД Республики Таджикистан.

Университет МВД Республики Таджикистан создается на базе действующих учебных учреждений, при котором будут функционировать Филиал Университета МВД Республики Таджикистан

в городе Худжанде, Институт подготовки высококвалифицированных сотрудников ОВД, Колледж милиции Университета МВД Республики Таджикистан (с дислокацией в городе Куляб), Пожарно-технический колледж Университета МВД Республики Таджикистан (с дислокацией в Дангаринском районе) и Специальным профессиональным лицей при Университете МВД Республики Таджикистан. В рамках выполнения Государственной программы противодействия преступности в Республике Таджикистан на 2021-2030 годы, которое утверждено постановлением Правительства Республики Таджикистан от 30 июня 2021 года, № 265, при Институте подготовки высококвалифицированных сотрудников ОВД будет создан Центр по борьбе с транснациональной организованной преступностью.

Центр будет осуществлять свою деятельность в области подготовки квалифицированных кадров и повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов, внедрения в высших учебных заведениях спецкурсов с привлечением сотрудников правоохранительных органов по современным методам выявления и раскрытия новых видов преступлений, организация обучающих курсов по методам и тактике выявления и расследования новых видов преступлений для сотрудников правоохранительных органов всех уровней и налаживание тесного сотрудничества между высшими учебными заведениями юридического профиля с правоохранительными органами в сфере их практической деятельности.

В целях подготовки талантливых кадров после окончания средних общеобразовательных учреждений при Университете МВД Республики Таджикистан будет создан Специальный профессиональный лицей Университета МВД Республики Таджикистан. В учебных учреждениях МВД Республики Таджикистан по согласованию с Правительством Республики Таджикистан в качестве структурных подразделений могут создаваться иные составные структуры.

7. Финансирование и механизм реализации Концепции. Реализация Концепции будет осуществляться за счет предусмотренных бюджетных средств МВД Республики Таджикистан, социальных партнеров и других источников финансирования, не запрещенных законодательством Республики Таджикистан. Реализация Концепции будет осуществляться в рамках Плана действий.

8. Мониторинг и оценка реализации Концепции. Мониторинг и оценка реализации Концепции будет осуществляться со стороны МВД Республики Таджикистан. Мониторинг и оценка будет осуществляться в соответствии с требованиями постановления

Правительства Республики Таджикистан от 29 декабря 2018 года, № 615 «О Правилах проведения мониторинга и оценки реализации стратегических документов национального уровня, отраслевых и региональных программ развития в Республике Таджикистан».

9. Ожидаемые результаты Концепции. В процессе реализации Концепции будут получены следующие результаты:

- нормативные правовые акты, регулирующие деятельность учебных учреждений МВД Республики Таджикистан, учебный и научные процессы будут усовершенствованы;
- система обучения в учебных учреждениях МВД Республики Таджикистан будет адаптирована к международным стандартам подготовки, переподготовки и повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов;
- учебные планы и образовательные программы в учебных учреждениях МВД Республики Таджикистан будут усовершенствованы с учетом реальности угроз и вызовов современности;
- на базе Академии МВД Республики Таджикистан и других учебных учреждений МВД Республики Таджикистан будет создан Университет МВД Республики Таджикистан;
- образование в учебных учреждениях МВД Республики Таджикистан будет включена в единую централизованную систему учебного процесса, которая исключить дублирование учебных планов и программ на разных уровнях;
- будут готовиться высококвалифицированные профессиональные специалисты, отвечающие современным требованиям;
- в учебном процессе будут использоваться информационные технологии;
- в процессе подготовки кадров будет усилена связь теории с практикой;
- отбор и направление сотрудников ОВД для обучения в образовательные и научные учреждения внутри и за пределами страны будет осуществляться по рекомендации Ученого совета Университета МВД Республики Таджикистан;
- учебный процесс и практика ОВД будут обеспечены научными и научно-практическими разработками;
- будут проведены реорганизация и совершенствование структуры учебных и научных учреждений МВД Республики Таджикистан;
- подготовка специалистов в ОВД будет определяться в поэтапном порядке;

- материально-техническая база учебных учреждений МВД Республики Таджикистан будет адаптирована к современным требованиям.

Таковым видится в обозримом будущем процессы подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров для системы МВД Республики Таджикистан.

Список литературы:

1. Азими У. А., Рахмаджонзода Р. Р., Умари Х. А. Подготовка и защита диссертации в Республике Таджикистан : монография (на тадж. языке). Душанбе : «ЭР-граф», 2025. 160 с.

2. Выступление на встрече с деятелями науки и образования страны (г. Душанбе, 30 мая 2024 г.) // Официальный сайт Президента Республики Таджикистан. URL: <http://www.president.tj/ru/pode/33544> (дата обращения: 03.07.2025).

3. Рахмаджонзода Р. Р. Государственная научно-техническая политика Таджикистана в контексте подготовки кадров высшей квалификации // Государственная научно-техническая политика в сфере криминалистического обеспечения правоохранительной деятельности : сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции «64-е ежегодные криминалистические чтения» (Москва, 26 мая 2023 г.); в 2 ч. / под ред. Ю. В. Гаврилина, Б. Я. Гаврилова, В. О. Лапина [и др.]. Москва : Академия управления МВД России, 2023. Ч. 1. С. 126–133.

4. Рахмаджонзода Р. Р. Научная интеграция адъюнктов-иностранцев как необходимое условие успешной защиты диссертации // Академическая мысль. 2024. № 1 (26). С. 63–65.

5. Рахмаджонзода Р. Р. Модернизация подготовки высококвалифицированных кадров в системе МВД Республики Таджикистан // Подготовка высококвалифицированных кадров в сфере профилактики правонарушений и борьбы с преступностью: тенденции и перспективы : материалы международной научно-практической конференции (4 сентября 2024 г.) / отв. ред. Р. О. Нигматов. Т. : Академия МВД Республики Узбекистан, 2024. С. 51–62.

Реутская Елена Александровна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права,
учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь»
E-mail: int@amia.by

Юридикто-технические аспекты квалификации преступлений экстремистской направленности с учетом их общественной опасности

Аннотация

В статье проводится комплексный анализ правовой природы экстремизма как социального явления, получившего отражение в уголовном законодательстве. Особое внимание уделяется проблеме отсутствия унифицированного подхода к определению и содержанию экстремизма, а также к выделению признаков преступлений экстремистской направленности. Автор указывает на существующие противоречия в научных трактовках понятия экстремизма. В статье обоснована необходимость выработки четких критериев измерения общественной опасности преступлений экстремистской направленности. Представленные выводы могут быть использованы для совершенствования уголовного законодательства и повышения эффективности правоприменения в Республике Беларусь.

Ключевые слова и словосочетания: *экстремизм, преступления экстремистской направленности, общественная опасность, признаки, квалификация.*

В уголовном праве общественная опасность является фундаментальным признаком преступления, отражающим степень причиненного или возможного вреда охраняемым законом общественным отношениям. В случае с преступлениями экстремистской направленности данная категория приобретает особую значимость, поскольку речь идет о деяниях, подрывающих основы конституционного строя, межнационального согласия, а также принципов правового государства. В научной литературе одной из наиболее актуальных является проблема четкого определения понятия «экстремизм» [1, с. 150] и дискуссия относительно круга деяний, которые законо-

датель относит к экстремистским. На практике в виду отсутствия законодательно закрепленного определения критериев измерения общественной опасности и понятия «экстремизм» дать четкую и единообразную уголовно-правовую оценку совершенному деянию и оценить реальный вред не всегда представляется возможным. Недостаточная конкретизация признаков преступлений экстремистской направленности препятствует формированию стабильной судебной практики и может способствовать расширительному толкованию норм. Более того, в соответствии со ст. 28 и 30 Закона Республики Беларусь от 17.07.2018 № 130-З «О нормативных правовых актах», текст нормативного правового акта должен обеспечивать единство терминологии в законодательстве, единообразие и однозначность терминологии, а определения терминов должны быть понятными и однозначными, излагаться лаконично, исключать возможность их различного толкования, что напрямую относится к определению экстремизма. Обозначенное требует научного осмысления подходов к измерению общественной опасности преступлений экстремистской направленности и их квалификации.

Общественная опасность, согласно статье 11 Уголовного кодекса Республики Беларусь, является необходимым условием признания деяния преступным. Однако в законе не содержится конкретных критериев ее измерения, в том числе и применительно к преступлениям экстремистской направленности. Подобная ситуация имеет место и в Уголовном кодексе Российской Федерации, в ст. 14 которого также лишь приводится определение преступления через перечисление его признаков. Между тем экстремизм как социально-правовое явление имеет особую природу, отличающую его от иных форм преступности: он базируется на идеологии нетерпимости, стремлении к разрушению существующего общественного порядка, нередко проявляется в сложных формах соучастия и имеет высокую степень латентности. Поэтому общественная опасность преступлений экстремистской направленности выходит за рамки традиционного для уголовного права физического или имущественного вреда, охватывая угрозу подрыва социальной стабильности и конституционного строя в целом.

Определение общественной опасности любого социального явления возможно через уяснение его сущности и признаков, напрямую влияющих на способность деяния причинять существенный вред объектам уголовно-правовой охраны. Определить общественную опасность преступлений экстремистской направленности можно через совокупность признаков, учитывающих как юридическую, так и социокультурную природу данных деяний с учетом уче-

ния о признаках состава преступления. В правовом регулировании понятия «экстремизм» законодатель нередко сталкивается с трудностями точного и всеобъемлющего определения этого явления. Вместо прямого закрепления исчерпывающего определения экстремизма в нормативных правовых актах, законодатель Республики Беларусь использует прием перечисления конкретных действий, признаков или форм проявления экстремистской деятельности. Подобная особенность обусловлена в первую очередь динамичностью и многогранностью форм экстремизма, которые варьируются в зависимости от исторического, культурного и политического контекста. Поэтому попытка дать однозначное, универсальное определение нередко оказывается либо слишком общим и расплывчатым, либо излишне узким и исключающим отдельные проявления. Подобный прием юридической техники в общем виде позволяет более конкретно и наглядно обозначить виды поведения, которые законодатель считает недопустимыми и подлежащими уголовной или административной ответственности. Предполагается, что перечисление форм экстремизма приводит к единообразию правоприменительную практику, так как суды и правоохранительные органы могут ориентироваться на четко зафиксированные формы проявления объективной стороны преступлений экстремистской направленности. Однако исследуемое понятие может трактоваться по-разному на правоприменительном уровне. Отсутствие единого понятия экстремизма создает трудности в правоприменении и международном сотрудничестве. Государства могут по-разному интерпретировать и применять законодательство о противодействии экстремизму, что затрудняет координацию усилий в глобальной борьбе с этим явлением. В целях более четкого понимания сущности экстремизма, следует обратиться к исследованию его понятия и признаков.

Экстремизм представляет собой сложное социально-политическое явление, характеризующееся совокупностью специфических признаков, которые позволяют его дифференцировать от других общественно опасных деяний. В Республике Беларусь законодатель перечисляет уголовно-правовые формы экстремизма, приравнивая анализируемое понятие к экстремистской деятельности, которая может осуществляться только теми способами, перечень которых закреплен на уровне закона [2, с. 207]. Обозначение форм экстремизма вместо раскрытия его признаков и сущности вызывает значительные разногласия среди юридического сообщества относительно полноты приводимого перечисления и большой вероятности ошибочного отнесения того или иного признака к определяемому поня-

тию. Следовательно, определение становится открытым, незавершенным, доступным для дополнения и уточнения в любой момент [3, с. 32]. Удачным представляется определение, сформулированное П. Д. Фирзенем, который под экстремизмом понимает деятельность, сопряженную с применением насилия и возбуждением социальной, расовой, национальной или религиозной розни, ненависти либо вражды, направленная против основ конституционного строя, общественной безопасности, а также против отдельных социальных групп и личностей [4, с. 186]. Анализ авторских формулировок определения «экстремизм» и положений Закона Республики Беларусь от 4 января 2007 г. № 203-З «О противодействии экстремизму» позволяет выделить признаки, раскрывающие его сущность.

Одним из ключевых признаков экстремизма является пропаганда насилия, заключающаяся в активном распространении идей, призывающих к применению насильственных методов для достижения политических, религиозных или иных целей. Такая пропаганда проявляется в форме открытых призывов к агрессии, террористическим актам, вооруженной борьбе и насильственному свержению власти. Активное внедрение насильственных методов ведет к дестабилизации общественно-политической ситуации и формированию атмосферы страха и недоверия.

Следующим важным признаком экстремизма является его идеологическая направленность. Экстремизм базируется на радикальных идеях, которые отвергают существующие социальные нормы и правовые институты, часто провозглашая превосходство одной социальной, этнической, религиозной или политической группы над другими. Эти радикальные идеи сопровождаются отрицанием легитимности государственных органов и стремлением к насильственным изменениям в общественном устройстве. В этом контексте экстремистские движения зачастую претендуют на эксклюзивное толкование религиозных или идеологических учений, используя их для оправдания своих действий [5, с. 216].

Экстремизм также характеризуется нарушением прав и свобод человека, что проявляется в дискриминации и ограничении фундаментальных свобод граждан. Экстремистские действия часто направлены на подавление инакомыслия, свободы слова, вероисповедания, а также права на жизнь, здоровье и телесную неприкосновенность.

Разжигание ненависти и социальной вражды также является важным признаком экстремизма. Активное распространение враждебных и дискриминационных настроений по признакам расы, национальности, религии или социального статуса способствует

поляризации общества и формированию экстремистских настроений в массах. В современную эпоху цифровые технологии и социальные сети способствуют молниеносному распространению экстремистских идей в целях эскалации социально-политических и иных конфликтов, дестабилизации общественной безопасности. Сам по себе человек, находящийся в состоянии политической или идеологической вражды, представляет меньшую общественную опасность ввиду отсутствия ресурсов, чем лицо, которое получает финансовую или идеологическую поддержку.

Целенаправленная экстремистская деятельность, выражающаяся в организации экстремистских сообществ, участии в террористических актах и иных насильственных действиях, направленных на подрыв конституционного строя, распространение учений, противоречащих конституционным принципам демократического государства, является важным критерием для определения экстремизма [6, с. 23–24]. Такая деятельность может включать не только активные действия, но и пассивное содействие экстремистским целям, что отражает сознательность и системность экстремистских намерений. Экстремизм также характеризуется нетерпимостью к инакомыслию и агрессивным подавлением альтернативных взглядов. Отказ признавать и уважать иные мнения, а также преследование инакомыслящих создают условия для углубления социальных конфликтов и насилия.

На основании рассмотренных выше понятия и признаков экстремизма следует выделить базовые критерии, характеризующие его общественную опасность: способ совершения преступления, общественно опасные последствия, мотив содеянного и личность виновного. Обращаясь к способу совершения преступления, отметим, что распространение экстремистских идей через средства массовой информации, интернет или учреждения образования значительно усиливает степень их опасности, поскольку способствует вовлечению широких масс в экстремистскую деятельность. Рассматривая последствия, особое внимание следует уделять не только фактическим, выраженным в насилии над личностью, уничтожении имущества, массовых беспорядках, так и потенциальным (радикализация общественного сознания; распространение идеологии, оправдывающих насилие и иные). Учет мотивов и личности виновного также предопределяет общественную опасность: участие в организованных экстремистских группах, наличие судимости за совершение преступлений экстремистской направленности в прошлом могут указывать на повышенную опасность этих лиц для общества.

Экстремистский мотив в свою очередь всегда подлежит установлению в каждом конкретном случае и представляет собой «низменные побуждения экстремистского характера, основанные на нетерпимости и крайней неприязни к определенной политике, идеологии, расе, национальности или религии и выражающие намерение виновного совершить действия, направленные против жизни, здоровья и имущества потерпевшего, по причине его принадлежности (либо симпатии) к определенной социальной группе». Однако столь широкая интерпретация экстремистского мотива зачастую порождает ее неочевидность в совершаемых противоправных действиях и на практике способна привести к проблемам в квалификации ввиду того, что идеологическая или политическая ненависть или вражда практиками понимается чрезмерно широко [7, с. 180].

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Существующие дискуссии относительно понятия и содержания экстремизма напрямую связаны с отсутствием четкой системы признаков экстремизма как преступления. Недостаточная конкретизация признаков экстремизма препятствует формированию единообразной судебной практики и может способствовать расширительному толкованию норм.

2. Экстремизм представляет собой совокупность признаков, включающих пропаганду насилия, радикальную идеологическую направленность, нарушение прав и свобод человека, разжигание ненависти и вражды, целенаправленную экстремистскую деятельность, а также нетерпимость к инакомыслию. Комплексное рассмотрение этих признаков позволяет более четко определить сущность экстремизма и выработать эффективные меры противодействия ему в рамках правового поля и государственной политики, сформулировать емкое понятие и выделить критерии измерения его общественной опасности.

3. К базовым критериям, характеризующим общественную опасность преступлений экстремистской направленности, следует отнести: способ совершения преступления, общественно опасные последствия, мотив содеянного и личность виновного.

Список литературы:

1. *Коршунова О. Н.* Преступления экстремистского характера: теория и практика противодействия. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2006. 325 с.

2. *Сидорова Е. З., Реутская Е. А.* Понятие и сущность экстремизма в Республике Беларусь и Российской Федерации: современное состояние // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2024. № 2. С. 206–212.
3. *Сальников Е. В.* Экстремистское насилие в обществе: феномен, сущность, стратегии социального бытия : дис. ... д-ра филос. наук. ФГКОУ ВПО «Академия управления МВД России». Краснодар, 2015. 351 с.
4. *Фризен П. Д.* К вопросу о понятии и соотношении экстремизма и терроризма в России // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2020. № 1(38). С. 186–187.
5. *Иванцова Н. В.* Понятие и признаки экстремизма // Актуальные проблемы юриспруденции в современной России : сборник статей по матер. V всерос. науч.-практ. конф., Йошкар-Ола, 26–27 марта 2015 г. / под ред. Н. В. Иванцовой, Н. М. Швецова. Йошкар-Ола, 2015. С. 210–217.
6. *Истомин А. Ф., Лопаткин Д. А.* К вопросу об экстремизме // Современное право. 2005. № 7. С. 19–24.
7. *Трухачев В. В.* Понятие экстремизма в уголовном праве Российской Федерации // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2015. № 2(21). С. 176–184.

Сизова Виктория Николаевна,
доктор юридических наук,
профессор кафедры уголовной политики,
Академия управления МВД России
E-mail: svnn@inbox.ru

Роль института уголовной ответственности юридических лиц в противодействии экстремизму

Аннотация

В статье поднимаются вопросы, связанные с важнейшей на сегодняшний день для российской уголовной политики проблемой, связанной с теми масштабами преступлений, которые сегодня совершаются юридическими лицами. При этом существующий потенциал административной ответственности со всей очевидностью является исчерпанным, учитывая растущую динамику совершенных юридическими лицами преступных деяний в целом, что является прямым свидетельством насущной потребности в разработке и принятии соответствующих нормативных правовых актов, направленных на установление уголовной ответственности в отношении юридических лиц. Об этом все чаще говорят в научных кругах, дискуссии по данному вопросу не стихают в среде практикующих юристов, что говорит о важности и значимости данной проблемы для эффективной уголовно-правовой охраны общественных отношений, складывающихся на современном этапе в новых геополитических условиях. В этой связи в качестве цели настоящей публикации автор избрал исследование роли и места уголовной ответственности юридических лиц в системе преступлений, совершаемых в сфере экстремизма. На основе осуществленного исследования формулируется вывод о том, что сегодня крайне важным является объединение усилий научного сообщества для разработки прогнозных тенденций в случае принятия положительного решения со стороны законодателя о выделении данного института в систему действующего УК РФ.

Ключевые слова и словосочетания: *юридические лица, уголовная ответственность, наказание, уголовное законодательство, уголовный закон.*

Приступая к осуществлению заявленного исследования, автор настоящей публикации хотел бы отметить, что на сегодняшний день сложилась многочисленная категория сторонников идеи

о значимости и важности установления именно уголовной ответственности в отношении юридических лиц, совершающих весьма масштабные преступные деяния, свидетельствующие о недостаточности потенциала для охраны общественных отношений от подобного рода посягательств [6, с. 50]. При этом в качестве подкрепления своих вполне научно обоснованных доводов указывается, в том числе, на колоссальные масштабы причиняемого в результате совершения деяний юридическими лицами вреда в экологической, экономической сферах, а сегодня уже можно говорить и о сфере обеспечения общественной безопасности, в частности, экстремистской деятельности, осуществляемой напрямую либо финансируемой юридическими лицами.

Следует отметить, что и те виды ответственности, которые сегодня существуют и применяются в отношении юридических лиц, представляются явно недостаточными и совершенно не соответствующими причиненному в результате совершения преступлений вреду [4, с. 123].

В связи с изложенным важно указать на интересный исторический факт, свидетельствующий о том, что в период обсуждения первого проекта УК РФ 1996 года его разработчики предложили сохранить сложившуюся тенденцию отнесения к субъектам преступления исключительно физических лиц [8, с. 49–51]. Но по прошествии незначительного количества времени поступило новое предложение о необходимости включения в уголовное законодательство норм об ответственности юридических лиц в случае, когда речь шла о совершении ими деяний в сфере экологии при обязательном установлении корыстного мотива либо иной личной заинтересованности. В качестве наказания для юридических лиц предусматривались такие виды, как штраф, запрещение заниматься определенным видом деятельности либо полный запрет на осуществление любой деятельности [9, с. 707].

Разработчики аналогичного законопроекта высказывали положительную позицию по вопросу привлечения юридических лиц к уголовной ответственности на основании того обстоятельства, что крайне важным для успешного воплощения в жизнь декларируемых положений в сфере уголовной политики является учет необходимости усилить уголовно-правовую охрану новых складывающихся общественных отношений в совершенно новых формациях [7, с. 188]. При этом уточнялось, что в рамках обоснования целесообразности привлечения к уголовной ответственности компетентным должностным лицам необходимо устанавливать виновность каждого конкретного предприятия, являющегося по своему статусу

юридическим лицом в совершении конкретного преступного деяния [6, с. 50].

Важно отметить, что разработчиками соответствующего законопроекта ранее уже было сформулировано примечательное положение о том, что виновное юридическое лицо с необходимостью привлекается к уголовной ответственности в случае, когда оно умышленно не исполнило законодательные предписания, обязательные к исполнению. При этом должно быть установлено, что преступные действия юридического лица привели к причинению вреда личности, обществу или государству. В случае установления виновности юридического лица в совершении преступления в отношении его могли быть применены такие виды наказания, как штраф либо ликвидация [5, с. 10].

Раскрывались в данном законопроекте и положения, связанные с ситуациями, когда речь шла о повторном совершении юридическими лицами, привлекаемыми ранее к уголовной ответственности, новых преступлений, что, по справедливому мнению разработчиков, должно было усиливать ответственность и ужесточать наказание. Также в предлагаемом проекте подлежали уточнению вопросы, связанные с возможностью амнистии в отношении юридических лиц, что свидетельствует о степени его детальной разработки. Однако указанный законопроект не получил поддержки со стороны законодателя.

Вместе с тем, по мнению автора настоящей публикации, на сегодняшний день законодатель вполне может принять положительное решение о необходимости включения института уголовной ответственности юридических лиц в орбиту действия системы уголовного закона с учетом роста преступлений, совершаемых юридическими лицами и от имени юридических лиц, в том числе, в сфере экстремистской деятельности, о чем неизменно свидетельствует статистика.

Детальное изучение основных доводов в пользу нахождения такого института в рамках уголовно-правового поля сегодня являются следующие – низкая эффективность административной и гражданско-правовой ответственности [2, с. 49]; слабая защищенность общества с учетом происходящих геополитических событий в России и мире, особенно в сфере противодействия деятельности экстремистских организаций с учетом современных вызовов и угроз [1, с. 23]; значительные проблемы в социально-экономической и политико-правовой сфере [3, с. 13].

С учетом изложенного автором настоящей публикации выделяются факторы, обуславливающие целесообразность принятия зако-

нодательного решения о включении института уголовной ответственности юридических лиц в УК РФ: изменение приоритетов уголовно-правовой охраны общественных отношений с учетом распространения масштабов цифровой преступности, преступлений экстремистской направленности, транснационального характера деяний, совершаемых юридическими лицами; крайне высокая степень общественной опасности деяний, совершаемых юридическими лицами и масштабы их распространённости.

Список литературы:

1. Антонова Е. Ю. Концептуальные основы корпоративной (коллективной) уголовной ответственности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Владивосток, 2011. С. 23.
2. Арямов А. А. К вопросу об уголовной ответственности юридических лиц // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2011. № 2 (16). С. 49.
3. Бастрыкин А. И. К вопросу о введении в России уголовной ответственности юридических лиц // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2013. № 2. С. 13.
4. Владимиров Я. А., Шаймухаметова Л. Р. Особенности привлечения юридических лиц к административной ответственности // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 8 (71). С. 123.
5. Волженкин Б. В. Уголовная ответственность юридических лиц. Серия «Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе». СПб., 1998. С. 10.
6. Келина С. Г. Ответственность юридических лиц в проекте нового УК РФ / Уголовное право: новые идеи // под ред. С. Г. Келиной и А. В. Наумова. М., 1994. С. 50.
7. Полный курс уголовного права: в 5 томах. Т. 1: Преступление и наказание / Голик Ю. В. [и др.]. СПб., 2008. С. 188.
8. Хутов К. М. Социальные и правовые предпосылки формирования уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. : сборник трудов конференции. Саратов : Саратовская государственная юридическая академия, 2014. С. 49–51.
9. Энциклопедия уголовного права. Т. 1. Понятие уголовного права / В. Н. Кудрявцев [и др.]. СПб., Изд. проф. В. Б. Малинин, 2005. С. 707.

Ситковский Андрей Леонидович,
кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника
научно-исследовательского центра,
Академия управления МВД России
E-mail: sitk-andrej@yandex.ru

Виктимологические особенности профилактики информационных угроз неонацизма на территории СНГ

Аннотация

В статье обосновывается необходимость виктимологической профилактики распространения информационных угроз неонацизма на территории государств СНГ. Анализируются особенности проявления информационного неонацизма, специфика обеспечения виктимологической безопасности с использованием современных информационных технологий, выделяются проблемные аспекты профилактики распространения неонацистских идей.

Ключевые слова и словосочетания: *информационные технологии, социальные сети, онлайн-платформы, дезинформация, пропаганда, неонацизм, националистические настроения, виктимологическая профилактика, предупреждение преступлений.*

В условиях стремительного развития информационных технологий и глобализации современное общество сталкивается с новыми вызовами, связанными с информационными войнами и воздействиями. Эти формы конфликтов используют широкий спектр методов — от распространения дезинформации и фейковых новостей до кибератак и психологического воздействия — что значительно усложняет защиту граждан и государственных институтов. Влияние информационных войн на общественное мнение, политическую стабильность и безопасность становится все более ощутимым, а последствия их реализации могут иметь масштабные и долгосрочные последствия для развития общества [1]. В связи с этим возникает необходимость разработки и внедрения эффективных профилактических мер, направленных на снижение уязвимости населения и инфраструктуры к информационным угрозам.

Актуальность заявленной темы статьи обусловлена и ростом числа информационных конфликтов и их потенциальным вредом,

что требует системного подхода к профилактике и противодействию информационным воздействиям.

Современные информационные войны играют огромную роль в распространении неонацистских идей. Существующие каналы коммуникации позволяют неонацистам свободно пропагандировать свою идеологию и обосновывать свои действия [2].

В условиях манипулятивной информации и пропаганды, важно выявлять и предупреждать виктимогенные особенности проявления неонацизма, негативно влияющие на состояние общества. Кроме того, изучение виктимологических факторов и последствий информационного насилия, может помочь в создании более эффективных программ поддержки жертв [3].

Обзор современных информационных войн: характеристики и влияние на общество

Современные информационные войны представляют собой сложные и многогранные конфликты, в которых используются цифровые технологии для достижения политических, экономических и социальных целей. Они характеризуются высокой степенью анонимности участников, быстрым распространением информации и возможностью воздействия на массовое сознание в кратчайшие сроки.

Рис. 1. Пирамида цифровых угроз

Основные черты современных информационных войн включают использование социальных сетей, мессенджеров и других онлайн-платформ для распространения дезинформации, пропаганды и психологического давления [4].

Влияние таких войн на общество проявляется в формировании и манипуляции общественным мнением, подрыве доверия к институтам власти и СМИ, а также в усилении социальных разногласий и конфликтов. Они могут приводить к дестабилизации политической ситуации, ухудшению межэтнических и межгосударственных отношений, а также к снижению уровня информационной безопасности граждан. В результате, информационные войны становятся мощным инструментом воздействия, способным оказывать долгосрочное влияние на развитие общества и его стабильность. Поэтому важно развивать системы мониторинга, анализа и противодействия информационным угрозам, а также повышать информационную грамотность населения.

Неонацистская идеология, проникающая в массовое сознание через различные информационные ресурсы и цифровые технологии, влияет на общественную дискуссию, порождая ненависть и разделение в обществе. При этом, именно социальные медиаплатформы становятся основным инструментом для распространения неонацистских идей и мобилизации их сторонников, что подчеркивает необходимость противодействия этой угрозе на уровне общества.

Проблема противодействия неонацизму в странах Содружества Независимых Государств (СНГ) приобретает все большую актуальность в контексте современных геополитических реалий и бурному росту информационных технологий. Рост националистических настроений, экономическая нестабильность и информационная поляризация создают благоприятную почву для распространения радикальных идеологий, в том числе неонацизма [5].

Именно распространение расистской и ксенофобской пропаганды в интернете и СМИ является серьезной проблемой, подрывающей основы толерантного и инклюзивного общества. Анонимность и глобальный охват сети позволяют экстремистским идеологиям распространяться быстро и незаметно, отравляя сознание молодежи и провоцируя ненависть к "чужим". СМИ, в свою очередь, могут непреднамеренно способствовать распространению ксенофобских настроений, используя сенсационные заголовки или искажая информацию о мигрантах и этнических меньшинствах.

Акты вандализма и осквернения памятников, связанных с историей Второй мировой войны, являются не только преступлением против памяти павших, но и проявлением неуважения к истории

ческой правде и попыткой переписать историю. А их трансляция и тиражирование в социальных сетях, мессенджерах и на онлайн-платформах способствуют распространению радикальных идеологий, стремящихся оправдать нацизм и другие формы геноцида.

Выкладывание в интернет-пространстве видео роликов с нападениями на представителей этнических и религиозных меньшинств является одной из форм расистской и ксенофобской пропаганды. Неонацистский и экстремистский контент, когда жертвами становятся люди, отличающиеся от большинства по цвету кожи, языку, культуре или вере, а преступления наносят физический и моральный ущерб пострадавшим как раз и создает атмосферу страха и недоверия в обществе.

Организация неонацистских групп и движений представляет собой серьезную угрозу демократическим ценностям и безопасности общества. Эти группы проповедуют идеи расового превосходства, отрицают Холокост и стремятся к насильственному свержению существующего строя и, используя именно интернет и другие каналы коммуникации, они активно вербуют новых членов своих групп, особенно среди молодежи [6].

Противодействие неонацизму, в том числе виктимологическая профилактика является важной задачей для обеспечения стабильности и безопасности в странах СНГ [7]. Эффективное решение этой задачи требует комплексного подхода, включающего в себя реагирование со стороны государственной власти и гражданского общества, а также законодательные, правоохранительные, образовательные и информационные меры.

Во-первых, важным аспектом противодействия информационным угрозам неонацизма является международное сотрудничество. Обмен опытом и информацией между правоохранительными органами и исследовательскими центрами стран СНГ, а также сотрудничество с международными организациями, занимающимися борьбой с расизмом и ксенофобией, может значительно повысить эффективность принимаемых мер. Необходимо разработать единые стандарты мониторинга и оценки неонацистской активности, а также обмениваться лучшими практиками в области профилактики и пресечения экстремистских проявлений.

Во-вторых, эффективная борьба с проявлениями неонацизма в информационной сфере требует также активного участия гражданского общества. Необходимо поддерживать инициативы общественных организаций, занимающихся правозащитной деятельностью, мониторингом проявлений расизма и ксенофобии, реализацией образовательных и просветительских проектов, а так-

же оказанием помощи жертвам расовой дискриминации. Важно создавать условия для открытого диалога и обсуждения проблем, связанных с нетерпимостью и дискриминацией. Принципиальным является вовлечение в эту работу молодежь, как наиболее уязвимой к воздействию неонацистской пропаганды группы населения. Необходимо разрабатывать и внедрять образовательные программы, направленные на формирование критического мышления, уважения к правам человека и культурному разнообразию. Важно привлекать к этой работе педагогов, психологов и общественных деятелей, обладающих опытом противодействия экстремистской идеологии. Следует вовлекать молодежь в общественно полезную деятельность, предлагать альтернативные формы досуга и самореализации, чтобы отвлечь ее от влияния радикальных идеологий.

В-третьих, важным направлением является совершенствование законодательной базы, направленной на борьбу с неонацизмом. Важно предусмотреть эффективные механизмы привлечения к ответственности не только за прямые проявления неонацистской активности, пропаганду экстремистской идеологии и совершение преступлений на почве расовой ненависти, но и за распространение неонацистской символики, ассоциирующейся с нацизмом и другими формами расовой дискриминации. При этом необходимо соблюдать баланс между защитой свободы слова и предотвращением распространения идей, подрывающих основы демократического общества. Необходимо гармонизировать национальное законодательство стран СНГ с международными стандартами в области прав человека и противодействия дискриминации.

В-четвертых, необходимо усилить специальный контроль за распространением неонацистской пропаганды в интернете, социальных сетях и других медиа. Важно выявлять и блокировать ресурсы, пропагандирующие ненависть и насилие, а также проводить информационные кампании, направленные на разоблачение неонацистской идеологии и формирование иммунитета к ней. В этой связи определяющим выступает эффективное взаимодействие с интернет-провайдером и социальными сетями для оперативного выявления и блокировки ресурсов, распространяющих экстремистские материалы. Следует разрабатывать и внедрять контрпропагандистские кампании, направленные на разоблачение лживости и опасности неонацистской идеологии.

В-пятых, не менее важным элементом является повышение уровня правовой грамотности населения, особенно среди молодежи, проживающей на территории стран СНГ. Необходимо проводить разъяснительную работу о сущности неонацизма, его исторических

корнях и современных проявлениях. Важно формировать у граждан понимание недопустимости любых форм дискриминации и нетерпимости, а также готовность противостоять экстремистской пропаганде.

Для обеспечения эффективности всех этих мер необходимо создать систему мониторинга и оценки результатов. Регулярный анализ ситуации с распространением неонацистской идеологии, позволит выявлять наиболее уязвимые группы населения и разрабатывать адресные виктимологические программы профилактики и противодействия.

В целом реализация всех этих мер требует выделения достаточных ресурсов и обеспечения эффективной координации между всеми заинтересованными сторонами – государственными органами, правоохранительными структурами, образовательными учреждениями, общественными организациями и средствами массовой информации. Только совместная, системная, последовательная работа, основанная на глубоком анализе процессов в обществе, позволит добиться реальных результатов в борьбе с неонацизмом и создать эффективную систему противодействия этому опасному явлению.

Таким образом, профилактика информационных угроз неонацизма на территории СНГ – это сложная и многоаспектная задача, требующая консолидации усилий государственных органов и гражданского общества стран Содружества. Только комплексный подход, основанный на уважении прав человека, принципах демократии и верховенства закона, позволит эффективно противостоять распространению этой опасной идеологии и обеспечить стабильное и безопасное граждан, проживающих на территории СНГ.

Список литературы:

1. Мавлонов Х. Д. Влияние информационных войн на общественное мнение // Вестник Педагогического университета. 2020. № 3 (86). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-informatsionnyh-voyn-na-obschestvennoe-mnenie> (дата обращения: 24.08.2025); Муравьев С. И. Информационная война // Экономика и социум. 2018. № 5 (48). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-voyna-2> (дата обращения: 24.08.2025); Романова В. А. Информационная составляющая гибридных войн современности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2015. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnaya-sostavlyayuschaya-gibridnyh-voyn-sovremennosti>

(дата обращения: 24.08.2025); Журавлев Д. Международный терроризм и СМИ: эволюция взаимодействия // Вестник РГГУ. 2009. № 14.

2. *Седых Н. С.* Современный терроризм с точки зрения информационно-психологических угроз // «Национальная безопасность / nota bene». 2012. № 2. С. 68–75.; Соколовский К. Г. Использование религиозными террористическими организациями возможностей коммуникации в сети интернет: особенности проявления и вопросы противодействия // *Via in tempore*. История. Политология. 2016. № 15 (236).; Грин Р. 33 стратегии войны. М.: РИПОЛ классик, 2009.

3. *Никитин Е. В.* Обеспечение виктимологической безопасности и профилактики преступлений с использованием информационных технологий // Виктимология. 2022. Т. 9, № 2. С. 204–212; Алексеева О. Информационная война затрагивает простых людей. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/interview/olga-alekseeva-informatsionnaya-voyna-zatragivaet-prostykh-lyudey/> (дата обращения: 24.08.2025); Курков В. О выживании в информационной войне. URL: <https://d-russia.ru/o-vyzhivanii-v-informacionnoj-vojne.html/> (дата обращения: 24.08.2025).

4. *Губанов Д. А., Новиков Д. А., Чхартушвили А. Г.* Социальные сети. Модели информационного влияния, управления, противоборства. М., 2010; Кара-Мурза С. Манипуляция сознанием. М., 2013; Распопова С. С., Богдан Е. Н. Фейковые новости: история происхождения // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 11. С. 48–53; Красовская Н. Р., Гуляев А. А., Юлина Г. Н. Фейковые новости как феномен современности // Власть. 2019. № 4. С. 79–82; Дейненка О. С., Духанина Л. Н. Максименко А. А. Фейки и особенности их распространения в СМИ и социальных сетях в период инфодемии, вызванной COVID-19 // сборник статей XX международной научно-практической конференции. 2020. № 5. С. 326–340.

5. *Осавелюк Е. А.* Роль средств массовой информации (СМИ) в обеспечении информационной безопасности России на евразийском пространстве // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2016. № 3 (8); Высотенко А. В. Фальсификация истории Великой отечественной войны как элемент информационно-психологического противоборства и угроза безопасности государств – участников СНГ // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2023. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/falsifikatsiya-istorii-velikoy-otechestvennoy-voyny-kak-element-informatsionno-psihologicheskogo-protivoborstva-i-ugroza> (дата обра-

щения: 24.08.2025); Расторгуев С. П. Формула информационной войны. М. : Белые Альвы, 2005; Дербин Е. А. Информационная безопасность Союзного государства как основа его обороноспособности в условиях не прямых действий противника // Вестн. Акад. военных наук. 2009. № 2. С. 31–38.

7. Белов Е. Б., Лось В. П., Мещеряков Р. В. и др. Основы информационной безопасности. Москва, 2011.; Базаркулова К. Ю. Использование приемов «медиаграмотности» для распознавания fake news // Научные записки молодых исследователей. 2022. № 5; Седых Н. Антитеррористическая деятельность в молодежной среде: состояние и пути совершенствования // Россия и мусульманский мир. 2017. № 7 (301); Горбунов К. Г. Противодействие террористической пропаганде в Интернете // ОмГУ. 2016. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protivodeystvie-terroristicheskoy-propagande-v-internete> (дата обращения: 24.08.2025); Григорян Д. К. Фейковые новости в эпоху цифроизации: технологии противодействия распространению // ЮП. 2024. № 3 (110). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/feykovye-novosti-v-epohu-tsifroizatsii-tehnologii-protivodeystviya-rasprostraneniyu> (дата обращения: 24.08.2025).

Шукенов Нурлан Сагындыкович,
доктор философии,
профессор кафедры уголовного права и криминологии,
Карагандинская академия МВД Республики Казахстан
имени Б. Бейсенова
E-mail: karaganda1286@mail.ru

Предупреждение семейного насилия

Аннотация

В статье рассматриваются современные подходы к предупреждению семейного насилия в Республике Казахстан, акцентируется внимание на нормативно-правовых инициативах, цифровых инструментах и образовательных практиках. Особое внимание уделено деятельности Карагандинской академии МВД РК имени Баримбека Бейсенова, реализующей пилотный проект «Әділдік жолы» как модель межведомственного реагирования и правовой поддержки жертв насилия. Анализируется эффективность внедрения «Цифровой карты семьи» как инструмента раннего выявления рисков и координации профилактических мер. Представленный опыт демонстрирует потенциал масштабирования на уровне СНГ и подчеркивает значимость интеграции образования, правоприменения и социальной поддержки в борьбе с семейным насилием.

Ключевые слова и словосочетания: семейное насилие, профилактика, цифровая карта семьи, межведомственное взаимодействие, Карагандинская академия МВД, ділдік жолы, кризисные центры, правовая помощь, социальная политика, Казахстан.

Семейное насилие представляет собой одну из наиболее острых и социально значимых проблем современного общества, затрагивающую не только правовую сферу, но и основы нравственности, психологического здоровья и устойчивости института семьи. В условиях трансформации социальных норм, изменения гендерных ролей и роста правосознания населения возрастает необходимость системного подхода к предупреждению семейного насилия, основанного на междисциплинарной интеграции и нормативно-правовом регулировании.

Республика Казахстан, признавая приоритет защиты прав человека и укрепления института семьи, предпринимает последователь-

ные шаги по совершенствованию законодательства и механизмов профилактики семейного насилия.

Доказательством этому служит принятие ряда нормативно-правовых актов, включая закон «О профилактике бытового насилия» [1], Концепцию семейной и гендерной политики до 2030 года [2], а также проект Концепции обеспечения общественной безопасности на 2024–2028 гг. Хотелось бы отметить, что кроме принятых нормативно-правовых инициатив и стратегических документов, в Республике Казахстан работают не менее 28 кризисных центров для жертв бытового насилия.

Семь центров – это приюты, функционирующие при поддержке государства, которые принимают жертв бытового насилия только после того, как они подают заявления о случившемся в полицию. Однако если жертва бытового насилия не заявляет о случившемся, она не может воспользоваться услугами государственных центров. В этом случае она должна обратиться в один из 21 негосударственных кризисных центров, предоставляющих бесплатные услуги, анонимность и конфиденциальность, и при этом работающих в условиях дефицита финансирования и огромной нагрузки в результате растущего спроса на свои услуги [3].

Несмотря на проводимые меры, число административных правонарушений в сфере семейно-бытовых отношений остается высоким.

Так, по данным на 2024 год, зарегистрировано:

- 74,3 тысячи таких правонарушений – это пик за последние годы;

- Для сравнения, в 2010 году – 60,5 тыс., что говорит о приросте более чем на 20 %;

- По состоянию на июль 2025 года, зарегистрировано 41,6 тыс., а за аналогичный период 2024 года – 37,8 тыс. [4].

Современные подходы к предупреждению семейного насилия в Республике Казахстан все активнее опираются на цифровые технологии и аналитические инструменты, позволяющие не только фиксировать факты насилия, но и предупреждать его на ранних стадиях. Одним из ключевых нововведений в этой сфере является внедрение «Цифровой карты семьи» — межведомственного инструмента, направленного на комплексную оценку социального положения семьи и выявление факторов риска[5].

«Цифровая карта семьи» представляет собой интегрированную платформу, объединяющую данные из различных государственных источников — органов образования, здравоохранения, социальной

защиты, правоохранительных структур. На ее основе формируется социальный профиль семьи, включающий:

- уровень дохода и занятости;
- наличие инвалидности или хронических заболеваний;
- факты постановки на учет по административным или уголовным делам;
- условия проживания и доступ к базовым услугам;
- поведенческие и психологические индикаторы (например, склонность к агрессии, алкоголизм, социальная изоляция).

На основании этих данных система автоматически выделяет семьи, находящиеся в зоне риска, и инициирует межведомственное реагирование — от профилактических визитов до предоставления социальной помощи и психологического сопровождения.

Ведется учет лиц, склонных к насильственным действиям, проводится предварительное изучение их личностных характеристик.

Осуществляется систематическая проверка эффективности мер, направленных на устранение причин и условий, способствующих семейному насилию.

Особого внимания заслуживает деятельность Карагандинской академии МВД Республики Казахстан имени Баримбека Бейсенова в рамках профилактики семейно-бытового насилия. Академия выступает не только как образовательный, но и как исследовательский и проектный центр, формирующий современные подходы в данной сфере.

Прежде всего, в учебные программы подготовки курсантов и слушателей включены специализированные дисциплины, посвященные:

- защите прав жертв насилия,
- механизмам межведомственного реагирования,
- международным стандартам прав человека и
- вопросам национального законодательства.

Проводятся практические тренинги, ситуационные занятия и моделирование полицейских действий при расследовании фактов бытового насилия.

Ключевым элементом прикладной работы Академии стал пилотный проект «ділдік жолы» [6] нацеленный на:

- оказание правовой помощи жертвам,
- выездные консультации,
- профилактику повторной виктимизации.

Проект реализуется при активном участии ветеранов МВД, профессорско-преподавательского состава и курсантов, при партнерстве с рядом социальных учреждений Караганды: Центром под-

держки семьи, Кризисным центром бытового и сексуального насилия, Центром социально-психологической помощи несовершеннолетним.

В рамках реализации проекта проведены десятки встреч с пострадавшими; оказана юридическая помощь более 40 гражданам, столкнувшимся с насилием; подготовлены и изданы новые учебные и методические пособия, включая:

- «Справочник участкового инспектора полиции по расследованию новых составов уголовных правонарушений против личности»;
- «Методические рекомендации по расследованию преступлений против половой неприкосновенности женщин и детей»;
- пособия по работе с жертвами, находящимися в материальной или иной зависимости от обидчика[7].

Особое внимание уделяется подготовке девушек-курсантов, для которых внедрен курс: «Роль женщины-следователя при расследовании уголовных правонарушений, совершенных в отношении женщин и несовершеннолетних», по итогам которого выдаются соответствующие сертификаты компетенции.

Представленные данные отражают не только масштаб проблемы, но и потребность в системной профилактике, а также – важность работы, которая уже ведется в рамках «ділдік жолы» и образовательных инициатив МВД.

Таким образом, Карагандинская академия МВД РК не просто обучает будущих сотрудников полиции, но и выстраивает инновационную модель профилактики насилия, сочетающую образование, правовую практику, межведомственное партнерство и исследовательскую деятельность.

Опыт проекта «ділдік жолы» может быть масштабирован на уровне всего СНГ как эффективный пример комплексного реагирования на насилие в семье через ресурсы ведомственного образования.

Список литературы:

1. О профилактике бытового насилия : Закон Республики Казастан. URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z090000214_ (дата обращения: 24.08.2025).
2. Концепция семейной и гендерной политики РК до 2030 года. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mdom/documents/details/264708> (дата обращения: 24.08.2025).

3. Комитет по охране прав детей МОН РК : аналитический обзор работы кризисных центров. 2022.
4. Национальный доклад «Казахстанские семьи». 2024. URL: <https://www.gov.kz/memleket/entities/mdom/documents/details/478663> (дата обращения: 24.08.2025).
5. *Омарова Г. Т.* Цифровизация социальной политики: возможности и риски. // Государство и право. 2021. № 4.
6. Проект «ділдік жолы». URL: <https://adildik.kz> (дата обращения: 24.08.2025).
7. Методические рекомендации. Карагандинская академия МВД РК. 2024.

Раздел 3. ОПТИМИЗАЦИЯ ДОСУДЕБНОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Алекперов Руслан Ракбер оглы,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса,
учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь»
E-mail.ru: int@amia.by

О порядке применения заключения под стражу в Азербайджанской Республике, Республике Беларусь, Республике Казахстан и Российской Федерации: сравнительно-правовой анализ

Аннотация

Проведен сравнительно-правовой анализ порядка применения меры пресечения в виде заключения под стражу по уголовно-процессуальному законодательству Республики Азербайджан, Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации. Сделан вывод о путях реформирования законодательства Республики Беларусь в части порядка применения вышеуказанной меры пресечения.

Ключевые слова и словосочетания: заключение под стражу, мера пресечения, санкционирование, суд, судебное заседание.

В уголовно-процессуальном законодательстве Республики Беларусь предусмотрено 8 мер пресечения – подписка о невыезде и надлежащем поведении; личное поручительство; передача лица, на которое распространяется статус военнослужащего, под наблюдение командования воинской части; отдача несовершеннолетнего под присмотр; запрет определенных действий; залог; домашний арест; заключение под стражу (ч. 2 ст. 116 УПК Республики Беларусь).

До распада Совета Союзных Социалистических Республик в 1991 году существовал унифицированный подход к процессуальной форме заключения под стражу – едиными были условия, основания, порядок его применения. Получение независимости поставило Республику Беларусь, как и иные бывшие советские

республики, перед разрешением вопроса разработки собственного национального законодательства.

Общеизвестно, что большинство бывших советских республик стали членами Содружества Независимых Государств (далее – СНГ). Согласно ст. 20 Устава СНГ государства – участники осуществляют сотрудничество в области права, в частности, путем заключения многосторонних и двусторонних договоров об оказании правовой помощи и способствуют сближению национального законодательства. Этой нормой, на наш взгляд, презюмируется тенденция интеграции национальных законодательств.

Одним из результатов реализации вышеуказанной нормы Устава СНГ стало принятие в 1996 году Модельного Уголовно-процессуального кодекса для государств – участников СНГ. Согласно ч. 2 ст. 168 данного нормативного правового акта арест¹ может применяться только по решению суда, принятому как по представлению прокурора, так и при рассмотрении уголовного дела или материала судом, по его собственной инициативе.

Анализ уголовно-процессуального законодательства государств – участников СНГ показал, что в большинстве из них восприняты положения вышеуказанной нормы, так как мера пресечения в виде заключения под стражу² применяется по решению суда [1, с. 52].

Вместе с тем, согласно ч. 2 ст. 119 УПК Республики Беларусь на стадии предварительного расследования меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, запрета определенных действий и залога могут применяться прокурором или его заместителем либо Председателем Следственного комитета Республики Беларусь, Председателем Комитета государственной безопасности Республики Беларусь или лицами, исполняющими их обязанности, либо органом дознания или следователем с санкции прокурора или его заместителя, а на стадии судебного разбирательства – судом.

В публикациях нами неоднократно обосновывалась необходимость передачи полномочий на применение заключения под стражу на стадии предварительного расследования суду [2, с. 79; 3, с. 98].

В связи с этим актуальным является вопрос исследования опыта порядка применения указанной меры пресечения судом в государствах – участниках СНГ с целью определения перспективных

¹ В УПК Республики Беларусь для обозначения данной меры пресечения употребляется термин «заключение под стражу».

² В различных государствах – участниках СНГ данная мера пресечения имеет разные названия. В данной публикации указанная мера пресечения обозначается с учетом белорусского уголовно-процессуального законодательства.

направлений реформирования уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь и выработки соответствующих норм.

Для этого, на наш взгляд, необходимо провести сравнительно-правовой анализ уголовно-процессуального законодательства Азербайджанской Республики, Республики Беларусь, Республики Казахстан и Российской Федерации. Правовой основой применения заключения под стражу в данных государствах являются соответствующие уголовно-процессуальные кодексы. В указанных государствах, кроме Республики Беларусь, полномочиями на применение заключения под стражу обладает суд (ч. 2 ст. 156 УПК Азербайджанской Республики, ч. 1 ст. 147 УПК Республики Казахстан, ч. 1 ст. 108 УПК Российской Федерации).

Анализ порядка применения судом заключения под стражу в перечисленных государствах позволяет выделить ряд особенностей, перспективных для использования при передаче суду в Республике Беларусь полномочий на применение заключения под стражу:

1. В досудебном производстве суд принимает решение о применении заключения под стражу только при наличии определенной инициативы органа уголовного преследования. В частности, в Азербайджанской Республике суд может избрать заключение под стражу только по ходатайству следователя либо представлению прокурора, осуществляющего процессуальное руководство предварительным расследованием (ч. 2 ст. 156 УПК Азербайджанской Республики), в Республике Казахстан – по постановлению лица, осуществляющего досудебное расследование, о возбуждении ходатайства о даче судом санкции на применение данной меры пресечения (ч. 2 ст. 147 УПК Республики Казахстан), в Российской Федерации – по ходатайству следователя с согласия руководителя следственного органа, дознавателя с согласия прокурора (ч. 3 ст. 108 УПК).

2. Проведение судебного заседания с участием сторон и обеспечением состязательности. К примеру, постановление о возбуждении ходатайства об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу подлежит рассмотрению единолично судьей районного суда или военного суда соответствующего уровня с обязательным участием подозреваемого или обвиняемого, прокурора, защитника, если последний участвует в уголовном деле, по месту производства предварительного расследования либо месту задержания подозреваемого в течение 8 часов с момента поступления материалов в суд. В начале заседания судья объявляет, какое ходатайство

подлежит рассмотрению, разъясняет явившимся в судебное заседание лицам их права и обязанности. Затем прокурор либо по его поручению лицо, возбудившее ходатайство, обосновывает его, после чего заслушиваются другие явившиеся в судебное заседание лица (ст. 108 УПК Российской Федерации). Согласно ч. 2 ст. 148 УПК Республики Казахстан, следственный судья с соблюдением порядка, определенного ст. 56 указанного нормативного правового акта, в срок не позднее восьми часов с момента поступления материалов в суд с участием прокурора, подозреваемого, обвиняемого, его защитника рассматривает ходатайство о санкционировании меры пресечения в виде содержания под стражей.

Полагаем, вышеперечисленные особенности следует учитывать при реформировании уголовно-процессуального законодательства в части применения заключения под стражу. При этом определенных изменений также требует ст. 24 УПК Республики Беларусь «Осуществление правосудия на основе состязательности и равенства сторон». Так как в настоящее время данный принцип реализуется на судебных стадиях уголовного процесса, при переходе к применению заключения под стражу по решению суда вне зависимости от стадии уголовного процесса, его действие необходимо распространить и на досудебное производство.

3. Рассмотрение вопроса о применении заключения под стражу в досудебном производстве специальным должностным лицом суда. Согласно уголовно-процессуальному законодательству Республики Казахстан заключение под стражу в досудебном производстве санкционируется следственным судьей. Вместе с тем следственный судья согласно ст. 55 указанного нормативного правового акта уполномочен на санкционирование не только заключение под стражу, но и санкционирования иных мер процессуального принуждения и следственных действий, существенным образом ограничивающих права и свободы лиц.

С учетом этого, при рассмотрении вопроса об изменении уголовно-процессуального законодательства Республики Беларусь в части передачи суду полномочий о применении заключения под стражу на стадии предварительного расследования, полагаем нецелесообразным закрепление специального должностного лица суда (следственного судьи), так как меры процессуального принуждения (домашний арест, залог, запрет определенных действий, наложение ареста на имущество и т. п.) и следственные действия, существенным образом ограничивающие права и свободы лиц, как правило, применяются с санкции прокурора (его заместителя).

Передача суду полномочий на их применение, полагаем, являются темой отдельных научных исследований.

4. Исследование судом доказанности виновности подозреваемого либо обвиняемого в инкриминируемом общественно опасном деянии, предусмотренном уголовным законом.

Согласно ч. 3 ст. 148 УПК Республики Казахстан при решении вопросов, связанных с санкционированием содержания под стражей, следственный судья, помимо исследования материалов дела, относящихся к обстоятельствам, учитываемым при избрании указанной меры пресечения, проверяет обоснованность подозрения лица в совершении преступления. В случае необходимости судья вправе истребовать уголовное дело.

Согласно п. 9 нормативного постановления Верховного суда Республики Казахстан от 24 января 2020 г. № 1 «О некоторых вопросах санкционирования мер пресечения» санкционирование меры пресечения в виде содержания под стражей допускается после проверки судом обоснованности подозрения лица в совершении преступления. В этой связи ходатайство органа уголовного преследования и приобщенные к нему материалы должны содержать сведения, указывающие на подозрение в совершении преступления именно этим лицом.

Под обоснованным подозрением следует понимать совокупность фактических данных, свидетельствующих о возможном совершении преступления конкретным лицом.

В ходе анализа данных норм отдельные авторы утверждают, что принимая решение о применении решения о заключении под стражу «...судья никак не может обосновать его, не изучив тщательно материалы дела, что определенным образом повлияет на его убеждение о доказанности обвинения» [4]. В развитие данной позиции высказана точка зрения о том, что «исходя из смысла уголовно-процессуальной нормы, решение о применении меры пресечения должно быть основано на находящихся в деле доказательствах. Проверая законность и обоснованность ареста, судья неизбежно приходит к необходимости оценки обоснованности предъявленного обвинения совокупностью имеющихся в деле доказательств» [4].

Аналогичные позиции предусмотрены в законодательстве анализируемых нами государств. Так, согласно ч. 1 ст. 157 УПК Республики Азербайджан в соответствии с презумпцией невиновности лицо не может быть заключено под стражу или содержаться без необходимости под стражей, если не доказана его причастность к совершению деяния, предусмотренного уголовным законом. Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда Российской

Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий», избрание заключения под стражу допускается только после проверки судом обоснованности подозрения в причастности лица к совершенному преступлению. Обоснованное подозрение предполагает наличие данных о том, что это лицо причастно к совершенному преступлению. При этом, проверяя обоснованность подозрения в причастности лица к совершенному преступлению, суд не вправе входить в обсуждение вопроса о виновности лица.

Вместе с тем, в соответствии со ст. 143–145, 147-1 УПК в Республике Беларусь закреплена судебная проверка по жалобам (протестам) на применение заключения под стражу, продление сроков содержания под стражей. В соответствии с п. 3 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 23 декабря 2010 г. № 12 «О практике рассмотрения судами жалоб на применение мер пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста или продление срока их действия» при рассмотрении судом жалоб на применение заключения под стражу, продления сроков содержания под стражей вопросы виновности лица, доказанности выдвинутых подозрения или обвинений разрешению не подлежат.

По нашему мнению, при передаче суду полномочий на применение заключения под стражу в Республике Беларусь ему необходимо предусмотреть обязанность судьи исследовать обоснованность необходимости взятия лица под стражу. При этом является дискуссионным исследование судом вопроса о виновности лица, в отношении которого инициируется применение заключения под стражу. В науке по данному поводу существует две полярные позиции. С одной стороны, ученые полагают, что суд должен убедиться в виновности подозреваемого, обвиняемого, в отношении которого решается вопрос о взятии под стражу [5, с. 230–231]. Иная позиция сводится к тому, что суд должен ограничиться только проверкой оснований для применения заключения под стражу, не касаясь доказательств виновности лица.

Как верно отмечает Н. Н. Ковтун, причиной вышеуказанной позиции законодателя является существование риска формирования преждевременного внутреннего убеждения у судьи, который санкционирует применение заключения под стражу, о виновности подозреваемого, обвиняемого в инкриминируемом ему преступлении [5, с. 230]. Нисколько не подвергая сомнению указанное мнение, отметим ряд моментов, которые также необходимо учесть. Признание лица подозреваемым и обвиняемым является обязательным

условием применения заключения под стражу, при этом необходимо исходить из того, что невиновность лица означает невозможность применения к нему любой меры пресечения, т.к. лицо вовлекается в уголовный процесс с нарушением ст. 8 УПК Республики Беларусь. Следовательно, его дальнейшее ограничение прав и свобод ввиду применения меры пресечения также будет нарушением. В связи изложенным, считаем, что судья при рассмотрении обоснованности решения органа уголовного преследования о взятии лица под стражу должен убедиться в доказанности виновности лица в преступлении, которое ему инкриминируется. Указанный вывод порождает вопрос о пределах доказывания при исследовании судьей вопроса об обоснованности подозрения либо обвинения при избрании заключения под стражу. С учетом того, что вопрос виновности либо невиновности лица входит в компетенцию суда при рассмотрении уголовного дела по существу, полагаем, судья при применении заключения под стражу должен только проверять и оценивать собранные и предоставленные органом уголовного преследования доказательства виновности лица. При этом в части оценки указанных доказательств, считаем правильной позицию отдельных ученых о том, что суд обязан оценить их на предмет относимости, допустимости, достаточности, но не достоверности [5, с. 122], ввиду того что последний критерий проверяется в ходе рассмотрения уголовного дела по существу. По этой причине суд не должен обсуждать со сторонами вопрос виновности лица при применении заключения под стражу. Относительно степени проверки и оценки доказательств виновности лица, по нашему мнению, у судьи должна быть сформирована внутренняя убежденность, что лицо могло совершить инкриминируемое общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом.

5. Применение альтернативных мер пресечения при рассмотрении судом вопроса о применении заключения под стражу.

Согласно ч. 5 ст. 157 УПК Азербайджанской Республики, если при рассмотрении вопроса об избрании заключения под стражу в качестве меры пресечения или о его продлении суд придет к выводу о том, что необходимость в полной изоляции обвиняемого от общества или в его содержании под стражей отсутствует, он по ходатайству стороны защиты или по собственной инициативе избирает меру пресечения в виде домашнего ареста, а также по ходатайству стороны защиты – меру пресечения в виде залога. В соответствии с ч. 8 ст. 148 УПК Республики Казахстан следственный судья при вынесении постановления о санкционировании меры пресечения в виде содержания под стражей, за исключением дел

об особо тяжких преступлениях, обязан определить размер залога, достаточного для обеспечения выполнения подозреваемым, обвиняемым обязанностей, предусмотренных ч. 3

ст. 140 рассматриваемого нормативного правового акта за исключением определенных случаев (определены в ч. 9 рассматриваемой статьи).

В соответствии с ч. 7.1 ст. 108 УПК Российской Федерации при отказе в удовлетворении ходатайства об избрании в отношении подозреваемого или обвиняемого заключения под стражу судья по собственной инициативе вправе при наличии соответствующих оснований и обстоятельств, учитываемых при применении мер пресечения, избрать в отношении подозреваемого или обвиняемого запрет определенных действий, залог или домашний арест.

В соответствии со ст. 126 УПК Республики Беларусь одним из условий избрания заключения под стражу является ее применение лишь в случаях, когда цели уголовного преследования не могут быть достигнуты применением более мягкой меры пресечения. С учетом этого, полагаем, при передаче суду полномочий о взятии лиц под стражу в досудебном производстве в Республике Беларусь следует учесть опыт законодателей Азербайджанской Республики, Республики Казахстан, Российской Федерации и предусмотреть возможность применения им альтернативных заключению под стражу мер пресечения. В частности, по степени ограничения прав и свобод подозреваемых и обвиняемых наиболее близкими к заключению под стражу являются меры пресечения в виде залога, запрета определенных действий, домашнего ареста.

В связи с изложенным, изучив порядок применения судом заключения под стражу в Азербайджанской Республике, Республике Казахстан и Российской Федерации, можно прийти к выводу о положительности опыта уголовно-процессуального законодательства данных государств в рассматриваемой части. В связи с вышеизложенным, при реформировании законодательства Республики Беларусь в части передачи суду полномочий на применение заключения под стражу на стадии предварительного расследования следует учесть ряд выявленных нами выше перспективных особенностей.

Список литературы:

1. *Алекперов Р. Р.* О применении заключения под стражу в Республике Беларусь и в законодательстве иных государств – участников Содружества Независимых Государств //

Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 2. С. 51–58.

2. *Алекперов Р. Р.* Заключение под стражу: национальное законодательство и международно-правовые стандарты // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2020. № 1. С. 76–80.

3. *Мытник П. В.* Субъекты применения заключения под стражу в уголовном процессе Республики Беларусь / П. В. Мытник, Р. Р. Алекперов // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2020. № 1. С. 94–99.

4. *Шаухаров К.* Проблемы судебного контроля // ИС Параграф. Юрист. URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=37364895&pos=4;-70#pos=4;-70. (дата доступа: 23.07.2025).

5. *Ковтуни Н. Н.* Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: понятие, сущность, формы: дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002. 520 с.

Балашова Анна Александровна,
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник
отдела по исследованию стратегических проблем управления
научно-исследовательского центра,
Академия управления МВД России
E-mail: Annbalashova@mail.ru

Оптимизация стадии возбуждения уголовного дела

Аннотация

Оптимизация досудебного производства в российском уголовном процессе направлена на ускорение и повышение эффективности расследования и рассмотрения уголовных дел, включая сокращение сроков, упрощение процедур и сужение предмета доказывания. В настоящее время все чаще рассматривается вопрос об упразднении стадии возбуждения уголовного дела. Готовы ли к таким изменениям практические сотрудники? Нужно ли настолько кардинально менять уже устоявшуюся систему?

Ключевые слова и словосочетания: *цифровизация уголовного процесса, уголовное дело, сроки предварительного расследования, доследственная проверка.*

Сейчас наше общество живет в эпоху активной цифровизации. Учитывая четкую установку государства о том, что цифровая трансформация является национальной целью развития Российской Федерации на период до 2030 года, ясно, что она должна затронуть не только экономику и промышленность, но и иные важные сферы жизнедеятельности. Нельзя сказать, что это развитие нашло свое положительное значение во всех направлениях, к сожалению, растет количество преступлений, совершенных в сфере информационно-телекоммуникационных технологий, появился новый вид преступлений – киберпреступления. С учетом этих изменений в уголовно-процессуальной деятельности, цифровизация деятельности правоохранительных органов крайне необходима. Наше общество не может позволить поглотить себя массовому наплыву различных форм мошенничеств, экстремизму и иных, усовершенствованных видов преступлений.

В этой связи приведем мнение Минни Наранг, который справедливо считает, что «если не предпринять соответствующие меры

в современную эпоху быстро развивающихся технологий, систему уголовного судопроизводства ждет неминуемый крах, так как ее институты окажутся бесполезными» [1, с. 73].

То, как происходит развитие российского уголовно-процессуального законодательства, позволяет нам иначе посмотреть на предпосылки оптимизации досудебного производства, а также обратить внимание на достоинства и недостатки имеющихся позиций. Важным звеном этой системы является орган расследования, который на протяжении всего своего существования претерпел массу реформ и изменений. На сегодняшний день ученые отмечают определенные проблемы в деятельности субъектов доказывания, это и качество предварительного расследования, и оптимизация нормативной регламентации процессуального статуса должностных лиц органов предварительного следствия. Кроме того, «постоянное реформирование системы органов предварительного следствия, появляющиеся новые варианты проектов федеральных законов, направленных на изменение объема полномочий следователей, руководителей следственного органа указывают на отсутствие четкой концепции законодателя в этой части» [2, с. 25].

Возвращаясь к теме цифровизации, отметим, что и в этом направлении законодатель старается не стоять на месте, внедряя в УПК РФ новые следственные действия (например, ст. 189.1 «Особенности проведения допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видео-конференц-связи»), изменения в изъятии доказательств (ст. 164.1 «Особенности изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации») с учетом сегодняшней действительности. Конечно, вопрос о сокращении сроков предварительного расследования, облегчении работы следователя от постоянных копирований материалов и иных «движений» с запросами, отдельными поручениями – обсуждается на различных уровнях, но в связи с тем, что само расследование затрагивает вмешательство в повседневную жизнь лиц, вовлекаемых в этот процесс, ко всем пунктам оптимизации и модернизации необходимо подходить тщательно, не допуская каких-либо рисков. В данном контексте верно мнение О. В. Химичевой о том, что «было бы неправильным предположить, что цифровая трансформация уголовного процесса приведет к мгновенному решению процессуальных проблем, переведя уголовное дело в цифровой формат, придать уголовному производству электронный вид, проводить следственные и иные процессуальные действия исключительно в дистанционной форме» [3, с. 172].

Поиск оптимального процесса предварительного расследования не оставляет в покое как ученых, так и практикующих юристов. На сегодняшний день стадия возбуждения уголовного дела является одним из предметов таких дискуссий и оптимизацию необходимо начинать именно с нее. Так, одни ученые считают, что эта стадия была, есть и будет и предлагают даже увеличить срок рассмотрения сообщения о преступлении до 90 суток [4, с. 34]. При этом, по мнению Б. Я. Гаврилова, эта стадия является «затратной при недостаточной эффективности», а в одной из своих работ профессор приходит к выводу, что «началом производства по уголовному делу должна служить не процессуальная норма о возбуждении уголовного дела, а заявление, сообщение о преступлении и, соответственно, уголовно-процессуальные нормы о возбуждении уголовного дела и об отказе в возбуждении уголовного дела из УПК РФ должны быть исключены» [5, с. 22]. Интересно по данному поводу мнение О. В. Химичевой, которая считает, что «упразднение стадии возбуждения уголовного дела не поможет решить проблему производства проверочных действий, по поступившему сообщению, а лишь приведет к тому, что они окажутся за рамками уголовно-процессуального регулирования, вне уголовно-процессуальных гарантий» [6, с. 146]. Стоит привести мнение Уполномоченного по правам человека в России Татьяны Москальковой, которая отметила, что проверки показали большое количество нарушений, допущенных следователями и органами дознания на этапе доследственной проверки, после чего она резюмировала «возникает вопрос о целесообразности существования стадии возбуждения уголовного дела».

Количество исследований по данному вопросу с каждым годом растет, ученые дискутируют и пока к единому мнению прийти не могут. Естественно, мнение практических работников играет очень важную роль в решении данной проблемы, ведь большинство сотрудников не готовы отказаться от таких изменений и считают, что стадия возбуждения уголовного дела должна остаться. Аргументируют следователи и дознаватели такое решение тем, что доследственная проверка, проводимая по сообщению, заявлению о совершенном преступлении, дает возможность тщательно собрать материал и принять законное и обоснованное решение о возбуждении уголовного дела либо об отказе в возбуждении, кроме того, наличие стадии возбуждения уголовного дела и отказа в возбуждении не перегружает систему и нагрузка на сотрудников распределяется равномерно.

По нашему мнению, исключение стадии возбуждения уголовного дела повлечет за собой немало негативных последствий,

во-первых, лица, изначально несогласные с данным изменением, наверняка останутся при своем мнении, и будут усиливать свои аргументы, ведь с ее упразднением возрастет количество возбужденных уголовных дел, вместе с тем возрастет количество прекращенных уголовных дел, ошибки в оформлении процессуальных документов, этот шаг может привести к пересмотру всего уголовно-процессуального законодательства, а поэтому начинать оптимизацию предварительного расследования, а именно реформировать стадию возбуждения уголовного дела необходимо постепенно, анализируя все «за» и «против». То, что данная стадия нуждается в обновлении со стороны законодателя – правда, но благодаря исследованиям ученых-процессуалистов и мнениям практикующих юристов, можно к данному вопросу подойти более качественно.

Список литературы:

1. *Minny Narang*. Cyber Crimes: Problems of investigation and solutions // Indian journal of applied research. 2013. Vol. 3, Issue 11. p.73
2. *Зотов А. Ю.* Должностные лица органов предварительного следствия как субъекты уголовно-процессуальной деятельности: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2018. 25 с.
3. *Химичева О. В.* Следственные действия: о цифровой трансформации их производства // Криминологический журнал. 2023. № 2. С. 170–174.
4. *Кутуев Э. К., Логунов О. В.* Совершенствование стадии возбуждения уголовного дела как средство устранения причин и условий, способствующих принятию необоснованных процессуальных решений // Российская юстиция. 2020. № 11. С. 33–35.
5. *Гаврилов Б. Я.* Роль института возбуждения уголовного дела в обеспечении прав потерпевших на их доступ к правосудию // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 2 (31). С. 19–27.
6. *Химичева О. В., Шаров Д. В.* Стадия возбуждения уголовного дела: семь раз отмерь, один – отрежь // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2017. № 4, С. 144–147.

Бачила Владимир Владимирович,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного процесса,
учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь»
E-mail: int@amia.by

Шалухин Владимир Васильевич,
магистр права,
начальник кафедры обеспечения
цифрового развития, учреждение образования
«Институт повышения квалификации
и переподготовки Следственного комитета
Республики Беларусь»
E-mail: vladimir_rodionov@internet.ru

Необходимость внедрения единой автоматизированной информационной системы Следственного комитета – ЕАИС СК

Аннотация

На основе исследования правоприменительной практики и законодательства Республики Беларусь рассматриваются актуальные вопросы цифровизации деятельности руководителей и сотрудников Следственного комитета Республики Беларусь. Предложены подходы построения Единой автоматизированной информационной системы Следственного комитета – ЕАИС СК, состоящей из программных блоков.

Ключевые слова и словосочетания: *базы данных, информационная система, начальник следственного подразделения, программа, цифровизация, электронное уголовное дело.*

Деятельность начальника следственного подразделения носит государственный характер, первоочередной и непосредственной задачей которого «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь» является осуществление процессуального контроля за деятельностью следователя и процессуальное руководство за расследованием уголовных дел и проведением доследственных

проверок. Теория и практика выработала целую систему специальных требований (принципов), предъявляемых к контрольной деятельности начальника следственного подразделения, к их числу относятся: законность, действенность, результативность, гласность, объективность, своевременность (упреждающий характер). С учетом формирования цифрового общества требуется выработка новых подходов в реализации этих принципов, для которых характерно максимальное использование новых технических возможностей.

Цифровое общество характеризуется колоссальным ростом объемов информации, обуславливающим необходимость дальнейшего совершенствования информационной инфраструктуры на основе опережающей разработки новых технологий, внедрения экспертно-аналитических систем и баз данных, методов и средств получения, представления, структурирования и использования новых знаний. Современная деятельность следственных подразделений осуществляется в условиях цифровизации общества, что влияет на изменение организации их работы и создание принципиально новой системы процессуального контроля и руководства со стороны начальников следственных органов.

В свою очередь принятие Президентом Республики Беларусь 14 февраля 2023 г. Указа N 40 «О кибербезопасности» явилось важным этапом формирования национальной системы обеспечения кибербезопасности, т. е. комплексного многоуровневого механизма противодействия кибератакам на госорганы и организации, критически важную информационную инфраструктуру. Документ регулирует основные принципы создания и функционирования национальной системы обеспечения кибербезопасности, которая должна сформировать комплексный инструмент, направленный на защиту госорганов и организаций, а также критически важных объектов от кибератак.

Необходимо подчеркнуть и то обстоятельство, что внесенные изменения и дополнения в ст. 103 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь в части касающейся: возможности получать информацию из информационных ресурсов (систем), баз и банков данных государственных органов и иных организаций, в том числе путем удаленного доступа, в автоматическом и (или) автоматизированном режимах; формы внешних представлений на бумажном носителе электронных документов, электронных копий документов на бумажном носителе или в электронном виде, полученных органом уголовного преследования либо судом; приобщения этой информации к материалам и уголовному делу являются важным шагом к косвенному признанию электронных (цифровых)

носителей информации в качестве электронных (цифровых) источников доказательств. При этом, как и прежде, уголовно-процессуальный закон не содержит понятия источников доказательств.

В свою очередь, обобщая отечественный и мировой опыт использования технологий искусственного интеллекта применительно к уголовно-процессуальной деятельности, выделяются следующие подходы к его возможному применению:

- создание и использование в нормотворческой деятельности правовой, математической модели уголовно-процессуального закона (аналогично подходу, предложенному А. Л. Савенком применительно к уголовному закону [3, с. 20–21]);
- создание типовых электронно-программных моделей расследования отдельных видов преступления;
- использование аналитических программ, позволяющих сопоставлять показания участников уголовного процесса при проведении различных следственных и процессуальных действий [1, с. 195];
- переход к электронному уголовному делу [6, с. 22];
- машинное выявление источников будущих доказательств и их оценка [4, с. 27];
- создание цифровой среды (цифровой платформы), обеспечивающей обработку цифровых следов [5, с. 453];
- и иные подходы.

Все это в будущем сформирует новые уголовно-процессуальные парадигмы.

В настоящее время подразделения Следственного комитета (далее – СК) используют и внедряют ряд программных продуктов, которые помогают качественно реализовывать те или иные сферы процессуальной деятельности, в том числе процессуальный контроль и в целом осуществление процессуального руководства по направлениям автоматизации деятельности органов уголовного преследования. О. Л. Голицына, Н. В. Максимов, И. И. Попов отмечали, что основная роль в цифровизации правоохранительных органов заключается в решении задач по оперативному, качественному и эффективному обнаружению следов, изобличении преступников, расследования уголовных дел в электронном формате [2, с. 97].

Как правило, для решения служебных задач начальниками следственных подразделений в основном используются приложения Windows.

Вместе с тем необходимо внедрять программные блоки для поиска, осмотра, сохранения, блокирования (разблокирования) и анализа компьютерной информации.

Прежде всего, это:

1. Программы для создания образа оперативной памяти. В условиях ограниченности времени и одновременно необходимости подробного изучения изъятых источников компьютерной информации возникают ситуации, при которых оптимальным вариантом проведения качественного и полного изучения будет являться создание копии информации и последующее их изучение компетентными сотрудниками.

2. Программы расшифровки содержимого системных и пользовательских защищенных хранилищ паролей. В ходе исследования устройств используемых в преступных деяниях периодически возникают трудности с доступом к извлеченной информации, которая может быть защищена шифрованием, а также дополнительными средствами ограничения доступа.

3. Программы анализа и исследования данных. Анализ извлеченной компьютерной информации – очередной этап успешной работы с ней. При изучении уголовных дел начальникам следственных подразделений требуется быстрый и качественный анализ экономической информации, цифровых следов. Автоматизация данного процесса существенно экономит время производства тех или процессуальных действий, связанных с компьютерной информацией, чаще всего осмотров предметов и компьютерной информации.

4. Программы поиска удаленных файлов. Исследование источников компьютерной информации вынуждает работать с удаленной информацией. Порой начальники следственных подразделений сталкиваются с фактами фальсификации или удаления доказательств. Для успешного выполнения задач по восстановлению информации возможно использование специализированных программ для восстановления данных, осуществления поиска удаленных файлов.

5. Программы создания скриншотов. Алгоритм восстановления данных позволяет улучшить качество восстановления файлов, когда файловая система не повреждена, а также восстановить файлы, которые не распознаются в метаданных файловой системы и не найдены во время процедуры сканирования диска.

6. Программы поиска документов и почтовых сообщений. Данные программы предназначены для мгновенного поиска документов на персональном компьютере, в локальной сети и съемных дисках (CD, DVD и других). Данная функция полезна для начальников следственных подразделений, осуществляющих процессуальный контроль за расследованием уголовного дела. Поиск документов производится по ключевым словам или с помощью формального запроса, аналогично тому, как это делается в поисковых

системах Интернета. При поиске автоматически учитываются все формы слов, обеспечивая смысловой поиск документов на десяти языках: русском, английском, белорусском, украинском и других. Поиск документов осуществляется по размеру, дате и типу. Программа извлекает и хранит полную информацию о документах. Даже если документ физически недоступен, Извлечение происходит за доли секунды по ключевым словам с указанием, где находится разыскиваемый файл.

Следует отметить, что важна интеграция всех имеющихся баз правоохранительных органов в единую с созданием актуальной базы информации, содержащийся в открытых источниках Интернета. В настоящее время в следственной деятельности используется поиск информации из открытых источников получения данных в сети Интернет. В основном используется OSINT (от английского «Open source intelligence», что переводится как «разведка по открытым источникам»). Среди применяемых инструментов значимое место занимают боты мессенджера Telegram («Глаз Бога», «UniversalSearchBot», «Insight» и др.), специализированные ресурсы глобальной сети (<https://namechk.com>, <https://www.emailsherlock.com>), функционал которых основан на обращении к базам и банкам данных релевантным запросу. Например, поиск по никнейму, абонентскому номеру, адресу электронной почты, идентификатору учетной записи в социальной сети.

Получаемая таким образом информация может содержать уникальные сведения, а в сочетании с поиском по государственным информационным ресурсам ограниченного доступа дает высокую вероятность установления значимой для процесса расследования информации.

Наряду с возможностями программных продуктов рассмотренных выше, по-прежнему актуальным направлением работы в области цифровизации деятельности начальников следственных подразделений является систематизация и ведение электронных баз данных.

Прежде всего, работа сотрудника правоохранительного органа связана с работой в Единой государственной базе данных о правонарушениях (далее – ЕГБДП), которая формируется благодаря функционированию Единой государственная система регистрации и учета правонарушений.

Единая государственная система регистрации и учета правонарушений (далее – ЕГСРУП) – порядок регистрации правонарушений органами уголовного преследования, органами, ведущими административный процесс, и судами, а также порядок учета право-

нарушений и предоставления сведений о правонарушениях органами внутренних дел.

В свою очередь определены сведения и порядок их получения по ряду позиций ЕБГДП:

- преступление или правонарушение зарегистрировано;
- преступление, предварительное расследование по которому окончено;
- преступление, предварительное расследование по которому приостановлено;
- установлен подозреваемый;
- лицо, совершившее преступление и другие.

Все поисковые формы имеют одинаковую концепцию построения. Каждая форма состоит из полей, в которые должны вводиться какие-то значения, соответствующие критериям поиска.

Наряду с ЕБГДП в системе правоохранительных органов созданы и действуют иные информационные базы.

Однако необходимо, чтобы имеющиеся базы данных были объединены по реляционному принципу с возможностью формирования межбазовых отчетов.

Важным шагом в совершенствовании цифрового развития служебной деятельности руководителей и сотрудников подразделений Следственного комитета, является: решения проблемы объединения всех баз данных; переход к электронному уголовному делу; автоматизации процессов процессуального руководства; использование возможностей искусственного интеллекта. С этой целью осуществляется поэтапный ввод в эксплуатацию Единой автоматизированной информационной системы Следственного комитета – ЕАИС СК (далее – ЕАИС СК), которая в свою очередь должна быть интегрирована с информационными системами других правоохранительных органов.

Одной из ключевых задач функционирования ЕАИС СК является переход к электронному уголовному делу. Наиболее очевидными недостатками традиционной (бумажной) формы ведения документооборота являются:

- затянутые сроки расследования;
- риски, связанные с возможностью фальсификации материалов уголовного дела;
- риски, связанные с хищением, уничтожением, утерей уголовного дела;
- сложности с доступом к материалам уголовного дела иных лиц (руководителей, прокуроров, сотрудников, осуществляющих кон-

трольные функции, участников уголовного процесса, иных сотрудников и руководителей);

- длительность процесса передачи уголовного дела из органа в орган;

- длительность формирования и исполнения запросов, ответов, сопроводительных писем.

Переход к электронному судопроизводству (электронному уголовному делу) осуществлен в ряде стран: Эстония, Финляндия, Швеция, Великобритания, Австрия, Нидерланды, Дания, Саудовская Аравия, Южная Корея, Сингапур, Грузия, Узбекистан, Казахстан, некоторые штаты США и др.

Одной из задач создания ЕАИС СК, по нашему мнению, является постепенный переход к электронному уголовному делу путем полной цифровизация всех процессуальных документов. Помимо собственно электронной формы ведения производства это подразумевает также хранение информации по всем уголовным делам в централизованной базе данных, доступ к которой возможен с любого устройства, подключенного к ЕАИС СК.

Изучение опыта отечественных и иностранных коллег позволили выработать подходы построения ЕАИС СК, состоящего из программных блоков, включающих:

- учетную и аналитическую работу в области процессуальной деятельности соответствующих сотрудников и руководителей различного уровня;

- ведение электронного дела и электронных материалов проверки наряду с их письменной формой посредством создания автоматизированных рабочих мест (следователь, руководитель следственного подразделения, сотрудник процессуального контроля, участник уголовного процесса и т. д.);

- создание цифровых программных продуктов, обеспечивающих цифровое сопровождение производства следственных и процессуальных действий;

- интеграция в единую систему не только следственной деятельности, но и иных процессов, характерных для деятельности СК: обеспечение кадровой работы, функционирования оперативно-дежурных частей, подразделений документационного обеспечения и аналитического характера;

- создание цифровых каналов обмена данными с различными органами и организациями с целью максимально быстрого обращения к ресурсам (базам данных), направления и получения запросов; обеспечение безопасного его функционирования в СК.

Таким образом, данная схема построения позволит рассматривать отдельные системы не только как автономные блоки (подсистемы), но взаимодействующие между собой в Единой автоматизированной информационно-программной системе Следственного комитета – ЕАИС СК. Это позволит рассматривать ее, как отдельное цифровое информационно-правовое поле, в которое будут внедряться новые программные блоки.

Список литературы:

1. *Бачила В. В.* Перспективы использования искусственного интеллекта в уголовном процессе // Минские криминалистические чтения: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 5 декабря 2024 г.) / учреждение образования «Академия МВД Респ. Беларусь»; отв. ред. Р. М. Ропот [и др.]. Минск, 2024. С. 194–196.
2. *Голицына О. Л.* Базы данных: учебное пособие / О. Л. Голицына, Н. В. Максимов, И. Попов. М.: ИНФРА-М, 2003. 350 с.
3. *Савенок А. Л.* Технологии искусственного интеллекта как средство создания уголовного закона // «Право.by». 2023. № 5 (85). С. 20–24.
4. *Смирнов А. В.* Электронные доказательства, электронное доказывание, искусственный интеллект: что далее? // Уголовное судопроизводство. 2024. № 1. С. 24–31.
5. *Соловкин С. В.* Цифровые следы в эпоху киберфизических систем: переосмысление понятия и новое значение для защит данных // Цифровые технологии и право: сборник научных трудов I междунар. науч.-практ. конф. (г. Казань, 23 сентября 2022 г.) / под ред. И. Р. Бегишева, Е. А. Громовой, М. В. Залоило [и др.]. В 6 т. Т. 1 / Казань: Изд-во «Познание» Казанского инновационного университета, 2022. С. 452–458.
6. *Пастухов П. С.* Основные направления цифровизации уголовно-процессуальной деятельности // Пенитенциарная система и общество: опыт взаимодействия: сборник материалов VIII междунар. науч.-практ. конф., 6–8 апреля 2021 г. / сост. А. И. Согрина. Пермь: ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России, 2021. С. 21–24.

Бобоев Умеджон Тохирович,
адъюнкт 3 факультета
(подготовки научных
и научно-педагогических кадров),
Академия управления МВД России
E-mail: umedjonboboev007@mail.ru

Особенности проведения неотложных следственных действий при раскрытии преступлений, связанных с опиоидами

Аннотация

Статья посвящена анализу специфики и значимости первоначального этапа расследования преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств опийной группы. Рассматриваются особенности тактики производства неотложных следственных действий, таких как осмотр места происшествия, обыск, задержание подозреваемых и допрос, а также их роль в установлении обстоятельств совершения преступления, обнаружении вещественных доказательств и формировании доказательственной базы. Особое внимание уделяется практическим аспектам, включая проблемы, возникающие при расследовании данной категории дел, и рекомендации по повышению эффективности расследования.

Ключевые слова и словосочетания: *расследование преступлений, наркотики, опиоиды, первоначальный этап, неотложные следственные действия, тактика расследования, вещественные доказательства.*

Преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств, особенно опиоидной группы, представляют собой серьезную угрозу для общественного здоровья и безопасности [1, с. 12].

Осмотр места происшествия является одним из важнейших неотложных следственных действий, направленных на выявление, фиксацию и изъятие следов преступления, в том числе наркотических средств, орудий преступления, следов пальцев рук, биологических следов и других вещественных доказательств [2, с. 45]. При осмотре места происшествия необходимо учитывать специфику опиоидов, которые могут быть предоставлены в различных формах (порошки, таблетки, растворы, кустарно изготовленные наркоти-

ки) и скрываться в различных местах. Важно тщательно осмотреть как само место обнаружения наркотиков, так и прилегающую территорию, транспортные средства и личные вещи подозреваемых [3, с. 67]. Особое внимание следует уделять соблюдению правил безопасности, поскольку работа с наркотическими веществами может представлять опасность для здоровья следователя и других участников следственных действий.

Не менее важным является обыск, который проводится с целью обнаружения и изъятия наркотических средств, предметов, использовавшихся для их изготовления и сбыта, а также иных доказательств, имеющих значение для дела [4, с. 82]. Тактика обыска должна учитывать оперативную информацию о местонахождении наркотиков, предполагаемом способе их сокрытия, а также личностные характеристики подозреваемых. При проведении обыска следует использовать технические средства, такие как металл, детекторы, эндоскопы, осветительные приборы и средства фото- и видео фиксации. Важно обеспечить присутствие понятых и соблюдение процессуальных требований, чтобы обеспечить допустимость полученных доказательств [5, с. 99].

Задержание подозреваемых – еще одно неотложное следственное действие, направленное на пресечение преступной деятельности и обеспечение явки подозреваемого для дальнейших следственных действий [6, с. 112]. При задержании необходимо соблюдать законность и обоснованность, обеспечивая защиту прав и свобод задержанного. Важно незамедлительно уведомить о задержании соучастников и обстоятельств, связанных с оборотом наркотиков [7, с. 128]. Тактика допроса должна быть направлена на получение правдивых показаний, минимизацию возможности сокрытия информации и использование имеющихся доказательств. Необходимо учитывать психологические особенности подозреваемого, его осведомленность о преступной деятельности и потенциальную готовность к сотрудничеству. Важно грамотно строить вопросы, используя различные тактические приемы, такие как предъявление доказательств, логические рассуждения и психологическое воздействие.

В процессе расследования преступлений, связанных с опиоидами, возникают различные проблемы, такие как нехватка квалифицированных специалистов, сложность сбора и анализа доказательств, а также противодействие со стороны преступных групп [8, с. 145]. Для повышения эффективности расследования необходимо совершенствовать методики расследования, использовать передовые технологии, повышать квалификацию следователей и взаимодействовать с другими правоохранительными органами.

Таким образом, первоначальный этап расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков опиоидной группы, является критически важным для успешного раскрытия преступления. Грамотная организованная тактика проведения неотложных следственных действий являются необходимым условием для борьбы с этим опасным видом преступности.

Первоначальный этап расследования преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств опийной группы, играет решающую роль в установлении истины и привлечении виновных к ответственности. От качества и оперативности проведения неотложных следственных действий, таких как осмотр места происшествия, обыск, задержание подозреваемых и допрос, напрямую зависит успех всего расследования.

Необходимо учитывать специфику опиоидов, разнообразие их форм и способов сокрытия, а также особенности тактики расследования, направленной на получение доказательств и пресечение преступной деятельности.

Эффективность расследования во многом определяется профессионализмом следователей, их знанием криминалистических методик, умением применять современные технические средства и взаимодействовать с другими правоохранительными органами.

Устранение проблем, связанных с нехваткой специалистов, совершенствованием методик расследования и использованием передовых технологий, позволит повысить результативность борьбы с преступностью в сфере незаконного оборота наркотиков опиоидной группы, укрепить общественную безопасность и защитить здоровье граждан.

В конечном счете успешное расследование на первоначальном этапе создает прочную основу для дальнейшего уголовного преследования и справедливого правосудия.

Список литературы:

1. Криминалистика : учебник / под ред. Т. В. Аверьяновой, Р. С. Белкина. М. : Норма, 2014. 992 с.
2. Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. М. : Юрид. лит., 1987. 272 с.
3. Шейфер С. А. Следственные действия: система и процессуальная форма. М. : Юрлитинформ, 2001. 208 с.
4. Баев О. Я. Тактика следственных действий. Воронеж : Изд-во ВГУ, 1995. 288 с.

5. Криминалистика: расследование преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств / под ред. В. А. Образцова. М. : Юрлитинформ, 2004. 448 с.
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 29.12.2022).
7. *Россинский С. Б.* Тактика допроса : учебное пособие. М. : Изд-во «Проспект», 2010. 192 с.
8. Осмотр места происшествия при расследовании преступлений, связанных с наркотиками / под ред. В. А. Семенцова. Екатеринбург : Изд-во УрГЮА, 2012. 168 с.
9. *Владимиров В. Ю.* «Опийные войны». Генезис современности : сборник материалов Санкт-Петербургского международного криминалистического форума. Санкт-Петербург, 2024.

Гаврилов Борис Яковлевич,
доктор юридических наук, профессор,
Заслуженный деятель науки
Российской Федерации, Заслуженный юрист
Российской Федерации
e-mail: profgavrilov@yandex.ru

Оптимизация досудебного производства: видение ученого и правоприменителя

Аннотация

В данной статье рассмотрены основные уголовно-процессуальные институты, включая стадию возбуждения уголовного дела, процессуальные сроки расследования, привлечение лица в качестве обвиняемого и упрощенные формы расследования, их современное состояние и влияние на решение проблем раскрытия и расследования преступлений.

Ключевые слова и словосочетания: *следователь, дознаватель, прокурор, суд, стадия возбуждения уголовного дела, процессуальные сроки расследования, протокольная форма расследования.*

*«Только со смертью догмы начинается наука»
Галилео Галилей*

Приведенное в эпиграфе высказывание ученого, мыслителя Галилео Галилея о несовместимости в науке догматики в качестве понятия, утверждения, придания, изначально принимаемого как неоспоримая истина и не подлежащее обсуждению и (или) критике, обусловлено тем, что сложившееся положение российского уголовного судопроизводства характеризуется тем, что сегодня, как и 100 лет, и в лучшем случае более 60 лет тому назад действуют процессуальные институты, реализация которых влечет за собой ряд следующих негативных факторов:

- во-первых, сегодня более 3 млн граждан, согласно официальным статистическим данным о состоянии преступности, ограничиваются в доступе к правосудию. И еще такое же число граждан не обращаются в правоохранительные органы, заранее зная, что в возбуждении уголовного дела по факту совершенного в отношении их жизни, здоровья, имущества будет отказано. И количество таких фактов в России ежегодно исчисляется миллионами, о чем

свидетельствует приведенное ниже в таблицах 1 и 2 статистические данные о количестве зарегистрированных сообщений о преступлениях и принятых по ним следователями, дознавателями, органами дознания процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного дела и возбуждении уголовного дела.

Таблица 1

*Сведения о количестве принятых процессуальных решений
о возбуждении уголовного дела или об отказе в возбуждении
дела¹*

	1992	2006	2021	2022	2023	2024
Всего зарегистрировано сообщений о преступлениях (млн.)	-	10,7	11,6	11,9	11,8	12,1
Возбуждено уголовных дел (млн.)	2,8	3,3	1,67	1,62	1,6	1,5
В т.ч. удельный вес к числу сообщений о преступлениях	-	30,8%	17,9%	13,6%	13,5%	12,3%
Количество (без повторных) «отказных» материалов (млн.)	1,3	4,5	5,7	6,0	6,2	6,4

Приведенные статистические данные в соотношении количества возбужденных уголовных дел и процессуальных решений органов предварительного расследования и органов дознания об отказе в возбуждении уголовного дела наглядно свидетельствуют о том, что за последние почти 20 лет даже при росте на 11,6% (с 10,7 млн. в 2006 г. до 12,1 млн. в 2024 г.) из поступивших в органы внутренних дел заявлений, сообщений о преступлениях количество возбужденных уголовных дел сократилось за указанный период более, чем в два раза (с 3,3 млн. до 1,5 млн.). Это сокращение вызвано правовой переоценкой почти 2 млн. преступлений в противоправные деяния по признаку их малозначительности, что позволяет должностным лицам органов предварительного расследования и дознания принимать процессуальные решения об отказе в возбуждении уголовного дела, из которых усматривается, что ежегодно органами прокуратуры выявляется не менее 3,5 млн. нарушений учетно-регистрационной дисциплины (таблица 2).

¹ Статистика и аналитика // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 30.09.2025).

Таблица 2

*Сведения о нарушениях закона, выявленных прокурорами
на стадии возбуждения уголовного дела¹*

Период	Всего выявлено	Из них при приеме и регистрации сообщения о преступлении
2017	5 156 665	3 793 667
2020	5 086 896	3 491 902
2022	4 775 939	3 111 128
2023	5 331 275	3 446 813
2024	5 436 999	3 477 520

А если взять статистику 1992 г., то количество так называемых отказных материалов в тот период исчислялось достаточно «скромной» цифрой – всего 1,3 млн. учетов против 6,4 млн. в 2024 г. (таблица 2).

Из общего количества процессуальных решений следователя, дознавателя, органа дознания об отказе в возбуждении уголовного дела (далее – «отказных» материалов) прокурорами ежегодно отменяется более одного миллиона. При этом из них ежегодно возбуждается от 123,8 тыс. в 2020 г. до 170,7 тыс. в 2024 г. (таблица 3).

Таблица 3

Статистические данные о соотношении количества зарегистрированных преступлений и отмененных прокурором постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела²

Период	Всего зарегистрировано преступлений	Отменено постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела (с повторными)	Без повторных	Из них возбуждено уголовных дел, в т.ч. их удельный вес
2020	2 044 021	1 954 275	1 109 994	123 811
2021	2 004 404	1 586 962	1 013 703	141 274
2022	1 954 795	1 633 297	948 123	145 047
2023	1 947 896	1 688 314	1 308 206	160 187
2024	1 911 386	1 841 349	1 217 273	170 742

¹ Сведения о результатах надзора за исполнением законов на досудебных стадиях уголовного судопроизводства» по форме НСД за 2015-2024 гг. // Генеральная прокуратура Российской Федерации: официальный сайт.

² Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за 2017-2024 гг. // Генеральная прокуратура Российской Федерации: официальный сайт.

Однако проведенные в таблице цифры возбужденных уголовных дел из «отказных» материалов не соответствуют реальной оценке законности и обоснованности принимаемых решений об отказе в возбуждении уголовного дела, что находит свое подтверждение в статистических данных о соотношении количества поступивших в правоохранительные органы заявлений, сообщений о преступлениях и принятых по ним процессуальных решений о возбуждении уголовного дела и об отказе в возбуждении уголовного дела, например, за 2024 год (таблица 4).

Таблица 4

Статистические данные о количестве зарегистрированных сообщений о преступлениях и принятых по ним процессуальных решений за 2024 г.

Статья УК РФ	Всего поступило сообщений о преступ- лениях	Возбуждено уголов- ных дел	Отказано в возбуж- дении уголовного дела
ст. 111	40 636	10 555	8 096
ст. 112	124 360	12 937	73 390
ст. 116	901 489	2 141	595 294
ст. 158	2 039 946	448 925	906 891
ст. 159	2 490 567	387 011	1 294 987

Так, в 2024 г. из почти 2,5 млн. зарегистрированных фактах мошеннических действий, связанных в основном с хищением денежных средств с банковских карт и иным способом, как правило, у граждан в пожилом возрасте, было возбуждено лишь 387 тыс. уголовных дел, что составляет всего 15,5%, то есть менее, чем по каждому шестому факту мошенничества и по 1,3 млн. обращений граждан в возбуждении уголовного дела было отказано, а еще почти по 800 тыс. заявлений фактическое решение не было принято по причинам, которые практикам хорошо известны (направление материалов в другой орган, а также перенос в другой отчетный период для принятия соответствующего решения путем продления срока процессуальной проверки).

Аналогичная «картина» усматривается в реагировании на сообщения о преступлении по фактам совершения краж чужого имущества (свыше 900 тыс. «отказных» материалов) и нанесения телесных повреждений различной тяжести – более 600 тыс. таких решений, а всего только по перечисленным видам цифры незаконно принятых процессуальных решений об отказе в возбуждении уголовного

дела равняются 3 млн. Встает вопрос – почему незаконных, ответ на который очевиден и заключается в том, что лица, совершившие деяния по абсолютному количеству этих противоправных деяний не установлены.

И соответственно в силу положений ч. 1 ст. 148 УПК РФ такие решения правоприменитель принимать был не вправе, то есть они – эти решения являются заведомо незаконными, что спустя 20 лет после принятия УПК РФ подтвердил и Конституционный Суд Российской Федерации в своем решении от 15.06.2021 № 28-П¹ по делу Д. К. Михайлова, указав, что отказ в возбуждении уголовного дела за отсутствием состава преступления, как ранее эти решения принимались, лишь при установлении факта противоправного деяния и лица, его совершившего, о чем автор настоящей публикации неоднократно излагал в своих публикациях и монографических работах [1].

Данная проблема может быть решена только путем изменения процессуальных правил начала производства по уголовным делам, на что нацеливает утвержденная Министром внутренних дел Российской Федерации В. А. Колокольцевым Дорожная карта дальнейшего развития органов внутренних дел Российской Федерации 2012 г. (п. 4.5) и о чем излагается в публикациях многих ученых и практиков [2; 3; 4]. К сожалению, оппоненты высказанной позиции и, в первую очередь, из числа представителей Генеральной прокуратуры и Министерства юстиции Российской Федерации, а также ряда ученых, отрицая необходимость реформирования стадии возбуждения уголовного дела, по факту приводят лишь один аргумент – у правоприменителя расширяются возможности по необоснованному уголовному преследованию. Но эти факты имеют место и сегодня, чему органы прокуратуры дают соответствующую оценку, отменяя незаконные, необоснованные постановления следователя, дознавателя о возбуждении уголовного дела. Но их доля к количеству возбужденных дел в 2022-2024 гг. составила менее 1% и ежегодно сокращается (от 17 205 уголовных дел в 2017 г. до 10 381 дел в 2024 г., решения о возбуждении уголовного дела по которым органами прокуратуры были отменены).

Очередную попытку реформирования стадии возбуждения уголовного дела МВД России предприняло в 2017 г., когда созданной

¹ По делу о проверке конституционности пункта 2 части первой статьи 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Д. К. Михайлова: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15 июня 2021 г. № 28-П // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_387518/ (дата обращения: 30.09.2025).

по распоряжению Министра внутренних дел Российской Федерации В.А. Колокольцева рабочей группой, в которую входил и автор данной публикации, был подготовлен проект Федерального закона «О доступе потерпевшего к правосудию», предусматривающий исключение из УПК РФ института «отказных» материалов (их количество приведено в таблице 1) в виде ст. 148 УПК РФ, и начала производства по уголовному делу с момента регистрации заявления, сообщения с признаками преступления, как впрочем предусматривал и Устав уголовного судопроизводства 1864 г., и как это имеет место в большинстве стран с устоявшейся системой правосудия, в том числе в половине государств бывшего СССР. Однако Генеральной прокуратурой Российской Федерации и Министерством юстиции законопроект не был поддержан.

Одновременно следует отметить, что МВД и Генпрокуратура России в 1983 г. и 2005 г. предпринимали административные меры по наведению порядка в учетно-регистрационной дисциплине, которые одномоментно (в течение года) обуславливали рост регистрируемой преступности на 30% и более, однако по истечении года, ее показатели возвращались к исходной точке. Предпринимались и иные меры, изложенные в работах автора [1, с. 29-36, 37, 43].

Не менее актуальной в части совершенствования уголовно-процессуального законодательства является необходимость реформирования уголовно-процессуального института привлечения в качестве обвиняемого, чему препятствует догматизм в мышлении многих ученых и правоприменителей, в том числе и в силу наличия в Конституции Российской Федерации (статьи 47-49) понятия «обвиняемый», под которым они однозначно понимают лицо, которому предъявлено обвинение. Однако их содержание под обвиняемым понимает не только лицо, которому предъявлено обвинение, но и подсудимого, осужденного и оправданного, а Европейский Суд по правам человека – еще и лицо, заподозренное в совершении преступления¹.

Аргументами за реформирование института предъявления обвинения являются также:

- фактическое отсутствие в действующем УПК РФ различий в правовом положении подозреваемого (ст. 46 УПК РФ) и обвиняемого (ст. 47 УПК РФ), кроме этапа окончания уголовного дела;

¹ Экле (Eckle) против Федеративной Республики Германии: решение Европейского Суда по правам человека от 15 июля 1982 г. // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/2461443/> (дата обращения: 30.09.2025).

- производство по уголовным делам, расследование которых осуществлялось в форме дознания. За период действия УПК РФ в суд без «классического» предъявления обвинения направлено порядка 5 млн. уголовных дел при отсутствии жалоб осужденных в Конституционный Суд РФ о возможном нарушении их права знать в чем они обвиняются;

- отсутствие данного института в нормах Устава уголовного судопроизводства 1864 г. (ст. 258 устанавливала, что в случаях, когда полицией застигнуто лицо, совершившее преступление, полиция заменяет судебного следователя во всех следственных действиях, но формальных допросов обвиняемого не делает (лишь в случае угрозы смерти данного лица); ст. 283 устанавливала обязанность судебного следователя уведомлять прокурора о взятии обвиняемого под стражу, наделяя при этом прокурора полномочиями по требованию изменения данной меры в случае, если «обвиняемый не навлекает на себя достаточного подозрения в преступлении»; ст. 377 закрепляла форму призыва обвиняемого в виде письменной повестки, а в случае нахождения его по месту следствия – устного требования);

- наличие научных исследований, отмечающих необходимость изменения института предъявление обвинения [5; 6; 7; 8].

Среди других наиболее актуальных проблем действующего УПК РФ является институт процессуальных сроков производства предварительного следствия (ст. 162), первоначальный срок которого «перешел» в действующий уголовно-процессуальный закон из УПК РСФСР 1922 г., ст. 119 которого устанавливала двухмесячный срок расследования, а ст. 162 УПК РСФСР первоначальный срок содержания под стражей в виде двух месяцев была воспроизведена в ст. 109 УК РФ. Данные сроки следствия и заключения под стражу не менее, чем по каждому четвертому уголовному делу в силу сложности, значительного числа потерпевших и подозреваемых (обвиняемых) продлеваются до 3-х-6-ти месяцев, а нередко и значительно на более длительный срок, подготовку ходатайств по которым, ежегодно по самым скромным подсчетам, затрачивается труд порядка 4 тыс. следователей органов внутренних дел или каждого десятого следователя. При этом первоначальный срок содержания под стражей, например, по УПК Италии составляет 6 месяцев. Реальная картина со сроками предварительного следствия в России приведена в таблице 5.

Таблица 5

Статистические данные о сроках предварительного расследования уголовных дел, оконченных следователями органов внутренних дел в форме предварительного следствия и дознания

	2015	2017	2020	2021	2022	2023	2024
Всего окончено уголовных дел	353 291	327 614	296 289	295 729	289 578	268 768	239 089
В том числе свыше срока, установленного УПК РФ	116 161 (32,9%)	119 517 (36,5%)	130 153 (43,9%)	125 348 (42,4%)	122 505 (42,3%)	111 174 (41,4%)	96 542 (40,4%)

Одновременно ч. 5 ст. 162 УПК РФ допускает возможность продления сроков предварительного следствия фактически без ограничения (до истечения срока давности), что противоречит положениям ст. 61 УПК РФ (Разумный срок уголовного судопроизводства), который в соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.03.2016 № 11 не может превышать 4-х лет¹. На это указывает и Федеральный закон от 30.04.2010 № 68-ФЗ².

Требует реформирования и институт дознания в сокращенной форме, введенный в действие в 2013 г., что было обусловлено потребностью правоприменителя во включении в УПК РФ упрощенной формы расследования по уголовным делам, по которым заподозренное лицо фактически задержано на месте совершения преступления, число которых ежегодно составляет порядка 200 тыс. В первые годы действия данного закона, в первую очередь, под влиянием действия «административного» фактора количество расследованных и направленных в суд уголовных дел в порядке Главы 32¹ УПК РФ ежегодно увеличивалось, достигнув в 2017 г. показателя 107 тыс. уголовных дел по данной форме расследования. Однако в последующие годы этот показатель стал стремительно «падать»,

¹ О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 марта 2016 г. № 11 // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195918/ (дата обращения: 30.09.2025).

² О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок: Федеральный закон от 30 апреля 2010 г. № 68-ФЗ // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99919/ (дата обращения: 30.09.2025).

составив в 2024 г. всего 20,4 тыс. направленных в суд уголовных дел в данном порядке расследования.

С учетом изложенной автором и рядом его коллег позиции предлагается введение в УПК РФ протокольной формы расследования, предусматривающей по уголовным делам данной категории начинать расследование с момента регистрации сообщения о преступлении. Необходимо ограничить перечень следственных действий допросом задержанного за совершение преступления лица, а также потерпевшего, а при его отсутствии, например, в качестве свидетеля охранника магазина, задержавшего лицо с похищенным и товарными ценностями. Подозреваемое лицо задерживается в порядке ст. 91, 92 УПК РФ и соответственно срок расследования составляет 48 часов.

Таким образом, осуществив указанные предложения, по мнению автора публикации, повысится эффективность следственно-судебной деятельности и реализация тем самым назначения уголовного судопроизводства.

Список литературы:

1. *Гаврилов Б. Я.* Современная уголовная политика России: цифры и факты. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008. 208 с.
2. *Володина Л. М.* Уголовное судопроизводство: состояние и проблемы развития // Вестник экономической безопасности. 2016. № 5.
3. *Гордиенко В. В.* Законодательные новеллы и их роль в повышении эффективности борьбы с преступностью // Российский следователь. 2011. № 16.
4. *Кожокар В. В.* Возбуждение уголовного дела: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 35 с.
5. *Бурмагин С. В.* Быть или не быть институту привлечения в качестве обвиняемого // Lex Russica. 2025. Т. 78. №. 8 (225).
6. *Ковтун Н. Н.* Институт привлечения в качестве обвиняемого: о «депроцессализации» и «дематериализации» его сути и содержания в уголовном судопроизводстве России // Российский журнал правовых исследований. 2020. Т. 7. № 1.
7. *Гаврилов Б. Я., Красильников А. В.* Институт привлечения лица в качестве обвиняемого: соответствует ли он реалиям сегодняшнего дня? // Труды Академии управления МВД России, 2023. № 4 (68).

8. *Колбеева М. Ю.* Институт привлечения лица в качестве обвиняемого в условиях реформирования уголовно-процессуального законодательства : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 222 с.

Давыдовская Марина Владимировна,
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник
научно-исследовательского центра,
Академия управления МВД России
E-mail: marri@list.ru

Климова Оксана Михайловна,
кандидат философских наук,
начальник кафедры государственно-правовых
и гражданско-правовых дисциплин
Владивостокского филиала
Дальневосточного юридического института
МВД России имени И. Ф. Шилова
E-mail: klimova.oksana.1973@mail.ru

О некоторых вопросах правового регулирования порядка привлечения законного представителя к производству следственных действий, проводимых с участием несовершеннолетних

Аннотация

В настоящей статье раскрываются проблемные аспекты привлечения законного представителя несовершеннолетнего к производству следственных действий с учетом требований Уголовно-процессуального Кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УПК). Акцентируется внимание на отсутствие в УПК официально урегулированных способов уведомления законного представителя о необходимости явки для производства следственных действий, проводимых с участием несовершеннолетнего.

Ключевые слова и словосочетания: *несовершеннолетний, законный представитель, следственные действия, общие правила производства следственных действий, уведомление.*

В положениях ч. 1 ст. 86 УПК законодатель определяет следственные действия в качестве одного из основных способов собирания доказательств. При этом несмотря на неоднократное упоминание [4, с. 101] и отсутствие определения понятия следственные дей-

ствия [3, с. 3], в ст. 164 УПК нашли свое отражение общие правила их производства.

Так, к числу правил, предусмотренных ст. 164 УПК, относятся положения ч. 5, регламентирующие порядок привлечения к производству следственных действий участников уголовного судопроизводства. Однако рассматриваемая норма содержит лишь описание действий следователя (удостоверение в личности, разъяснение прав, ответственности, порядка производства следственного действия) по отношению к уже привлеченным участникам, процессуальный статус которых определен. Сам же порядок привлечения участников в УПК не урегулирован [1, с. 114].

При этом нередко возникают случаи необходимости привлечения к производству следственных действий несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства, и если порядок их вызова к следователю урегулирован нормами ч. 4 ст. 188, ст. 424 УПК (через законного представителя, либо через администрацию по месту его работы или учебы, либо через администрацию при нахождении несовершеннолетнего в специализированном учреждении), то порядок вызова и привлечения их законных представителей в УПК и вовсе оставлен без внимания [2, с. 146].

Ученые в своих трудах подчеркивают значимость участия законного представителя и их роль при производстве следственных действий.

С. А. Шейфер еще в 1981 году в своих трудах обращает внимание на необходимость законодательной регламентации порядка привлечения законного представителя к производству всех следственных действий, проводимых с участием несовершеннолетнего (малолетнего), указывая роль законного представителя не только в оказании содействия в установлении психологического контакта между несовершеннолетним участником и следователем, но и в наблюдении за соблюдением правоприменителем их прав [6, с. 298–299].

В. Ю. Стельмах отмечает, что обязательное участие законного представителя «обеспечивает воспитательный момент, оказывает помощь следователю, побуждая несовершеннолетнего участника следственного действия к сообщению правильных сведений по уголовному делу» [5, с. 2].

Полагаем, что обозначенные проблемы отсутствия законодательно урегулированного порядка вызова и привлечения законных представителей к производству следственных действий требуют решения и внесения в УПК соответствующих изменений, предусмотрев, что несовершеннолетний участник уголовного судопроизводства вызывается не через его законного представителя либо через

администрацию по месту его работы или учебы (ч. 4 ст. 188 УПК), либо через администрацию при нахождении несовершеннолетнего в специализированном учреждении (ст. 424 УПК), а совместно с его законным представителем или лицом, уполномоченным на представление интересов несовершеннолетнего (в случаях нахождения несовершеннолетнего в специализированном учреждении). О назначении лица в качестве законного представителя несовершеннолетнего следователь выносит постановление.

Список литературы:

1. *Давыдовская М. В.* Общие правила производства следственных действий : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2023. 231 с.
2. *Николюк В. В.* Участие в уголовном процессе органов и должностных лиц, обеспечивающих защиту прав детей / В. В. Николюк, Е. В. Марковичева // Правосудие. 2022. Т. 4, № 3. С. 137–154.
3. *Победкин А. В., Яшин В. Н.* Следственные действия : монография. М. : Юрлитинформ, 2016. 192 с.
4. *Россинский С. Б.* Досудебное производство по уголовному делу: сущность и способы собирания доказательств : монография. М. : Норма, 2021. 408 с.
5. *Стельмах В. Ю.* Обеспечение законных прав несовершеннолетних участников следственных действий // Вестник Воронежского института МВД России. 2016. № 3. С. 141–146.
6. *Шейфер С. А.* Методологические и правовые проблемы собирания доказательств в советском уголовном процессе : дис. ... д-ра юрид. наук. Куйбышев, 1981. 424 с.

Диваев Александр Борисович,
кандидат юридических наук, доцент,
декан юридического факультета
ФКОУ ВО Кузбасский институт
ФСИН России
E-mail: divalex09@mail.ru

Специально-юридическое уголовно-процессуальное воздействие: понятие и формы

Аннотация

Рассматриваются закономерности взаимодействия уголовно-процессуального права и социума, как системы общественных отношений, подвергающихся его правовому воздействию. Отстаивается мнение об узости и односторонности подхода, наделяющего уголовно-процессуальное право исключительно функцией их правового регулирования. В контексте социальной природы уголовно-процессуального права совокупность форм влияния уголовно-процессуального права на ткань общественных отношений необходимо обозначать термином «правовое воздействие», а самими формами признать – правовое регулирование, охрану и учреждение общественных отношений.

Ключевые слова и словосочетания: *уголовно-процессуальное право, правовое регулирование, правовое воздействие, правовая охрана, учреждение общественных отношений.*

Право в традиционном для российской правовой доктрины понимании рассматривается как средство регулирования или охраны общественных отношений. Причем чаще всего речь идет о том, что тот или иной сегмент правовых норм, образующих отрасль права, именно, либо регулирует, либо охраняет их, выполняя только одну из традиционно выделяемых правовых функций, что, в свою очередь, дает основания для классификации всех отраслей российского права на «регулятивные» и «охранительные». Не ставя перед собой цель «расшатать» привычные теоретические устои нашей правовой науки, тем не менее, возьмем на себя смелость в данном исследовании задать несколько вопросов к этой конструкции и сформулировать ответы на них, «пропустив», при этом, их сквозь призму отрасли уголовно-процессуального права.

Анализ научных разработок, посвященных функциям уголовно-процессуального права, выявил вполне предсказуемую законо-

мерность – уголовно-процессуальная наука, как наука отраслевая, а, следовательно, существенно зависимая от общетеоретических основ права, в своих представлениях, как в прошлом, так и сегодня, «дрейфует» вслед за теорией права, используя генерированное ею знание, как теоретическую основу уголовно-процессуальных исследований. И в самом факте подобного заимствования нет ничего плохого – теория права для того и существует, чтобы предлагать отраслевым наукам общее основополагающее знание. Соответственно, уголовно-процессуальная наука обречена на перманентное отставание от теории права, т. к. сначала основополагающее знание должно появиться в теории права, получить там научную апробацию, и только после этого оно может попасть в орбиту интереса ученых – «отраслевиков». Однако, как представляется, с некоторых пор «дрейф» уголовно-процессуальной науки вслед за теорией права несколько замедлился, что стало выражаться в нарастании того отрыва, который образовался между общеправовым знанием и уголовно-процессуальной доктриной.

Одной из «точек отрыва» в данной связи стала проблема определения функций уголовно-процессуального права. Выразить ее можно в виде двух взаимосвязанных вопросов: исчерпывают ли функционал уголовно-процессуального права функция регулирования уголовно-процессуальных отношений, и о каких функциях, кроме нее, можно вести речь применительно к уголовно-процессуальному праву? Попытаемся ответить на них. Но, прежде, несколько слов нужно сказать о состоянии общеправовой и уголовно-процессуальной научной мысли по данной проблематике.

Что нам показывает изучение исследований, посвященных функциям уголовно-процессуального права? Во-первых, и это сразу бросается в глаза – их крайне небольшое количество. Несмотря на фундаментальность проблемы, а то, что проблема определения функций уголовно-процессуального права – это «краеугольный камень» всей отраслевой научной проблематики, думается, вряд ли кто сможет оспорить, непосредственно по данной теме и сопутствующим ей вопросам, проведено не так уж много исследований. Из сравнительно недавних можно выделить разве что диссертацию доктора наук за авторством А. С. Бахты [1]. Кроме того, в той или иной степени, проблем, связанных с функциями уголовно-процессуального права, коснулись в своих исследованиях З. Л. Шхагапсоев [7] и Ю. В. Козубенко [5]. В остальном – сплошь работы советского периода. Исследования, безусловно, фундаментальные, классические, но датированные полувековой и даже большей давностью.

Второе, на что мы также не могли не обратить внимание, ознакомившись с исследованиями по рассматриваемой тематике: их авторы рассматривают уголовно-процессуальное право исключительно с точки зрения того, как оно регулирует отношения, составляющие его отраслевой предмет, и, тем самым, по собственной воле, уже на уровне формулировки названия своего исследования, «запирают» себя в жестких тисках регулятивной функции уголовно-процессуального права. Даже З. Л. Шхагапсоев, вроде бы заявив о рассмотрении «охранительных отношений в уголовном судопроизводстве», что на первый взгляд выглядит достаточно оригинально, предлагает их исследовать в рамках механизма правового регулирования, что выглядит весьма странным. Если отношения охранительные, видимо, они должны реализовываться через «механизм уголовно-процессуальной охраны» (название сугубо условное, предложенное нами по аналогии с распространенной в науке уголовного права категорией «механизм уголовно-правовой охраны»)? Однако, нет. Автор предлагает нам исследование «охраны, через регулирование», что с точки зрения теории права выглядит неубедительно.

Зададимся вопросом: а можно ли вообще применительно к уголовно-процессуальному праву говорить об охранительной функции? Может те многочисленные авторы, которые писали исключительно о «механизме уголовно-процессуального регулирования» правы и правовая функция охраны уголовно-процессуальному праву не присуща? Позволим себе усомниться в этом тезисе. Чисто «регулятивная» или «охранительная» отрасль права – это теоретическая модель, а, стало быть, в реальной жизни – фикция, абстракция, фантом. В этом не сложно убедиться хотя бы на примере уголовного права, которое обычно называют идеальным примером охранительной отрасли, как говорится, «для палаты мер и весов». В то же время ознакомление с содержанием Уголовного кодекса РФ 1996 г. (далее – УК РФ)¹ показывает, что содержание этой отрасли права составляют далеко не только охранительные нормы. Да, их удельный вес, за счет Особенной части УК РФ, велик, но не настолько, что бы игнорировать регулятивную функцию уголовного права, осуществлению которой подчинено вполне себе немалое количество норм Общей части УК РФ. Даже исключая, так называемые метанормы (нормы-дефиниции, нормы-принципы), количество норм, предназначенных для регулирования уголовно-правовых отношений достаточно.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Собрание законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

Данное обстоятельство не говорит о том, что уголовное право – регулятивная отрасль. Все-таки отнесение той или иной отрасли к числу регулятивных или охранительных определяется не количеством норм того или иного качества и их удельным весом в общем массиве отраслевых правовых предписаний. Отрасль права становится регулятивной или охранительной исходя исключительно из ее социального назначения, а с этой точки зрения уголовное право – безальтернативно охранительная правовая отрасль. В то же время повторим: в целом охранительный характер отрасли вовсе не означает, что частью своих норм она не может регулировать отношения, составляющие ее отраслевой предмет.

Все указанные в предыдущем абзаце закономерности вполне применимы и к уголовно-процессуальному праву. Если рассматривать его с точки зрения социальной функции, которая видится в обеспечении пропорциональности (или баланса) средств реализации интересов личности, общества и государства в ходе осуществления особо вида государственной деятельности, направленной на легитимацию акта привлечения к уголовной ответственности или освобождения от нее, то уголовно-процессуальное право – регулятивная отрасль права. Но, в системе уголовно-процессуальных норм есть достаточно большой массив норм, имеющих чисто охранительную природу, наличие которых, позволяет говорить о том, что эта отрасль частью своих норм осуществляет и охранительную функцию. Речь идет, естественно, о нормах, предусматривающих применение уголовно-процессуального принуждения в различных формах.

Что позволяет говорить об охранительной природе норм, оказывающих принудительное воздействие на участников уголовно-процессуальных отношений? Ответ прост: задачи, стоящие перед этими нормами, среди которых (а их не одна) нужно выделять задачу охраны уголовно-процессуального права от противоправных посягательств с их стороны. Наиболее выпукло она проявляется в нормах предусматривающих применение мер пресечения к обвиняемым (подозреваемым) по уголовному делу, которые призваны оказывать, как превентивное, так и последующее воздействие на них, в случаях, когда обвиняемый (подозреваемый) может препятствовать производству по уголовному делу или уже воспрепятствовал ему (или другими словами, может нарушить или нарушил уголовно-процессуальный закон). При этом «охранительную» задачу в той или иной степени решают все нормы, предусматривающие принудительное воздействие на участников любого уголовно-процессуального отношения.

Итак, уголовно-процессуальное право, будучи предназначенным для регулирования общественных отношений, складывающихся в связи с реализацией акта привлечения к уголовной ответственности, может не только регулировать уголовно-процессуальные отношения, но и охранять их. Уже это не дает возможности рассматривать его исключительно с позиции средства правового регулирования. Но, и это еще не все. Главной особенностью уголовно-процессуальных отношений на протяжении уже достаточно длительного периода времени называют их «природный» правовой характер. Другими словами, уголовно-процессуальные отношения могут существовать исключительно как правоотношения, другой формы для них нет. Данный тезис в свое время был высказан еще П. А. Элькин [8], и до сих пор так и не был опровергнут. И сделать это, честно говоря, очень и очень не просто. Допускать факт существования каких-бы то ни было «уголовно-процессуальных» отношений вне уголовно-процессуальной формы, значит допускать существование уголовного процесса вне воздействия на него уголовно-процессуального права, что выглядит с точки зрения права абсурдно.

Однако не намекает ли такая особенность уголовно-процессуальных отношений на то, что уголовно-процессуальное право может не только регламентировать и охранять уже существующие (например, возникшие как потенциально процессуальные, но вне регламентации правом – непроцессуальные), но и учреждать уголовно-процессуальные отношения, буквально вмешиваясь в социальную ткань, не дожидаясь, пока социум генерирует те или иные фактические общественные отношения, легитимируя их только после этого? Думается, что ответ на этот вопрос должен иметь положительную коннотацию. Да, может. И законодатель зачастую использует эту особенность уголовно-процессуальных отношений, создавая такие общественные связи, которые сами по себе возникнуть не могли. И эту сторону механизма уголовно-процессуального воздействия на систему общественных отношений также необходимо учитывать, характеризуя правовые формы взаимодействия уголовно-процессуального права и социума.

Подытоживая сказанное выше, констатируем: исследование уголовно-процессуального права и механизма его реализации исключительно с точки зрения средства правового регулирования представляется явно недостаточным и односторонним подходом. Именно поэтому, ведя речь о таком сложной и, в какой-то степени уникальной, имеющей глубокие социальные корни, правовой отрасли как уголовно-процессуальное право, нельзя ограничиваться только лежащей на поверхности ее регулятивной функцией.

Такой подход приводит к игнорированию особенностей реализации охранительных норм, которыми изобилует уголовно-процессуальное право, а также недостаточно эффективному использованию потенциала его учредительной функции. В этой связи видится обоснованным, не отказываясь от использования устоявшегося термина «правовое регулирование», обозначающего, однако, только одну из функций уголовно-процессуального права, именовать всю совокупность специально-юридических форм его взаимодействия с системой общественных отношений «уголовно-процессуальным воздействием», понимая под ним модификацию общественной среды, осуществляемую посредством уголовно-процессуального права с целью достижения определенного правового и общесоциального результата.

Кстати, термин «правовое воздействие» далеко не нов, как для теории права, так и для уголовно-процессуальной науки.

«Тихая» революция, связанная с попытками переосмысления функций права, придания им большей социальности, началась в теории права еще в 60-е гг. XX в. Так, классик советской и российской правовой теории – С. С. Алексеев использовал термин «правовое воздействие» еще в 1966 г., определяя механизм правового регулирования как «взятую в единстве совокупность юридических средств, при помощи которых обеспечивается правовое воздействие (курсив наш – А. Д.) на общественные отношения» [1, с. 30].

Апогеем того, что происходило в теории права в тот период, стала дискуссия, проведенная в 1979 г. редакцией ведущего академического правового журнала – «Советское государство и право», на тему «О понимании советского права». Мы не будем углубляться в существо самой дискуссии, хотя оно чрезвычайно интересно для любого правоведа. Отметим лишь, что с необходимостью нового подхода к пониманию социального назначения права согласились практически все. Так, в частности В. П. Казимирчук прямо писал относительно этой проблемы: «К характерным чертам концепции права... относится изучение свойства социальной обусловленности права... Сюда же следует отнести изучение социального механизма действия права как эффективного инструмента управления социальными процессами...» [6, с. 63].

Уголовно-процессуальная наука с этой точки зрения очень и очень задержалась. Хотя в последние годы некоторые авторы и пытаются использовать категорию «правовое воздействие» в своих работах [4, с. 21; 2. с. 78], однако делают это скорее интуитивно, не отвечая на принципиальные вопросы о том, что это такое, каковы его формы и способы, на кого или на что оно направлено и пр.

Говоря же о формах такого воздействия, повторим, в специально-юридическом контексте (а это только одна из сторон уголовно-процессуального воздействия) их не менее трех. Уголовно-процессуальное право, как средство правового воздействия может не только регламентировать общественные отношения, но и воздействовать на них в форме охраны и даже учреждения новых, до сих пор не существовавших отношений.

Список литературы:

1. *Алексеев С. С.* Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М. : Юридическая литература, 1966. 187 с.
2. *Ахматов И. И.* Понятие, признаки и система уголовно-процессуальных отношений : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург : УрГЮИ, 2017. 264 с.
3. *Бахта А. С.* Механизм уголовно-процессуального регулирования : дис. ... д-ра юрид. наук. М. : ВНИИ МВД РФ, 2011. 518 с.
4. *Бахта А. С.* Механизм уголовно-процессуального регулирования : монография. Хабаровск : Дальневосточный юридический институт МВД России, 2010. 372 с.
5. *Козубенко Ю. В.* Уголовно-процессуальные аспекты межотраслевого механизма уголовно-правового регулирования : дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург : Уральский государственный университет, 2018. 505 с.
6. О понимании советского права // Советское государство и право. М. : Наука, 1979. № 7. С. 56–74.
7. *Шхагапсоев З. Л.* Механизм правового регулирования охранительных отношений в уголовном судопроизводстве : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб, 2006. 430 с.
8. *Элькинд П. С.* Сущность советского уголовно-процессуального права. Ленинград : Ленинградский госуниверситет имени А. А. Жданова, 1963. 172 с.

Залескина Анна Николаевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры криминалистики,
Восточно-Сибирский институт МВД России
E-mail: zaleskina@yandex.ru

Использование биометрической идентификации лиц в раскрытии и расследовании преступлений

Аннотация

В статье анализируется применение искусственного интеллекта для решения идентификационных задач криминалистики. Особое внимание уделено применению систем биометрической идентификации лиц при помощи систем видеонаблюдения. Рассмотрен процесс использования результатов такой идентификации (т. е. идентификации лиц при помощи искусственного интеллекта) как доказательств по уголовному делу.

***Ключевые слова и словосочетания:** идентификация; фото- и видеозображения; искусственный интеллект.*

Современные технологии повсеместно внедрены в жизнь каждого человека на земле. Все процессы обеспечения жизни людей связаны с применением технических средств разного формата и сложности, в частности, с использованием искусственного интеллекта (далее – ИИ).

До настоящего времени нет единого подхода к определению и применению системы ИИ [7, с. 2]. Многие исследователи считают ИИ открытием века, которое существенно облегчило и модернизировало жизнь людей, другие предаются яркой критике в силу антиприродного механизма его работы. В любом случае, данная система работает, а наша задача – научиться использовать ее максимально эффективно в своих целях.

Все чаще звучат предложения о необходимости внедрения ИИ в работу государственных органов, в том числе министерств и ведомств. При разработке тех или иных приложений и систем происходит апробация, а при получении успешных результатов – внедрение в деятельность.

Наиболее распространенный пример, это голосовой помощник (робот), принимающий звонки в различных организациях (банки, страховые компании и другие организации), который без помо-

щи оператора (т. е. человека) решает проблему звонящего и отвечает на вопрос. Причем интеллектуальные способности голосовых ассистентов с каждым годом растут, и вариативность проблемных ситуаций, которые могут быть решены таким помощником, расширяется.

Не обошло стороной применение ИИ и в системе органов внутренних дел, где первостепенными задачами остается раскрытие и предупреждение преступлений. Так, по мнению ученых, ИИ может применяться для абсолютно разных потребностей системы МВД России. В основном это анализ и обработка больших объемов данных [6], однако акцент делается на раскрытии преступлений и розыске преступников.

В настоящее время улицы многих городов России оборудованы системами видеонаблюдения, позволяющими не только фиксировать происходящее в общественных местах, но и производить идентификацию лиц по внешности. Например, система «Безопасный город», основанная на биометрической идентификации, или относительно новая система «Gait Recognition», построенная на идентификации человека по походке и движениям тела. [1]

Смысл указанных систем – распознавание и идентификация человека по изображению лица, а также движениям и другим динамическим и анатомическим признакам внешности. В основные функции систем входит: распознавание человека в массе даже при наличии элементов маскировки лица (кепка, медицинская маска, очки, капюшон), розыск преступников, предупреждение и профилактика преступлений.

Москва является передовым городом по использованию и апробации современных технологий, предназначенных для борьбы с преступлениями [8, с. 56]. Так, именно в Москве, были испытаны системы «Безопасный город», «Паутина», которые успешно зарекомендовали себя в раскрытии отдельных видов преступлений.

Последние несколько лет раскрытие большинства преступлений стало возможно благодаря применению вышеуказанных систем, что подтверждается ежегодными статистическими данными, указывающими на снижение общего числа преступности, в том числе и уличной¹. Именно камеры наружного фото видеонаблюдения

¹ Выступление Министра внутренних дел Российской Федерации генерала полиции Российской Федерации В. А. Колокольцева на расширенном заседании коллегии МВД России // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/document/62188595> (дата обращения: 15.05.2025).

ния стали средством номер один в профилактике преступлений [3, с. 125].

Безусловно, применение указанных технологий в плане идентификации лиц существенно помогает и облегчает работу правоохранительных органов. Однако если рассматривать целью применения таких технологий помощь правоохранительным органам в раскрытии преступлений, то данная система работает отлично. Но, если взглянуть чуть глубже и оценить полученные системой результаты как доказательство, то возникает масса вопросов, в том числе и главный: можно ли использовать такие материалы в уголовном деле?

Взглянем на указанный процесс с позиции уголовно-процессуального закона и криминалистической практики. Так, согласно ст. 88 УПК РФ, все доказательства, находящиеся в уголовном деле, оцениваются с точки зрения относимости, допустимости, достоверности и достаточности.

Учитывая, что данную информацию мы получаем на этапе доследственной проверки и первоначального этапа расследования, то можно ли считать результат идентификации человека системой распознавания лиц законно добытым (допустимым и достоверным) доказательством?

С позиции криминалистики отнесем фото-, видеоизображения к материальным следам преступления – документам. Под документом «в криминалистическом смысле понимают объект, в котором с помощью одного или нескольких средств фиксации отражены сведения о каких-либо фактах, имеющих значение для расследования преступления» [5, с. 178].

Так, порядка 80 % уголовных дел раскрываются при помощи фото- и видеоизображений (далее – ФВИ). Однако чаще всего получение и использование ФВИ происходит в период проверки сообщения о преступлении и при производстве оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ). При помощи полученных изображений оперативные сотрудники проводят комплекс ОРМ, позволяющий разыскать и идентифицировать подозреваемых лиц. Установив совпадения изображений и разыскав лицо, оперативные сотрудники получают признательные показания, при этом в большинстве случаев речь идет о преступлениях, где материальные следы преступления в классическом смысле отсутствуют. Это объясняется и способом совершения хищения и тем фактором, что преступления выявляются спустя какое-то время, в связи с чем материальные следы утрачиваются.

Так, например, представитель потерпевшего, управляющий магазином бытовой техники показал, что при проведении инвен-

таризации выявлена недовольства игровой приставки, стоимостью 7500 рублей. Магазин оснащен камерами видеонаблюдения по периметру торгового зала, которые были просмотрены и установлено, что за неделю до инвентаризации, в магазин зашел молодой человек, на вид 20–25 лет, ростом примерно 160–165 см, среднего телосложения, и, подойдя к стеллажу с игровыми приставками, снял «антикражное» оборудование, положил приставку в сумку черного цвета, находящуюся при нем. После чего, не оплатив товар, минуя кассовую зону, вышел из помещения магазина. В дальнейшем личность молодого человека, совершившего кражу, установлена в ходе оперативно-розыскных мероприятий.

Соответственно, обвинение основывается именно на полученных ВФИ с места преступления, причем сами преступные действия не всегда запечатлены на видеозаписи. В случаях, когда ракурс камеры захватывает часть места преступления, то преступник запечатлевается рядом.

В некоторых регионах страны, с целью получения более достоверных доказательств, полученные с камер наблюдения ФВИ направляются на портретную экспертизу. Основная цель которой «установить тождества или различия лиц, изображенных на объективных отображениях внешнего облика человека» [2, с. 64], т. е. подтвердить, что именно установленное лицо совершило преступление, путем сравнения лица на изображении с места преступления и экспериментальных фото задержанного.

Многие преступники принимают меры к маскировке своей внешности, соответственно, при совершении хищений они запечатлеваются в медицинских масках, кепках, очках, капюшоне, следовательно, лицо в большей степени скрыто. Данный фактор создает серьезную проблему распознавания лиц и их идентификации [4, с. 117].

Фактически рассмотренные системы биометрической идентификации осуществляют тот же процесс, что и портретная экспертиза, но с материальной точки зрения (т. е. как материальное доказательство) он правоохранительным органам не доступен. Портретная экспертиза проводится на основе методики, утвержденной ЭКЦ МВД России, что позволяет использовать заключение как доказательство, в то время как совпадения, полученные системами биометрической идентификации, несут более ориентирующий, нежели доказательственный характер.

Полагаем, что закладывать в основу обвинения идентификацию при помощи системы ИИ недопустимо, однако эффективнее использовать эти данные для увеличения раскрываемости преступ-

плений, сокращения времени и трудозатрат на поиск и идентификацию преступников и профилактики уличной преступности.

Таким образом, использование ИИ и, в частности, систем биометрической идентификации лиц и розыска, возможно и необходимо преимущественно для решения задач, стоящих перед оперативными подразделениями. Оценив полученную информацию с точки зрения уголовного процесса и криминалистики, сделаем вывод, что использование данных сведений, как доказательств по уголовному делу, не объективно и требует получения дополнительных доказательств.

Список литературы:

1. Богданов М. Р., Шахматова Г. Р., Оськин Н. Н. [и др.]. Биометрическая идентификация, основанная на походке // Системы управления, связи и безопасности. 2024. № 1. С. 191–212.

2. Зинин А. М. Габитоскопия и портретная экспертиза : практикум. М. : ЦОКР МВД России, 2010. 296 с.

3. Ильин Н. Н. Использование видеозаписи для предупреждения преступлений лиц, отбывающих наказание, на объектах уголовно-исполнительной системы // Вестник Кузбасского института. 2017. № 1 (30). С. 124–131.

4. Карпушина Н. С. Актуальные вопросы идентификации личности по фото- и видеозаписям лица, скрытого под медицинской маской // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2024. № 4 (32). С. 115–124.

5. Карлов В. Я. Криминалистика: тезаурус-словарь и схемы : учебное пособие. М. : Альфа-Пресс, 2011. 272 с.

6. Перелыгин А. Е. Применение искусственного интеллекта в криминалистическом анализе: возможности и этические вопросы // Актуальные исследования. 2023. № 52-2 (182). С. 44–46.

7. Полякова Н. В., Можаяева С. Ю., Можаяев С. А. О некоторых вопросах использования специального программного обеспечения «Паутина» ИСОД МВД России в деятельности сотрудников полиции, осуществляющих административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы // Вестник Воронежского института МВД России. 2024. № 1. С. 244–250.

8. *Осипенко А. Л., Батоев В. Б.* Использование систем видеонаблюдения в противодействии преступности // Общество и право. 2023. № 3 (85) С. 55–60.

О связи предупреждения неправомерного оборота средств платежа и уровня защищенности персональных данных в условиях цифровизации

Аннотация

В статье анализируется проблема незаконного оборота платежных средств и защиты персональных данных в России. Основное внимание уделяется разработке новых законодательных мер, направленных на повышение ответственности руководителей финансовых организаций за обеспечение информационной безопасности персональных данных. Выявляются системные недостатки в организации обработки персональных данных в различных сферах, а также через призму противодействия неправомерному обороту средств платежа анализируется система обеспечения безопасности персональных данных на пространстве ЕАЭС. Авторы предлагают комплекс мер, направленный на обеспечение сохранения защиты персональных данных, это позволит создать необходимый организационно-правовой режим, направленный на пресечение их неправомерного распространения, что снизит возможности лиц, которые организуют и совершают преступления, связанные с неправомерным оборотом средств платежа.

Ключевые слова и словосочетания: *персональные данные, неправомерный оборот средств платежа, цифровизация, защита информации, предупреждение преступности, профилактика.*

Незаконный оборот платежных средств остается серьезной проблемой как для экономики, так и для правоохранительной системы, что стимулируется отсутствием на территории государства единого защищенного информационного пространства и защищенных технологических сетей, хранящих и обрабатывающих персональные данные граждан [4]. При этом проблема состоит не только в безопасности систем, в которых хранятся персональные данные, но и в обеспечении такой организации работы с ними, которая бы исключила доступ к ним посторонних лиц или их утечку. За 2024 год Роском-

надзор выявил 135 случаев утечки баз данных, в которых содержались более 710 млн записей о гражданах России, что выше, чем число утечек в 2022 и 2023 гг., а в сети Интернет в том или ином объеме в открытом доступе находятся консолидированные данные обо всех гражданах России [5].

В контексте современных мер противодействия незаконному обороту платежных средств актуальным представляется рассмотрение законодательных инициатив, предусматривающих возможность признания неудовлетворительной деловой репутации руководящего состава финансовых организаций, ответственных за информационную безопасность, в случаях, когда их бездействие или недостаточные действия по защите персональных данных и иной конфиденциальной информации привели к их неправомерному использованию, включая совершение операций с денежными средствами клиентов без их добровольного согласия¹.

Обозначенная мера обладает значительным профилактическим потенциалом, поскольку создает дополнительные стимулы для повышения бдительности руководителей в отношении потенциальных угроз утечки персональных данных, учитывая риски для профессиональной репутации. Однако следует подчеркнуть, что данная мера не может рассматриваться в качестве единственной и требует разработки четких механизмов документального подтверждения фактов утечки информации, а также установления причинно-следственной связи между действиями (или бездействием) ответственных лиц и наступившими негативными последствиями.

В настоящее время действующие нормативные акты, включая положения Банка России, не содержат критериев оценки подобных ситуаций, что создает правовую неопределенность и снижает эффективность предлагаемого регулирования. Вместе с тем Банк России ведет базы данных лиц, чья деловая репутация признана неудовлетворительной [3]. В этой связи представляется необходимым разработка и закрепление таких критериев, которые могут быть использованы для определения возможности внесения соответствующего руководителя (его заместителя) в обозначенные базы данных в случае, если защита информации не была обеспечена надлежащим образом.

В современном обществе проблема защиты персональных данных приобретает глобальный характер, выходя далеко за рамки

¹ Перечень поручений по итогам совещания с членами Правительства [Электронный ресурс] : утв. Президентом Рос. Федерации 1 апреля 2025 г. // СПС «Консультант-Плюс» (дата обращения: 27.06.2025).

исключительно финансового сектора и затрагивая практически все сферы социального взаимодействия. Так, согласие на обработку персональных данных стало обязательным условием практически для любой формы социальной активности: от трудоустройства и получения образования до участия в научных мероприятиях, медицинского обслуживания, доступа к государственным и муниципальным услугам [7, с. 12], а также пользования услугами гостиничного бизнеса [2, с. 16].

Несмотря на формальное соблюдение процедуры получения согласия, субъекты экономических отношений демонстрируют системные недостатки в организации безопасного хранения и использования персональных данных. Имеет место тенденция к необоснованному завышению сроков хранения данных, значительно превышающих реальные потребности оказания услуги – ярким примером может служить практика страховых компаний, требующих согласия на обработку данных сроком на 10 лет независимо от продолжительности страхового договора. Подобная ситуация создает условия для длительного и неконтролируемого хранения персональной информации, причем качество ее защиты зачастую не соответствует современным требованиям информационной безопасности. Особую озабоченность вызывает вынужденный характер согласия, когда отказ от предоставления данных фактически блокирует доступ к услугам или реализацию законных прав. Дополнительным фактором риска является включение операторами в формы согласия избыточного перечня запрашиваемых данных и целей их использования, что влечет дальнейшие злоупотребления со стороны должностных лиц [6].

В этой связи представляется крайне актуальной разработка и законодательное закрепление унифицированных отраслевых стандартов согласия на обработку персональных данных, которые, с одной стороны, ограничат операторов персональных данных в их праве по своему усмотрению определять содержание соответствующей формы согласия, а с другой – обеспечат сбор исключительно необходимого минимума информации, соответствующего специфике конкретной сферы деятельности.

В рамках совершенствования механизмов защиты персональных данных представляется целесообразным, чтобы Роскомнадзор разработал унифицированные стандарты доступности процедур информирования населения о порядке предоставления и отзыва согласия на обработку персональных данных, что позволит как государственным, так и общественным контролирующим органам осу-

шествовать мониторинг соответствия действий операторов персональных данных установленным требованиям.

В настоящее время отсутствует четкое правовое регулирование порядка действий организаций в случае получения отказа от субъекта персональных данных на их обработку, что порождает ряд системных проблем. Во-первых, это создает предпосылки для необоснованного отказа в предоставлении услуг, вынуждая граждан давать согласие под давлением. Во-вторых, организации, требующие такое согласие, получают возможность манипулировать поведением граждан, что противоречит принципам добровольности и осознанности обработки персональных данных.

В этой связи требуется законодательное закрепление перечня сфер деятельности, преимущественно связанных с реализацией конституционных прав граждан, в которых отказ от предоставления согласия на обработку персональных данных не должен влечь за собой ограничение доступа к услуге. Для таких случаев необходимо установить четкий алгоритм взаимодействия между организацией и гражданином в условиях отсутствия согласия, что минимизирует злоупотребления и обеспечит баланс интересов всех участников правоотношений.

В контексте углубления интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) повышаются риски, связанные с утечкой персональных данных за рубеж, что актуализирует необходимость разработки единого международно-правового механизма регулирования данного вопроса. В этой связи существует объективная необходимость принятия Конвенции о защите персональных данных в рамках ЕАЭС, которая позволит унифицировать базовые стандарты обработки и защиты персональной информации, установив обязательные для всех участников интеграционного объединения правовую основу [1].

Особый интерес представляет имплементация в правовое поле ЕАЭС принципа «необходимости знать», применяющегося в Европейском Союзе (далее – ЕС), сущность которого заключается в строгом ограничении круга лиц, имеющих доступ к персональным данным, исключительно теми субъектами, чьи профессиональные функции непосредственно требуют работы с такой информацией, при этом указанные лица должны оформить соглашение о неразглашении, включая дополнительные меры конфиденциальности при наличии соответствующих рисков. Анализ Регламента ЕС¹ в обла-

¹ Regulation (EU) 2018/1725 of the European Parliament and of the Council of 23 October 2018 on the protection of natural persons with regard to the processing of personal

сти защиты персональных данных демонстрирует системный подход, основанный на семи ключевых принципах: законность и прозрачность обработки, целевая ограниченность, минимизация объема собираемых данных, обеспечение точности и актуальности информации, ограничение сроков хранения, поддержание целостности и конфиденциальности, ответственность за нарушения. Представляется, что указанные принципы содержат значительный потенциал для адаптации в нормативно-правовую систему ЕАЭС с учетом региональной специфики и текущих вызовов в сфере кибербезопасности.

Обозначенные выше меры, направленные на обеспечение сохранения защиты персональных данных, позволят создать необходимый организационно-правовой режим, направленный на пресечение их неправомерного распространения, что снизит возможности лиц, которые организуют и совершают преступления, связанные с неправомерным оборотом средств платежа.

Список литературы:

1. Абзалова А. А. К вопросу о необходимости принятия конвенции о защите персональных данных в ЕАЭС: безотлагательная необходимость в эпоху цифровизации // Официальный сайт РСМД. URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/young-and-smart/k-voprosu-o-neobkhodimosti-prinyatiya-konventsii-o-zashchite-personaln/> (дата обращения: 06.04.2025).

2. Петрякова А. В., Конобеева А. Б. Обработка персональных данных в гостиничном бизнесе: правовые и организационные аспекты // Туризм: право и экономика. 2022. № 3. С. 16.

3. Проверить деловую репутацию и наличие права работать на финансовом рынке теперь можно на портале Госуслуг // URL: <https://cbr.ru/Press/event/?id=2792> (дата обращения: 03.04.2025).

4. Протокол совещания в Совете Федерации Российской Федерации Федерального Собрания Российской Федерации на тему «Актуальные проблемы защиты персональных данных граждан в цифровом пространстве» от 1 декабря 2022 г. // URL: <http://council.gov.ru/events/news/140408/> (дата обращения: 01.04.2025).

data by the Union institutions, bodies, offices and agencies and on the free movement of such data, and repealing Regulation (EC) No 45/2001 and Decision No 1247/2002/EC // Official Journal of the European Union. L 295/39. 2018. P. 39–98.

5. Роскомнадзор выявил утечку 710 млн записей о россиянах за 2024 год // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/67886cb19a79478176d26c9f> (дата обращения: 01.04.2025).

6. Цуркан Н. Ошибки клиник при работе с персональными данными // Адвокатская газета // URL: <https://www.advgazeta.ru/ag-expert/advice/oshibki-klinik-pri-rabote-s-personalnymi-dannymi/> (дата обращения: 05.04.2025).

7. Чаннов С. Е. Правовые проблемы обработки персональных данных в государственных информационных системах // Информационное право. 2018. № 2. С. 12.

Кононов Павел Анатольевич,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
расследования преступлений
следственно-экспертного факультета
Академии МВД Республики Беларусь
E-mail: kononov.pascha@yandex.by;

Юбко Юрий Михайлович,
кандидат юридических наук, доцент,
Заслуженный работник образования Республики Беларусь,
профессор кафедры расследования преступлений
следственно-экспертного факультета
Академии МВД Республики Беларусь

Теоретико-прикладные аспекты криминалистического обеспечения расследования преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств (на территории Республики Беларусь)

Аннотация

В статье сформулированы теоретические положения, характеризующие историю понятия, содержания и системы криминалистического обеспечения расследования дорожно-транспортных происшествий в Беларуси.

Ключевые слова и словосочетания: *криминалистика, криминалистическое обеспечение, дорожно-транспортное происшествие, автотранспорт, периодизация.*

Процесс расследования преступлений может быть высококачественным и эффективным только тогда, когда он предполагает использование современных достижений науки и техники, а поскольку возникновение криминалистики, являющейся проводником достижений научно-технического прогресса в деятельность правоохранительных органов, традиционно связывается с его развитием, то не случайно формирование в ее системе теории криминалистического обеспечения расследования преступлений.

Сегодня термин «криминалистическое обеспечение расследования преступлений» широко используется в криминалистической науке [6, с. 36]. Однако, по нашему мнению, нельзя понять его сущность, не проследив становление и развитие научных взглядов на его понятийно-терминологические и структурно-содержательные характеристики. Анализ теоретического наследия свидетельствует о полярности научных воззрений в данном направлении.

Прежде всего, обратим внимание на неоднократные попытки со стороны научного сообщества разграничить этапы становления основ частной криминалистической теории криминалистического обеспечения расследования преступлений. Так, Л. Р. Гибадулинова и А. М. Кустов, беря за основу этапы развития криминалистической науки в целом, предложили выделять четыре этапа (изображение 1) [8, с. 124]. Однако, на наш взгляд, данный подход представляется спорным, поскольку по аналогии в рамках данных этапов можно вести речь о развитии любых частных криминалистических теорий и учений науки, тем более что в данном случае не просматривается непосредственной связи с какими-либо аспектами становления понятия и содержания именно криминалистического обеспечения.

<u>Первый этап</u> (с X-XI века до середины XIX века). <i>Этап начала формирования и накопления криминалистической практики (эмпирического материала).</i> (Характеризуется особым вниманием к тактико-криминалистическому обеспечению.)
<u>Второй этап</u> (с 1864 года по 1930 год). <i>Этап исследований, направленных на использование знаний следующих лиц.</i> (Характеризуется достижениями технических и естественных наук, разработки технических приемов и методов регистрации, поиска и отождествления преступников.)
<u>Третий этап</u> (с 1931 года по 2000 год). <i>Этап разработки общей теории криминалистики и внедрения её в практику.</i> (Характеризуется особым вниманием к методико-криминалистическому обеспечению.)
<u>Четвертый этап</u> (с 2001 года по настоящее время). <i>Выделяется появлением новых частных методик, теорий и методов познания.</i> (Характеризуется формированием новых частных методик расследования.)

Изображение 1. «Генезис теории криминалистического обеспечения расследования по Л. Р. Гибадулиновой и А. М. Кустову»

Более обоснованной видится периодизация, предложенная А. П. Пацкевичем и И. И. Лузгиным, попытавшихся соотнести границы этапов со спецификой и содержанием научных подходов к криминалистическому обеспечению расследования преступлений (изображение 2) [16, с. 195–199].

<u>ПЕРВЫЙ ЭТАП (1960-е годы).</u>
Характеризуется началом пересмотра общетеоретических проблем криминалистики такими учеными, как Р.С. Белкин, В.Г. Коломацкий и Ю.И. Краснобаев.
<u>ВТРОЙ ЭТАП (1980-е годы).</u>
Определение криминалистической деятельности правоохранительных органов, как специфического процесса в виде технико-криминалистической деятельности, разрабатываемый такими учеными как А.Ф. Вольнский, Н.П. Яблоков и В.А. Жбанов.
<u>ТРЕТИЙ ЭТАП (1990-е годы).</u>
Сопряжён с предложениями В.П. Лаврова и А.В. Шмонина о рассмотрении понятия криминалистического обеспечения, как вида деятельности органов внутренних дел.
<u>ЧЕТВЁРТЫЙ ЭТАП (2000-е годы и наше время).</u>
Современное развитие, в котором криминалистическое обеспечение рассматривается как важная составляющая противодействия преступности.

Изображение 2. «Генезис теории криминалистического обеспечения расследования по А.П. Пацкевичу и И.И. Лузгину»

В то же время следует отметить некорректность употребления авторами термина «противодействие» в характеристике четвертого этапа, поскольку в криминалистике уже неоднократно и довольно аргументированно обоснован подход, согласно которому противодействие рассматривается как деятельность преступной среды по воспрепятствованию, раскрытию и расследованию преступлений, предполагающая выявление и преодоление криминалистическими методами и средствами, в том числе в рамках криминалистического обеспечения данной деятельности [20].

Э. И. Санюк предложила выделять этапы генезиса понятия «криминалистическое обеспечение расследования преступлений», также попытавшись проследить связь этих этапов с ключевыми аспектами становления понятия (изображение 3) [17, с. 103–104].

Изображение 3. «Этапы генезиса криминалистического обеспечения расследования преступлений по Э.И. Санюк»

Однако в данном случае, на наш взгляд, в основу положено исключительно субъективное авторское восприятие формирования подходов к термину «криминалистическое обеспечение», достаточно условной представляется обоснованность выделения второго этапа, не предполагающего связи с рассматриваемым термином. Полагаем, нельзя согласиться как со «спадом» научного интереса к вопросам криминалистического обеспечения в период 2000–2007 годов (см. работы Э. К. Горячева, К. Е. Демина, А. Г. Дудника, А. Я. Эрекаева и др.), так и с обоснованием пятого этапа, поскольку практически каждый исследователь, обращаясь к отдельным аспектам криминалистического обеспечения расследования преступлений, невольно затрагивает и ключевой вопрос общего понятия, внося тем самым свою лепту в его совершенствование.

По нашему мнению, принимая во внимание изложенные выше подходы к обозначению этапов становления теории криминалистического обеспечения расследования преступлений и формирования его понятия, процесс становления и развития теории криминалистического обеспечения расследования преступлений в Республике Беларусь практически целесообразно рассматривать в рамках двух этапов: первый: советский (1930-е – начало 90-х годов XX столетия); второй: постсоветский (1991 год – по настоящее время).

Данный подход видится обоснованным, поскольку в его основу положены несколько серьезных, на наш взгляд, причин. Во-первых,

в целом развитие науки в период существования единого государства как в силу более тесных научных и практических связей, так и общего государственного интереса способствовало более предметному обмену опытом, идеями и преследовало единые цели. Во-вторых, с геополитическими изменениями совпал и серьезный, если не сказать глобальный, для развития криминалистики в целом и криминалистического обеспечения расследования в частности, скачок научно-технического прогресса, который потребовал пересмотра многих научных подходов и активизировал научные разработки большинства проблем, в числе которых и исследуемая нами. При этом важно отметить, что поскольку криминалистическое обеспечение едино, как и общие условия и характеристики его становления, то формирование и развитие криминалистического обеспечения расследования отдельных видов преступлений происходит с большей или меньшей эффективностью в контексте становления его общей системы в рамках тех же этапов. Это позволяет нам утверждать, что криминалистическое обеспечение расследования преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, прошло в своем становлении те же этапы, что наглядно отражается и в динамике опубликования научных трудов по рассматриваемой проблеме.

Советский (1930-е – 1991 год) — создание предпосылок, послуживших началом для появления понятия криминалистического обеспечения, определения его содержания и структуры в целом и расследования преступлений, связанных с нарушением правил безопасности движения автотранспорта, в частности. Начало этого периода коррелирует с принятием решения о формировании кабинетов научно-судебной экспертизы в г. Москве и г. Санкт-Петербурге и появлением трудов В. И. Громова, И. Н. Якимова, С. М. Потапова и др., которое было продиктовано необходимостью «сделать обобщающие практические выводы о доступных методах работы, использование которых может облегчить работу по расследованию преступлений», поскольку «только научные методы расследования могут решить проблему установления истины по уголовным делам» [10, с. 6].

Уже в середине 1930-х появляются научные исследования об авариях на автотранспорте, причинах нарушения правил, обеспечивающих безопасность движения автотранспорта и их профилактике. А. Г. Туманян разработал первую классификацию автотранспортных преступлений, основываясь на «принципе подразделения по характеру аварии» [21, с. 13–20]. По существу, она стала базисом

для разработки действующих правил учета происшествий с участием автотранспорта в Республике Беларусь.

В 1947 году М. Г. Богатыревым защищена первая диссертация по автотранспортной криминалистической тематике «Судебные доказательства по делам об автопроисшествиях». В ней были впервые описаны вещественные доказательства по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил безопасности движения автотранспорта, подробно рассмотрены места возможного обнаружения объектов и предметов, имеющих значение для расследования обстоятельств произошедших событий, способы фиксации и запечатления обстановки и следовой картины на месте [2, с. 193].

Далее в 1952 году С. Я. Розенблитом создаются методические пособия для следователей — «Расследование автотранспортных происшествий» и «Применение научно-технических средств при расследовании автотранспортных происшествий». Н. П. Яблоковым была подготовлена лекция «Методика расследования автотранспортных происшествий». Н. П. Яблоков обратил внимание на необходимость разрешения актуальной проблемы создания отделов автотехнических экспертиз, определил перечень вопросов, которые могут разрешаться при проведении вышеуказанного исследования.

В середине прошлого столетия возникла необходимость создания специализированных бюро автотехнических экспертиз [11, с. 52–53]. Причиной этому послужило большое количество ошибок, допускавшихся различными категориями сведущих лиц (наставников из автошкол, инспекторов государственной автомобильной инспекции и других), привлекаемых для проведения экспертиз и дачи заключений по техническим вопросам, разрешение которых необходимо было для принятия полного, всестороннего и объективного решения по делам, связанным с нарушением правил безопасности движения автотранспорта [15, 60–62 с.]. По мере создания таких бюро к работе в них стали привлекать сотрудников, обладающих большим опытом и специализированными знаниями (техник-механик, инженер-конструктор) в автотехнике и организации дорожного движения. 16 декабря 1959 года была создана первая на территории Беларуси лаборатория автотехнических исследований при Научно-исследовательском институте судебных экспертиз Министерства юстиции Белорусской Советской Социалистической Республики.

В 1960-е годы И. Г. Маландин исследует проблемы борьбы с автотранспортными происшествиями и преступлениями в докторской диссертации, проводя уголовно-правовое и криминалисти-

ческое исследование. Впоследствии он опубликовал на ее основе монографию «Происшествия и правонарушения на автотранспорте и городском электротранспорте». В 1971 году вопросы, касающиеся безопасности движения и расследования автотранспортных происшествий, поднимались и на международном уровне, например, на «7-м Международном криминалистическом симпозиуме» в Улан-Баторе [1, с. 15].

Уже в 1974 году в Советском союзе внедряются в эксплуатацию передвижные криминалистические лаборатории и автомобили для выездов на места дорожно-транспортных происшествий, оборудованные стереофотометрической камерой для измерительной фотосъемки, представляющие из себя автомобиль оперативного назначения «ГАИ», в салоне которого размещен комплекс инструментов, приборов и аппаратов для производства криминалистических исследований на месте происшествия. Также он укомплектован научно-техническими средствами обнаружения, фиксации и изъятия вещественных доказательств, поисковыми средствами, источниками освещения и тому подобное, средствами связи. В салоне оборудуется рабочее место следователя для производства допроса, составления документации. Для того времени это было существенным шагом вперед на пути криминалистического обеспечения расследования преступлений, связанных с нарушением правил безопасности движения автотранспорта [9].

Первая попытка сформулировать представление о криминалистическом обеспечении раскрытия и расследования преступлений принадлежит, как известно, В. Г. Коломацкому на рубеже 1970–1980 годов XX века с акцентом на внедрение криминалистических методов, средств и рекомендаций в практику расследования преступлений в целях сокращения разрыва между криминалистической наукой и практикой. Постановка данной проблемы на тот период, можно сказать, была весьма своевременной в контексте достижений научно-технического прогресса. Его подход впоследствии развил Р. С. Белкин, определив криминалистическое обеспечение как «систему криминалистических знаний и основанных на них навыков и умений сотрудников правоохранительных органов использовать криминалистические рекомендации, применять средства, методы и технологии в целях предотвращения, раскрытия и расследования преступлений». Им же была предложена система криминалистического обеспечения, включающая криминалистические: знания, образование и технику [1, с. 64–69].

Однако впоследствии А. Ф. Волынский вполне обоснованно обратил внимание на ряд неточностей в подходе В. Г. Коломацкого

го, отметив, что внедрение криминалистических методов, средств и рекомендаций — это уже финальный этап, и прежде их надо разработать на основе научных исследований, апробировать и только затем говорить об их применении; кроме того, логично вести речь о сфере деятельности всех правоохранительных органов, поскольку криминалистика — не ведомственная наука, и сфера применения ее знаний гораздо шире, чем деятельность органов внутренних дел [5, с. 18].

Постсоветский, или современный этап (1991-е годы — по настоящее время). Начало 90-х годов XX века характеризуется появлением и распространением понятия «технико-криминалистическое обеспечение». Исследованиями в данной области занимались В. А. Волынский, Г. А. Голубенко, Л. Е. Чистова и другие [7]. По сути, научный интерес к данному понятию породил активизацию теоретических исследований вопросов криминалистического обеспечения в целом. В 1999 году А. Ф. Волыньским сформулировано в докторской диссертации понятие «криминалистического обеспечения расследования преступлений» [4, с. 66].

В результате многочисленных исследований проблем криминалистического обеспечения в 1990-е годы были уточнены его структурно-содержательная характеристика, предмет, задачи, определено его место в основном курсе криминалистики, показана его роль в целом в организации раскрытия и расследования преступлений. Так, появились основания говорить о формировании соответствующей частной криминалистической теории [3, с. 64].

В начале 2000-х годов интерес исследователей был направлен на различные аспекты криминалистического обеспечения в целом и расследования отдельных видов преступлений [23]. В 2010-е годы активизируются научные изыскания в области криминалистического обеспечения расследования отдельных видов преступлений (А. В. Дешук, Е. С. Тесленко, А. Н. Сретенцев и др.); [19] криминалистического обеспечения производства отдельных следственных действий — Д. Ю. Гостевский, И. П. Кочнева и др. [13].

В Беларуси изучению отдельных аспектов криминалистического обеспечения расследования преступлений уделяли внимание: Г. И. Грамович, В. М. Логвин, Г. М. Мухин, А. П. Пацкевич, А. С. Рубис, Г. В. Федоров, Ю. М. Юбко и другие [22]. Однако вопросы криминалистического обеспечения расследования преступлений, связанных с безопасностью движения автотранспорта, ими не затрагивались. В 2012 году была защищена кандидатская диссертация «Расследование дорожно-транспортных преступлений, связанных с наездами на пешеходов» [18].

В этот период активизируются научные исследования вопроса о соотношении таких категорий как криминалистическое обеспечение, криминалистическое сопровождение и криминалистическая деятельность. Рассматривая в качестве объекта познания криминалистическую деятельность, Е. П. Ищенко и Н. П. Яблоков не делают акцента на ее соотношении с криминалистическим обеспечением расследования преступлений, хотя, по сути, ведут речь отчасти и о нем [24, с. 38–39]. Наиболее очевиден такой акцент в подходе В. Я. Колдина, который обращал внимание на необходимость анализа организации криминалистической деятельности на разных уровнях: техническом, тактическом, стратегическом, предполагающих решение в рамках единой общей задачи раскрытия и расследования преступления, и таких специфических задач, которые характерны именно для них [12, с. 12–19].

А. Ф. Волынский, признавая факт существования криминалистической деятельности, отмечает, что она соотносится с криминалистическим обеспечением как общее с частным, предполагая еще и криминалистическое сопровождение процесса раскрытия и расследования преступлений, то есть реализацию возможностей криминалистики в повседневной деятельности правоохранительных органов. При этом криминалистическое обеспечение следует понимать как «...комплексную по своему содержанию деятельность, направленную на формирование условий постоянной готовности правоохранительных органов к эффективному использованию криминалистических методов, средств и рекомендаций, а также на реализацию такой готовности в повседневной практике раскрытия и расследования преступлений...» [5, с. 14–21].

Таким образом, важно иметь в виду различие между криминалистическим обеспечением и криминалистическим сопровождением. Криминалистическое обеспечение предполагает осуществление определенной системы действий по подготовке правоохранительных органов к деятельности по раскрытию и расследованию преступлений. Криминалистическое сопровождение, в свою очередь, является его деятельностьюным выражением: оно заключается в реализации данной подготовки на практике, то есть использовании криминалистических методов, средств и рекомендаций в повседневной практике раскрытия и расследования преступлений. Соответственно, и понятие криминалистического обеспечения ущербно без определения в нем места криминалистического сопровождения. Криминалистическое обеспечение — не самоцель, а средство удовлетворения потребностей правоохранительных органов. Справедливо заметить в этой связи, что обеспечение деятельности по раскры-

тию и расследованию преступлений должно предшествовать самой деятельности, подготавливая почву для эффективного и быстрого решения ее задач. Соответственно, формирование условий для более результативного применения криминалистических методов, средств и рекомендаций создает базу для последующего эффективного криминалистического сопровождения.

Специфика вида преступления, определяемая не только объектом преступного посягательства, но и наиболее характерными элементами его механизма, закономерно предопределяет и особенности криминалистического обеспечения расследования. Довольно ярко это проявляется на примере криминалистического обеспечения расследования преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, поскольку они обладают существенными особенностями уголовно-правового характера, благодаря которым выделяются в массе общеуголовных преступлений, а также особенностями механизма преступления. Соответственно, принимая во внимание такую специфику и существующие в науке подходы к формулированию понятия и содержания криминалистического обеспечения расследования преступлений, представляется возможным рассматривать криминалистическое обеспечение расследования преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, как основанную на криминалистических знаниях комплексную профессиональную деятельность сотрудников правоохранительных органов, направленную на создание условий их постоянной готовности к действенному применению криминалистических методов, средств и рекомендаций в процессе расследования преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств.

Фактически, нами разделяется как подход к определению криминалистического обеспечения расследования преступления, так и структурно-содержательная характеристика этой научной категории, сформулированные А. Ф. Волынским. Он определил, что на основе формально-структурных позиций эта система включает: теоретические основы криминалистического обеспечения, технико-криминалистическое обеспечение, тактико-криминалистическое обеспечение и методико-криминалистическое обеспечение, не предполагая, однако, совмещение содержания указанных элементов с содержанием соответствующих разделов криминалистики [5, 25 с.].

Соответственно, аналогичным образом следует определять и систему криминалистического обеспечения расследования пре-

ступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, как состоящую из теоретических основ, технико-криминалистического, тактико-криминалистического и методико-криминалистического обеспечения. При этом содержание ее складывается из правовых, организационных, научно-технических, научно-методических, учебно-методических и материально-технических особенностей разработки, внедрения и использования криминалистических методов, средств и рекомендаций для повышения эффективности расследования преступлений, связанных с нарушением правил безопасности движения авто-транспорта.

Таким образом, подводя итог вышеизложенному, важно подчеркнуть, что: фактически появление предпосылок формирования криминалистического обеспечения расследования преступлений связано с зарождением уголовного судопроизводства, однако научные исследования этого вопроса показали, что обоснованно говорить о формализованных подходах в этом отношении начиная с первой половины XX века; формирование теории криминалистического обеспечения расследования преступлений в Республике Беларусь происходило в контексте становления и развития научно-теоретических основ данного понятия в Российской Федерации, поскольку собственные научные исследования в этом направлении отсутствовали; теория криминалистического обеспечения расследования преступлений является частью теоретической основы предупреждения, раскрытия и расследования преступлений, сфера ее применения имеет общекриминалистический характер, а составляющие научные знания используются во всех разделах криминалистики; она находится в постоянном развитии и совершенствовании, и процесс этот отличается повышенной динамичностью в силу тесной связи ее с внедрением в деятельность правоохранительных органов достижений научно-технического прогресса; криминалистическое обеспечение расследования преступлений, связанных с нарушением правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств, в Республике Беларусь рассматривается в контексте общей системы криминалистического обеспечения расследования преступлений, однако имеет свои особенности организационного, правового и тактико-методического характера, обусловленные спецификой вида преступления.

Список литературы:

1. *Артамович И. И., Порубов Н. И.* Советская криминалистика : учебно-наглядное пособие. Минск : Вышэйш. школа, 1977. 208 с.
2. *Богатырев М. Г.* Судебные доказательства по делам об автопроишествиях : дис. ... канд. юрид. наук. Харьков, 1946. 193 с.
3. *Волынский А. Ф.* Концептуальные основы технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. 64 с.
4. *Волынский А. Ф.* Криминалистика и криминалистическая деятельность. Избранное : науч. издание. М. : Юнити-Дана, 2019. 426 с.
5. *Волынский А. Ф.* Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений : учебное пособие. М. : Московский университет МВД России имени В. Я. Кикотя, 2016. 195 с.
6. *Виноградов А. А.* Криминалистическое обеспечение расследования угонов автотранспорта : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 300 с.
7. *Волынский В. А.* Техничко-криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений. М. : ВНИИ МВД РФ, 1994. 78 с.
8. *Гибадулинова Л. Р.* Значение криминалистического обеспечения деятельности правоохранительных органов и прокуроров уголовного судопроизводства / Л. Р. Гибадулинова, А. М. Кустов // Успехи в химии и химической технологии. 2014. № 7(156). С. 124–126.
9. *Грамович Г. И.* Основы криминалистической техники: процессуал. и криминалист. аспекты. Минск : Вышэйш. школа, 1981. 208 с.
10. *Громов В.* Методика расследования преступлений. Руководство для органов милиции и уголовного розыска. М. : Новь, 1929. 76 с.
11. *Дмитриев В.* Нужна судебно-техническая экспертиза по проишествиям и авариям на автомобильном транспорте // Социалист. законность. 1958. № 5. С. 52–53.
12. *Колдин В. Я.* Актуальные проблемы методологии криминалистики и судебной экспертизы // Теория и практика судебной экспертизы. М. : РФЦСЭ при Минюсте России, 2011. № 1 (21). С. 12–19.
13. *Кочнева И. П.* Техничко-криминалистическое обеспечение производства следственных действий. М. : Юрлитинформ, 2012. 176 с.

14. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования / под ред. Т. В. Аверьяновой и Р. С. Белкина. М. : Новый юристъ, 1997. 400 с.

15. *Панкова В.* Нужно бюро автотехнической экспертизы / В. Панкова, А. Кошкарева, М. Левинсон // Социалист. законность. 1955. № 7. С. 60–62.

16. *Пацкевич А. П.* К вопросу о дефиниции «криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования преступлений» / А. П. Пацкевич, И. И. Лузгин // Вестник Полоцкого гос. ун-та. Серия Д. Экон. и юрид. науки. Криминалистика, судоустройство. 2012. № 13. С. 195–199.

17. *Санюк Э. И.* Генезис понятия «криминалистическое обеспечение расследования преступлений» // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. 2019. № 1(45). С. 100-105.

18. *Скачек Р. В.* Расследование дорожно-транспортных преступлений, связанных с наездами на пешеходов : дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 2012. 197 с.

19. *Сретенцев А. Н.* Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования краж автотранспорта: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. 243 с.

20. *Тишутина И. В.* Преодоление противодействия расследованию организованной преступной деятельности (организационные, правовые и тактические основы) : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2013. 490 с.

21. *Туманян А. Г.* Аварии на автотранспорте: причины аварий и их устранение. М. : Жургазобъединение, 11 тип. Мособлполиграффа, 1936. С. 13–20.

22. *Федоров Г. В.* Криминалистическое обеспечение противодействия наркобизнесу / Г. В. Федоров, Ю. М. Юбко. Минск : Тесей, 2006. 242 с.

23. *Эрекаев А. Я.* Криминалистическое обеспечение раскрытия и расследования вооруженных разбоев : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 22 с.

24. *Яблоков Н. П.* Криминалистика : учебник для вузов и юридических факультетов. М. : ЛексЭСТ, 2003. 376 с.

Кубасов Игорь Анатольевич,
доктор технических наук, доцент,
профессор кафедры информационных технологий,
Академия управления МВД России
E-mail: igorak@list.ru

Информационные технологии как эффективный инструмент противодействия преступности в условиях цифровой трансформации

Аннотация

Актуальность темы статьи обусловлена необходимостью осуществления цифровой трансформации правоохранительных органов с учетом происходящих кардинальных изменений в современном мире и обществе, а также лавинообразного развития информационных технологий. В статье исследованы современные возможности и перспективы использования информационных технологий в деятельности правоохранительных органов по противодействию преступности. Обоснованы ключевые направления, где информационные технологии оказывают наибольшее влияние в противодействии преступности, являются эффективным инструментом в предупреждении, расследовании и раскрытии преступлений.

Ключевые слова и словосочетания: *противодействие преступности, правоохранительные органы, цифровая трансформация, информационные технологии.*

Понятие «противодействие преступности» ранее ассоциировалась с применением физической силы, оружия и традиционного сыска. Однако в XXI веке все большую роль начинают играть информационные технологии (ИТ). С развитием интернета, мобильной связи и «умных» гаджетов мы получили колоссальные объемы данных, которые могут быть использованы для расследования, раскрытия и профилактики преступлений. Современная преступность и противодействие ей претерпевают кардинальные изменения в эпоху цифровизации [1, 2]. Информационные технологии создают уникальные возможности для совершения преступных действий, с одной стороны, и они же служат эффективным инструментом их пресечения, с другой стороны.

Главным направлением использования ИТ в борьбе с преступностью является предупреждение противоправных действий. Ведущую роль в этом процессе играют следующие инструменты.

Во-первых, интеллектуальные системы видеонаблюдения (с искусственным интеллектом). Камеры видеонаблюдения с функцией распознавания лиц и номерных знаков транспортных средств позволяют зафиксировать появление подозреваемого в определенном районе, обнаружить и предупредить преступление [3].

Во-вторых, геолокационные технологии и геоинформационные системы (ГИС). Использование глобальной навигационной спутниковой системы (ГЛОНАСС, GPS) дает возможность отслеживать маршруты передвижения людей и транспорта, предотвращая кражи и похищения [4].

В-третьих, машинное обучение, как составная часть технологии искусственного интеллекта. Алгоритмы машинного обучения помогают оперативно анализировать огромные объемы данных и выявлять паттерны поведения, характерные для злоумышленников [5].

В-четвертых, интернет вещей (IoT). Датчики, подключаемые к сети, позволяют мониторить территорию и вовремя реагировать на возникающие опасности. Активное проникновение интернета вещей (IoT), распространение беспроводных сетей и повсеместное использование смартфонов порождают новые криминальные угрозы. Но вместе с тем растет и эффективность противостоящих им технологий.

В-пятых, технологии анализа и хранения больших данных. Большую помощь в выявлении противоправных намерений оказывают социальные медиа, предоставляющие огромное количество данных о пользователях, которые можно использовать для выявления потенциальных преступников [6].

Расследования преступлений также заметно выигрывают от применения информационных технологий. Сейчас практически любое уголовное дело сопряжено с обработкой большого объема цифровой информации, будь то переписка, телефонные звонки, IP-адреса, история браузера и прочая цифровая информация.

Особенно полезными в расследовании преступлений оказываются следующие технологии и системы.

Во-первых, биометрические системы. Анализ ДНК, радужной оболочки глаза, отпечатков пальцев становятся неотъемлемыми элементами современной правоохранительной деятельности [7, 8, 9].

Во-вторых, цифровой анализ следов и вещественных доказательств. Использование систем компьютерного моделирования

и трехмерного сканирования позволяет воссоздать события преступления и восстановить картину произошедшего.

В-третьих, компьютерная криминалистика. Специализированные программные средства помогают восстанавливать стертые файлы, декодировать зашифрованные данные и вскрывать защищенные устройства.

В-четвертых, облачные технологии. Хранение больших объемов данных в облаке упрощает их совместное использование различными подразделениями правоохранительных органов.

В-пятых, прогностическая аналитика. Использование аналитических систем позволяет выявить преступника до момента совершения преступления на основе анализа поведения в интернете и социальных сетях [10]. Например, позволяет спрогнозировать местоположения потенциальных преступлений и разместить наряд полиции в нужном месте в нужное время.

Следует заметить, что хотя информационные технологии предоставляют широкие возможности для противодействия преступности, их использование несет ряд рисков и вызывает опасения [11, 12]. Так, например, некорректное обращение с персональными данными граждан может привести к дискриминации, произвольным арестам и иным негативным последствиям.

Также имеют место и технические уязвимости. Любая система может быть подвержена атакам хакеров, вирусам и другим видам киберугроз. При этом уровень подготовки сотрудников правоохранительных органов иногда оказывается недостаточно высоким для грамотного использования новых технологий и противодействия преступлениям, совершаемым с использованием новых информационно-телекоммуникационных технологий.

В дальнейшем, в силу цифровой трансформации правоохранительных органов возникнут и активно начнут применяться следующие новые информационные технологии.

1. Блокчейн и криптографические технологии. Блокчейн-технологии обеспечат высокий уровень защиты информации, сделают невозможным вмешательство в базы данных, предотвратят подделку документов и фальсификацию показаний. Использование блокчейна для подписания контрактов и соглашений позволит исключить мошеннические сделки и облегчить судебное производство.

2. Роботы-полицейские. Роботы будут задействованы в патрулировании улиц, реагировании на чрезвычайные ситуации и сборе информации в труднодоступных районах. Использование беспилотных летательных аппаратов для мониторинга массовых мероприятий, розыска преступников станет стандартной практикой [13].

3. Биометрия и генетические технологии. Развитие биометрических технологий позволит устанавливать личность человека по лицу, голосу, почерку и ДНК-образцам, что сделает почти невозможным сокрытие личности. Анализ ДНК станет обязательным компонентом в расследованиях преступлений, что повысит вероятность раскрытия преступлений и оправдания невиновных.

6. Виртуальная реальность и дополненная реальность. Сотрудники правоохранительных органов смогут проходить интенсивные виртуальные тренировки, которые реалистично воспроизводят опасные ситуации и повышают готовность к действиям в экстренных обстоятельствах. Использование AR-технологий позволит сотрудникам видеть дополнительную информацию прямо на месте происшествия, что повысит качество расследования.

7. Квантовые вычисления. Развитие квантовых компьютеров приведет к появлению абсолютно защищенных систем кодирования и дешифровки информации. Квантовые компьютеры смогут анализировать гигантские объемы данных намного быстрее и эффективнее, чем обычные ПК, что значительно ускорит выявление преступлений и мошеннических схем [14].

8. Цифровые двойники и «синтетические» личности. Цифровые аватары преступников и свидетелей позволят реконструировать преступления и проверить версии событий в полном объеме. Создание цифровых моделей (цифровой профиль) преступных личностей даст возможность предсказывать их поступки и заранее подготавливаться к их действиям.

9. Гиперперсонализация и индивидуализация взаимодействия. Персональные профили с глубокой аналитикой помогут правоохранительным органам индивидуально подходить к каждому делу, усиливая эффективность работы. Технологии дадут возможность гражданам легче обращаться в полицию, регистрировать заявления и получать необходимую помощь, минуя бюрократические преграды.

Таким образом, цифровая трансформация правоохранительных органов приведет к возникновению совершенно новых технологий, которые кардинально изменят облик и эффективность противодействия преступности.

Однако применение новых технологий в правоохранительной деятельности неизбежно поднимает ряд этических и правовых вопросов, требующих дополнительного изучения и законодательного закрепления. Государству предстоит сбалансировать стремление защитить граждан от преступности с правом на личную свободу и уважение прав человека.

Можно утверждать, что будущее противодействие преступности лежит на стыке информационных технологий и правильной регуляторной политики, направленной на защиту гражданских прав и свобод. Успех напрямую зависит от способности адаптироваться к новым информационным технологиям и эффективности применения их.

Список литературы:

1. Демчук В. В. Актуальные вопросы борьбы и противодействия преступности в условиях развития информационных (цифровых) технологий / В. В. Демчук, М. А. Семерентьева, М. А. Махотенко // Интеллектуальные ресурсы – региональному развитию. 2023. № 2. С. 218–225.
2. Бирюков С. Ю. Отдельные аспекты информационного обеспечения противодействия преступности в киберсреде / С. Ю. Бирюков, А. В. Трубочанинов // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2023. № 4(67). С. 117–123.
3. Кубасов И. А., Ливанский А. Г., Пучков Г. Ю. К вопросу о внедрении средств интеллектуального видеонаблюдения в деятельность органов внутренних дел Российской Федерации // Вестник МВД России. 2022. № 5. С. 76–85.
4. Кубасов И. А. Геоданные и геоинформационные технологии в деятельности подразделений участковых уполномоченных полиции / И. А. Кубасов, В. А. Рогожкин // Информатизация и информационная безопасность правоохранительных органов : сборник трудов международной научно-практической конференции, Москва, 7 июня 2024 г. Москва : Академия управления МВД России, 2024. С. 135–138.
5. Кубасов И. А. Разработка моделей машинного обучения для раскрытия и расследования киберпреступлений / И. А. Кубасов, А. В. Кириухин // Проблемы противодействия киберпреступности : материалы II международной научно-практической конференции, Москва, 26 апреля 2024 г. Москва : Московская академия следственного комитета, 2024. С. 45–48.
6. Кубасов И. А., Лекарь Л. А. Поиск и анализ больших данных в социальных сетях и Интернете для информационно-аналитического обеспечения оперативно-розыскной деятельности // Оперативно-розыскной портал: право и технологии. 2022. № 2 (2). С. 16–19.

7. *Кубасов И. А.* Вопросы повышения эффективности использования автоматизированных дактилоскопических учетов при раскрытии и расследовании преступлений / И. А. Кубасов, Ф. И. Стрельников, Ю. С. Лунев // Вестник Воронежского института МВД России. 2020. № 2. С. 231–236.

8. *Кубасов И. А.* К вопросу решения проблем повышения производительности информационных систем на примере центрального комплекса ЦИАДИС МВД России / И. А. Кубасов, Ф. И. Стрельников // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2018. № 4. С. 67–73.

9. *Кубасов И. А.* Разработка методов ДНК-фенотипирования для расследования и раскрытия преступлений // Вестник Воронежского института МВД России. 2022. № 2. С. 166–172.

10. Кластеризация объектов со слабо формализуемыми признаками на основе нейронной сети в виде слоя Кохонена / И. А. Кубасов, А. В. Мельников, С. А. Мальцев [и др.] // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. 2018. Т. 80, № 3(77). С. 86–91.

11. *Кубасов И. А.* Обеспечение доверия к искусственному интеллекту в судебной и правоохранительной деятельности // Искусственный интеллект и большие данные (Big data) в судебной и правоохранительной системе: реалии и требование времени : материалы международной научно-практической конференции, Астана, 19 мая 2023 г. Косшы: Академия правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан, 2023. С. 253–260.

12. *Кубасов И. А.* Искусственный интеллект, как драйвер цифровой трансформации МВД России // Криминологический журнал. 2023. № 2. С. 211–215.

13. *Кубасов И. А.* Применение технологий искусственного интеллекта в робототехнических комплексах специального назначения в целях обеспечения правоохранительной деятельности / И. А. Кубасов, В. И. Сушков // Вестник Воронежского института ФСИН России. 2022. № 3. С. 69–76.

14. *Кубасов И. А.* Перспективы развития квантовых вычислений // Информационные системы и технологии. 2023. № 2(136). С. 66–74.

Матанцев Дмитрий Александрович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин,
Академия управления МВД России

Некоторые особенности расследования ятрогенных преступлений

Аннотация

Настоящее исследование посвящено выявлению особенностей расследования преступлений, совершаемых при медицинском вмешательстве, характеристике типичных следственных ситуаций. К числу факторов, осложняющих процесс расследования данной категории преступлений, отнесены: отсутствие специальных медицинских познаний у сотрудников следственных органов, высокая степень латентности и риски корректировки медицинской документации, динамичный характер слеодообразования, обусловленный изменением психофизиологического состояния потерпевшего лица. Данные обстоятельства определяют необходимость оперативной организации следственных действий и привлечения к расследованию экспертов и специалистов со специальными медицинскими знаниями.

Ключевые слова и словосочетания: *ятрогенные преступления, расследование преступлений, следственные ситуации, следы преступления, медицинская деятельность.*

Расследование уголовных дел представляет собой сложный интеллектуально-волевой процесс, направленный на установление самого события преступления, всех обстоятельств его совершения, влияющих на квалификацию деяния, в том числе, смягчающих или отягчающих ответственность, определение виновного лица.

Как сложный трудоемкий процесс расследование предполагает организацию, структурирование на определенные этапы. На каждом этапе важно давать оценку имеющейся криминалистически значимой информации, исходя из этого, осуществлять эффективное планирование следственных действий, ставить и решать конкретные криминалистические задачи.

Еще в советское время в криминалистической теории шли дискуссии о количестве этапов расследования уголовно наказуемых деяний. Например, И. Н. Якимов предлагал выделять в исследуемом процессе три этапа: определение вещественного состава

деяния (данный этап позволяет решать главную задачу воссоздания события преступления в целом); собрание и использование улик (на данном этапе собранные доказательства должны позволить установить причастное к совершению преступления лицо); обследование предполагаемого виновника преступления (этот этап позволяет сделать окончательный вывод о доказанности вины конкретного лица в совершении преступления, предъявить ему обвинение)[12, с. 168–171].

Также весьма распространенной была точка зрения о двухэтапном процессе расследования. Первый этап (начальный) был связан с определением исходной информации о преступлении и причастных лицах, заканчивался предъявлением обвинения конкретному лицу. Второй этап (последующий) обуславливался процессуальной фиксацией собранных доказательств по делу и знаменовал окончание расследования [3, с. 391].

В последующем учеными-криминалистами данные два этапа были дополнены третьим – заключительным, который связывался с окончанием следственных действий и передачей дела прокурору, либо проведением дополнительных следственных действий, а также принятием решения о прекращении уголовного дела [3, с. 392].

Не останавливаясь подробно на всех аспектах дискуссии об этапах расследования преступных деяний, сфокусируем основное внимание на особенностях первоначального этапа расследования ятрогенных преступлений, его значимости, основных сложностях, возникающих у следователя на данном этапе.

Данный этап при расследовании любой категории преступлений имеет исключительно важное значение, поскольку от его правильной организации, качества выдвинутых версий, поставленных следователем задач, спланированных тактических действий во многом зависит дальнейшая судьба уголовного дела.

М. В. Кардашевская и Е. С. Шипилова, характеризуя первоначальный этап, выделяют комплекс свойственных ему специфических черт и сложностей, среди которых можно назвать:

- многоцелевой характер задач, связанных с описанием деяния, установлением и розыском виновных лиц;
- сложности интеллектуальной работы с первоначальным массивом информации, необходимость ее обработки в ограниченные временные рамки, отбора нужной информации и отказа от избыточной;
- существование одновременно динамичных и статичных условий расследования. Статичные условия связаны преимущественно с материальными следами преступления (обстановка совершения

деяния, его пространственное измерение, материальные объекты, являющиеся элементами картины преступления). Динамичные условия связаны с идеальными следами (лица, задействованные в преступлении – потерпевшие, свидетели, само виновное лицо);

- динамичные условия могут трансформироваться и изменяться (участники уголовного процесса могут забывать о каких-либо обстоятельствах, изменять показания в силу различных причин);

- исходные ситуации могут изменяться в зависимости от соотношения статических и динамических условий;

- необходимость применения комплексного подхода, который предполагает использование криминалистических, криминологических, уголовно-правовых, процессуальных, психологических и иных познаний;

- поливариантность способов решения задач этапа;

- сбор исходной информации не достаточен для решения всех задач, требуется сбор дополнительных сведений на последующем этапе [6, с. 9–10].

При расследовании ятрогенных преступлений обозначенные особенности и трудности проявляются еще более ярко.

Сама сфера медицинской деятельности представляет собой достаточно сложную информационную систему, разобраться в которой без наличия специальных познаний достаточно сложно. Не случайно медицинское профессиональное образование характеризуется более длительными сроками освоения и повышенными требованиями к квалификации дипломированного специалиста. Следовательно, обладающему общими правовыми и криминалистическими знаниями, но не имеющему медицинской квалификации сложно будет оценить механизм следообразования при ятрогении, выстроить необходимый комплекс следственных мероприятий.

Еще в октябре 2017 г. на рабочем совещании в Следственном комитете России его глава А. И. Бастрыкин обратил внимание на необходимость повышения профессиональной компетентности следователей по данной категории преступлений. Следователи должны не только знать общие принципы медицинской деятельности, но также детально разбираться в ее нормативно-правовой основе, использовать потенциал судебно-медицинской экспертизы, правильно ставить перед экспертами вопросы.

В 2018 г. в системе следственных подразделений Следственного комитета России произошла профессиональная специализация следователей, занимающихся расследованием преступлений в медицинской сфере. В некоторых следственных органах сформированы специальные отделы (центральный аппарат СК РФ, ГСУ по Москве,

Московской области, Санкт-Петербургу, Екатеринбург, Новосибирску, Хабаровску и др) [7]. Однако общую проблему дефицита профессиональных медицинских знаний эти частичные организационно-штатные мероприятия не решили.

Специальные медицинские познания необходимы для понимания механизма следообразования, определения документации, подлежащей изъятию и изучению в рамках предварительного расследования.

Так, говоря о следах ятрогении в области родовспоможения необходимо обращать внимание на физическое их проявление (в частности, кожный покров пациентки и новорожденного ребенка). Наличие у новорожденного повреждений кожного покрова может являться свидетельством грубого применения акушерских щипцов, их соскальзывания в процессе принятия родов [9, с. 186]. Деформация черепа новорожденного может свидетельствовать о неверно выбранной тактике извлечения живорожденного плода за голову путем ее сдавливания.

О характере медицинского вмешательства могут свидетельствовать следы инъекции, катетеризации вены, механические повреждения гортани, произведенные в процессе интубации, а также результаты анализов. Так, акушер-гинеколог в целях активизации родовой деятельности применила лекарственный препарат окситоцин. Однако внутривенная инъекция была осуществлена с большой скоростью, вследствие чего произошли нарушения в маточно-плацентарном кровотоке и внутриутробная асфиксия плода, которые в последующем повлекли отек мозга новорожденного и его гибель уже после рождения [1].

О бездействии медицинских работников могут говорить результаты химического исследования крови пациента, отсутствие в ней необходимых веществ, являющихся компонентами лекарственных препаратов.

Поскольку действия медицинских работников при оказании помощи регламентированы правовыми нормами и должны быть зафиксированы документально, изучение соответствующей документации открывает широкие возможности для установления картины произошедшего, определения ответственных лиц, степени их отступления от клинических рекомендаций.

Как отмечает Н. Б. Вахмянина, необходимо различать основную (первичную) медицинскую документацию и сопутствующую. В свою очередь, первичная документация подразделяется на три разновидности. Во-первых, это учетные и отчетные документы (к ним могут быть отнесены журналы регистрации пациен-

тов, история родов, история развития новорожденных, заключение патологоанатома и пр.). Во-вторых – рецептура лекарственных средств, направления на проведение различных обследований. В-третьих, задокументированные результаты медицинских исследований (результаты анализов, рентгенологического исследования, МРТ, кардиотокографии (КТГ), УЗИ и пр.). Сопутствующая документация позволяет сопоставлять ее с основной и выявлять возможные фальсификации, исправления в основной документации [4, с. 35–37].

В юридической литературе отмечается, что ятрогенные преступления обладают высокой степенью латентности. При этом нередко медицинскому сообществу приписывается корпоративная солидарность, которая затрудняет процесс расследования по делу [8, с. 82].

Безусловно, необходимо учитывать вероятность исправления медицинской документации в целях сокрыть факты ненадлежащего оказания медицинской помощи. Так, в одном из столичных родильных домов произошла гибель пациентки вследствие неудачной катетеризации и повреждении подпочечной артерии. Врачами медицинского учреждения был составлен новый протокол врачебного консилиума, в котором исправлено время выставления диагноза «септический шок при замершей беременности». В ходе оперативных мероприятий правоохранительными органами было установлено, что в указанное в протоколе время некоторые участники консилиума находились в других местах [11].

Однако в то же время исходить из презумпции недоверия медицинской документации и недобросовестности врачей при ее составлении нельзя. В таком случае следственная практика способна обернуться в карательно-инквизиционный процесс в отношении медицинских работников, отчего система здравоохранения не только не улучшится, а существенно пострадает.

Необходимо учитывать, что при ятрогенных преступлениях, как статичные, так динамичные условия проведения первоначального этапа способны существенно изменяться (т. е. все является динамичными). Поскольку при данной разновидности преступлений речь идет о здоровье человека, а физиологические процессы имеют развивающийся характер, это может привести к существенной трансформации и уничтожению изначальных следов ненадлежащего медицинского вмешательства. Состояние здоровья может, как улучшиться, первоначальные симптомы заболевания исчезнуть, так и, наоборот, к первоначальным проблемам со здоровьем могут присовокупиться иные осложнения, изменяющие первоначальную медицинскую картину.

Идеальные следы, воплощающиеся в показаниях различных участников уголовного процесса, также могут меняться с учетом психоэмоционального состояния. Например, женщина в процессе родов и в послеродовой период может быть сконцентрирована на собственных болевых ощущениях и не воспринимать адекватно действия медицинских работников. Родственники потерпевшей также чаще в силу тяжелого эмоционального состояния склонны к более критической оценке действий врачей.

С учетом сказанного первоначальные действия следственных органов должны быть максимально оперативными.

Для характеристики особенностей каждого этапа расследования в теории криминалистики предложена категория «следственная ситуация».

По утверждению Р. С. Белкина данная категория характеризует «совокупность условий, в которых на данный момент происходит расследование преступления» [2, с. 202].

Л. В. Сухарникова проводит анализ следственных ситуаций при расследовании ятрогенных преступлений и предлагает различные классификационные критерии.

Беря за основу такой критерий, как основания возбуждения уголовного дела, автор различает следующие следственные ситуации: расследование инициировано в результате служебной проверки в самом лечебном учреждении, по итогам экспертной комиссии комитета здравоохранения и пр.; расследование инициировано по заявлению потерпевшего пациента, его родственников, в результате общественного резонанса, обращений общественных активистов [10, с. 120].

На основе характеристики изначальной информации, имеющейся в распоряжении следственных органов, Л. В. Сухарникова предлагает различать очевидные, неочевидные и специфические ситуации [10, с. 122–123].

Однако степень полноты информации в рамках каждой ситуации варьируется. При очевидных ситуациях может быть достаточно определен сам факт совершения преступного деяния, при этом виновное лицо может быть изначально установлено либо предположительно установлено, либо не определено вовсе.

Неочевидные ситуации являются следствием выявления признаков ятрогенного преступления при расследовании иных уголовных дел. Например, по делам о причинении вреда жизни и здоровью могут быть выявлены сопутствующие заболевания, явившиеся следствием медицинского вмешательства.

Специфические ситуации связаны со спецификой расследования конкретного криминального обстоятельства. Они могут быть связаны с особенностями патологии, психоэмоционального состояния, поведения потерпевшего лица и иных участников дела.

Я. И. Иванова, опираясь на особенности преступлений в сфере родовспоможения, предлагает следующие классификации следственных ситуаций:

- в зависимости от специфических черт потерпевшего лица: ситуации причинения вреда жизни матери, жизни ребенка, здоровью матери, здоровью ребенка, одновременного причинения вреда как матери, так и ребенку;

- с учетом времени и места совершения преступления: до родов, в процессе их приема, после окончания родов, но при нахождении в лечебном учреждении, после выписки из лечебного учреждения. Учет времени и места позволит изучать тактику поведения различных субъектов, включая саму потерпевшую женщину;

- в зависимости от вредных последствий и способа причинена вреда: нанесение травмы, инфицирование, неправильная терапия или уход за больным [5, с. 99].

При этом автор отмечает, что, как правило, следователь изначально обладает данными о неблагоприятных последствиях медицинской помощи и лицах, принимавших участие в ее оказании. В то же время причинно-следственные связи, вина медицинского работника очевидны далеко не во всех случаях. Исходя из этого, различными будут и алгоритмы действий следователя.

Завершая настоящий, небольшой по своему объему, научный очерк необходимо отметить, что при расследовании ятрогенных преступлений следственные ситуации, с одной стороны, типичны и обусловлены в целом недостаточным объемом информации о событии преступления. С другой стороны, в отличие от многих других преступлений вредные последствия медицинского вмешательства и круг возможных лиц, виновных в его совершении, является более определенным. При этом динамизм их развития, риски уничтожения и сокрытия следов преступления предопределяют необходимость оперативной организации и проведения первоначальных следственных действий.

Список литературы:

1. Апелляционное Постановление Приморского краевого суда от 16 ноября 2020 г. по делу № 22-3762/20 URL: <https://судебные-решения.рф/54617414> (дата обращения: 12.08.2025).

2. *Белкин Р. С.* Криминалистическая энциклопедия. М. : Мега-трон XXI, 2000. С. 202.

3. *Белкин Р. С.* Курс криминалистики в 3 т. Т. 3. Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М. : Юристь, 1997. С. 391.

4. *Вахмянина Н. Б.* Поиск документов в ходе расследования ятрогенных преступлений // Досудебное производство по уголовным делам о профессиональных преступлениях, совершенных медицинскими работниками : матер. межд. науч.-практ. конф. (15 февраля 2018 г.) / под общ. ред. А. М. Багмета. М. : Московская акад. СК России, 2018. С. 35–37.

5. *Иванова Я. И.* Методика расследования ятрогенных преступлений, совершенных в сфере родовспоможения : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 99.

6. *Кардашевская М. В., Шитилова Е. С.* Этапы процесса расследования и их характеристика // Таврический научный обозреватель. 2015. № 2. С. 9–10.

7. Минздрав предупреждает: в СКР появятся отделы по врачебным ошибкам. URL: https://www.rbc.ru/society/29/11/2018/5bffa0419a79470a75dba1be?utm_source=pushc (дата обращения: 10.08.2025).

8. *Огнерубов Н. А.* Ятрогенная преступность: причины и меры предупреждения // Социально-экономические явления и процессы. 2010. № 4. С. 121–126.

9. *Сердюков М. Г.* Судебная гинекология и судебное акушерство / 2-е изд., перераб. и доп. М. : «Медицина», 1964. С. 186.

10. *Сухарникова Л. В.* Особенности расследования неосторожного причинения вреда жизни и здоровью граждан медицинскими работниками в процессе профессиональной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2006. С. 120.

11. *Тузлукова М. В.* Способы сокрытия ятрогенных преступлений, следов их совершения и криминалистические методы их установления // Теория и практика судебной экспертизы. 2019. № 14. С. 32–42.

12. *Якимов И. Н.* Практическое руководство к расследованию преступлений. М., 1924. С. 168–171.

Мещерякова Татьяна Анатольевна,
научный сотрудник отдела по
изучению социальных процессов
и разработке комплексных проблем
обеспечения правопорядка
научно-исследовательского центра,
Академия управления МВД России
E-mail: tmeshcheriakova3@mvd.ru

Обстоятельства, подлежащие доказыванию при расследовании преступлений с участием средств индивидуальной мобильности

Аннотация

В статье рассмотрены вопросы, касающиеся установления обстоятельств, подлежащих доказыванию, при расследовании преступлений, связанных с нарушением правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта, правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, и некоторые особенности при расследовании преступлений с участием средств индивидуальной мобильности.

Ключевые слова и словосочетания: преступления, транспортные средства, средства индивидуальной мобильности, кикшеринг, операторы, дорожно-транспортные происшествия.

Автомобилю как механическому транспортному средству даже с учетом того, что он является источником повышенной опасности, какие-либо криминальные начала не свойственны. Законы, в том числе Уголовный кодекс, обращены к людям, предписывают им определенное поведение и предусматривают наказание за виновные действия (бездействие), повлекшие общественно опасные последствия. Однако многообразие форм участия и способов использования автомобиля в различного рода преступлениях дает основание говорить о его криминальном потенциале, возможностях, используемых в противоправных действиях.

Преступные посягательства, связанные с транспортными средствами, наносят серьезный экономический ущерб, а также создают предпосылки для повышения уровня аварийности 4.

В составе наземного транспорта большую популярность приобретают средства индивидуальной мобильности (далее – СИМ).

С увеличением интенсивности движения СИМ произошел рост аварийности. Так, в 2024 году на тротуаре (пешеходной дорожке, пешеходной зоне) произошло 37,6 % дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП) от общего количества с участием СИМ, на перегоне – 16,6 %, при выезде с прилегающей территории – 10,6 %, на нерегулируемом пешеходном переходе – 9,5 %, на внутридворовой территории – 9,4 %, на нерегулируемом перекрестке неравнозначных улиц (дорог) – 9,1 %, на регулируемом пешеходном переходе – 8,1 %, на регулируемом перекрестке – 7,3 %, в других местах – 2,9 %, на автостоянке – 1,4 %, на нерегулируемом перекрестке равнозначных улиц (дорог) – 0,7 % (сумма долей превышает 100 % в связи с тем, что место ДТП одновременно может располагаться на нескольких объектах улично-дорожной сети) [3, с. 16].

Следует отметить, что по итогам 2024 года 92,6 % погибших и 70,5 % раненых в ДТП с участием СИМ – лица, ими управляющие. Пешеходы в подобных ДТП реже получают травмы: 3,7 % погибших и 22,3 % раненых. Водители и пассажиры механических транспортных средств получили ранения в 0,4 % случаев [3, с. 15].

Раскрытие преступлений зависит от многих факторов: подготовки следователей, наличия специальных измерительных средств, объема доступной информации, помощи квалифицированных специалистов и т. д. [1, с. 43].

Далеко не всегда на первоначальном этапе расследования удастся однозначно установить все требуемые обстоятельства. Наиболее трудно устанавливаются обстоятельства, имевшие место до применения экстренного торможения, до начала волочения, до первоначального контакта, то есть в начальной стадии происшествия [2, с. 10].

При расследовании преступлений, связанных с нарушением правил, обеспечивающих безопасную работу транспорта, правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств подлежат выяснению следующие обстоятельства:

- 1) событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления);
- 2) виновность лица в совершении преступления, форма его вины и мотивы;
- 3) обстоятельства, характеризующие личность обвиняемого;
- 4) характер и размер вреда, причиненного преступлением;
- 5) обстоятельства, исключающие преступность и наказуемость деяния;
- 6) обстоятельства, смягчающие и отягчающие наказание;

7) обстоятельства, которые могут повлечь за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания;

8) обстоятельства, способствовавшие совершению преступления¹.

При расследовании преступлений с участием СИМ обстоятельства, подлежащие доказыванию, имеют некоторые отличия от ДТП с участием механических транспортных средств. Причинами являются особенности конструкции СИМ, системы управления, аренды, определения собственника и лица, управляющего СИМ в рассматриваемый период времени.

Важное значение имеет вопрос принадлежности СИМ: личная собственность граждан или аренда. В случае, если СИМ находятся в собственности физических лиц, установить лиц, управляющими данными средствами передвижения можно с помощью свидетелей, очевидцев, потерпевших, собственников СИМ, информации с камер видеонаблюдения и видеорегистраторов. Однако, в случае, если СИМ скрылось с места совершения преступления или административного правонарушения, если была совершена кража СИМ, при установлении лица, им управляющего, возникают некоторые сложности.

Значительным объемом информации о лицах, совершающих преступления и административные правонарушения с участием СИМ, располагают операторы кикшеринга, например, МТС Юрент, Whoosh, Яндекс.Go, MOLNIA, Eleven, Бумеранг, lite, Карусель, Matur.city, Sun Rent, ПоПути, Bike&Go, Red Wheels, toGo, Рушеринг, BusyFly, ScooBee, Zevs, Mangoo, E-motion Sharing, Shark, Ecoway, Greenbee, Yes Sharing, SmartWheels, LifeStyle, Samocat Sharing.

Согласно данным ПАО «ВУШ Холдинг», компании-разработчика технологических решений для микромобильности и ведущего оператора кикшеринга, за 12 месяцев 2024 года, количество СИМ, подключенных к сервису Whoosh (ВУШ) составило 214,2 тыс. единиц (выше показателей аналогичного периода 2023 года на 43 %), выполнено 149,7 млн. (+44 %) поездок, зарегистрировано 27,6 млн. (+35 %) аккаунтов сервиса Whoosh, количество поездок на активного пользователя – 20 (+39 %). В целях снижения опасных ситуаций на тротуарах, компаниями Яндекс Go, МТС Юрент и Whoosh с 17 апреля 2025 года лимит скорости электросамокатов операторов

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // СПС Консультант Плюс (дата обращения: 03.07.2025).

кикшеринга снижен до 20 км/ч. Вместе с тем, по статистике операторов, большинство пользователей СИМ передвигается по тротуарам со средней скоростью 17–20 км/ч. Доля людей с агрессивным стилем вождения СИМ составляет менее 1 %. Согласно данным ПАО «ВУШ Холдинг», аварийность связана с нарушениями Правил дорожного движения и правил сервиса: детский возраст, неспешивание или пересечение дороги в неположенном месте, поездки вдвоем. В целях исключения подобных нарушений кикшеринги налагают штрафы на нарушителей (их не более 2 % от поездок) [5].

Особенность передвижения на арендованных СИМ состоит в том, что требуется мобильное приложение сервиса аренды и необходимость привязать банковскую карту для оплаты. В приложении лицо, желающее выполнить поездку на СИМ, находит карту с доступными средствами передвижения, выбирает подходящее, сканирует QR-код на руле (или вводится номер СИМ), выбирается тариф и поездка начинается. Завершается аренда в специальной зоне, обозначенной на карте, через приложение. Установить лицо, управляющее арендованным СИМ в определенный период времени, на определенном участке, допущенное нарушение Правил дорожного движения возможно при получении информации от оператора кикшеринга. Трудности возникают при использовании аккаунта третьими лицами.

Таким образом, ДТП с участием СИМ выделяются в отдельную подгруппу преступлений среди преступлений против безопасности дорожного движения. В зависимости от конкретной обстановки участка улично-дорожной сети, принадлежности СИМ, перечень обстоятельств, подлежащих исследованию, различен.

Список литературы:

1. *Васильев А. Н., Мурьюсин Г. Н., Якубович Н. А.* Планирование расследования преступлений. М. : Госюриздат, 1957. 199 с.
2. *Мешков В. М., Лысенко В. В.* Дорожно-транспортные преступления: уголовно-правовая и криминалистическая характеристика. Роль и значение фактора времени в расследовании : научно-практическое пособие. Калининград : Калининградский юридический институт МВД России, 2002. 60 с.
3. *Митрошин Д. В., Баканов К. С., Ляхов П. В. [и др.].* Влияние средств индивидуальной мобильности на состояние дорожно-транспортной аварийности в Российской Федерации в 2024 году // Безопасность дорожного движения. 2025. № 1. С. 14–19.

4. *Сазонов Л. Е.* Автомобиль и преступность // Совершенствование правовой базы и взаимодействия правоохранительных органов различных государств в борьбе с терроризмом и экстремизмом : материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 13 мая 2003 г. Часть 1 / под общей ред. В. П. Сальникова. СПб : Санкт-Петербургский университет МВД России, 2003. С. 316–319.

5. Whoosh публикует операционные результаты за 12 месяцев 2024 года. URL: http://news.whoosh-bike.ru/whoosh_2024 (дата обращения: 06.06.2025).

Митин Владимир Сергеевич,
адъюнкт 3 факультета
(подготовки научных и научно-
педагогических кадров),
Академия управления МВД России
E-mail: v.mitin1988@yandex.ru

Совершенствование механизмов административного выдворения иностранных граждан в контексте изменений миграционного законодательства Российской Федерации

Аннотация

В статье рассматриваются ключевые изменения миграционного законодательства Российской Федерации, введенные Федеральным законом № 260-ФЗ от 8 августа 2024 г.¹, а также их влияние на деятельность органов внутренних дел (далее – ОВД) в сфере контроля за пребыванием иностранных граждан. Особое внимание уделено новым механизмам регулирования, включая сокращение сроков временного пребывания, введение режима высылки, создание Реестра контролируемых лиц и усиление административной ответственности. Анализируются практические проблемы реализации данных норм, такие как недостаточная материально-техническая база, межведомственная координация и правовые коллизии. Предлагаются меры по повышению эффективности административного выдворения, включая цифровизацию процессов, совершенствование нормативной базы и повышение квалификации сотрудников ОВД.

Ключевые слова и словосочетания: административное выдворение, миграционный контроль, иностранные граждане, законодательные изменения, органы внутренних дел, реестр контролируемых лиц.

Административное выдворение является одной из ключевых мер государственного принуждения, применяемой в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, нарушивших мигра-

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 260-ФЗ // СПС КонсультантПлюс (дата обращения: 03.07.2025).

ционное законодательство. В последние годы законодательство в данной сфере претерпело существенные изменения, что повлекло за собой как позитивные, так и негативные последствия для правоприменительной практики ОВД. До внесения последних изменений, правоприменители сталкивались со следующими проблемами: несовершенство механизма выдворения иностранных граждан, отсутствие единой межведомственной информационной системы, влияние на демографическую политику Российской Федерации и другие.

Так, Н. В. Никитин в своих трудах отмечает, что сам процесс принудительного выдворения иностранных граждан с территории Российской Федерации является комплексной процедурой, имеющей ряд последовательных этапов, начиная с возникновения оснований для принудительного выдворения иностранных граждан и заканчивая самой отправкой лиц на территорию своего родного государства. Создание всесторонне развитого механизма выдворения иностранных граждан за границу является необходимым условием для защиты самих иностранных граждан, подпадающих под процесс выдворения за пределы Российской Федерации, с чем сегодня на практике возникают проблемы [4, с. 289].

Демографическое развитие России требует реформирования миграционной политики. Основу этого процесса составляют ключевые документы: Распоряжение Президента Российской Федерации № 58-рп от 06.03.2019 (о рабочей группе по Концепции миграционной политики на 2019–2025 гг.)¹ и Перечень поручений Президента Российской Федерации от 06.03.2020². В них подчеркивается, что частичные поправки или ужесточение санкций не решат системных проблем. Предложенные меры конкретизируют Концепцию по шести направлениям: упрощение получения вида на жительство и гражданства, унификация правил долгосрочного пребывания, обновление трудовой миграции, усиление безопасности, цифровизация управления и дополнительные инструменты реализации реформы [3, с. 43–44].

О том, что ключевой проблемой административного выдворения выступает отсутствие единой межведомственной информационной системы в ОВД отмечает Е. Е. Новичкова. По ее мнению,

¹ О рабочей группе по реализации Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы : распоряжение Президента Рос. Федерации от 6 марта 2019 г. № 58-рп.

² Перечень поручений по вопросам реализации Концепции государственной миграционной политики на 2019–2025 годы, утвержденный Президентом Рос. Федерации от 6 марта 2020 г. № Пр-469.

это создает системные трудности на этапе идентификации и задержания иностранных граждан или лиц без гражданства. Также указывает на основные операционные сложности: проблемы идентификации (задержанные зачастую не имеют при себе документов, намеренное сокрытие удостоверений личности, предоставление фиктивных анкетных данных); ограниченный доступ к верификации (сотрудники полиции не обладают полномочиями самостоятельной проверки личности; функционал доступен исключительно специалистам Управления по вопросам миграции); системные последствия (невозможность помещения неидентифицированных лиц в спецучреждения временного содержания); сбои в процедуре выдворения из-за отсутствия координации между ведомствами [5, с. 315]. Существующий механизм административного выдворения характеризуется институциональной фрагментацией, что проявляется в отсутствии законодательно закрепленного регламента процедуры и дефиците единого федерального реестра данных о мигрантах.

В связи с необходимостью решения вышеперечисленных проблемных аспектов 8 августа 2024 г. Президентом Российской Федерации были подписаны два значимых нормативных акта: Федеральный закон № 260-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ и Федеральный закон № 248-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»². Эти правовые новеллы направлены на усиление контроля за пребыванием иностранных граждан и лиц без гражданства на территории РФ, а также на совершенствование механизмов их административного выдворения.

Создание централизованной базы персональных данных иностранных граждан с универсальным доступом для силовых структур обеспечивает:

1. Оперативную идентификацию.
2. Межведомственную координацию.
3. Повышение эффективности исполнения решений о выдворении.

Основные изменения, вступившие в силу с 5 февраля 2025 года, затрагивают:

¹ О временных мерах по урегулированию правового положения отдельных категорий иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с применением режима высылки : Указ Президента Рос. Федерации от 30 декабря 2024 г. № 1126.

² О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 248-ФЗ.

1. Сокращение разрешенного срока временного пребывания иностранных граждан. Ранее иностранные граждане, прибывшие в Россию в безвизовом порядке, могли находиться на территории страны до 90 суток в течение каждого периода в 180 суток. Новые изменения, вероятно, предусматривают сокращение этого срока. Это потребует от сотрудников ОВД усиления контроля за соблюдением миграционного законодательства, оперативного выявления лиц, превысивших разрешенный срок пребывания, и своевременного инициирования процедур административного выдворения. Проблема заключается в необходимости оперативной обработки больших объемов информации и координации действий различных подразделений ОВД, таких как: участковых уполномоченных полиции, инспекторов по делам несовершеннолетних, сотрудников уголовного розыска, дежурных частей, а также Службы по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан.

2. Введение режима высылки. Введение режима высылки представляет собой новую меру, направленную на урегулирование правового статуса иностранных граждан, подлежащих выдворению. Это, вероятно, подразумевает установление для таких лиц определенных ограничений и обязанностей, например, явку в отделы полиции, запрет на выезд из определенной местности и т. д. Для ОВД это означает необходимость разработки механизмов контроля за соблюдением режима высылки, а также обеспечение взаимодействия с другими ведомствами (например, ФСБ России) для эффективного применения данной меры.

3. Ведение реестра контролируемых лиц. Федеральный закон № 260-ФЗ предусматривает создание и ведение Реестра контролируемых лиц – иностранных граждан, в отношении которых установлены определенные ограничения и обязанности. Для ОВД это означает необходимость ведения и актуализации данного реестра, обеспечения его доступности для сотрудников, уполномоченных на осуществление контроля за иностранными гражданами. Важно обеспечить защиту персональных данных, содержащихся в реестре, и соблюдение требований законодательства о защите информации.

4. Проверка нахождения иностранного гражданина, внесенного в Реестр контролируемых лиц, применение запретов. Одним из ключевых полномочий ОВД является проверка нахождения иностранного гражданина, внесенного в Реестр контролируемых лиц, и применение к нему установленных запретов.

Сбор данных о гражданах, не является новым полномочием, но потребует от сотрудников ОВД знания актуальной информации, содержащейся в реестре, а также умения оперативно выявлять нару-

шения установленных ограничений. Возможные проблемы связаны с техническими сложностями доступа к реестру в удаленных местностях, а также с недостаточной подготовкой сотрудников ОВД к работе с новыми информационными системами.

В. М. Емельянов в своих трудах отмечает, что сотрудники полиции имеют право собирать информацию о контролируемых лицах, а именно: запрашивать данные, составляющие банковскую, налоговую и коммерческую тайну, сведения о движении денежных средств на счетах, вести наблюдение за ними с использованием технических средств, получать доступ к данным мобильных устройств и геолокации, а также входить в жилые помещения, в которых проживают или находятся контролируемые лица [2, с. 43–44].

Проверить нахождение иностранного гражданина в Реестре контролируемых лиц возможно через:

- 1) официальный сайт МВД России (мвд.рф);
- 2) единый портал государственных и муниципальных услуг (gosuslugi.ru).

Таким образом, при выявлении в рамках проведения профилактического обхода, либо в ходе проведения рейдовых оперативно-профилактических мероприятий, а также при задержании иностранного гражданина, сотрудники полиции смогут проверить законность его нахождения на территории РФ.

Несмотря на прогрессивный характер изменений, их реализация сталкивается с рядом трудностей. Помимо вышеуказанных сложностей, связанных с новыми изменениями законодательства, существуют и другие проблемы, затрудняющие эффективную реализацию полномочий ОВД по осуществлению административного выдворения, такие как:

- недостаточная материально-техническая база. ОВД зачастую испытывают недостаток в технических средствах, необходимых для выявления и задержания иностранных граждан, подлежащих выдворению. Это касается, в частности, средств видеонаблюдения, транспортных средств, в том числе ГСМ, средств связи;

- недостаточное финансирование процедуры выдворения. Процедура административного выдворения связана с определенными финансовыми затратами, такими как оплата проезда, содержание в специальных учреждениях, оформление документов. Недостаточное финансирование может приводить к затягиванию сроков выдворения и создавать дополнительные проблемы для ОВД;

- проблемы взаимодействия с другими ведомствами. Эффективное осуществление административного выдворения требует тесного взаимодействия ОВД с другими ведомствами, такими

как Служба по вопросам гражданства и регистрации иностранных граждан, Пограничная служба ФСБ России, Федеральная служба судебных приставов. Несогласованность действий, затягивание сроков рассмотрения документов и другие проблемы могут существенно затруднять процесс выдворения;

– правовые коллизии и пробелы в законодательстве. Несмотря на постоянное совершенствование миграционного законодательства, в нем все еще существуют правовые коллизии и пробелы, которые могут затруднять применение мер административного выдворения. Например, сложность может представлять установление личности иностранного гражданина, не имеющего документов, удостоверяющих личность. Как отмечает профессор И. А. Адмиралова, вызывают особенную озабоченность лица, пребывающие на территории Российской Федерации и не имеющие документов, удостоверяющих личность, а также не имеющие возможность подтвердить свою гражданскую принадлежность к какому-либо государству и предлагает решить эту проблему путем выдачи документа, который мог бы являться альтернативой паспорта гражданина [1, с.108].

Для повышения эффективности реализации полномочий сотрудниками ОВД по осуществлению административного выдворения необходимо:

1. Совершенствование законодательства. Необходимо продолжить деятельность по совершенствованию миграционного законодательства, устранению правовых коллизий и пробелов, а также разработке четких и понятных инструкций для сотрудников полиции.

2. Укрепление материально-технической базы. Снабдить ОВД необходимыми техническими средствами, транспортными средствами и средствами связи для эффективного выявления и задержания иностранных граждан, подлежащих выдворению.

3. Увеличение финансирования процедуры выдворения. Требуется обеспечить достаточное финансирование процедуры административного выдворения для своевременной оплаты проезда, содержания в специальных учреждениях и оформления документов.

4. Совершенствование взаимодействия. Организовать эффективное взаимодействие ОВД с другими ведомствами, задействованными в процедуре административного выдворения, в том числе путем проведения совместных учений и разработки совместных инструкций.

5. Повышение квалификации сотрудников ОВД. Важно регулярно проводить обучение и повышение квалификации сотрудников ОВД, занимающихся вопросами миграции, в том числе

по вопросам применения новых информационных технологий и работы с Реестром контролируемых лиц.

Также одним из важных направлений повышения эффективности работы ОВД является внедрение современных информационных технологий. Создание единой информационной системы, объединяющей базы данных различных ведомств (МВД, ФСБ, ФССП), позволит оперативно обмениваться информацией об иностранных гражданах, подлежащих выдворению, отслеживать их перемещения и контролировать соблюдение установленных ограничений.

Важно обеспечить интеграцию Реестра контролируемых лиц с другими информационными системами ОВД и других ведомств, чтобы сотрудники, особенно несущие службу по охране общественного порядка и общественной безопасности, имели возможность оперативно получать актуальную информацию о правовом статусе иностранного гражданина.

Следует усилить взаимодействие ОВД с институтами гражданского общества, такими как общественные организации, национальные диаспоры и религиозные объединения. Эти организации могут оказывать содействие в выявлении иностранных граждан, нарушающих миграционное законодательство, а также в проведении профилактической работы среди мигрантов. Важно построить конструктивный диалог с представителями различных этнических и культурных групп, чтобы учитывать их интересы и потребности при реализации миграционной политики.

В заключение следует отметить, что эффективная реализация полномочий ОВД по осуществлению административного выдворения является важной задачей, направленной на обеспечение национальной безопасности и поддержание правопорядка в стране. Решение проблем, связанных с применением данной меры административного принуждения, требует комплексного подхода, включающего совершенствование законодательства, укрепление материально-технической базы ОВД, улучшение взаимодействия с другими ведомствами и повышение квалификации сотрудников. Новые изменения в законодательстве, в частности, Федеральный закон № 260-ФЗ, требуют от сотрудников ОВД адаптации к новым условиям и разработки эффективных механизмов контроля за иностранными гражданами, находящимися на территории Российской Федерации.

Реализация предложенных мер позволит повысить эффективность деятельности ОВД по осуществлению административного выдворения, обеспечить соблюдение законности и прав человека, а также укрепить национальную безопасность и правопорядок.

док в стране. Эффективная миграционная политика, основанная на принципах законности, справедливости и гуманизма, является важным фактором устойчивого развития российского общества.

Список литературы:

1. Адмиралова И. А. К вопросу о проблеме пребывания в Российской Федерации лиц, не имеющих документов, удостоверяющих личность / И. А. Адмиралова, А. В. Зубач // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. 2020. № 1(53). С. 107–109.
2. Емельянов В. М. Инновации миграционного законодательства как стимул повышения эффективности деятельности полиции // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2024. № 3(69). С. 38–47.
3. Миграционные вызовы международной и национальной безопасности / А. В. Торкунов, С. В. Рязанцев, О. Д. Воробьева [и др.]. Москва : МГИМО, 2021. 40 с.
4. Никитин Н. В. Некоторые аспекты массового выдворения иностранных граждан // Закон и право. 2024. № 1. С. 288–293.
5. Новичкова Е. Е. Исполнение постановлений об административном выдворении иностранных граждан и лиц без гражданства за пределы Российской Федерации // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сборник материалов XXIV международной научно-практической конференции, Иркутск, 06–07 июня 2019 года / Иркутск : Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. С. 314–317.

Сатдинов Ленар Вазыхович,
кандидат юридических наук,
ведущий научный сотрудник
научно-исследовательского центра,
Академия управления МВД России
E-mail: LenarSV01@mail.ru

Объективная истина – незыблемая фундаментальная ценность в отечественном уголовном судопроизводстве

Аннотация

В научной статье автор на основе комплексного анализа совокупности условий и предпосылок, необходимых для правильного и справедливого разрешения уголовных дел, определил место, роль и значение объективной истины, как основной фундаментальной ценности на любом из этапов исторического развития отечественного уголовного судопроизводства. Также в статье обосновывается первостепенная роль и значение объективной истины на современном этапе развития уголовно-процессуальных отношений, характеризующихся сугубо состязательным характером, стремлением к упрощенным видам уголовного судопроизводства и приоритетами, направленными на процессуальную экономию и реализацию разумных сроков уголовного судопроизводства.

Ключевые слова и словосочетания: объективная истина, уголовное судопроизводство, фундаментальная ценность, объективность, всесторонность, полнота расследования.

Уголовное судопроизводство – сфера деятельности органов дознания, следствия, прокуратуры и суда, в которой путем последовательного производства следственных и процессуальных действий осуществляется полное и всестороннее познание события совершенного преступления и совокупности всех обстоятельств его совершения. Закономерным и желаемым итогом данной процессуальной деятельности должно стать декларируемое законодателем правильное и справедливое разрешение уголовного дела. Однако, для достижения данной позитивной цели, а вместе с тем защиты прав и свобод лиц и организаций, пострадавших в результате противоправного деяния, от правоохранительных органов требуется

установление полной и объективной картины совершенного преступления.

Ключевую роль в алгоритме выявления, извлечения, исследования и оценки доказательств играет объективная истина, которая по своей сути является тем положительным результатом, к достижению которого стремится правоприменитель на любой из стадий движения уголовного дела [3, с. 217].

Отличительной особенностью сферы уголовно-процессуальных отношений является то, что любая допущенная процессуальная ошибка, неверное либо необоснованно принятое решение на любой из стадий уголовного судопроизводства могут повлечь за собой тяжкие и практически непоправимые юридические последствия для конкретного лица или группы лиц. Поэтому именно в сфере уголовного судопроизводства требуется создание эффективного механизма по установлению события совершенного преступления вплоть до мельчайших деталей, которые впоследствии могут иметь значение для расследования и разрешения уголовного дела. Любое из фактических обстоятельств совершенного преступления, которое имело место в реальной (объективной) действительности, но при этом осталось проигнорированным органами предварительного расследования, априори не может учитываться при квалификации преступления, а также при принятии процессуальных решений. Данное упущение исключительно в негативном ключе сказывается на дальнейшем движении уголовного дела, а вместе с тем и на возможностях полноценной реализации прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства и справедливости итогового решения по уголовному делу [1, с. 64].

В истории отечественного уголовного процесса круг вопросов, связанных с достижением истины всегда вызывал живой, неподдельный интерес, как со стороны ученых-процессуалистов, так и практических работников. Данные вопросы не потеряли своей актуальности и сегодня, продолжая оставаться востребованными и значимыми в современных реалиях развития уголовного судопроизводства. Подтверждением этому может служить относительно недавняя законодательная инициатива Следственного комитета Российской Федерации, предложившего внести изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, связанные с необходимостью установления объективной истины по уголовному делу¹. Разработчики данного проекта глубоко убеждены, что

¹ Проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением института установления объ-

нормативное закрепление института установления объективной истины по уголовному делу позволит обеспечить гарантии конституционного права на справедливое правосудие, а вместе с тем и повысить степень доверия граждан к правосудию. Указанное предложение Следственного комитета Российской Федерации, безусловно, следует рассматривать исключительно в положительном ключе, как позитивное стремление, направленное на объективное и всестороннее познание события совершенного преступления и всех его обстоятельств с целью правильного и справедливого разрешения уголовного дела.

Объективная истина с точки зрения материалистической теории познания определяется как соответствие наших знаний о мире самому миру, объективной действительности [2, с. 39]. С точки зрения уголовного процесса объективной истиной является согласованность информации, содержащейся в окончательных выводах и решениях следственных органов, прокуратуры и суда об обстоятельствах, которые включены в предмет доказывания по уголовному делу [4, с. 113].

В контексте уголовно-процессуальных отношений, объективная истина является целью уголовно-процессуального доказывания. Именно благодаря установлению объективной истины, правоприменителю удастся принять окончательные выводы относительно всех обстоятельств совершенного преступления и отразить их в итоговых процессуальных решениях по уголовному делу.

Однако необходимо отметить, что установление объективной истины является процессом довольно сложным, многогранным и неразрывно связанным с необходимостью последовательного познания прошлого события и комплекса всех взаимосвязанных обстоятельств, относящихся к событию преступления в соответствии с тем, как они на самом деле имели место, без малейших искажений и субъективных интерпретаций со стороны субъекта доказывания. Нередко данный правовой процесс на своем пути встречает различного рода барьеры и препятствия, необоснованно оттягивающие временные рамки отыскания истины по уголовному делу. В силу этого установление истины в рамках уголовного судопроизводства предполагает под собой реализацию следующих взаимосвязанных между собой элементов, а именно: раскрытие расследуемого преступления; установление виновного лица, формы

его вины и мотива совершенного преступления; установление всех соучастников преступления, характера участия и степени их вины в совершенном противоправном деянии; установление вида и точного размера вреда, причиненного преступлением; установление наличия или отсутствия обстоятельств, исключающих преступность и наказуемость деяния. Поэтапный процесс установления истины по уголовному делу призван дать достоверные и исчерпывающие ответы на все вышеуказанные вопросы, гарантировав в конечном счете получение неопровержимых доказательств, обеспечивающих в совокупности законные, обоснованные и мотивированные решения по существу уголовного дела.

Необходимо отметить, что объективная истина, а также наличие реальных предпосылок и процессуальных возможностей по ее установлению является незыблемой фундаментальной ценностью в отечественном уголовном судопроизводстве независимо от типа и этапа его исторического развития. Отечественный уголовный процесс, начиная еще со времен действия первого свода законов Древней Руси – Русской Правды вплоть до сегодняшних дней, всегда в первоочередном порядке был всецело ориентирован и устремлен на беспристрастное, всестороннее и полное установление истины по каждому совершенному преступлению. Для отечественного уголовного процесса безусловным приоритетом всегда являлась и является возможность разобраться в фактической сути совершенного преступления, невзирая на сложность расследования, неоднозначный и даже противоречивый характер обстоятельств его совершения и возможное противодействие расследованию со стороны заинтересованных в исходе уголовного дела лиц.

Следует отметить, что если для уголовно-процессуальных законодательств многих стран Западного мира первичной ценностью является возможность ускоренного производства по уголовному делу, заключение обвиняемым сделки с правосудием, при безоговорочном и полном признании им вины (несмотря на то, что многие обстоятельства совершенного преступления остаются не установленными и не исследованными), то для отечественного законодателя и правоприменителя первичным приоритетом всегда было и остается необходимость достижения истины в уголовном судопроизводстве, стремление беспристрастно и всесторонне разобраться в сути и всех обстоятельствах совершенного преступления, что беспрекословно гарантирует неотвратимость уголовной ответственности и наказания лицу, виновному в совершении преступления и в то же время обеспечивает освобождение от уголовной ответ-

ственности и наказания лицу, невиновному в совершении противоправного деяния.

Подводя итог, необходимо отметить, что у субъекта уголовно-процессуального доказывания на любой стадии уголовного судопроизводства должна быть внутренняя социальная установка, ориентирующая его на достижение истины, невзирая на любые сложности и препятствия на пути к ее достижению. Следовательно (дознатель), судья, принимая уголовное дело к своему производству изначально должен быть нацелен на установление объективной истины по нему, на объективное, всестороннее и полное установление всех обстоятельств совершенного преступления.

Список литературы:

1. Антонов И. А., Сатдинов Л. В. Факторы, препятствующие установлению объективной истины, и уголовно-процессуальные средства их преодоления // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 1 (61). С. 61–69.

2. Антонов И. А., Сатдинов Л. В. Установление объективной истины в уголовном судопроизводстве: возвращаясь к истокам // Юридическая наука: история и современность. 2020. № 6. С. 112–116.

3. Анучина О. В., Сатдинов Л. В. Установление объективной истины как гарантия правильного разрешения уголовного дела // Криминалистика, уголовный процесс и судебная экспертология в XXI веке: векторы развития (к 70-летию кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России) : сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции: в 3 ч. Москва, 2025. С. 216–219.

4. Левченко О. В. К вопросу о понятии объективной истины по уголовному делу // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2012. № 1. С. 39–42.

Утегенов Нурболат Абдималикович,
докторант Академии правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан
E-mail: nurikutegenov24@gmail.com

Использование цифровых форм при проведении следственных действий

Аннотация

В условиях цифровизации правоохранительной системы Республики Казахстан особое значение приобретает внедрение современных технологий в процесс досудебного расследования. В статье рассматриваются проблемы традиционного порядка проведения следственных действий, связанные с необходимостью физической явки участников, высокими временными и организационными затратами, а также рисками нарушения оперативности расследования. Особое внимание уделяется перспективе использования цифровых форм, включая внедрение QR-кодов, привязанных к электронной цифровой подписи (ЭЦП) участников, что позволит проводить допросы в дистанционном формате. Анализируются преимущества данного подхода, такие как юридическая значимость, безопасность, снижение нагрузки на следственные органы, ускорение процедур и повышение прозрачности уголовного процесса. Автор приходит к выводу, что использование цифровых технологий является необходимым этапом модернизации уголовного судопроизводства и способствует укреплению доверия граждан к деятельности правоохранительных органов.

Ключевые слова и словосочетания: *цифровизация, следственные действия, допрос, электронная цифровая подпись, QR-код, уголовный процесс, дистанционные технологии, модернизация правоохранительной системы.*

В условиях цифровизации правоохранительной системы все более актуальной становится необходимость упрощения процедур досудебного расследования. Современные реалии, включая высокую нагрузку на следственные органы, территориальную удаленность участников процесса и необходимость обеспечения правовой определенности, требуют внедрения инновационных решений в организацию следственных действий.

Актуальность данной проблемы указана в Послании Главы государства К. К. Токаева народу Казахстана «Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию», где отмечено, что «стремительное развитие искусственного интеллекта уже влияет на мировоззрение и поведение людей, особенно молодежи. Иной альтернативы нет, поскольку данный процесс кардинально меняет миропорядок и образ жизни всего человечества. Мы должны быть готовы к этому. Нужно действовать решительно, промедление чревато самыми тяжелыми последствиями. Поэтому мною поставлена стратегическая по своей важности задача превращения Казахстана в течение трех лет в полноценную цифровую страну» [1].

Как отметил С. А. Авакьян, «цифровая трансформация права должна быть направлена не только на ускорение процедур, но и на создание дополнительных гарантий защиты прав личности» [2].

Внедрение информационных технологий, систем электронного документооборота, баз данных и аналитических платформ открывает новые возможности для организации деятельности. Цифровые решения позволяют ускорить обработку информации, минимизировать бюрократические барьеры и повысить уровень прозрачности работы правоохранительных органов. В то же время наука поднимает вопросы о необходимости защиты персональных данных, предотвращения киберугроз и сохранения доверия граждан.

Одним из таких решений может стать создание и внедрение QR-кода, привязанного к электронной цифровой подписи (ЭЦП) участника, который позволит проводить допросы дистанционно, не вызывая участников в орган досудебного расследования.

В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством, допросы участников (свидетелей, потерпевших, подозреваемых и т. д.) являются неотъемлемой частью сбора доказательств. Однако традиционный порядок допроса связан с рядом организационных и процессуальных трудностей:

- необходимость физической явки в орган досудебного расследования;
- затраты времени и ресурсов на доставку участников;
- возможные переносы и срывы следственных действий из-за занятости или болезни допрашиваемого лица;
- риск утраты оперативности расследования;
- перегрузка следователей и административный барьер.

Кроме того, практика показывает, что в условиях эпидемиологических угроз, локдаунов или территориальных барьеров тради-

ционный способ проведения допроса становится не только неудобным, но и неэффективным.

По мнению М. В. Залоило, «цифровые формы обращений в государственные органы способны устранить значительную часть бюрократических барьеров, однако требуют четкой правовой регламентации» [3].

Анализ потенциальных решений:

Ряд стран уже начали внедрять элементы дистанционного досудебного производства, включая видео-конференц-связь, электронные уведомления и даже электронные повестки. Однако в казахстанском уголовном процессе такая практика пока не получила широкого распространения.

Одним из перспективных решений становится внедрение QR-кодов, привязанных к электронной цифровой подписи (ЭЦП) участника.

Как подчеркивает Н. Н. Гордиенко, «цифровизация процессов взаимодействия с органами власти должна опираться на международные стандарты прав человека и учитывать риски утраты персональных данных» [4].

Суть технологии заключается в следующем:

1. При назначении следственного действия (например, допроса), допрашиваемому лицу на электронную почту или через государственный портал направляется уникальный QR-код.

2. Сканирование этого QR-кода позволяет подтвердить личность участника через ЭЦП.

3. Допрос проводится в режиме видеоконференции с обязательной записью.

4. По завершении допроса участник подписывает протокол с использованием своей ЭЦП, подтверждая достоверность показаний.

Преимущества внедрения QR-идентификации:

- Юридическая значимость: ЭЦП имеет ту же юридическую силу, что и собственноручная подпись.

- Безопасность: QR-код является уникальным и одноразовым, что исключает возможность подмены личности.

- Снижение нагрузки на следователей: исключается необходимость физической логистики участников.

- Ускорение процесса: допрос можно провести оперативно, в удобное для сторон время.

- Архивирование и фиксация: автоматическое хранение цифровых копий допросов и подписей.

- Устранение субъективного фактора: исключаются возможные конфликты, связанные с явкой, опозданием или искажением данных, коррупционные риски.

По мнению зарубежных исследователей, «электронная цифровая подпись приравнена к собственноручной подписи, что при правильном правовом оформлении делает возможным полноценное функционирование дистанционного правосудия» [5].

Оптимизация оформления следственных действий — важнейшее направление реформирования уголовного процесса Республики Казахстан. Предложение о внедрении QR-кода как средства подтверждения личности участника и дистанционного проведения допроса может стать прорывным шагом в цифровизации досудебного производства.

Это решение не нарушает процессуальные гарантии участников, позволяет существенно ускорить ход расследования, снизить административные издержки и повысить доверие к следственным органам за счет прозрачности и технологичности процедур.

Следовательно, внедрение QR-системы и ЭЦП в механизм допроса представляет собой не только технологическую инновацию, но и реалистичный шаг к модернизации уголовного судопроизводства Республики Казахстан.

Таким образом, «внедрение цифровых технологий в уголовный процесс должно сочетать инновации с сохранением фундаментальных принципов процессуальных гарантий» [6].

Список литературы:

1. Послание Главы государства Касым-Жомарта Токаева народу Казахстана «Казахстан в эпоху искусственного интеллекта: актуальные задачи и их решения через цифровую трансформацию» // Астана, 8 сентября 2025 г. // URL: <https://www.akorda.kz/ru/poslanie-glavy-gosudarstva-kasym-zhomarta-tokaeva-narodu-kazahstana-kazahstan-v-epohu-iskusstvennogo-intellekta-aktualnye-zadachi-i-ih-resheniya-cherez-cifrovuyu-transformaciyu-885145> (дата обращения: 09.09.2025).

2. *Авакьян С. А.* Конституционное право России в условиях цифровизации // Государство и право. 2020. № 7. С. 15–27.

3. *Залоило М. В.* Законность и целесообразность в обществе постмодерна: пересмотр классической модели // Журнал российского права. 2020. № 6 (2). С. 22–30.

4. *Гордиенко Н. Н., Тульчев В. В., Жевора С. В.* Причины возникновения ЕАЭС, БРИКС и ШОС и перспективы дальнейшего сотрудничества // Экономика сельского хозяйства России. 2019. № 1. С. 87–92.
5. *Кутафин О. Е.* Проблемы защиты прав личности в условиях цифрового общества // Российский юридический журнал. 2019. № 3. С. 5–18.
6. *Smith J. A.* Digital Justice and Human Rights. Oxford: Oxford University Press, 2021. 254 p.

Хан Виталий Вячеславович,
кандидат юридических наук, ассоциированный профессор,
профессор кафедры специальных юридических дисциплин,
Академия правоохранительных органов
при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан
E-mail: khanvitaliy@gmail.com

Параметризация цифровых форм оптимизации досудебного уголовного производства

Аннотация

Предпринята попытка концептуального осмысления параметризации цифровых форм оптимизации досудебного уголовного производства. Исследование основывается на выделении и характеристике четырех ключевых параметров – генетического, гносеологического, функционального и системного, каждый из которых раскрывает отдельные аспекты сущности и назначения цифровых форм оптимизации.

Генетический параметр позволяет продемонстрировать диахронию и синхронию цифровых форм оптимизации досудебного уголовного производства. Гносеологический раскрывает эпистемологические особенности использования цифровых форм оптимизации в доказывании по уголовному делу. Функциональный параметр определяет критерии по использованию в уголовном процессе искусственного интеллекта (далее ИИ) и цифрового способа моделирования ситуации. Системный параметр обращен к оптимизации организационного процесса взаимодействия участников судопроизводства, регистрации заявления, сообщения, подачи и получения ответа на жалобы и ходатайства, направления поручений и указаний органу дознания, вызов к следователю, производство дистанционного допроса.

Ключевые слова и словосочетания: *расследование, цифровое доказательство, искусственный интеллект, взаимодействие, дистанционный допрос.*

Эффективность уголовного процесса и рационализация достигаются с помощью потенциала современных наук, прежде всего, социальных и технических, без свертывания гарантий и сокращения уголовно-процессуального доказывания [4, с. 61].

И действительно современное динамичное развитие науки и техники предоставляет большие возможности по повышению эффективности уголовного судопроизводства, отражающиеся в том числе на рациональном использовании времени, а, следовательно, последовательная дифференциация уголовно-процессуальной формы всегда должна быть обращена к усилению правовых гарантий и процесса доказывания, более точному достижению объективной (материальной) истины и снижению рисков судебнo-следственных ошибок.

При таких условиях цифровые формы оптимизации досудебного уголовного производства обретают особую релевантность и респектабельность. Однако экспрессивное увлечение новыми трендами, стимулирующее сингуляторный подход к решению имеющихся проблем в теории и практики уголовного процесса, представляет собой большую опасность, чем сохранение консервативности и реализации классических форм судопроизводства. Точность в понимании синергетических аспектов системного реформирования позволяет достичь успехов, в то время как фрагментарность, основанная на антисциентизме, приводит к противоположно отрицательному эффекту.

Генетический параметр цифровой формы оптимизации досудебного уголовного производства определяет дифференциальные свойства цифровых объектов и цифрового инструментария с позиции их места и роли в системе уголовного судопроизводства. Так, если смотреть на данную проблематику в диахронической плоскости, то существующую синхронию следует признать очередным этапом научного и технического прогресса, позволяющего оптимизировать основные процессы производства, получить итоговый результат собирательной, исследовательской, оценочной и коммуникативной деятельности с наименьшими материальными, временными, физическими и кинетическими затратами.

Учитывая генетическое преобразование аналоговой информации в цифровую, виртуальный характер цифровых форм и особенности ее объективизации, евразийское уголовно-процессуальное право классифицирует форму цифровой кодировки информации к такому источнику доказательств как – документы.

Так, ч. 2 ст. 84 УПК РФ определяет, что документы могут содержать сведения, зафиксированные как в письменном, так и в ином виде. К ним могут относиться материалы фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи и иные носители информации, полученные,

истребованные или представленные в установленном уголовно-процессуальном порядке¹.

В отличие от российского уголовно-процессуального закона ч. 2 ст. 100 УПК РФ осуществляет попытку дифференцировать понятие «документа» от понятия «другие носители информации», относя к последним материалы фото- и киносъемки, звуко- и видеозаписи и иные носители информации, полученные, истребованные или представленные в установленном уголовно-процессуальным законом порядке².

В этом контексте казахстанский законодатель подошел более традиционным путем, в свойственной для евразийской правовой доктрине манере раскрытия понятийного аппарата посредством классификационных характеристик, определив понятие документа в качестве родового инварианта и последовательно раскрывая его возможные вариативные формы. Так, ч. 3 ст. 120 УПК РК закрепляет, что документы могут содержать сведения, зафиксированные как в письменной, так и в иной форме. К документам относятся, в том числе объяснения, акты инвентаризаций, ревизий, справки, акты налоговых проверок, заключения органов налоговой службы, а также материалы, содержащие компьютерную информацию, фото- и киносъемки, звуко- и видеозаписи, полученные, истребованные или представленные в установленном уголовно-процессуальным законом порядке³.

Таким образом, уголовно-процессуальное законодательство евразийских государств учитывает генетические свойства цифровых форм как коммуникативного, так и гносеологического инструментария уголовно-процессуальной деятельности, относя его в той или иной степени к родовому понятию – документ.

Гносеологический (познавательный) параметр цифровой формы оптимизации досудебного уголовного производства конструируется на основе преобразования цифровой информации в уголовно-процессуальное доказательство.

Так, первым шагом в этом направлении стала легитимация цифровой фотографии и цифровой видеозаписи. Цифровая фото-

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 09.06.2025).

² Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З. URL: <https://etalonline.by/document/?regnum=hk9900295> (дата обращения: 09.06.2025).

³ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V ЗПК URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231#z1146>.

графия в отличие от пленочной (аналоговой) существенным образом экономить временные и материальные ресурсы, исключает приобретения как дополнительного специального оборудования для обработки пленки и фиксации изображения на бумажном носителе, так и самих расходных материалов. Фиксируемое изображение фактически становится пригодным к использованию одновременно в процессе фотографирования.

Однако с появлением цифровой фотографии возникает проблема ее фиксации в качестве уголовно-процессуального доказательства, исключающей сомнения в достоверности представленного электронного файла, отсутствия в нем каких-либо искусственных искажений и манипуляций, вносящих коррекционные правки. Ведь, цифровой способ фиксации информации позволяет оптимизировать не только производственные отношения следователя, но и деятельность по фальсификации доказательств.

Поэтому, цифровая фотография и видеозапись стали использоваться в уголовном процессе после решения данной криминалистической задачи. В то же время следует признать проблему цифрового способа фиксации изображения, связанную с вопросами пиксельного разрешения (качественной составляющей) и возможностью искажения отображения посредством увеличения/уменьшения изображения, активизирующих автоматически корректирующее появление/исчезновение соответствующих пикселей.

Другим примером упрощения сложных и трудоемких процессов: осмотра места происшествия и фиксации следов преступления, является использование 3D сканеров, диапазон возможностей которых начинается от фиксации следов ног и шин, а заканчивается фиксацией всего места происшествия вне зависимости от его территориальных размеров.

Так, В. И. Еремченко вполне справедливо указывает, что 3D сканер может применяться для фиксации осмотра места происшествия; исследования траектории полета пули; анализ брызг крови; реконструкции произошедших несчастных случаев, авиакатастроф, мест ДТП; фиксации следов взрывов; создание портретов [2, с. 49].

В данном контексте особую респектабельность также обретает использование квадрокоптера, осуществляющего безопасную цифровую фиксацию следов и места происшествия с высоты птичьего полета, с нужных точек и нужных ракурсов, для быстрого анализа ситуации, быстрого составления схемы места происшествия, а также наиболее точной детализации причин и обстоятельств происшествия.

Высококачественная аэросъемка, осуществляемая посредством использования квадрокоптера, является релевантной в условиях осмотра места ДТП, авиа и других транспортных катастроф, позволяющая через создание 3D модели установить механизм и обстоятельства указанных видов происшествий, а также сформировать качественный репрезентативный материал для проведения автотехнической и других судебных экспертиз.

Так, С. Н. Думнов обосновано утверждает, что 3D модели могут ответить на следующие вопросы:

«1. Могла ли обнаруженная неисправность повлиять на возникновение данного дорожно-транспортного происшествия? Если да, то, каким образом?

2. Каково влияние данной технической неисправности на управляемость транспортного средства?

3. Каковы траектория и характер движения транспортных средств и других, причастных к дорожно-транспортному происшествию объектов?

4. Где находилось место столкновения, удара транспортных средств?

5. Каков механизм данного дорожно-транспортного происшествия?

6. Имел ли водитель транспортного средства техническую возможность предотвратить данное дорожно-транспортное происшествие?» [1, с. 137–138].

Преимуществом использования 3D сканера и иных аналогичных цифровых технологий в познавательной деятельности является вневременной характер создаваемой ими трехмерной модели, позволяющей вернуться в первозданную объективную реальность в любое время и изучить ее повторно, дополнительно, без возможных наступлений временных естественных или искусственных искажений объекта (предметов) исследования.

В частности, тщательное сканирование места происшествия и последующее создание 3D модели, отражающей улики, предметы и орудие преступления, позволило английским полицейским раскрыть преступление 10-летней давности [2, с. 49].

Функциональный параметр цифровой формы оптимизации досудебного уголовного производства позволяет оптимизировать процесс обработки имеющейся информации и определить критерии по использованию в уголовном процессе искусственного интеллекта (далее ИИ), цифрового способа моделирования ситуации или алгоритмизации следственных действий и расследования определенных видов преступлений.

Особое место в этом контексте занимает проблема абсолютизации машинного производства и очередной спекулятивной попытки подмены естественного интеллекта – искусственным, несмотря на то что проблема взаимодействия человека и машины решена еще в рамках первой промышленной революции.

В этой связи следует понимать, что с активной экспликацией в нашу жизнь такого инструмента как ИИ, его возможности всегда будут иметь границы, несмотря на то, что нельзя ставить границы какому-либо развитию и тем самым что-то абсолютизировать. Однако возвращаясь к элементарным основам формальной логики следует признать, что чувственное познание богаче рационального хотя бы тем, что оно сложно поддается рационализации со всей своей полнотой. Рационализируется, как правило, только основное, существенное и то не всегда в полной мере.

Цифровая технология основана на цифровых выражениях и ИИ построен на математических вычислениях, цифровых исчислениях, ограниченных определенными алгоритма. Безусловно, его возможности в просчете уже имеющихся формул великолепны с точки зрения оперативности их поиска и применения, а также формирования новых алгоритмов и формул на основе полученного результата. Вместе с тем управление этим процессом, правильное определение исходной позиции, предполагаемой гипотезы, последующая проверка и верификация полученного результата остается за человеком.

В этой связи сложно не согласиться с позицией П. В. Копнина о бессмысленности переноса всеобщих законов развития человечества и человеческого общества на орудие производства, на один элемент, необходимых для общественной жизни. Такой перенос законов развития человечества на машину в лучшем случае является результатом философского невежества, но чаще всего преследует корыстные, политические цели. Пропагандирование машинной фетишизации позволяет девальвировать в обществе интеллектуальные качества человека, подменить объективные знания технической информацией и тем самым мистифицировать превосходство машины над человеком [3, с. 87–99].

Использование ИИ в уголовном процессе возможно для анализа поводов и оснований для начала досудебного расследования (возбуждения уголовного дела), составления процессуального документа, анализа материалов уголовного дела, а при правильном фреймировании даже оценивать доказательства и формировать судебное решение, а также определять меру наказания достаточную для исправления осужденного.

Однако необходимо понимать, что ИИ предлагает лишь алгоритм, основанный на определенной методике, устанавливающий выявленные наукой общие, но не уникальные закономерности, имеющие место при расследовании конкретной ситуации. Итоговое решение и практические действия, а также их результат всецело зависят от человека.

Системный параметр цифровой формы оптимизации досудебного уголовного производства обращен к оптимизации организационного процесса взаимодействия участников судопроизводства, регистрации заявления, сообщения, подачи и получения ответа на жалобы и ходатайства, направления поручений и указаний органу дознания, вызов к следователю, производство дистанционного допроса.

Основными преимуществами электронного уголовного дела является:

- оперативная доступность для прокурорского надзора и судебного контроля;
- возможность электронного взаимодействия участников уголовного процесса посредством получение электронных копий документов, подача ходатайств и жалоб;
- снижение коррупционных рисков и злоупотреблений в части фальсификации и фабрикация материалов уголовного дела;
- виртуальная систематизация материалов уголовного дела, позволяющая осуществлять быстрый поиск и фильтрацию данных;
- четкая фиксация временных параметров производства процессуальных действий и принятия процессуальных решений, соблюдение процессуальных сроков.

В качестве недостатков электронного уголовного дела можно выделить следующее:

- необходимость высококачественного технического сопровождения;
- сложность в верификации подписи, как сделанной на электронном планшете, так и цифровой;
- качество защиты персональных данных, их кодировка, резервное хранение, управление доступом;
- ограниченная доступность к файлам у стороны защиты и связанная с этим зависимость от стороны защиты;
- дублирование бумажные документами, поскольку фактические данные не могут существовать исключительно в цифровом формате, отсюда и проблема с верификацией и юридическим статусом электронных копий;

- индивидуальное психологическое восприятие текста, его понимание и запоминание в цифровой форме.

Помимо электронного уголовного дела и иных форм цифровой коммуникации (взаимодействия) участников уголовного процесса, релевантным остается вопрос о возможности производства следственных действий в дистанционном формате.

С нашей точки зрения, дистанционное следственное действие – это следственное действие, проводимое с использованием видео-конференц-связи, позволяющей субъекту доказывания воспринимать объект (предмет) познания ограничено (в рамках возможности технических средств), но непосредственно и в режиме реального времени.

Данная дефиниция позволяет сформировать формально юридические основания и условия производства следственных действий посредством дистанционных технологий, определяющие в количественной шкале качественную составляющую непосредственного восприятия субъектом познания объекта (предмета) исследование.

В противном случае субъект расследования может банально отдать перечень вопросов адвокату и потом забрать ответы в письменном виде. Но будет ли такое познание соответствовать объективной реальности, способно ли оно верифицировать сложившуюся следственную версию?

Необходимо также учитывать, что восприятие цветовой гаммы передаваемой посредством искусственной передачи в психологическом аспекте также является индивидуальным, даже, если исключить из этого процесса искажения естественных цветовых оттенков. Один и тот же цвет отображаемый на телеэкране, воспринимается разными индивидами по-разному. В психологии этот феномен именуется цветовой константностью (color constancy) и индивидуальной цветовой перцепцией [5; 6; 7; 8; 9].

Кроме того, с технической точки зрения у всех абонентов дистанционного допроса, опознания и других гипотетически возможных дистанционных следственных действий должно быть в наличии техническое оборудование с высоким разрешением передачи изображения и звука, программное обеспечение высокой степени шифрации передаваемой информации (изображения и звука) и локальный канал связи, гарантирующий стабильность работы высокоскоростного узла связи.

Список литературы:

1. Думнов С. Н. К вопросу применения метода лазерного 3D-сканирования при производстве судебной автотехнической экспертизы // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 3 (90). С. 133–145.
2. Еремченко В. И. Анализ зарубежного опыта использования 3D-сканеров на месте происшествия и перспективы их внедрения в деятельность полиции России // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2021. № 1 (51). С. 49–52.
3. Копнин П. В. Гносеологические и логические основы науки. М. : «Мысль», 1974. 568 с.
4. Хан В. В. Дифференциация уголовно-процессуальной формы: пределы допустимости // Вестник Карагандинского университета. Серия: Право. 2019. № 3 (95). С. 55–63.
5. Allen, Beilock & Shevell. Individual differences in simultaneous color constancy are related to working memory // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition // <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC3494405/pdf/nihms-417254.pdf>.
6. Bevil R. Conway. Do You See What I See? Diversity in Human Color Perception // Annual Review of Vision Science. 2022. // <https://www.annualreviews.org/docserver/fulltext/vision/8/1/annurev-vision-093020-112820.pdf?expires=1746760649&id=id&accname=guest&checksum=E80902F9D80B5597B65D154D39F52172>.
7. David H. Brainard, Wendy A. Brunt, and Jon M. Speigle. Color constancy in real-world settings // Annual Review of Vision Science. Vol. 14, No. 9/September 1997, Pages 2091–2110.
8. EunYoung Jeong¹ and In-Ho Jeong. Individual Differences in Colour Perception: The Role of Low-Saturated and Complementary Colours in Ambiguous Images // i-Perception, Volume 12, Issue 6, November 2021. // <https://journals.sagepub.com/doi/epub/10.1177/20416695211055767>
9. Kara J Emery, Michael A Webster. Individual differences and their implications for color perception // Current Opinion in Behavioral Sciences Volume 30, December 2019, Pages 28–33.

Якубук Владислав Владимирович,
заместитель начальника юридического управления,
Государственный пограничный комитет
Республики Беларусь
E-mail: 2minsk34@mail.ru

О вопросах применения оснований отказа в возбуждении уголовного дела при их конкуренции

Аннотация

В работе исследуются проблемные вопросы применения оснований отказа в возбуждении уголовного дела при наличии нескольких оснований, формулируются выводы о порядке выбора надлежащего основания

Ключевые слова и словосочетания: основания отказа в возбуждении уголовного дела, процессуальное решение, стадия возбуждения уголовного дела, уголовное судопроизводство, конкуренция.

Вопросы, связанные с повышением эффективности правоохранительной деятельности, ее оптимизацией и совершенствованием использования государственных ресурсов постоянно находятся в поле зрения научного сообщества и должностных лиц правоохранительных органов. Одной из важнейших сфер правоохранительной деятельности является уголовное судопроизводство, имеющее своей основной целью надлежащее разрешение уголовно-правовых споров. Решение об отказе в возбуждении уголовного дела является единственным итоговым решением начальной стадии уголовного процесса, окончательно завершающим уголовное судопроизводство. Только при вынесении указанного решения в этой стадии досудебного уголовного производства применяются исключаяющие ведение уголовно-процессуальной деятельности основания, предусмотренные ст. 24 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) (в Республике Беларусь – обстоятельства, предусмотренные ст. 29 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК РБ)). Проблематика применения указанных оснований (обстоятельств) неоднократно изучалась российскими и белорусскими учеными-процессуалистами: Б. М. Сергеевым [1], В. Н. Саржановым [2], А. Ю. Гордеевым [3], В. С. Калашниковым [4], И. А. Горовой [5], Ф. Ю. Васильевым [6] и другими. Вместе с тем в своих работах правоведы рассматривали

в основном проблематику применения оснований (обстоятельств) по отдельности и детального внимания вопросам выработки универсальной методики выбора надлежащего обстоятельства (основания) в случае одновременного наличия нескольких оснований (обстоятельств) не уделяли, что определило необходимость настоящего исследования.

Так, в силу специфики уголовно-процессуальной деятельности и принимаемых решений в стадии возбуждения уголовного дела, ограничения спектра допустимых процессуальных действий и решений законодателем в ст. 29 УПК РБ (ст. 148 УПК РФ) предусмотрены отдельные запреты и дополнительные условия возможности применения установленных обстоятельств (оснований) в рассматриваемой стадии процесса. Так, в силу требований законодателя, процессуальная деятельность в этой стадии может завершаться только с применением десяти обстоятельств: отсутствие предусмотренных законом общественно опасных деяний, а также состава преступления в совершенных деяниях или заявлений пострадавших лиц, истечение сроков давности (только при отсутствии сведений о совершивших их лицах), смерть совершивших деяния лиц или неполучение согласия на осуществление в отношении них уголовного преследования в определенных случаях, наличие ранее вынесенных процессуальных решений в отношении этих же лиц (как судебных решений, так и постановлений об отказе в возбуждении уголовных дел и прекращении производства по уголовным делам) или оснований освобождения от уголовной ответственности в предусмотренных уголовным законом случаях, а также исключение наказуемости деяний законодательными актами. При этом ст. 24 УПК РФ палитра имеющихся оснований сужена намного больше и определены только семь оснований для отказа в возбуждении уголовного дела. Общественно-политические условия в других государствах СНГ также привели к выработке национальных процессуальных моделей указанных оснований (обстоятельств), вызванных потребностями практической правоприменительной деятельности. В силу разнообразия подходов законодателей государств – участников СНГ к определению перечня рассматриваемых оснований (обстоятельств) и ограниченностью объема настоящего исследования нами детально будут рассмотрены проблемные вопросы применения исключających ведение уголовного процесса обстоятельств на его первоначальной стадии только по законодательству Республики Беларусь.

Так, ч. 1 ст. 178 УПК РБ регламентируется возможность вынесения решения об отказе в возбуждении уголовного дела только

при наличии одного указанного обстоятельства, предусмотренного ч. 1 ст. 29 УПК РБ. Следует отметить, что в практической деятельности органов уголовного преследования возникают вопросы о порядке принятия названного процессуального решения в случаях наличия одновременно нескольких таких применимых обстоятельств (например, при случайной гибели лица, причинившего вред, и отсутствии в связи с этим событием желания пострадавшего подавать заявление о привлечении умершего к ответственности). При этом, в данном вопросе ученые-процессуалисты ограничиваются в своих исследованиях общими выводами о первоочередном применении реабилитирующих обстоятельств, сравнении возможности применения только отдельных обстоятельств, а также определении наиболее соответствующего (подходящего) обстоятельства по отдельным признакам: более «льготного», более раннего и т. д. Вместе с тем, предлагаемые подходы в силу разнопланового значения и правовой природы рассматриваемых обстоятельств в целом не создают действенный механизм определения надлежащего процессуального обстоятельства в силу отсутствия системного подхода к рассматриваемому вопросу и комплексной методики его решения, что порождает возникновение неопределенности и исключений. Необходимо также указать, что применение ненадлежащего процессуального обстоятельства может повлечь ущемление прав и законных интересов граждан и юридических лиц, невозможность дальнейшего осуществления иных производств (например, административного процесса), подачу обоснованных жалоб и в итоге отмену незаконного процессуального решения и расходование государственных ресурсов для ведения повторной процессуальной деятельности.

Так, при возникновении случаев возможного применения двух и более рассматриваемых обстоятельств, по нашему мнению, безусловному первоочередному применению подлежат обстоятельства наличия неотмененных процессуальных решений (пп. 8 и 9 ч. 1 ст. 29 УПК РБ) в силу их особого характера (действия принципа «non bis in idem» о недопустимости повторного привлечения к ответственности в связи с более ранним проведением полноценного судопроизводства по этим же деяниям и дублирования процессуальной деятельности). При этом в самой формулировке указанных обстоятельств законодателем уже заложено разрешение возникающей конкуренции: уголовный процесс фактически завершается подтверждением выводов предшествующего процесса и наличием необходимости применения ранее использованного иного обстоятельства, предусмотренного ст. 29 УПК РБ, одна-

ко исходя из положений закона применяется именно одно из двух указанных обстоятельств. В связи с возможностью неоднократного вынесения процессуальных решений по одному поводу разными органами и возникновения конкуренции указанных двух обстоятельств, по нашему мнению, преимущество будет иметь обстоятельство, применимое в связи с вынесением первого из ряда процессуальных решений суда или органов уголовного преследования с использованием иного, кроме п.п. 8 и 9 ч. 1 ст. 29 УПК РБ, обстоятельства.

Далее, в силу единства и системности законодательства необходимо соблюдать регламентируемый в нормативных правовых актах (в частности, нормами Директивы Президента Республики Беларусь от 27 декабря 2006 г. № 2 «О де бюрократизации государственного аппарата и повышении качества обеспечения жизнедеятельности населения») в случаях неясности норм правовых актов принцип максимального учета интересов лиц, права и законные интересы которых затрагиваются принимаемым решением, в связи с чем данный принцип нами будет использоваться в качестве основополагающего при выработке правил разрешения рассматриваемой проблематики.

При этом, наиболее существенными правовыми последствиями для вовлеченных в уголовно-процессуальную сферу граждан обладают выделяемые как учеными-процессуалистами, так и непосредственно законодателем реабилитирующие обстоятельства: отсутствие предусмотренных уголовным законом общественно опасных деяний и состава преступления в совершенных деяниях (соответственно, пп. 1 и 2 ч. 1 ст. 29 УПК). В частности, применение именно реабилитирующих обстоятельств влечет необходимость восстановления нарушенных уголовно-процессуальной деятельностью прав и законных интересов граждан (например, восстановление на работе). Следует отметить также реабилитирующее обстоятельство, регламентируемое законодателем в ч. 2 ст. 250 УПК РБ (несовершение определенного деяния в силу недоказанности участия в его совершении), однако в связи с требованиями закона в начальной стадии уголовного процесса это обстоятельство не применяется. При возможном объективном возникновении конкуренции рассматриваемых реабилитирующих обстоятельств «отсутствие общественно опасного деяния, предусмотренного уголовным законом» в силу его более значимых правовых последствий (в частности, недопустимость последующего ведения административного процесса), по нашему мнению, будет иметь преимущественное значение (например, применение п. 1 ч. 1 ст. 29 УПК РБ в связи с добросо-

вестным заблуждением лица при заявлении о якобы совершенном преступлении, а не п. 2 ч. 1 ст. 29 УПК РБ в связи с отсутствием у него умысла на заведомо ложный донос). Кроме того, только при установлении наличия определенного деяния и состава преступления возможно рассмотрение вопроса о доказанности участия лица в его совершении, в связи с чем можно прийти к выводу о преимущественном рассмотрении вопроса о применении одного из первых двух обстоятельств и только в силу невозможности их применения – рассмотрение вопроса о наличии оснований для применения ч. 2 ст. 250 УПК РБ.

Что касается других определенных ст. 29 УПК шести обстоятельств, в связи с требованиями уголовно-процессуального закона и позиции научного сообщества следует отметить возможность их применения только при установлении как наличия общественно опасного деяния, так и состава в нем преступления. Так, в случае одновременного наличия нескольких таких не реабилитирующих обстоятельств в решении, по нашему мнению, в первую очередь должно указываться обстоятельство, которое в силу требований Закона Республики Беларусь от 9 января 2006 г. № 94-З «О единой государственной системе регистрации и учета правонарушений» (далее – Закон № 94-З) именно в связи с проводимой государством в определенный период времени уголовно-правовой политикой не влечет обязанность регистрации и учета преступлений, т. е. предусмотренное пп. 6, 11 и 12 ч. 1 ст. 29 УПК РБ. Следует привести пример, что в связи с требованиями п. 12 Положения о порядке функционирования единой государственной системы регистрации и учета правонарушений, утвержденного постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 20 июля 2006 г. № 909, в качестве преступлений до 1 января 2014 г. подлежали регистрации и учету деяния в связи с применением в постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела обстоятельства, предусмотренного п. 11 ч. 1 ст. 29 УПК РБ (наличие оснований освобождения от уголовной ответственности в предусмотренных уголовным законом случаях). При этом, в случаях возможного наличия нескольких таких обстоятельств, по нашему мнению, именно правовая природа каждого из них и условия их применения фактически определяют правила их преимущественного выбора. Предусмотренное п. 11 ч. 1 ст. 29 УПК РБ безусловное обстоятельство наличия оснований освобождения от уголовной ответственности в определенных уголовным законом случаях, по нашему мнению, фактически исключает необходимость рассмотрения волеизъявления пострадавшего лица на подачу соответствующего заявления (п. 6 ч. 1 ст. 29 УПК

РБ) или получение согласия на возбуждение уголовного дела в отношении специального субъекта (п. 12 ч. 1 ст. 29 УПК РБ). Далее, только в случае наличия указанного заявления может появляться необходимость получения названного согласия, отсутствие такого заявления исключает необходимость дополнительно истребования согласия соответствующего должностного лица, что, по мнению автора, определяет преимущественное применение п. 6 ч. 1 ст. 29 УПК РБ по отношению к п. 12 ч. 1 ст. 29 УПК РБ.

На основании ст. 8 Закона № 94-З применение при вынесении постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела обстоятельств, предусмотренных пп. 3, 7 и 10 ч. 1 ст. 29 УПК РБ, влечет обязанность регистрации и учета преступлений. При одновременном наличии нескольких таких обстоятельств изучение их правовой природы также позволяет определить порядок их надлежащего применения. Так, устранение вступившими в силу законодательными актами уголовной наказуемости деяний (п. 10 ч. 1 ст. 29 УПК РБ), по нашему мнению, исключает возможность рассмотрения вопросов как об истечении определенных уголовным законом сроков давности (при отсутствии либо наличии сведений о совершивших такие деяния лицах) (п. 3 ч. 1 ст. 29 УПК РБ), так и выполнения специальных требований при смерти причинителя вреда (п. 7 ч. 1 ст. 29 УПК РБ). Соответственно истечение указанных сроков давности именно при отсутствии сведений о совершивших такие деяния лицах (в силу требований ст. 29 УПК РБ указанное ограничение определено только в стадии возбуждения уголовного дела), по мнению автора, не создает какой-либо состязательности с применением обстоятельства смерти соответствующего лица. Вместе с тем, наступление смерти причинителя вреда определяет дополнительные правовые гарантии соблюдения его интересов, в том числе необходимость выполнения предусмотренных Главой 492 УПК РБ особенностей, фактически направленных на более полную защиту прав такого лица, что необходимо учитывать при осуществлении процессуальной деятельности и применении рассматриваемого обстоятельства на других стадиях уголовного процесса при одновременном истечении также сроков давности привлечения к уголовной ответственности.

Также в настоящем исследовании следует указать и высказываемое учеными мнение о возможности применения в выносимых процессуальных решениях двух нереабилитирующих обстоятельств с целью исключения усмотрения правоприменителя при избрании одного из них [5, с. 88]. Вместе с тем, указанная точка зрения нами не поддерживается как в связи с приведенными выше дово-

дами о необходимости указания в процессуальном решении только одного рассматриваемого обстоятельства и фактическом определении положениями законодательства правил выбора применимого обстоятельства, так и возможностью одновременного наличия более двух обстоятельств или обстоятельств, применение которых может сопровождаться различными взаимоисключающими особенностями процессуальной деятельности и влечь разные правовые последствия, что создаст правовую неопределенность и многозначность принятого решения.

Кроме того, несмотря на непосредственное применение только одного рассматриваемого процессуального обстоятельства, по нашему мнению, при принятии процессуального решения это решение должно содержать сведения об одновременном наличии также других установленных и потенциально применимых в данном процессе обстоятельств, что позволит принять законное и обоснованное решение, обеспечит прозрачность для участников процесса порядка принятия решения, послужит реализации принципа справедливости и объективности при реабилитации лица. Имеющаяся в научной литературе позиция о приведении при применении реабилитирующих обстоятельств только фактических данных, максимально характеризующих добропорядочность лица [5, с. 87], может повлечь ошибочность принятых решений о возмещении причиненного ведением уголовного судопроизводства вреда и другие негативные последствия (например, нерассмотрение вопроса о привлечении лица к административной ответственности и др.).

Подводя итог настоящему исследованию, следует отметить, что разработанная нами методика разделения всего спектра применимых процессуальных обстоятельств в связи с их правовым значением на четыре группы с последовательным порядком использования этих групп, определения преимущественного применения каждого из обстоятельств в отдельных группах в силу их правовой природы и законодательных предписаний позволяет комплексно рассмотреть проблематику выбора надлежащего «пресекательного» обстоятельства и предложить авторский подход разрешения возникающих проблемных вопросов, исключить необходимость множественного сравнения между собой возможности применения каждого отдельного обстоятельства, устранить правовую неопределенность и логические противоречия, предупредить возможность вынесения незаконных процессуальных решений и нарушения прав и законных интересов заинтересованных лиц, осуществить дальнейшее совершенствование процессуальной деятельности правоохранительных органов.

В связи с изложенным необходимо прийти к выводу о соблюдении при принятии процессуального решения об отказе в возбуждении уголовного дела определенных правил применения надлежащего обстоятельства, исключающего осуществление уголовного процесса, фактически регламентированных положениями законодательства, в том числе правовой природой и условиями применения этих обстоятельств. Результаты настоящего исследования могут использоваться для дальнейшего совершенствования законодательства и непосредственно в правоприменительной деятельности как на начальной стадии уголовного процесса, так и в силу универсальности разработанных нами правил комплексного системного подхода к разрешению рассматриваемой проблематики также на других стадиях уголовного судопроизводства. Кроме того, разработанные в авторской методике принципы и подходы к разрешению исследуемых вопросов могут быть использованы в качестве основы для правовых исследований применения уголовно-процессуального законодательства других государств – участников СНГ. При этом, использование представленного в настоящем исследовании универсального алгоритма при принятии процессуальных решений приведет к большей прозрачности для заинтересованных лиц деятельности правоохранительных органов, оптимизации и де бюрократизации досудебного уголовного преследования, усилению доверия к выносимым решениям государственных органов, созданию дополнительных гарантий соблюдения прав и законных интересов участников процессуальной деятельности и в результате послужит действенной мерой всестороннего обеспечения национальной безопасности.

Список литературы:

1. *Сергеев Б. М.* Процессуальные и организационные вопросы отказа в возбуждении уголовного дела в уголовном процессе России : дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2003.
2. *Саржанов В. Н.* Отказ в возбуждении уголовного дела (по материалам подразделений дознания таможенных органов) : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004.
3. *Гордеев А. Ю.* Отказ в возбуждении уголовного дела : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

4. *Калашиников В. С.* Правовые последствия отказа в возбуждении уголовного дела : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010.
5. *Горовая И. А.* Теория и практика прекращения уголовного преследования : дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 2012.
6. *Васильев Ф. Ю.* Институт отказа в возбуждении уголовного дела : дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2016.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

ПРЕСТУПНОСТЬ. ОБЩЕСТВО. БЕЗОПАСНОСТЬ

Сборник статей

Часть 2

Верстка С. А. Анисимов
Издается в авторской редакции

Подписано в печать 28.10.2025. Формат 60×84 $\frac{1}{16}$.
Усл. печ. л. 14,06. Уч.-изд. л. 19,36. Тираж 133 экз. Заказ № 47у.

Академия управления МВД России.
125171, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, д. 8

ISBN 978-5-908091-04-6

